This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 392.10

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXIII. № 10—ОКТЯБРЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть II—неоффиціальная.

I. Расы древняго міра и ихъ историческая характеристика. Вступительная лекція.—Приватъ-доцента **А. Грена** . . . . . 1—13

II. Галлюцинаціи и практическое ихъ значеніе въ душевной жизни человѣка. Вступительная лекція. — Приватъ-доцента **П. Нечая** . . . . . 1—23

III. Общая характеристика юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами.—Профессора **Т. Флоринскаго**. 45—108

IV. Къ вопросу о мочевинообразовательной функціи печени. Изъ института общей патологіи проф. В. В. Подвысоцкаго. (Экспериментальное изслѣдованіе). **В. Фонъ-Мейстера** . . . . . 53—87

Критика и библіографія.

V. Гипнотизмъ по ученію Шарко и Психологической школы. (1881—93). Проф. **А. Гилярова** . . 365—451

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи У-та Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя проф. **П. Броуновымъ** . . . 1—16
, +1—16

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . I—VIII

III. Тема, предлагаемая Юридическимъ факультетомъ Императорскаго Варшавскаго Университета на соисканіе премія А. Хойнацкаго въ 1893—95 гг.

КІЕВЪ.
1893.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

№ 10—ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго. Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.
1893.

PSlav 392.10

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра

Ректоръ Θ. *Фортинскій.*

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неоффиціальная.

I. Расы древняго міра и ихъ историческая характеристика. Вступительная лекція. — Приватъ-доцента **А. Грена** . . . . . 1—13

II. Галлюцинаціи и практическое ихъ значеніе въ душевной жизни человѣка. Вступительная лекція. — Приватъ-доцента **П. Нечая** . . . . . 1—23

III. Общая характеристика юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ съ ихъ нарѣчіями и говорами.—Профессора **Т. Флоринскаго** . . . . . 45—108

IV. Къ вопросу о мочевино-образовательной функціи печени. Изъ института общей патологіи проф. В. В. Подвысоцкаго. (Экспериментальное изслѣдованіе). **В. Фонъ-Мейстера** . . . . . 53—87

Критика и библіографія.

V. Гипнотизмъ по ученію Шарко и Психологической школы. (1881—93).—Проф. **А. Гилярова**. . . . . 365—451

Прибавленія.

I. Наблюденія Метеорологической обсерваторіи У-та Св. Владиміра въ Кіевѣ, издаваемыя проф. **П. Броуновымъ** 1—16
+1—16

II. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . I—VIII

III. Тема, предлагаемая Юридическимъ фа-томъ Императорскаго Варшавскаго Университета на соисканіе преміи А. Хойнацкаго въ 1893—95 гг.

Расы древняго міра и ихъ историческая характеристика.

(Вступительная лекція по предмету Исторіи Востока приватъ-доцента А. Н. Грена, читанная 6 сентября 1893 г.).

Въ концѣ прошлаго столѣтія по знойной почвѣ Египта подвигалось измученное жарою и долгимъ походомъ войско. Еле держали ружья солдаты, еле тащили тяжелыя орудія измученные кони и въ глазахъ офицеровъ не разъ свѣтилось отчаяніе и полное недовольство судьбою. Только у командира этого войска была видна полная рѣшимость, непреклонная воля. И вдругъ точно электрическая искра пробѣжала по усталымъ рядамъ, у всѣхъ сіяли глаза неподдѣльнымъ восторгомъ, единодушный крикъ удивленія вырвался изъ груди всѣхъ и, забывъ усталость, солдаты апплодировали, точно находились въ театральной залѣ. Предъ ними высились величественныя колонны Карнакскаго храма въ Египтѣ, покрытыя гіероглифами, съ которыхъ смотрѣли на войско цѣлыя тысячелѣтія. И войско это была французская армія Наполеона Бонапарте. Это былъ великій моментъ, такъ какъ нѣсколько человѣкъ изъ этой арміи посвятили себя тутъ-же на вѣки раскрытію тайнъ магическихъ колоннъ и начали собою цѣлую эру въ изученіи исторіи Древняго Востока.

Исторію народовъ, создавшихъ эти магическія постройки, исторію народовъ, создавшихъ вѣчную славу незыблемости и величію человѣческаго генія, мы будемъ проходить съ Вами, Господа, въ этой аудиторіи и я почелъ-бы величайшимъ счастьемъ, если-бы эти историческіе документы и у Васъ вызвали тоже къ нимъ уваженіе и во-

сторгъ, какое сто лѣтъ тому назадъ они вызвали у измученной арміи Франціи. Вы, Господа, еще въ гимназіи проходили краткое изложеніе восточной исторіи, читали, вѣроятно, кое какія книги о ней и въ умѣ Вашемъ, быть можетъ, составилось убѣжденіе, что эта исторія есть чудовищная картина деспотизма, разврата, умственнаго застоя. Такую печать наложили на исторію Востока классическіе народы, не желавшіе даже признавать въ народахъ, его населявшихъ, человѣческое достоинство и называвшихъ ихъ презрительнымъ именемъ варваровъ. Такое-же клеймо наложило на Востокъ и мусульманство, сообщившее ему въ концѣ своего существованія мрачный характеръ застоя. Здѣсь я намѣренъ Вамъ дать полную культурную картину этого кажущагося застоя и показать Вамъ Востокъ и его исторію такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, показать, что и въ этомъ застоѣ есть не мало отрадныхъ явленій и существуютъ не только зачатки всего того, что развилось послѣ, но и своеобразное ихъ развитіе. Та пора, когда считали Востокъ лишь конгломератомъ первобытныхъ цивилизацій, миновала безвозвратно. При этомъ мнѣ невольно припоминается сочиненіе одного ученаго, вышедшее въ прошломъ году, Ѳеофила Колье, который въ пространной диссертаціи открыто заявляетъ, что Азія вѣчно оставалась неподвижной и что даже Троя, вѣроятно, была въ Англіи (см. Revue des religions. № 1, 1892). Господа, вмѣсто всякаго отвѣта посмотрите на развалины въ Азіи хотябы съ высоты Гималаевъ. Вы видите въ Индіи храмы Елефантины, на берегахъ Персидскаго залива роскошныя колоннады дворца Дарія Гистаспа, на берегахъ Тигра и Евфрата остатки обсерваторіи въ видѣ развалинъ башни и далѣе уже въ Африкѣ на берегахъ Нила величественныя пирамиды Египта и тѣ колонны Карнака, которыя такъ магически подѣйствовали на изнуренную французскую армію. Скажите, это-ли не остатки цивилизаціи? Господа, на Востокѣ появились зачатки греческаго антропоморфизма боговъ, такъ какъ подобныя представленія встрѣчаются въ древнѣйшихъ надписяхъ Месопотаміи и кто знаетъ, быть можетъ, настанетъ день, когда будетъ открыта новая великая цивилизація, предшествующая всякому представленію по своей давности. На Востокѣ Вы найдете зачатки всѣхъ архитектурныхъ стилей древней Греціи, Вы найдете на остаткахъ зданій, на скалахъ, на папирусахъ своеобразную литературу. Все здѣсь когда-то жило общею жизнью съ нами и Вы найдете всѣ типы

республикъ на Кавказѣ [1]) и въ Финикіи, найдете и абсолютизмъ, и деспотію, касты и вольные города и не только въ зачаткѣ, но и въ своеобразномъ развитіи. Греція и Римъ подарили Европѣ свою цивилизацію, но идеи Платона и Аристотеля не создали для нея всемірной религіи. Скажите, сколько-же нужно было, скажу, истинно божественной силы, чтобы этому дряхлому, мертвому Востоку создать христіанизмъ, этотъ вѣнецъ вѣроученія, и водворить его деспотически въ цѣлой Европѣ, въ цѣломъ мірѣ, деспотически, какъ будто Востокъ былъ деспотическимъ монархомъ вселенной. Итакъ да будетъ нашимъ девизомъ ex oriente lux и, отринувъ всякіе предразсудки, взглянемъ на Востокъ такъ, какъ онъ есть, безъ прикрасъ и злобы и постараемся понять исторію его культуры, его цивилизаціи и ея вліяніе на общечеловѣческую.

Но прежде чѣмъ говорить объ исторіи какой-либо страны и тѣхъ расъ, которыя населяли ее во все время ея историческаго существованія, необходимо, Господа, выяснить Вамъ характеръ послѣднихъ, ихъ историческую роль и ихъ значеніе, въ чемъ и будетъ состоять моя первая вступительная лекція. Такое введеніе я считаю необходимымъ для сознательнаго пониманія Вами исторіи Востока, чтобы разъ на всегда выяснить себѣ ту дѣятельность, которую могла выказывать та или другая раса, то или другое племя въ извѣстномъ географическомъ событіи или культурномъ движеніи. Конечно первый вопросъ со стороны Вашей будетъ, на какія-же расы и какъ дѣлить намъ восточные народы. Въ настоящее время, Господа, существуетъ два дѣленія: антропологическое и лингвистическое. Первымъ, раздѣлившимъ человѣчество на расы сообразно ихъ естественно-историческимъ особенностямъ, былъ Бернье, который въ 1722 году раздѣлилъ всѣхъ людей на четыре группы: бѣлую въ Европѣ, желтую въ Азіи, черную въ Африкѣ и лапландскую на сѣверѣ. Послѣ него Линней раздѣлилъ всѣхъ людей на три вида: homo sapiens, ferus и monstruosus, при чемъ первый опять дѣлился на четыре группы: европейскую,

---

[1]) На Кавказѣ въ 11 вѣкѣ до Р. Х. существовало двѣ огромныхъ федеративныхъ республики—Москхо-Табальская и Найрійская. Первая занимала западъ Закавказья и доходила до Коммагене и Милитене, вторая—востокъ и простиралась до странъ Хатти и Бетъ-Адини. См. надпись Тиглатъ-Пилезера I у Ролинсона—въ его „The cuneiform inscriptions of Western Asia". T. I, 12—13.

азіятскую, африканскую и американскую. Настоящее дѣленіе на пять географическихъ расъ принадлежитъ Геттингенскому профессору Блюменбаху. Онъ впервые употребилъ названіе Кавказской расы, происходящее оттого, что Кавказъ находится по сосѣдству съ Араратомъ, гдѣ остановился ковчегъ Ноя. Но такъ какъ не всѣ расы пережили всемірный потопъ, такъ какъ у Негровъ и Австралійцевъ не сохранилось о немъ никакого преданія, то понадобилось многое множество классификацій. Много появилось и теорій подраздѣленій человѣчества. Изъ нихъ особенно выдаются три: теоріи Сентъ-Илера, Гексли и Катрфажа. Изъ нихъ Сентъ-Илеръ въ свою очередь допускаетъ двѣ теоріи: въ одной онъ находитъ 11 расъ по волосамъ, по приплюснутой или выдающейся формѣ носа, по цвѣту кожи, формѣ глазъ и по объему нижнихъ конечностей. Во второй онъ принимаетъ у Кавказской расы—лицо овальное, челюсти вертикальныя, у Монгольской—лицо широкое, скулы выдающіяся, у Эфіопской—челюсти выдающіяся и у Готтентотской—скулы раздвинутыя и челюсти тоже выдающіяся. Классификація Гексли представляетъ два первоначальныхъ дѣленія: ulotrichi съ курчавыми волосами и leiostrichi съ гладкими, въ послѣднемъ четыре группы: австралоидная, у которой кожа, глаза и волоса черные, волоса длинные и прямые, а черепъ прогнатическій или выдающійся впередъ, монголоидная съ желтоватою кожею, черными глазами, прямыми и длинными волосами и среднеголовымъ черепомъ, красноцвѣтная съ бѣлою кожею, голубыми глазами, густыми волосами и среднеголовымъ черепомъ и черноцвѣтная съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, черными глазами и черными и длинными волосами. Много сторонниковъ имѣетъ также и классификація Катрфажа. Знаменитый профессоръ антропологіи Парижскаго Музея разсматриваетъ сумму всѣхъ чистыхъ человѣческихъ расъ за одинъ корень, дающій три ствола: желтый, бѣлый и черный. Стволы эти дѣлятся на вѣтви, а послѣднія на болѣе мелкія развѣтвленія, за которыми слѣдуютъ семейства, раздѣляющіяся на группы. Это дѣленіе, какъ мы увидимъ, имѣетъ общую мысль съ этнографическимъ дѣленіемъ Моисея. Но всѣ они, о которыхъ я счелъ своимъ долгомъ упомянуть Вамъ, Господа, для нашей цѣли не годятся, такъ какъ, кромѣ того, что исторія многихъ изъ расъ не входитъ въ нашу программу, внѣшніе признаки по большей части всегда несходны съ внутренними. Болѣе было-бы пригодно лингвистическое дѣленіе, раздѣляющее человѣчество на на-

роды, говорящіе языками моносиллабическими, агглютинативными, полисинтетическими (американскими), гиперборейскими и флективными. Первые изъ нихъ такіе, гдѣ всѣ слова представляютъ изъ себя односложные корни и гдѣ этимологическія измѣненія производятся лишь соединеніемъ корней, такъ что на дѣлѣ вся грамматика состоитъ лишь изъ одного синтаксиса. Такъ по китайски fu, отецъ, а mu— мать; fumu-же значитъ „родители“. Въ языкахъ агглютинативныхъ слова уже не состоятъ изъ одного корня, а изъ нѣсколькихъ и всѣ измѣненія производятся посредствомъ прибавленія неизмѣняемыхъ мелкихъ частицъ Такъ по турецки—sev-mek, любить, sev-er, любящій, sev-er-im, я люблю, sev-er-lar, они любятъ, sev-er-di-lar, они любили. Въ полисинтетическихъ языкахъ цѣлыя фразы выражаются однимъ словомъ. Такъ альгонкинское nadholineen означаетъ „приведите намъ челнокъ“ и состоитъ изъ глагола naden, вести, amochol, челнокъ, і евфоническаго и neen—намъ. Гиперборейскіе—это языки Юкагировъ, Коряковъ, Чукчей, Камчадаловъ и Эскимосовъ, о которыхъ извѣстно еще очень мало. Но такъ какъ флективные языки и безъ того часто дѣлятъ по старой классификаціи на іафетическіе, семитскіе и хамитскіе и такъ какъ о многихъ народахъ древности не извѣстно, на какомъ языкѣ они говорили или извѣстно сравнительно немного, то намъ приходится оставить современныя дѣленія и перейти къ болѣе древнимъ. Но и здѣсь дѣленіе персидской и арабской средневѣковой географіи слишкомъ неточно и поверхностно, а дѣленія древнѣйшихъ народовъ, Египтянъ и Ассиріянъ наполовину не могутъ быть пріурочены къ извѣстнымъ намъ мѣстностямъ. Къ счастью, до насъ дошло одно геніальное подраздѣленіе, принадлежащее X главѣ книги бытія Моисея [1]). Это таблица очень древняго и притомъ исключительно месопотамскаго происхожденія, такъ какъ она очень опредѣленно говоритъ о кавказскихъ народахъ, о которыхъ Египтяне не имѣли никакого понятія, и такъ какъ центръ ея—Месопотамія. Тѣмъ не менѣе авторъ классификаціи отлично знаетъ Египетъ и дѣлитъ

---

[1]) Сводъ всѣхъ теорій о X главѣ книги Моисея сдѣланъ Франсуа Ленорманомъ въ его „les origines de l'histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux“ T. II, I и II parties. Тѣмъ не менѣе комментаріи на эту главу продолжаются и до сихъ поръ. Профессоръ Тиле въ своей „histoire comparée des anciennes religions“ напротивъ отрицаетъ строго географическое значеніе таблицы, стр. 13—17.

его на основаніи современной ему египетской географіи. Въ таблицѣ Моисея подъ именемъ сыновей Сима, Хама и Іафета обозначаются различные народы, страны и даже города, но притомъ въ удивительно строгомъ географическомъ и историческомъ порядкѣ. Странная-же ея форма произошла оттого, что всѣ древніе народы любили называть племена именами ихъ эпонимовъ Изъ этихъ названій тѣ, которыя сгруппированы около имени Хама, по еврейски выжженный [1]), обозначаютъ южную, побережную расу, отличавшуюся торговымъ и промышленнымъ характеромъ. Это населеніе Египта, Финикіи, аборигены Палестины, обитатели Киликіи и долины Оронта, Халдеи, обитатели побережья Бабъ-ель-Мандебскаго пролива, Южной Аравіи, береговъ и острововъ Персидскаго залива. Тѣ названія, которыя сгруппированы около имени Сима, обозначаютъ собственно среднюю расу, говорившую однимъ языкомъ, дѣлившимся на множество нарѣчій. Состояла она изъ обитателей Сузіаны, страны за Тигромъ у Персидскаго залива, Ассиріи, пустыни между Месопотаміей и Южной Аравіей, Лидіи, предгорій Адербейджана. Сюда-же входили Евреи. Подъ именемъ Іафета [2]) слѣдуетъ понимать народы сѣвера и почти исключительно кавказскіе народы или народы Предкавказья. Это Мидяне, Тибарены, Мосхи, Армяне, Грузины и горцы Кавказа. Сюда-же относятся Греки и другіе арійскіе народы, такъ какъ въ эпоху географіи Моисея, какъ и въ эпоху всей Месопотамской географіи, ни одинъ Арій, какъ Вы это увидите, не заходилъ далѣе горы Демавенда у береговъ Каспійскаго моря къ востоку [3]). Все это потомство Ноя или Сиѳа, но

---

[1]) Ср. египетское названіе Египта „Kem“, Brugsch. Hieroglyphisch demotisches Woerterbuch. c. 1451.

[2]) Имя Іафета Ленорманъ производитъ отъ арійскихъ корней. Однако съ одинаковою-же правильностью можно произвести его и отъ египет. petti, номадъ, вооруженный лукомъ.

[3]) Ассирійская клинообразная литература считаетъ страну Парсуа (Персію) въ числѣ коалиціи Найри и указываетъ ее на всемъ пространствѣ отъ Аракса до нынѣшняго Луристана (см. карты Киперта къ „Keilinschriftliche Bibliotek“ Шрадера) Такимъ образомъ Персія, оказывается, въ эту эпоху была не къ востоку отъ Мидіи, а къ западу. Это географическое положеніе страна сохраняла до самой эпохи Кира, царя города Аншана (по асс. mahazu an-ša-an), который, захвативъ Парсуа и Мадаи, двинулся на Вавилонъ опять таки съ сѣвера по Арбельской дорогѣ. Этотъ-же Киръ завоевалъ Еламъ и Персиду и затѣмъ двинулся даже на востокъ. Собственно говоря, движеніе Кира, впрочемъ, было вторымъ арійскимъ движеніемъ. Первое начали Gimirri т. е. западные Аріи,

есть еще и четвертая группа, потомство Каина, которое по смыслу Библіи не подвергается катаклизму потопа [1]). Въ немъ три группы: Юбалъ, Ябалъ и Тубалъ. Это—населеніе центра материка Азіи, занимавшееся земледѣліемъ, скотоводствомъ и металлургіею. Вы увидите, Господа, при прохожденіи курса исторіи, какъ эти четыре группы соотвѣтствуютъ ходу историческаго развитія Азіи и Африки, увидите, насколько геніально просто и исторически вѣрно знаменитое дѣленіе. Четыре его расы: Іафетическая, Семитская, Хамитская и Лемехитская, такъ какъ современника Ноя, отца трехъ послѣднихъ эпонимовъ звали Лемехомъ, почти всегда соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ исторіи и этими группами мы займемся исключительно.

Много говорилось въ наукѣ о важномъ значеніи семитической расы въ исторіи цивилизаціи древняго міра. До послѣдняго и въ послѣднее время считалось, что эта великая раса обновила весь міръ, что она, такъ сказать, создала половину великаго на нашей планетѣ. Цѣлые ряды великихъ Семитовъ, дѣйствительно великихъ, но болѣе въ новое время, служили рельефнымъ оправданіемъ громкой теоріи. И среди этихъ единогласныхъ панегириковъ вдругъ открылось, что Тигро-Евфратская цивилизація, основа почти всего, несемитскаго происхожденія, что законодательство и дисциплинарныя предписанія Талмуда очень похожи на таковыя-же въ Авестѣ и хузварешской или средне-вѣковой персидской литературѣ и т. д. Защитники семитическаго величія или умалчивали объ этихъ фактахъ, или ихъ прямо не понимали и лишь одинъ Галеви, во избѣжаніе скандальнаго аффронта, создалъ чудовищную гипотезу о семитскомъ происхожденіи ассирійской клинописи. Взглянемъ-же, Господа, на то, что создали

которые уничтожили Мускаи, Табалъ, Урарту и Ассирію, завоевали Лидію въ эпоху царя Гугу и обрушились на Мидію. Затѣмъ движеніе до эпохи Кира прекратилось и было продолжено послѣднимъ по направленію къ Индустану. См. хроники Набонида и Кира въ III томѣ, II части „Keilinschriftliche Bibliothek“ Шрадера.

[1]) Въ IV главѣ книги Бытія указано три сына у Lamech Jabal, Jubal и Tubal, отъ которыхъ происходятъ пастухи, музыканты и кузнецы. Такъ какъ таковыхъ въ потомствѣ Ноя не оказывается, становится яснымъ, что всѣ три патріарха или ихъ потомство пережили потопъ. Нѣкоторые комментаторы впрочемъ полагаютъ, что въ VI главѣ подъ именемъ בני האלהים слѣдуетъ понимать потомство Сиѳа, а подъ именемъ בנות האדם дочерей Каина. Это совершенно невѣрно, такъ какъ подъ именемъ בן האלהים всегда разумѣется ангелъ во всемъ Священномъ Писаніи.

Семиты, каковъ ихъ историческій характеръ и какова дѣйствительно роль знаменитой расы въ исторіи цивилизаціи древняго міра. Обыкновенно полагаютъ, что Семиты—народъ исключительно религіозный, но между тѣмъ тѣ Арабы, которые двинулись на покореніе міра, были самые отъявленные атеисты. Милый другъ, поетъ арабскій поэтъ, я буду пьянствовать съ мальчиками, ты-же постись и говѣй. Когда мы оба помремъ и оба станемъ ничѣмъ, посмотримъ, кто изъ насъ двухъ умнѣе. Между Арабами были нерѣдко случаи, когда идола за неудачу сѣкли или прямо съѣдали, когда онъ былъ сдѣланъ изъ тѣста. Мухаммедъ, правда, объединилъ Арабовъ подъ одною вѣрою, но большинство мусульманъ на вопросъ, въ чемъ состоитъ ихъ вѣроученіе, могли только наивно отвѣтить: нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мухаммедъ его пророкъ. За этотъ возгласъ и нынѣ на Востокѣ считаютъ за мусульманина перваго встрѣчнаго. Какъ видно изъ арабскихъ хроникъ, толпы Семитовъ двигались не по религіозному воодушевленію, а только ради легкой наживы и болѣе радовались подушной подати, чѣмъ совращенію въ мусульманство. Самый Коранъ совершенно нельзя считать чисто-семитскою книгою, такъ какъ за исключеніемъ горячечнаго бреда, который одинаково общъ всѣмъ народамъ и которымъ набиты его страницы, остальное все заимствовано отъ другихъ народовъ. Двигателями извѣстной арабской науки не были совершенно Семиты. Это были Персіяне, Берберы, даже Турки, Сирійцы, которые въ эту эпоху представляли сильную помѣсь Грековъ со всякимъ туземнымъ сбродомъ. Чистокровнаго Араба-писателя арабская наука не знаетъ. Если мы обратимся къ Талмуду, то и въ немъ мы замѣтимъ сравнительно немного семитическаго. Вавилонскій Талмудъ былъ созданъ въ Месопотаміи въ эпоху Сассанидовъ и на каждой его страницѣ видно, какое вліяніе оказала на его идеи иранская литература. Въ древнѣйшей части еврейскаго кодекса, Мишнѣ, и въ Іерусалимскомъ Талмудѣ въ свою очередь вездѣ видно вліяніе Египта и классической литературы. Древне-еврейская цивилизація тоже имѣетъ мало самостоятельнаго. Помимо сильнѣйшаго хамитскаго и даже туранскаго вліянія, которое уже само по себѣ ясно, если вспомнить, сколько лѣтъ еврейская національность провела въ Египтѣ и Месопотаміи, оказывается, что на нея имѣло большое вліяніе туземно-палестинская культура [1]). Недавно въ Египтѣ въ Тель-ель-Амарнѣ

[1]) См. Piepenbring. La religion des Hebreux à l'époque des Juges. Revue de l'histoire des religions. 1893, № 1.

была открыта цѣлая библіотека, рисующая событія въ Палестинѣ до прихода туда Іисуса Навина. Эта коллекція наглядно показала, до какой высокой степени цивилизаціи дошли аборигены Палестины [1]). Нельзя и подумать, чтобы эта цивилизація не послужила достойнымъ вкладомъ въ сокровищницу еврейской беззастѣнчивости. Вся ассировавилонская цивилизація тоже несемитскаго происхожденія, какъ это уже давно доказано. Не указываетъ-ли все это, что семитическая раса не создала ничего великаго, но лишь съумѣла воспользоваться готовымъ и пожинать чужіе труды, распространяя ихъ своею находчивостью и безстыдствомъ. А какова эта раса покажутъ многіе примѣры. Ассирійцы, самые типичные представители Семитовъ, былъ жестокій, кровожадный народъ, все свое существованіе громившій сосѣдей опустошеніями. Стоитъ лишь взглянуть на ассирійскіе надписи, чтобы узнать кровожадную, свирѣпую и безчеловѣчную семитическую расу. Сажаніе на колъ, сдираніе кожи живьемъ, поголовное истребленіе враговъ, какое-то ехидное злорадство надъ приниженнымъ непріятелемъ видны въ нихъ на каждой страницѣ. Вы не узнаете даже людей въ этихъ чудовищныхъ текстахъ, Вы видите лишь одну человѣческую бойню. На развалинахъ, восклицаетъ одинъ ассирійскій монархъ, веселится образъ мой, въ насыщеніи моего гнѣва нахожу удовлетвореніе. Когда въ эпоху Аршакидовъ въ Персіи нѣсколько Евреевъ были поставлены во главѣ управленія, то своими поборами они довели до такого отчаянія населеніе, что оно прибѣгло къ Варфоломеевской ночи, чтобы избавиться отъ іудейскихъ звѣрей. Правда въ Средніе Вѣка роли перемѣнились и то, что дѣлали Семиты съ Хамитами и другими народами, стали производить Аріи надъ Семитами, но не было-ли это исторической Немезидою за тысячелѣтнее звѣрство и безчеловѣчіе? Итакъ, Господа, Вы видите изъ моихъ словъ, въ чемъ состоитъ характеристика семитической расы въ древней исторіи. Пожинающая чужія изобрѣтенія, правда скоро все воспринимающая и передающая, она отличается крайнею нетерпимостью. Эта нетерпимость не всегда является результатомъ религіознаго фанатизма,

---

[1]) См. Halévy. La correspondance d'Aménophis III, et d'Aménophis IV. Journal Asiatique. 1890, 91 и 92. Въ этомъ сочиненіи можно найти полный переводъ Тель-ель-амарнскихъ надписей. Объ имени Іудеевъ, которое встрѣчается въ нихъ, см. замѣтку на стр. 156, 157. 1 кн. 1893 г. „Revue des études juives".

какъ это показалъ примѣръ Арабовъ, но просто крайней страстности и презрѣнія къ прочимъ національностямъ. Гордая, непримиримая, злостная эта историческая раса живетъ жизнью паразита среди культурныхъ расъ, подчиняя ихъ своею беззастѣнчивостью.

Вторая раса — Іафетиды, горное, храброе, способное, свѣжее племя, но, по своему географическому положенію, находящееся еще въ первобытномъ состояніи. Культурные расы древняго Востока падаютъ подъ всесокрушающимъ давленіемъ Іафетидовъ, но это племя не гнѣтетъ ихъ такъ, какъ ихъ гнѣтетъ семитическая раса. Подчиняя ихъ, оно даетъ имъ свободу воли и, пожиная изобрѣтенное, не пользуется имъ, какъ плагіатомъ, но даетъ всему своеобразное развитіе. Она первая даетъ мощный толчокъ философскому развитію мысли и первая даетъ зачатки положительной философіи въ философскихъ системахъ Индіи. Разсудочная, холодная, сдержанная она храбро сопротивляется семитическому вліянію и въ свою очередь подвергается плагіату со стороны сыновей Сима.

Лемехиты—преимущественно земледѣльческая и скотоводная раса, которая пока живетъ по всѣмъ незанятымъ равнинамъ Азіи. Ихъ нельзя въ строгомъ смыслѣ этого слова назвать и номадами. Та часть изъ нихъ, которая придвинута наплывомъ новыхъ народовъ къ горамъ и уже не въ состояніи добывать пропитаніе изъ земли ни для себя, ни для своихъ стадъ, обращается къ металлургіи. Зная каждую гору до мельчайшей тропинки, она находитъ металлы, обрабатываетъ ихъ и живетъ продажею оружія другимъ расамъ, спокойно взирая на ихъ взаимное истребленіе. Хотя вся раса и принадлежитъ къ разряду расъ низменныхъ, она даетъ древнему міру свою демонологію и свою музыку. Пользуясь суевѣріемъ массъ, она навязываетъ свою магію и своихъ колдуновъ Семитамъ и Аріямъ. Съ другой стороны напѣвы заклинаній, а затѣмъ мотивы, которые играли на первобытныхъ свирѣляхъ лемехитскіе пастухи, становятся зародышемъ пѣсни и музыкальнаго искусства. Впрочемъ наружный характеръ расы еще не вполнѣ извѣстенъ; въ общемъ онъ, можетъ быть, былъ сходенъ съ характеромъ русскихъ финновъ. Подобною отчужденностью и суровостью лишь можно объяснить ту обособленность и живучесть, какія выказала эта раса при столькихъ пертурбаціяхъ. Я теперь перехожу, Господа, къ величайшей расѣ древняго міра—къ Хамитамъ.

Рельефными представителями четвертой исторической расы являются Египтяне и Месопотамскіе Халдеи. Послѣднихъ обыкновенно считаютъ Туранцами, но въ теченіе моихъ лекцій я докажу Вамъ, Господа, ихъ исключительно хамитское происхожденіе [1]). Этой расой созданы великолѣпныя пирамиды, первоначальное значеніе которыхъ было служить капищемъ Богу Неба и Солнца, а потомъ лишь могилою его сыну, Фараону, и вавилонскія зикуры или астрономическія башни. Эта-же раса создала астрономію, гидравлическое и инженерное искусство, математику и основы медицины. Ей принадлежатъ зачатки перваго письма и первыхъ литературныхъ произведеній; она-же создала культъ для всѣхъ древнихъ народовъ. Та часть Финикіянъ, которая первая начала свою наступательную колоніальную политику, была тоже Хамитами; Хамитами были и тѣ Геѳеяне (Хатти), которые столько боролись съ Египтомъ, а потомъ Ассиріей и почти всегда успѣвали удержать свое національное единство. Сознаніе полнаго превосходства этой великой расы надъ собою возбудило отвращеніе Семитовъ и они запечатлѣли позоромъ имя Хама, эпонима величайшей культурной расы Древняго Міра. Гуманные, отзывчивые на всякое культурное движеніе, Хамиты создаютъ науку и цивилизацію, они цѣною крови отдаютъ свои произведенія Семитамъ и тѣ ихъ проводятъ въ жизнь прочихъ народовъ. Въ настоящее время семитическая раса поглотила совершенно хамитскую и тысячелѣтнимъ гнетомъ довела ее до полнаго ничтожества. Жалкіе остатки африканскихъ Берберовъ, не менѣе разбросанные остатки Хамитовъ на Кавказѣ [2]) и въ Малой Азіи и наконецъ Копты въ Египтѣ—единствен-

---

[1]) Туранское происхожденіе Халдеевъ обыкновенно основываютъ на аккадійскихъ и сумерійскихъ текстахъ, найденныхъ во множествѣ въ библіотекѣ Ассурбанипала. Между тѣмъ изъ этого факта лишь можно вывести, что туранскій языкъ служилъ какъ-бы языкомъ магіи и волхвованія. Настоящихъ памятниковъ языка Халдеевъ, т. е. жителей Бетъ-Іакина и вообще побережья—не было найдено, а нашли лишь туранскія заклинанія и реляціи уже семитическихъ монарховъ Халдеи. Единственнымъ остаткомъ первыхъ являются лишь многіе идеограммы, остающіеся таковыми и по сумеро-аккадійски, и по вавилонски. Съ другой стороны научное движеніе, ходъ исторической жизни, способы построекъ и гидравлики у Халдеевъ и Египтянъ тождественны. Конечно, въ маленькой статьѣ вещь невозможная привести полное доказательство мнѣнію.

[2]) Какъ извѣстно, Геродотъ постоянно указываетъ на сходство Колховъ съ Египтянами. До послѣдняго времени никто и не пробовалъ основательно заняться этимъ сходствомъ. Нѣкоторые, впрочемъ, останавливались на мингрельской національности, населяю-

ные остатки великой расы. Забытые, истерзанные, они являются уже скелетомъ умершаго величія, но культурные остатки ихъ цивилизаціи еще живутъ и понынѣ. Системы мѣръ у древнихъ народовъ, да и сравнительно недавняго времени служатъ до сихъ поръ ихъ живымъ остаткомъ, основы нашей астрономіи, квадратныя и кубическія корни, таблица умноженія, а затѣмъ и стили нашихъ архитектурныхъ сооруженій принадлежатъ Хамитамъ. Ихъ міровая роль была создать цивилизацію, распространить ее—міровая роль Семитовъ.

Вы можетъ быть, Господа, не разъ услышите мнѣніе, что хамитскіе языки имѣютъ общее происхожденіе съ семитскими и что они въ сущности одно и тоже, а слѣдовательно и Семиты тождественны съ Хамитами. Это мнѣніе защищалъ Масперо да и многіе другіе, но теперь оно понемногу оставляется“ [1])? Сколько-бы не говорили, всѣмъ теперь ясно, что великія историческія расы имѣли одну общую колыбель. Гдѣ-бы она не находилась, на Западѣ или на Востокѣ, уже однимъ этимъ можно объяснить многое кажущееся тождественнымъ. Такъ синтаксисъ Аріевъ и семитовъ въ его главныхъ частяхъ настолько общъ, что можно напр. переводить Библію на любой арійскій языкъ, не измѣняя его конструкціи, знаменитый трехбуквенный семи-

---

щей въ настоящее время Колхиду, и, не находя въ ея языкѣ никакого подтвержденія словъ отца исторіи, прямо относили разсказъ Геродота къ области басенъ. Между прочимъ Колхида была занята мингрельскою національностью только лишь около эпохи Сассанидовъ, а по всѣмъ этнографическимъ даннымъ аборигенами Колхиды были современные Абхазцы. Здѣсь, конечно, не мѣсто подробно изслѣдовать вопросъ о сходствѣ Египетскаго языка съ Абхазскимъ, но я не могу не удержаться, чтобы не указать на существованіе въ Абхазскомъ той-же системы временъ, status constructus, женскаго рода II лица и pronomina suffixa, которые попадаются, какъ въ хамитскихъ, такъ и въ семитскихъ языкахъ, при чемъ, при точномъ изслѣдованіи, агглютинативная система Абхазскаго ближе стоитъ къ Египетскому, чѣмъ къ семитическимъ. Если вспомнить при этомъ, что обоготвореніе животныхъ донынѣ практикуется въ Абхазіи, что въ основахъ абхазской фольклоре донынѣ видны сабейскіе остатки и что у Черкесовъ, народа общаго по языку съ абхазцами, донынѣ еще почитается Созири, богъ хлѣбопашества и Ахинъ, геній стадъ (егип. αχ, быкъ), то мое предположеніе не будетъ пустою гипотезою.

[1]) Особенно сильная разница замѣчается въ лексикографіи. Спрашиваю, какое можно найти сходство между сем. ab, отецъ и егип. atef., сем. um, мать и егип. met (ближе къ арійскимъ), el сем.—богъ и егип. nuter, сем. šemeš, солнце и егип. ra, сем. enoš, человѣкъ и егип. ret, сем. ešet женщина и егип. hemet, eš сем. пламя и егип. χet, сем. ain, глазъ и егип. mer, сем. dud, любить и егип. mer сем. meleh, šarru, царь и егип. suten и т. д.?

тическій корень оказывается лишь позднѣйшимъ развитіемъ языка, pronomina suffixa тюркскихъ и семитскихъ языковъ имѣютъ много сходства между собою и т. д. Громадная роль аглютинаціи въ хамитскихъ языкахъ, ихъ незатѣйливая система въ сравненіи съ семитской, множество корней, болѣе подходящихъ къ арійскимъ—все это значительныя разновидности и если сюда прибавить ту разницу, которая замѣчается въ исторической роли Семитовъ и Хамитовъ, то врядъ-ли мы ошибемся, если почтемъ обѣ расы совершенно отдѣльными явленіями.

Заканчивая этими словами мою первую вступительную лекцію, считаю не лишнимъ напомнить Вамъ, Господа, объ ея матерьялѣ. Я говорилъ Вамъ о дѣленіи расъ по признакамъ антропологическимъ, лингвистическимъ и на основаніи X главы книги Бытія Моисея. Я Вамъ говорилъ сегодня, Господа, о четырехъ великихъ расахъ Древняго Міра: семитской, іафетидской, лемехитской и хамитской. На слѣдующій разъ я перейду къ обозрѣнію главныхъ источниковъ по Исторіи Востока, сначала туземныхъ, а потомъ европейскихъ.

Галлюцинаціи и практическое ихъ значеніе въ душевной жизни человѣка.

(Вступительная лекція, читанная 23 февраля 1893 г. приватъ-доцентомъ П. Нечаемъ).

Галлюцинаціи, или ошибки, происходящія въ сферѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, составляютъ тотъ важнѣйшій симптомъ психическаго разстройства, который нерѣдко прежде всего бросается въ глаза наблюдателю; обманы чувствъ, и особенно образующіяся изъ нихъ „ложныя идеи", служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ пораженія душевной дѣятельности человѣка. Несмотря на значительное число изслѣдованій о галлюцинаціяхъ, этотъ научный вопросъ, привлекая до сихъ поръ къ себѣ вниманіе ученыхъ, продолжаетъ обогащаться все новыми открытіями; дѣйствительно, этотъ предметъ представляетъ большой интересъ, какъ съ клинической точки зрѣнія, такъ и со стороны патологической физіологіи и судебной медицины—и что особенно важно—составляетъ одну изъ поучительныхъ главъ въ исторіи медицины.

Безспорная истина, что развитіе нашей душевной жизни всецѣло зависитъ отъ дѣятельности органовъ чувствъ, ибо каждое отправленіе послѣднихъ вноситъ собою новое данное для образованія духовнаго міра человѣка.

J. Müller'y [1]), творцу нервной физіологіи, мы обязаны основаніемъ новой эпохи въ физіологическомъ ученіи о свойствахъ органовъ чувствъ; правильное же всестороннее толкованіе дѣятельности ихъ составляетъ особую заслугу *Helmholtz'a*. Помощью органовъ чувствъ получаются впечатлѣнія отъ разнообразныхъ явленій внѣшняго міра; въ простѣйшей формѣ дѣйствіе внѣшнихъ причинъ на

органы чувствъ выражается ощущеніемъ, которое представляетъ элементарный психологическій актъ, непосредственно зависящій отъ внѣшнихъ условій. Законъ „специфической энергіи“ *J. Müller'a*, по которому характеръ дѣятельности нервной клѣтки опредѣляется не качествомъ раздражителя, а свойствомъ самой клѣтки, составляетъ до сихъ поръ незыблемое основаніе физіологіи органовъ чувствъ; и это положеніе J. Müller'a сдѣлалось столь непоколебимымъ убѣжденіемъ физіологовъ, что *Donders* выразилъ его слѣдующимъ парадоксальнымъ примѣромъ: еслибы у какого-нибудь животнаго удалось сростить периферическій отрѣзокъ слуховаго нерва съ центральнымъ зрительнаго, или наоборотъ—центральный слуховаго съ периферическимъ зрительнаго, то такое животное слышало-бы молнію, какъ раскаты грома, и видѣло-бы громъ, какъ блескъ молніи. Можетъ быть, блестящее подтвержденіе вышеприведенныхъ словъ заключается въ явленіи галлюцинацій, свойство которыхъ опредѣляется лишь мѣстомъ раздраженія мозговой коры, но не качествомъ раздражителя.

Такимъ образомъ возбужденіе органовъ чувствъ выражается опредѣленной ихъ реакціей—ощущеніемъ, которое, какъ элементарная психологическая функція нервной клѣтки, отмѣчается въ нашемъ сознаніи по 2-мъ признакамъ: a) субъективнымъ чувствомъ пріятнаго или непріятнаго и b) тѣмъ важнымъ явленіемъ, по которому мы проецируемъ эти ощущенія во внѣшнемъ мірѣ.

Въ силу закона „специфической энергіи“ мы съ возбужденіемъ нервовъ органовъ чувствъ связываемъ опредѣленный характеръ самаго возбудителя, и, такимъ образомъ, получая извѣстныя ощущенія, съ несомнѣнной точностью, относимъ ихъ къ опредѣленнымъ предметамъ, находящимся внѣ насъ; поэтому всѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ опредѣляются прежде всего тѣми ощущеніями, которыя мы получаемъ отъ окружающей насъ природы.

Вопросъ объ отношеніяхъ, существующихъ между ощущеніями, получаемыми человѣкомъ отъ внѣшнихъ предметовъ и самой окружающей природой, цѣлыя тысячелѣтія не переставалъ волновать умы ученыхъ, и древніе философы рѣшали этотъ вопросъ просто: напримѣръ, *Empedócles* объясняетъ способность получать зрительныя ощущенія тѣмъ, что изъ глазъ человѣка исходитъ извѣстное количество свѣта въ видѣ лучей, которые, касаясь и ощупывая внѣшніе предметы, даютъ намъ о нихъ представленія. Однако уже *Aristoteles*

въ объясненіи этихъ явленій сталъ почти на современную намъ точку зрѣнія: онъ первый высказалъ убѣжденіе, что внѣшняя природа вызываетъ только извѣстныя ощущенія въ нашихъ чувствахъ, а представленія, образующіяся изъ ощущеній объ окружающемъ насъ мірѣ, обусловливаются нашею субъективною психическою дѣятельностью. Эта геніальная мысль оставалась забытою до временъ *Bacon'a-веруламскаго и Decartes'a*. Однако эти философы, особенно *Decartes*, развивали ту мысль, что о дѣйствительныхъ свойствахъ окружающей насъ природы вѣрныхъ понятій имѣть мы не можемъ, такъ какъ всѣ качества внѣшнихъ предметовъ зависятъ отъ впечатлѣній, которыя внѣшній міръ производитъ на наши органы чувствъ и которыя составляютъ результатъ нашего субъективнаго отношенія къ внѣшнимъ предметамъ, обусловленнаго не самыми свойствами послѣднихъ, но строеніемъ нашихъ органовъ. *Kant*, творецъ „Критики чистаго разума", явился примирителемъ этихъ крайнихъ взглядовъ и высказался въ томъ смыслѣ, что ощущенія, получаемыя отъ внѣшнихъ предметовъ, находятся въ прямой причинной связи съ истинными свойствами внѣшняго міра, представленія же о немъ суть результатъ нашей психической дѣятельности. *J. Müller* развилъ ученіе *Kant'a* и упрочилъ его новыми физіологическими данными, сохраняющими свое научное значеніе и понынѣ. Въ настоящее время установлено, какъ научная истина, что ощущеніе есть простѣйшій психологическій актъ, обусловленный возбужденіемъ нервной системы, и потому въ немъ отражаются во взаимной связи какъ свойства самыхъ органовъ чувствъ, воспринимающихъ раздраженіе, такъ и качества внѣшнихъ предметовъ, служащихъ раздражителями. Слѣдовательно, впечатлѣнія, какъ субъективные психологическіе акты, стоятъ между нами и внѣшнимъ міромъ; однако же не раздѣляютъ его отъ насъ непроницаемой стѣной, ибо психологическія явленія, какъ и реальный міръ, лежатъ на одной почвѣ и вполнѣ доступны точному объективному изученію.

Мы не знаемъ окружающей насъ природы помимо впечатлѣній, которыя производитъ она въ насъ черезъ наши чувства, и наше знаніе внѣшняго міра основывается на знаніи и тонкомъ анализѣ получаемыхъ отъ него впечатлѣній, которыя вѣковымъ трудомъ поколѣній достигли такой степени объективности и постоянства, что составляютъ достаточно точное основаніе положительной науки: если

одни и тѣже внѣшнія явленія производятъ въ насъ неизмѣнныя впечатлѣнія, если осмотрительные и точные выводы изъ этихъ впечатлѣній постоянно и неизмѣнно совпадаютъ съ другими ощущеніями, подкрѣпляются и оправдываются подобными впечатлѣніями,—то наше знаніе внѣшняго міра есть не мечта и призракъ, а положительная реальность. Самое понятіе „ощущеніе“ неизбѣжно заставляетъ ввести въ кругъ дѣйствій и центральную нервную клѣтку, получающую возбужденіе въ формѣ нервныхъ импульсовъ, распространяющихся отъ периферической нервной клѣтки вдоль чувственнаго нерва.—Возбужденіе какъ бы накопляется въ центральныхъ нервныхъ клѣткахъ и является здѣсь „ощущеніемъ sui generis“—воспоминаніемъ или памятью.

Расчлененіе ощущеній, являющихся самой элементарной психологической реакціей головнаго мозга на внѣшнія раздраженія, служитъ основаніемъ для предположенія о дифференцированіи центральныхъ нервныхъ образованій, соотвѣтствующихъ периферическимъ органамъ чувствъ, можетъ быть, съ тождественною-же специфическою энергіею; поэтому необходимо предположить, что эти центры органовъ чувствъ на всевозможныя раздраженія отвѣчаютъ только однимъ и тѣмъ же специфическимъ ощущеніемъ, такъ что даже глухіе и слѣпые, судя по достовѣрнымъ источникамъ, въ своихъ сновидѣніяхъ и воспоминаніяхъ сохраняютъ полнѣйшую живость природныхъ красокъ Въ этомъ послѣднемъ фактѣ законъ специфической энергіи получаетъ ту болѣе опредѣленную печать, которую даетъ ему *Wundt*, [2]) по мнѣнію котораго форма нашихъ ощущеній опредѣляется формою моллекулярныхъ процессовъ.

До 1870 г. физіологи приписывали мозговой корѣ только высшую умственную дѣятельность, самое же мозговое вещество считалось недоступнымъ для какихъ либо внѣшнихъ раздражителей. Честь устраненія такого заблужденія принадлежитъ прежде всего *Fritsch'y* и *Hitzig'y* [3]), которые своимъ великимъ открытіемъ доказали двигательную возбудимость мозговой коры по участкамъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздражителей. Гораздо позже авторы начали обращать вниманіе на вопросъ о локализаціи въ мозговой корѣ чувственныхъ территорій, не смотря на то, что еще *Flourens* [4]) замѣтилъ, что иногда поврежденіе или удаленіе извѣстныхъ частей мозговыхъ полушарій обусловливаетъ слѣпоту. Можетъ быть, этотъ фактъ, очень знаменательный для того времени, потому оставался безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій,

что такая слѣпота у животныхъ бывала лишь временной, такъ какъ чрезъ извѣстные періоды зрѣніе животныхъ при поверхностномъ изслѣдованіи оказывалось возстановленнымъ. Даже *Goltz* [5]), выдающійся противникъ центральной локализаціи ощущеній въ мозговой корѣ, обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ у животныхъ послѣ болѣе или менѣе обширныхъ поврежденій полушарій большаго мозга наблюдается ослабленіе зрѣнія, которое ускользаетъ только при невнимательности экспериментатора. Другіе экспериментаторы и между ними *Ferrier* [6]) сразу высказались за опредѣленную локализацію въ мозговой корѣ особенныхъ площадей, которыя могутъ быть названы чувствующими, и Ferrier описалъ отдѣльные центры въ корѣ полушарій для зрительнаго, слуховаго и другихъ ощущеній. *Munk* [7]) еще точнѣе локализировалъ эти образованія и ввелъ въ науку отличіе „психической слѣпоты“, являющейся слѣдствіемъ пораненія мозговаго центра, въ которомъ совершается актъ сознательнаго чувственнаго воспріятія, отъ слѣпоты „кортикальной“, при которой распространяющіяся вдоль оптическаго нерва импульсы оказываются совершенно не способными вызывать зрительныя ощущенія въ головномъ мозгу *).

---

*) Психооптическій центръ, по изслѣдованіямъ этого автора, обнимаетъ собою у собакъ часть затылочной доли (вблизи задней верхней части ея верхушки) головнаго мозга, ибо разрушеніе всей этой области обусловливаетъ совершенную слѣпоту животнаго на противоположный разрушенному мѣсту глазъ,—это состояніе обозначено Munk'омъ именемъ кортикальной слѣпоты; разрушеніе же центральной части этой области ведетъ за собою утрату сознательныхъ зрительныхъ ощущеній на противоположной сторонѣ что Munk обозначилъ названіемъ душевной, или психической слѣпоты, и при такомъ экспериментѣ любое зрительное впечатлѣніе для животнаго является новымъ и неизвѣстнымъ, такъ что животное должно вырабатывать вновь вспоминательные образы о подобныхъ предметахъ. Психоакустическій мозговой центръ такъ же точно локализированъ этимъ авторомъ въ верхней и средней височныхъ извилинахъ, и разрушеніе всей указанной области обусловливаетъ корковую глухоту на противоположное ухо; между тѣмъ какъ разрушеніе среднихъ частей этой области сопровождается психической глухотой, когда животное не понимаетъ значенія словъ своего хозяина.

Раздраженіе „слуховой сферы“ вызываетъ у животнаго оглушеніе, какое наблюдается вслѣдствіе неожиданнаго громоваго удара; двустороннее же разрушеніе всей области слуховаго ощущенія дѣлаетъ животное навсегда глухимъ и нѣмымъ, ибо въ тѣсной связи съ этой чувственной сферою находится центръ для воспоминательныхъ образовъ рѣчевыхъ движеній. Этими же изслѣдователями опредѣлены центры для чувствъ обонянія, вкуса и осязанія.

Точныя указанія упомянутыхъ экспериментаторовъ тѣмъ не менѣе упорно оспариваются другими и особенно *Goltz*'емъ. Послѣдній на международный медицинскій конгресъ въ Лондонѣ [8]) привезъ изъ Страссбурга собаку, лишенную, по его мнѣнію, всѣхъ чувственныхъ и двигательныхъ корковыхъ областей, однако же не представлявшую явленій отсутствія чувствъ и движеній. Однако вскрытіе этого животнаго, произведенное коммисіей ученыхъ, показало, что у собаки *Goltz'a* осталось значительное количество сѣраго коркового вещества, именно такихъ его частей, которыя *Ferrier* считаетъ областями центральныхъ ощущеній. Между тѣмъ *Ferrier* уничтоженіемъ соотвѣтствующихъ мозговыхъ областей у обезьянъ сдѣлалъ одну изъ нихъ безъ движеній, а другую—абсолютно глухой. Еще въ 1892 г. *Goltz* [9]) обнародовалъ свои опыты съ удаленіемъ головнаго мозга у собакъ, изъ которыхъ одну онъ сохранялъ въ живыхъ въ продолженіи полутора года. Прижизненныя явленія выражались у этихъ животныхъ слѣдующими симптомами: собака не различала угрожающихъ жестовъ, или враждебныхъ ей животныхъ, не обходила поставленыхъ ей на пути препятствій, хотя не была совсѣмъ слѣпа, такъ какъ закрывала глаза и даже отворачивалась при внезапномъ яркомъ освѣщеніи; обыкновенно хорошо развитое у здоровой собаки чувство обонянія у собаки Goltz'a было совершенно потеряно. Ненормальности въ области отправленій осязательнаго чувства выражались отсутствіемъ методики движеній, какъ говоритъ Goltz,—въ отсутствіи выбора наиболѣе цѣлесообразныхъ движеній: будучи мокрой, собака не слѣдовала тѣмъ мѣрамъ, которыя производитъ обыкновенно здоровое животное для того, чтобы осушиться и согрѣться,—она, напримѣръ, не отыскивала въ помѣщеніи теплаго угла, не лизала себя, тогда какъ это въ другой разъ дѣлала безъ достаточнаго повода;—очевидно, у нея утрачена не самая способность движенія, но вспоминательные образы прежнихъ движеній, двигательныя представленія. Проявляя доказательства сохраненія слуховыхъ ощущепій вообще (такъ какъ оперированная собака могла быть разбужена посредствомъ рѣзкихъ слуховыхъ раздраженій), тѣмъ не менѣе она оставалась одинаково равнодушной и къ ласковымъ словамъ, и къ угрозамъ. Наконецъ замѣчаетъ Goltz, что у его собакъ сонъ никогда не сопровождался ни однимъ изъ тѣхъ признаковъ сновидѣній, какіе наблюдаются часто у нормальныхъ собакъ; такимъ образомъ у этихъ собакъ, какъ это выставляетъ на первый планъ самъ

авторъ, наиболѣе выдающимся и рѣзкимъ явленіемъ была потеря всякихъ проявленій интеллекта, отсутствіе пониманія и памяти.

Топографія чувственныхъ центровъ въ корковомъ веществѣ полушарій человѣка, по понятнымъ причинамъ, можетъ быть выяснена лишь путемъ клиническихъ наблюденій, и въ этомъ отношеніи получаютъ особенную цѣнность труды школы *Charcot* [10]), давшей цѣлую литературу, отличающуюся богатствомъ матерьяла и строго научной какъ клинической, такъ и патологоанатомической разработкой. Практическая важность вопроса и его высокое научное значеніе и по настоящее время не перестаютъ привлекать къ себѣ вниманія изслѣдователей. *Wernike*, *Charcot*, *Lichtheim*, *Exner*, *Allen Starr* [11]) составили схему двигательно-чувственныхъ разстройствъ въ зависимости отъ гнѣздныхъ пораженій мозговой коры человѣка. Весьма убѣдительнымъ доводомъ въ пользу существованія локализаціи мозговыхъ функцій у человѣка можетъ служить исторія болѣзни Laura Bridgeman, на второмъ году жизни ослѣпшей и оглохшей. При жизни она представляла въ высокой степени рѣдкое сочетаніе полной потери чувствъ зрѣнія, слуха, рѣчи (послѣдовательно), отчасти вкуса и обонянія; всѣ эти разстройства развились у нея со 2-го года жизни вслѣдствіе перенесенной ею тяжкой формы скарлатины. До семи лѣтъ больная, находившаяся въ домѣ родителей, обладала только превосходною памятью и чрезвычайно тонкимъ чувствомъ осязанія. Послѣ поступленія ея въ пріютъ для слѣпыхъ въ Массачуссетѣ къ доктору Howe она быстро достигла высокой степени духовнаго развитія.

H. Donaldson [12]) опубликовалъ подробное и весьма тщательное изслѣдованіе головнаго мозга этой женщины, умершей 60-ти лѣтъ отъ роду. Изъ анализа Donaldson'a слѣдуетъ, что тѣ части мозговыхъ полушарій, которыя по настоящимъ понятіямъ въ наукѣ соотвѣтствуютъ площадямъ центральныхъ ощущеній, у L. Bridgeman значительно отстали въ развитіи; это относится къ третьей лѣвой лобной извилинѣ, къ затылочнымъ и къ височнымъ долямъ обоихъ полушарій: здѣсь утончена мозговая кора, тогда какъ въ двигательныхъ областяхъ мозга этого утонченія не наблюдается; особенно истончены корковые слуховые центры съ обѣихъ сторонъ и зрительная область съ правой стороны. При гистологическомъ изслѣдованіи оказалось, что въ этихъ мозговыхъ центрахъ замѣчается чрезвычайно рѣзкое уменьшеніе количества нервныхъ клѣтокъ, а также ихъ атрофія. Центры обонянія и

вкуса также недостаточно развиты и содержатъ мало клѣтокъ.

Патологія высшихъ психическихъ отправленій можетъ выражаться не только явленіями выпаденія въ той, или другой сферѣ центральной дѣятельности, но и наоборотъ—состояніями ненормальнаго возбужденія въ центральныхъ областяхъ ощущеній; подобно тому, какъ разрушеніе коркового моторнаго центра обусловливаетъ параличъ движенія, моноплегію, а искусственное возбужденіе такого центра (напр., рубцомъ) ведетъ за собою мышечную изолированную судорогу, и въ этой области наблюдаются случаи ограниченныхъ нарушеній дѣятельности чувственныхъ территорій въ формѣ ли угнетенія, или наоборотъ—чрезмѣрнаго изолированнаго возбужденія. Послѣднее явленіе сопровождается воплощеніемъ соотвѣтствующихъ чувственныхъ образовъ, которые по законамъ эксцентрической проекціи локализируются во внѣшнемъ мірѣ и еще со временъ Esquirol'я носятъ названіе галлюцинацій.

Галлюцинаціи, какъ реализованныя субъективныя представленія, какъ картины фантазіи, доходящей до конкретной ясности, возникаютъ рядомъ съ впечатлѣніями внѣшняго міра и подобно послѣднимъ обладаютъ чувственною реальностью. Слѣдовательно, „галлюцинаціи—это чувственныя ощущенія безъ возбуждающаго внѣшняго объекта, порожденныя внутренними причинами и при томъ съ характеристическими энергіями чувствъ“ (Schüle) [13]). Глубокое убѣжденіе галлюцинанта въ реальности его призраковъ обусловливается именно тѣмъ, что они существуютъ въ его чувствахъ и выступаютъ съ истинностью реальныхъ ощущеній.

Почти до настоящаго времени между учеными существуютъ несогласія относительно происхожденія галлюцинацій. Еще *Schröder-van der Kolk* [14]) утверждалъ, что галлюцинаціи суть результаты возбужденія чувственныхъ субкортикальныхъ центровъ, воспринятаго соотвѣтственными областями мозговой коры, и такимъ образомъ чувственный образъ предмета возникаетъ въ органѣ апперцепціи въ зависимости ли отъ не посредственнаго чувственнаго воспріятія, или даже безъ него; въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ образы воспоминанія, картины фантазіи и явленія галлюцинацій; при чемъ воспоминанія, по его мнѣнію, суть результатъ возбужденія однихъ только апперцепціонныхъ центровъ въ мозговой корѣ; галлюцинаціи же являются слѣдствіемъ раздраженій чувственныхъ субкортикальныхъ центровъ. *Hagen*, [15]) раздѣляя мозгъ на чувственный—первое окончаніе чувственныхъ нервовъ на основаніи мозга, и мыслящій—корковыя части большихъ полушарій,—о происхожденіи галлюцинацій говоритъ, что

появленіе ихъ не мыслимо безъ возбужденія чувственнаго мозга; при чемъ роль этой части мозга принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ. Другіе авторы приписываютъ мѣсто происхожденія галлюцинацій различнымъ мозговымъ центральнымъ образованіямъ. Такъ *Kahlbaum*, [16]) одинъ родъ галлюцинаціи объясняетъ раздраженіемъ субкортикальныхъ центровъ, въ происхожденіи же другихъ видитъ явленія раздраженія, идущія изъ центровъ представленій. *Meynert* [17]) совершенно отрицаетъ появленіе галлюцинацій отъ раздраженія центровъ представленій (коры передней части большихъ полушарій); по его мнѣнію, органами чувственныхъ воспріятій служатъ субкортикальные центры, изъ которыхъ возбужденія передаются въ соотвѣтственныя кортикальныя области, гдѣ и образуется сознаніе настоящихъ чувственныхъ представленій. По мнѣнію этого изслѣдователя, субкортикальные двигательные центры играютъ главную роль въ происхожденіи галлюцинацій, которыя являются слѣдствіемъ этого возбужденія упомянутыхъ центровъ при томъ именно условіи, если ненормальная дѣятельность ихъ не бываетъ заторможена дѣятельностью передняго мозга. Изъ русскихъ авторовъ *Кандинскій* [18]) и *Пастернацкій* [19]) поддерживаютъ теорію *Meynert'a*; первый на основаніи самонаблюденія, а второй на основаніи экспериментовъ на собакахъ. По *Tamburini* [20]) происхожденіемъ своимъ галлюцинаціи обязаны раздраженію центральныхъ чувственныхъ площадей въ корѣ головнаго мозга. *Krafft-Ebing* [21]) говоритъ, что „мѣстомъ происхожденія галлюцинацій можетъ быть только чувственный корковый центръ“. Однакоже, кажется, истина научнаго объясненія галлюцинацій должна лежать посединѣ, и потому нельзя не присоединиться къ мнѣнію *Regis'a* [23]) и *Ball'я* [24]), которые говорятъ, что нѣтъ такой точки на протяженіи органовъ чувствъ, раздраженіе которой при извѣстныхъ обстоятельствахъ у предрасположенныхъ субъектовъ не могло бы вызвать соотвѣтствующей галлюцинаціи. Дѣйствительно, на какомъ бы мѣстѣ чувственнаго пути ни происходило возбужденіе, оно распространяется по обоимъ направленіямъ, центростремительно и центробѣжно, какъ это вытекаетъ изъ экспериментальныхъ изслѣдованій авторовъ (*Philippeau et Vulpian, P. Bert*).

Въ самомъ дѣлѣ, если признать мѣстомъ возникновенія галлюцинацій одни, напримѣръ, только лишь периферическіе органы, то объяснить это патологическое явленіе было бы затруднительно. Такъ допустивъ напримѣръ, что галлюцинаторные зрительные образы возни-

кают въ сѣтчаткѣ, пришлось бы приписать этому периферическому органу всѣ свойства памяти, ибо въ такомъ только случаѣ можно было бы объяснить тѣ пластическія тонкости зрительныхъ галлюцинацій, въ какомъ видѣ онѣ являются больнымъ; между тѣмъ сѣтчатка способна сохранять только элементарные образы, которые развиваются въ болѣе тонкія и совершенныя формы, благодаря лишь участію выплывающихъ въ сознаніи накопившихся ранѣе представленій (Kirchhoff [25]). Если же съ другой стороны принять, что обманы чувствъ имѣютъ своимъ происхожденіемъ только центральную нервную систему, то является затрудненіе при объясненіи осязательной ясности нѣкоторыхъ галлюцинацій; ограничиваясь предположеніемъ лишь о возбужденіи чувственныхъ центровъ безъ одновременнаго центробѣжнаго возбужденія периферическихъ органовъ чувствъ, невозможно объяснить, что галлюцинаторные образы иногда мѣняютъ свое мѣсто въ пространствѣ при соотвѣтствующемъ движеніи глазъ, и что не рѣдко зрительные обманы спящихъ окрашиваются въ дополнительные цвѣта; это весьма легко можетъ быть доказано также внушенной галлюцинаціей цвѣтнаго креста на листѣ бѣлой бумаги: обернувшись къ другому листу бумаги субъектъ видитъ крестъ дополнительнаго цвѣта (*James* [26]). Галлюцинаціи, какъ показали *Binet* и *Fere* [27]), могутъ быть умножены при помощи призмы или зеркала, увеличиваемы черезъ увеличительное стекло и вообще многими способами уподобляться въ оптическомъ отношеніи реальнымъ предметамъ.

Въ нормальномъ состояніи воспоминательные образы, какъ утверждаетъ *Fechner* [28]), рѣдко отличаются яркостью; большею же частью они сѣры и безцвѣтны; но иногда даже при обычномъ мышленіи воспоминательные образы принимаютъ живость предметныхъ представленій, именно если происходитъ одновременно центробѣжное возбужденіе чувственныхъ корковыхъ центровъ, или реперцепція (Kahlbaum). Во всякомъ случаѣ между силою реперцепціи и возбудимостью корковыхъ центровъ существуетъ прямое отношеніе: чѣмъ сильнѣе возбудимость этихъ центровъ, тѣмъ легче воспоминательные образы, даже при нормальныхъ условіяхъ, пріобрѣтаютъ свойства реальной отчетливости. Въ этомъ отношеніи наблюдаются значительныя индивидуальныя различія: особенно художники замѣчаютъ, что ихъ зрительные воспоминательные образы въ отношеніи яркости формы и красокъ не уступаютъ непосредственнымъ чувственнымъ воспріятіямъ.

Такая близость физіологическихъ процессовъ отъ паталогическихъ, когда, очевидно, между картинами воспоминанія и обманами чувствъ заключается различіе только въ степени (въ этомъ, какъ и вездѣ, переходъ отъ здороваго состоянія къ болѣзни постепенной), имѣются все таки опредѣленныя границы, перейдя которыя, субъектъ впадаетъ въ состояніе болѣзни. Въ этомъ отношеніи необходимо придавать рѣшительное значеніе фактической непроизвольности субъективныхъ призраковъ. „Они, говоритъ Hagen [29]): эти непрошенные образы являются внезапно, наперекоръ и на муку больнаго, недоступные ни его мольбамъ, ни проклятіямъ; играя имъ съ адскимъ коварствомъ, они приходятъ и уходятъ, или съ непреодолимой цѣпкостью впиваются въ зрительное поле его вниманія". Въ такомъ случаѣ обманы чувствъ пріобрѣтаютъ надъ человѣкомъ могущественную силу и служатъ для него дѣйствительными, реальными явленіями; тогда только обнаруживается могущественное значеніе галлюцинацій, которыя роковымъ образомъ ведутъ субъекта къ безумнымъ поступкамъ; въ этомъ-то и заключается важное практическое значеніе галлюцинацій.

Особенно пагубное вліяніе на весь строй душевной жизни человѣка оказываютъ обманы въ области чувства слуха, ибо разстройство этихъ частей центральной нервной системы тѣсно связаны съ рѣчью, важнѣйшимъ средствомъ духовнаго развитія человѣка. Со звукомъ рѣчи (кромѣ двигательнаго ищущенія органа рѣчи) связывается звуковое представленіе; иногда звукоподражательнымъ словомъ вызывается чувственное представленіе, родственное по звуковымъ ощущеніямъ съ самимъ словомъ. Не рѣдко звуковое представленіе и звукоподражательное слово такъ близки между собою, что второе является почти повтореніемъ перваго. Подобнымъ же образомъ развивался и письменный языкъ, который во времена развитія человѣчества связывался непосредственно съ чувственнымъ представленіемъ; у *Tylor'a* приведены примѣры такъ называемаго образнаго письма, когда человѣкъ для обозначенія предмета письменнымъ знакомъ пользовался изображеніемъ самого предмета въ воздухѣ; позже только письменные знаки явились символами для обозначенія голосовыхъ звуковъ, и такимъ образомъ у насъ развилась привычка символическій языкъ—голосовой звукъ и письменный знакъ—сливать въ одно съ обозначаемыми ими представленіями. Насколько эта привычка укоренилась въ насъ, слѣдуетъ заключить изъ того, что звукъ рѣчи всегда вызываетъ въ со-

знаніи соотвѣтствующее ему представленіе; письменный же знакъ, пробуждая въ сознаніи соотвѣтствующее ему представленіе вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ голосовой звукъ.

И такъ, *обстрактное представленіе, звуковое слово и письменный образъ* настолько тѣсно связаны между собою, что *являются въ нашемъ сознаніи только составными частями одного и того-же звена.*

Иногда переживая событія въ формѣ зрительныхъ образовъ, большею частію мы думаемъ словами (особенно при размышленіи объ отвлеченыхъ понятіяхъ), и эта связь слова съ мыслію настолько тѣсна, что у большинства людей каждая мысль неизбѣжго сопровождается двигательными ощущеніями въ тѣхъ мускулахъ, которыми выражается соотвѣтственное звуковое слово. Поэтому страдающіе слуховыми галлюцинаціями жалуются, что ихъ тайныя мысли произносятся одновременно вслухъ другими лицами (такъ называемое двойное мышленіе). Это объясняется галлюцинаторнымъ созвучіемъ мыслей больнаго: непосредственно за возникшимъ представленіемъ слѣдуетъ отчетливое слуховое ощущеніе задуманнаго слова, что одинаково часто наблюдается какъ при чтеніи, такъ и при письмѣ; при дѣйствительномъ же произнесеніи слова это патологическое явленіе, по понятнымъ причинамъ, исчезаетъ.

Въ этомъ выражается какъ то глубокое значеніе для духовной жизни человѣка, которое имѣетъ для него потеря рѣчи въ раннемъ возрастѣ, такъ и на оборотъ, то растлѣвающее весь строй душевной жизни вліяніе, которое вызывается патологическимъ процессомъ ненормальнаго возбужденія слуховой центральной области нервной системы.

Слово есть тотъ краеугольный камень, которымъ создается и держится вся наша духовная жизнь; „ухо, по выраженію *J. Paul'я*, есть святая святыхъ души“; въ этомъ заключается неотразимое вліяніе особенно слуховыхъ галлюцинацій на все существо человѣка, на весь строй его міровоззрѣній.

Такое рѣшительное значеніе галлюцинацій для душевной жизни отдѣльнаго человѣка не менѣе серьезно для развитія духовнаго міра цѣлаго общества, а остатки ихъ пагубныхъ вліяній знаменательно отражаются въ исторіи всего человѣчества; галлюцинаціи представляютъ собою весьма поучительную главу въ исторіи всѣхъ народовъ и временъ. Во времена самой древней эпохи наблюдались случаи заболѣваній въ сферѣ дѣятельности органовъ чувствъ. Въ книгѣ пророка

Даніила повѣтствуется о великомъ завоевателѣ, вавилонскомъ царѣ Навуходоносорѣ, который имѣлъ видѣніе, а позже и сказаніе объ ожидающихъ его несчастіяхъ; эти галлюцинаціи имѣли для него роковое значеніе: онъ потерялъ разсудокъ, считалъ себя превратившимся въ быка и велъ себя подобно этому животному.

Въ эту отдаленную эпоху вѣра въ сверхъестественное пользовалась всѣми правами и, чудеса служили главнымъ двигателемъ въ общественной и международной жизни: устами пиѳіи, стихами изрекавшей пророчества, боги вдохновляли на подвигъ вопрошавшихъ; изступленные жрецы почти въ состояніи экстатическаго бреда открывали толпѣ тайники жизни ея божественныхъ покровителей. Только галлюцинаціей объясняются эти грубые обманы, всѣ эти способы общенія съ другимъ міромъ. Однако же не должно удивляться, что такъ заблуждалось древнее человѣчество, ибо все тогда согласовалось и гармонировало между собою—и понятія людей, и проявленія внѣшняго міра. Конечно, глубокая древность могла только лишь накоплять факты въ сокровищницѣ знаній о душевныхъ болѣзняхъ человѣка; человѣчество обогащалось опытомъ, которымъ могъ воспользоваться лишь геній древняго грека, ибо только ученикъ школы Асклепіадовъ божественнаго Эскулапа Hippocrates за 460 л. до Рождества Христова положилъ начало распознаванію истиннаго значенія душевныхъ страданій человѣка. Но уже Cael. Aurelianus, современникъ Траяна и Адріана, опредѣлилъ душевное разстройство, какъ заболѣваніе головнаго мозга съ преобладаніемъ психическихъ симптомовъ; своими же взглядами на лѣченіе помѣшанныхъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и стоялъ въ этомъ отношеніи на уровнѣ нашего времени. Гуманные взгляды этого врача не могли оставаться безъ вліянія на тогдашнюю общественную жизнь.

Но языческія воззрѣнія мало-по-малу уступали мѣсто новой религіи; древняя цивилизація безъ достаточно крѣпкихъ нравственныхъ основъ должна была рухнуть и, повидимому, безвозвратно должна была погибнуть вся масса накопленнаго древнимъ геніемъ научнаго знанія. Новый міръ возникъ на развалинахъ стараго. Заглохъ блестящій путь научныхъ изысканій великихъ древнихъ философовъ Платона, Аристотеля, и глубоко гуманныя научныя воззрѣнія Гиппократа, Галлена, Целія Авреліана должны были уступить мѣсто мистицизму и грубому суевѣрію. Высоконравственныя идеи христіанства медленно усваивались народами. Языческія воззрѣнія только поверхностно исправлялись новой

религіей; ниспровергнуты были всѣ обряды, которыми вопрошалось будущее; но идеи Платона о вліяніи духовъ попали на благодарную почву, и преданія восточной философіи и древняго культа отражались все таки въ новыхъ понятіяхъ о вмѣшательствѣ дьявола въ дѣла человѣка. Вся вселенная была раздѣлена между святыми и дьяволомъ, и ничто въ жизни человѣка не могло произойти безъ вмѣшательства этихъ сверхъестественныхъ силъ. Олицетворенный образъ злаго начала тревожилъ умы и игралъ важную роль въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ людей. Хотя это мрачное время среднихъ вѣковъ, когда истинная наука разрабатывалась въ келіяхъ невѣжественныхъ монаховъ, забыло плоды древней культуры и успѣхи ея въ области психіатрической науки, однако-же оно заслуживаетъ съ нашей стороны глубокаго вниманія, ибо въ міросозерцаніи этой эпохи ясно отражаются тѣ болѣзненныя явленія душевной жизни человѣчества, которыя, какъ психическія эпидеміи, никогда уже не повторятся въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, въ какомъ онѣ происходили. Эти болѣзни еще пагубнѣе органическихъ заразъ, потому чло послѣднія, отличаясь болѣе грубымъ происхожденіемъ, разрушаютъ скорѣе тѣло, нежели „душу“.

Средніе вѣка—эпоха психическихъ эпидемій, которыя пріобрѣли такое важное соціальное и историческое значеніе; это былъ тотъ періодъ развитія человѣчества, когда, какъ говоритъ Schiller, „монахъ бичевалъ себя въ своей келіи, а закованный въ желѣзо рыцарь ломалъ копье на турнирахъ“. Секты флагеллянтовъ (бичующихся), культъ поклоненія дьяволу въ его разнообразныхъ проявленіяхъ находятъ свое объясненіе въ нашей наукѣ. Чародѣи, колдуны и одержимые бѣсомъ — это все душевно-больные, подверженные галлюцинаціямъ; они воображали, что видѣли дьявола, говорили съ нимъ, плясали съ демонами и колдуньями; разсказывая объ этомъ съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностью, они также утверждали, что закованные въ тяжелыя цѣпи и запертые въ тюрьмы, тѣмъ не менѣе они каждую ночь отправлялись на ночныя прогулки вѣдьмъ. Эти несчастные видѣли и слышали все, о чемъ они говорили, также реально, какъ реальны были всѣ остальныя ихъ представленія, и даже въ предсмертныхъ мученіяхъ они не отказывались отъ своихъ словъ. Колдовство и одержаніе бѣсомъ—то галлюцинаторное помѣшательство, которое мучило человѣчество въ продолженіи многихъ вѣковъ, и было неисчерпаемымъ источникомъ бѣдствій какъ для самихъ несчастныхъ страдальцевъ, такъ и вообще

для всей эпохи, запятнавшей себя неслыханными жестокостями и безчеловѣчными преслѣдованіями тѣхъ, которыхъ жестокій фатализмъ, лишивъ гуманнаго медицинскаго лѣченія, подвергалъ пыткамъ и огню костровъ, безпрерывно горѣвшихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Европы.

Всѣмъ извѣстна историческая часть драмы Іоанны д'Аркъ [30]). 30 мая 1431 г. на площади Руанѣ всенародно сожжена была эта замѣчательная героиня. Анализъ ея исторической личности съ точки зрѣнія современной психіатріи освѣтилъ бы почти всю исторію средневѣковой эпохи ошибокъ и заблужденій человѣческаго ума. Іоанна д'Аркъ родилась въ крестьянской средѣ, была воспитана въ строго религіозномъ духѣ и фанатично предана религіознымъ обрядностямъ. Впервые она услышала сверхъестественный голосъ въ саду своего отца, справа, гдѣ была церковь, послѣ продолжительнаго поста. Эти непонятные ей голоса то удалялись, то приближались, иногда же достигали чрезвычайной реальности: такъ что она ясно различала слова „дочь моя, иди, иди, иди, я помогу тебѣ". Однажды, играя съ крестьянскими дѣвочками и задыхаясь отъ быстрой бѣготни, она услышала голосъ мальчика: „Іоанна ступай домой, мать нуждается въ твоей помощи". Она поспѣшила домой и была очень удивлена, узнавъ отъ матери, что она ее не звала; возвращаясь къ подругамъ, она вдругъ увидѣла свѣтлое облако, изъ котораго слышался голосъ: „Іоанна, тебѣ предстоитъ иная жизнь! Царь небесъ избралъ тебя для спасенія Франціи. Ты поможешь королю Карлу, облачишься въ мужскую одежду, возьмешь оружіе и пойдешь во главѣ войска".

Эта дѣвушка въ бою и лишеніяхъ проявляла замѣчательную выносливость, отличалась необыкновенною ловкостью въ верховой ѣздѣ и въ умѣньи владѣть оружіемъ; вдохновляя войско, она ничтожными силами разбивала громадныя арміи, брала неприступныя крѣпости. Эти необычайные факты дали ей святость пророчицы въ глазахъ французовъ и славу колдуньи у англичанъ. Реальность ея галлюцинацій была такова, что на судѣ она говорила судьямъ о своихъ видѣніяхъ: „я видѣла ихъ своими собственными глазами, точно также, какъ вижу васъ". На кострѣ она осталась вѣрною своимъ голосамъ, которые ободряли ее ясными словами: „пусть пытки не приводятъ тебя въ отчаяніе, скоро ты попадешь въ царство небесное".

Западная церковь санкціонировала вѣру въ чародѣйство, ибо папа Иннокентій VIII (1484 г.) говорилъ [31]): „множество людей не

избѣгаютъ сношеній съ адскими духами и чародѣйствомъ своимъ дѣлаютъ много зла людямъ и животнымъ. Они безчестятъ „супружеское ложе“.... И для истребленія этого зла была правильно организована инквизиція, которой не противились лучшія люди того времени. Удивительно, что великая эпоха возрожденія и реформаціи, ознаменовавшаяся быстрымъ прогрессомъ въ разныхъ областяхъ, еще съ большимъ ожесточеніемъ продолжала борьбу противъ несчастныхъ помѣшанныхъ, и чтобы звѣрство не отставало отъ сумашествія, зажигались костры, которые пожирали тысячи безумцевъ. Такимъ образомъ, эти процессы о вѣдьмахъ, инквизиція, направленная къ истребленію чародѣйства, являясь вѣчнымъ укоромъ за гибель несчастныхъ помѣшанныхъ, служатъ поражающимъ памятникомъ невѣжества и суевѣрія среднихъ вѣковъ.

Въ настоящее время психіатріи удалось уже пролить свѣтъ на тѣ случаи дьявольскаго навожденія. (Besessenheit) которые въ прежнія времена считались магическими; эти явленія легко объясняются психическимъ разстройствомъ истерическаго характера съ обычными галлюцинаціями, которыя, говоритъ Pitres [32]) „бываютъ обыкновенно зрительныя, подвижныя и объективно-реальныя; онѣ часто принимаютъ характеръ эротическій; въ большинствѣ случаевъ онѣ сопровождаются болѣзненными явленіями, и воспоминаніе о нихъ остается неизгладимымъ въ памяти больного“.

Повидимому, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда мы съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія вспоминаемъ чудовищныя заблужденія человѣческаго ума среднихъ вѣковъ и съ гордостью спѣшимъ отвергнуть все, что не подлежитъ точнымъ доказательствамъ, и рѣчи не можетъ быть о сохраненіи тѣхъ наивныхъ воззрѣній на отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, которыя характеризуются словомъ „чудеса“. Корифеи современной мысли удовольствуются лишь изученіемъ явленій въ томъ видѣ, какъ они происходятъ. Но природа влечетъ къ себѣ нашъ пытливый умъ, и человѣкъ съ особенной настойчивостью старается проникнуть въ вѣчно тяготѣющія надъ нимъ роковыя тайны о свойствахъ его духовной организаціи, о высшемъ смыслѣ нашей жизни и смерти.

Не удивительно, что въ рѣшеніи этихъ трудныхъ вопросовъ человѣкъ сбивается иногда съ общепризнаннаго естественно-научнаго пути.

Самымъ поучительнымъ примѣромъ страннаго уклоненія трезваго

хода человѣческой мысли XIX вѣка въ сторону мистически-чудеснаго служитъ эпидемическое распространенія спиритизма, совершившее свое побѣдоносное шествіе по всему цивилизованному міру въ наше время процвѣтанія естественныхъ наукъ. Воскресло массовое увлеченіе, какое наблюдалось только въ прежніе вѣка. Всѣмъ извѣстна исторія вертящихся столовъ: сначала они подъ руками экспериментаторовъ описывали только круги; потомъ, какъ одушевленные, подымались на ножкахъ, которыми отбивали правильные такты; наконецъ когда удары ножекъ этихъ столовъ достигли значенія алфавита, и символическая рѣчь ихъ, одухотворенная безплотнымъ существомъ, сдѣлалась понятною избраннымъ, тогда началась бесѣда человѣка съ таинственнымъ духомъ. Впрочемъ, такое поразительное общеніе реальнаго съ сверхъестественнымъ могло совершаться лишь черезъ посредниковъ—медіумовъ, личностей особенно подвластныхъ духамъ и способныхъ возвѣщать ихъ волю помощью понятныхъ для всѣхъ средствъ—рѣчью мимическою, письменною, или звуковою. Англійское общество, оказавшее особое гостепріимство спиритизму, при его завоевательномъ движеніи изъ Америки, доставило наибольшее число знаменитыхъ медіумовъ.

Почти невѣроятнымъ покажется будущему поколѣнію, что въ развитіи спиритическихъ воззрѣній принимали участіе и недоучки и свѣтила науки, какъ напримѣръ Wallace, создавшій одновременно съ Darvin'омъ эволюціонную теорію происхожденія видовъ. Этотъ ученый, какъ убѣжденный спиритъ, предложилъ цѣлую гипотезу для объясненія таинственыхъ силъ спиритизма; по его мнѣнію, одухотворяющій все живое духъ можетъ иногда оставлять свое тѣло, сохраняя образъ мыслей, чувства и наклонности индивидуума. Не стѣсняясь пространствомъ, онъ можетъ сообщаться съ лицами, которымъ открываетъ различныя свѣдѣнія.

Трудно удовлетвориться объясненіями Wallace'а объ отношеніяхъ духовъ къ тѣлу, какъ не легко отдѣлаться отъ мысли, что во всѣхъ этихъ чудесныхъ проявленіяхъ мистицизма не маловажную роль играетъ особенный характеръ психическаго состоянія экспериментаторовъ, чрезвычайно повышенная возбудимость ихъ органовъ чувствъ, свойственная истеріи, при которой такъ легко возникаютъ галлюцинаціи. Болѣзненно возбужденная фантазія, слишкомъ яркія представленія этихъ субъектовъ по законамъ реперцепціи не рѣдко превращаются

въ галлюцинаторные образы, проецирующіеся во внѣшнемъ мірѣ; тогда человѣкъ не способенъ отличать субъективное представленіе отъ дѣйствительности. Если же общество находится при этомъ въ состояніи пассивнаго вниманія, то въ умѣ его членовъ неизбѣжно возникаетъ наклонность придавать различнымъ призракамъ извѣстную единообразность, и тогда галлюцинаторный образъ одного вызываетъ непоколебимую увѣренность въ его существованіи у всѣхъ. Въ такомъ случаѣ эти галлюцинаціи принимаютъ опредѣленный характеръ и проникаютъ въ жизнь, благодаря установившемуся міровоззрѣнію общественной среды; при этихъ только условіяхъ галлюцинаціи принимаютъ историческое значеніе. Спиритическіе медіумы, подобно древнимъ пиѳіямъ, изрекающіе пророчества, или записывающіе законы и совѣты таинственныхъ духовъ, суть истинные галлюцинанты.

Недавно Seglas [33]) описалъ нѣсколько случаевъ такъ называемыхъ психическихъ галлюцинацій. Извѣстно, что каждому слову въ сѣромъ корковомъ веществѣ полушарій соотвѣтствуютъ 4 образа—зрительный, слуховой и два двигательныхъ (центръ для движеній артикулярной рѣчи и для движеній письменной рѣчи). Функціональныя разстройства, обусловливающіяся болѣзненнымъ возбужденіемъ указанныхъ психическихъ центровъ, выражаются галлюцинаціями, которыя иногда достигаютъ опредѣленной живости и яркости и проэцируются во внѣшнемъ мірѣ, при чемъ эффектомъ возбужденія чувственныхъ центровъ (слуховаго и зрительнаго) является чувственное воспріятіе; слѣдствіемъ же возбужденія двигательныхъ центровъ является движеніе, которое, достигая чрезвычайной яркости внутреннихъ образовъ, можетъ проэцироваться наружу. Эти галлюцинаціи носятъ названіе, по Baillarger'у, психическихъ, а Seglas называетъ ихъ психомоторными. Подобные субъекты противъ воли выражаютъ свои мысли вслухъ; если же въ ненормальномъ возбужденіи находится корковый центръ письменной рѣчи, то подобное состояніе, проэцируясь во внѣшнемъ мірѣ, заставляетъ этихъ субъектовъ писать совершенно импульсивно. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что въ экстатическомъ состояніи спиритическихъ медіумовъ, по изслѣдованіямъ Binet'a [34]), легко наступаетъ то весьма характерное разстройство сознанія, которое Solbrig и Jessen опредѣлили въ наукѣ подъ именемъ „двойственности сознанія“, когда человѣкъ въ единой личности ведетъ двойственную жизнь, когда одинъ организмъ распадается на множество ощущающихъ и мыслящихъ организмовъ.

Понятно, какъ легко въ этомъ состояніи заблуждаются подобные субъекты относительно истиннаго значенія своихъ „чудесныхъ“ фактовъ.

Чрезвычайно важнымъ по своему значенію для времени кажется фактъ распространенія въ настоящее время въ Кіевской губ. особой нервно-психической эпидеміи „Малёванщины“. Въ 1889 году въ г. Таращѣ (Кіев. губ.) мѣщанинъ К. Малеваный *) началъ собирать у себя въ домѣ сосѣдей, которымъ преподавалъ „новыя правила жизни“ въ виду „скораго наступленія кончины міра“; еще гораздо ранѣе этого времени Малеваный оставилъ свои обычныя занятія (приготовленіе для продажи колесъ) и, пребывая въ постѣ и молитвѣ, со дня на день ожидалъ совершенія надъ собою „славы Божіей“. Такое душевное настроеніе у М. развилось постепенно: послѣ бурно проведенныхъ многихъ лѣтъ жизни онъ началъ испытывать тяжелую сердечную тоску „за свои и людскіе грѣхи“ и отъ „мучительныхъ терзаній своей совѣсти за сомнѣнія въ достиженіи вѣчнаго блаженства“ онъ находилъ облегченіе только въ строгомъ воздержаніи и въ постоянныхъ религіозныхъ размышленіяхъ. Въ скоромъ времени Малеваному были „откровенія“,—въ полудремотномъ состояніи и на яву онъ имѣлъ видѣнія—на небѣ онъ видѣлъ „особенно яркую звѣзду, которая показывалась во всѣхъ странахъ свѣта“; на небѣ же онъ видѣлъ „Престолъ Господень, на которомъ лежало Евангеліе и возлѣ котораго находился Богъ-Отецъ“; въ это время М. находился въ состояніи „особаго упоенья“. Съ тѣхъ поръ онъ почувствовалъ себя „обновленнымъ“, ибо чувство „великой радости“ овладѣло имъ, и онъ „понялъ все, что находится на землѣ, въ водѣ и подъ землею“; всѣ „твари радовались“ вмѣсѣ съ нимъ, ибо на него „сошелъ св. духъ“, что ясно онъ ощущалъ въ необычайныхъ ароматахъ вокругъ себя (галлюцинаціи обонянія). Тогда только М. понялъ, что ему надлежитъ проповѣдывать о своемъ „великомъ назначеніи, какъ Спасителя міра“, и что скоро „всѣ народы прійдутъ и поклонятся ему“. Дѣйствительно, съ этого времени М. объявилъ себя Іисусомъ Христомъ и началъ проповѣдовать стекавшейся къ нему толпѣ оставить „тягости земнаго существованія и постомъ и молитвою приготовиться къ новой жизни“. Во время такихъ своихъ проповѣдей М. чувствовалъ въ себѣ „одухо-

*) По опредѣленію Кіевскаго Окруж. Суда М. былъ помѣщенъ въ Кирилловскую больницу и находился подъ моимъ наблюденіемъ.

творяющую силу", которая заставляла его говорить народу „правду Божію"; въ это же время онъ испытывалъ чувство „великой радости и необычайной легкости своего тѣла", такъ что онъ даже чувствовалъ, какъ онъ „воздвигался" надъ землею. Можно было быть свидѣтелемъ, какъ во время проповѣдей Малеванаго его слушатели, печальное наслѣдіе выродившихся предковъ, подползали на колѣняхъ, чтобы только цѣловать ноги своего мессіи, ярко рисующаго будущія блага раскаявшимся и увѣровавшимъ.

Присутствующая при такихъ патологическихъ явленіяхъ толпа, большинство членовъ которой съ преобладающею формою пассивнаго мышленія, увлекалась необычайнымъ зрѣлищемъ, особенно же истерическіе субъекты; они пестрымъ разнообразіемъ симптомовъ своего конституціональнаго страданія придавали явленіямъ, происходящимъ въ собраніяхъ Малеванцевъ, чрезвычайно фантастическую окраску, напоминающую демономаническій бредъ вѣдьмъ и колдуновъ среднихъ вѣковъ; всѣ члены собранія при этомъ легко доходили до состоянія религіозной экзальтаціи, которое сопровождалось замѣтными проявленіями эротизма въ видѣ страстныхъ поцѣлуевъ женщинъ съ мущинами и т. п.

Скоро появились усердные послѣдователи Малеванаго, подобно ему субъекты выродившіеся съ унаслѣдованнымъ предрасположеніемъ къ психозамъ; подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей своего учителя—Малеванаго они предавались религіознымъ размышленіямъ о предстоящемъ вѣчномъ блаженствѣ, находясь въ постоянномъ душевномъ волненіи; не замедлившія развиться галлюцинаціи въ сферѣ чувствъ зрѣнія, обоняніа и общаго чувства (напр. крестьянинъ с. Насташекъ Васильковскаго у. Исидоръ Кол...цъ разсказывалъ, что ему было „знаменіе", послѣ котораго только онъ увѣровалъ въ „истиннаго Господа", т. е. Малеванаго. Онъ видѣлъ „явленіе Господа въ своей славѣ";—видѣлъ „большое поле и безчисленную толпу народа"; въ это время „блеснула молнія и освѣтила все поле"; при свѣтѣ молніи было видно, что съ неба на землю поставлена „золотая лѣстница, и по этой лѣстницѣ сходилъ съ небесъ Господь; это былъ не кто иной, какъ Малеваный". Съ тѣхъ поръ К. увѣровалъ въ Мал. и дважды въ годъ ходилъ къ нему въ Таращу на поклоненіе) привели увѣровавшихъ къ непоколебимому убѣжденію относительно истиннаго значенія Малеванаго, какъ Спасителя міра, себя же они считали только его апостолами.

Въ слѣпомъ подчиненіи фанатическимъ проповѣдникамъ темная масса народа оставляла свои обычныя работы и, поспѣшивъ продать имущество, доѣдала послѣднія крохи, въ своеобразномъ ребяческомъ благодушіи ожидая Страшнаго Суда.

Это психопатическое броженіе быстро начало развиваться среди невѣжественной толпы, и помѣшанные—какъ это бываетъ всегда—явились самыми энергическими распространителями болѣзненныхъ мыслей среди вырождающагося населенія, предрасположеннаго къ неврозамъ. Конечно, истерическіе составили самую многочисленную часть послѣдователей новаго ученія, пріобрѣвшаго въ распространеннѣйшемъ истерическомъ симптомѣ—судорогахъ не оспоримое доказательство общенія увѣровавшихъ съ Божествомъ: по мнѣнію Малеванцевъ, судороги у многихъ изъ нихъ, когда они соберутся на молитвенномъ собраніи, служатъ явленіемъ особаго счастья, доказывая во-очію вхожденіе св. Духа въ человѣка.

Слѣдовательно, начало настоящаго нервно-психическаго броженія среди населенія Кіевской губ. положено галлюцинантомъ; болѣзненное разстройство дѣятельности органовъ чувствъ его и развившіяся вслѣдствіе этого ложныя идеи послужили ядромъ современной эпидеміи, которая однако же быстрымъ и широкимъ своимъ распространеніемъ обязана главнымъ образомъ истерическому населенію, внесшему въ нее болѣзненными симптомами своего страданія элементъ живаго, фантастическаго разнообразія.

Итакъ, и въ лѣтописяхъ нашего времени будутъ занесены факты бѣснованій, бредней, изступленія и конвульсій, такъ что нѣтъ ничего новаго въ этихъ патологическихъ явленіяхъ; исторія доказываетъ, что никакое время не избавлено отъ подобныхъ фактовъ: они, какъ и всѣ болѣзни, на время затихаютъ, чтобы снова потомъ зародиться.

Въ послѣднее время въ западной Европѣ съ особеннымъ усердіемъ стали собирать матерьялъ для созданія сверхчувственнаго міросозерцанія, и съ удивительной настойчивостью приводится въ связь все, въ чемъ выражаются тайны природы и вліяніе, которое возможно между людьми независимо отъ извѣстныхъ уже способовъ воспріятія (télépathie Myers'a). Еще въ 1882 году въ Лондонѣ образовалось общество съ программою „для психическихъ изслѣдованій"; позже возникли такія же общества во Франціи и Германіи съ спеціальными органами, пропагандирующими свои наблюденія и изслѣдованія въ

области мистицизма; напр., съ 1886 г. въ Лейпцигѣ появился въ изданіи журналъ Sphinx, въ которомъ энергическое участіе принимаетъ д-ръ философіи du Prel, время отъ времени сообщающій свои изысканія изъ области тайныхъ наукъ.

Въ этихъ попыткахъ опредѣлить метафизическія проблеммы, разрѣшить загадку человѣческой жизни какъ будто отражается средневѣковой обскурантизмъ; но точная наука отличитъ здравыя мысли и явленія, считающіяся чудесными, объяснитъ физическими законами. Подобно тому, какъ фантастическіе поиски философскаго камня въ средніе вѣка послужили развитію научной химіи, такъ и спиритическія сеансы, телепатія и ясновидѣніе побудятъ къ выясненію законовъ природы въ сферѣ нервно-психической. Изслѣдованія, предпринимаемыя съ мистическою цѣлью, также могутъ утилизироваться положительною наукою: изъ месмеризма, отвергнутаго въ 1784 г. Французскою Академіею Наукъ во главѣ съ Lavoisier'омъ и Franklin'омъ, въ наше время выдѣлены пріемы, употребляемые наукою подъ именемъ гипнотизма. Кажется, что субъекты съ истерически повышеною возбудимостью органовъ чувствъ доставляютъ факты ясновидѣнію.

Хотя такимъ образомъ стремленія человѣка къ изученію природы превосходятъ его средства, но психіатрическая наука не останавливается въ безсиліи передъ величіемъ природы и проливаетъ яркій свѣтъ даже въ тайники психическаго механизма.

ЛИТЕРАТУРА.

1) *J. Müller.* Handb. d. Physiologie, T. I., стр. 249.

2) *Wundt.* Grundzüde d. physiol. Psychologie. 1887. Bd. I и II.

3) *Fritsch.* *Hitzig.* Arch. f. Anat. u. Physiol. v. Reich. u. du Bois-Reym 1870. Das Gehirn. Berlin. 1874.

4) *Flourens.* Recherches expérim. sur les propriétés et les fonct. du syst. nerv. 1872.

5) *Goltz.* Arch. f. ges. Physiol. 1879. XX., ibid. XXVI, стр. 1.

6) *Ferrier.* О локализ. въ болѣзняхъ мозга, 1881.

7) *Munk.* Arch. f Anat. u. Physiol. (Physiol. Abtheil.) 1878; 162, 547, 599.

8) *Goltz.* Срав. физіол. Фостера рус. пер. т. 2. стр 325.

9) *Goltz.* Der Hund ohne Grosshirn. Pflüger's Arch. Bd. 51.

10) *Charcot et Pitres.* О локализ. корѣ въ полуш. головнаго мозга; пер. *Спримона.*

11) *Allen Starr.* Brain VII. 1889.

12) *Donaldson* The amev. journ. of Psychol. 1890. IX. № 3. и 1891. XII. № 2. (248—295).

13) *Schüle.* Сборникъ Цимсена Рус. перв. т. XVI, стр. 120.

14) *Schröder van der Kolk.* Die Pathol. u. Therapie d. Geisteskr. 1863, стр. 7.

15) *Hagen* Ср. *Schule.* 1880. стр. 121—123.

16) *Kahlbaum.* Allg. Ztsch. f. Psych. Bd. XXIII. 1866., 82.

17) *Meynert* Ueber. Fortschr. im Verständ. d. krank. psych. Gehirnzustände. 1878.

18) *Кандинскій.* Медицин. Обозрѣніе 1880. Т. 4. стр. 815.

19) *Пастернацкій.* Comptes rendus de l'Academie des Sciences. 1881, t. 23 № 2.

20) *Tamburini.* La théorie des halluc. Revue scientif. 1881. стр. 142.

21) *Griesinger* Душев. б-ни. 1881, 93.

22) *Krafft-Ebing.* Учебникъ психіатріи. 1890, 193.

23) *Régis.* Note sur un cas d'hallucinations... La France Medicale. 1892, t. I.

24) *Ball.* Considérations sur un cas d'hallucinations... L'Encéphale. 1882.

25) *Kirchhoff.* Lherb. d. Psych. 1892 г.

26) *James.* The principes of psychology. 1890.

27) *Binet* } La théorie des hallucinations.
Féré } Revue scientif. 1885.

28) *Fechner.* In Sachen der Psychophysik. 1877.

29) *Hagen.* Ср. Schule. Душевн. б-ни. 1880, 122.

30) *Jreland.* On the character and Hallucin. of Joan Arc The Journal of mental Science. 1883. I и III.

31) *Константиновскій.* Труды 1-го съѣзда отеч. псих. Стр. 529.

32) *Pitres.* Leçons clin. sur l'hystérie...

33) *Seglas.* Progr méd. 1888. №№ 33 и 34.

34) *Binet.* Les alterations de la personalité. Paris. 1892, 295.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ЮГО-ЗАПАДНЫХЪ И СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ

СЪ ИХЪ НАРѢЧІЯМИ И ГОВОРАМИ.

I. БОЛГАРСКІЙ ЯЗЫКЪ.

1. Изученіе болгарскаго языка.

Изо всѣхъ славянскихъ языковъ болгарскій языкъ нужно признать наименѣе изученнымъ. Главнѣйшая причина того продолжительный турецкій и фанаріотскій гнетъ, отъ котораго болгарскій народъ освободился, да и то еще не совсѣмъ, очень недавно, и который одинаково затруднялъ какъ развитіе мѣстныхъ изученій болгарскаго языка, такъ и наблюденій надъ нимъ со стороны иностранныхъ ученыхъ даже въ ту пору, когда съ развитіемъ славистики, изслѣдованіе всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ значительно подвинулось впередъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ ученомъ мірѣ почти ничего не знали о болгарскомъ языкѣ. Знаменитый патріархъ славянской филологіи Іосифъ Добровскій считалъ болгарскій языкъ нарѣчіемъ сербскаго языка (Slovanka 1814). Другой извѣстный славистъ Копитаръ (въ 1815 г.) зналъ о болгарскомъ языкѣ только то, что въ немъ существуетъ членъ, и не имѣлъ понятія о томъ, насколько болгарскій языкъ отличается отъ сербскаго въ грамматическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ. Первый лучъ свѣта въ эту темную область славянскаго языкознанія бросилъ въ 1822 г. славный сербскій этнографъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, указавшій въ одномъ своемъ сочиненіи (Додатак к Санктпетербургским сравнительним рјечницима свију језика с особитим огледима бугарскога језика) главнѣйшія особенности болгарскаго языка.

Съ возрожденіемъ болгарской литературы и основаніемъ въ Болгаріи народныхъ школъ являются первыя грамматики болгарскаго

языка. Но въ нихъ еще тщетно искать характеристики живаго народнаго языка. Онѣ представляютъ правила смѣшаннаго славяно-болгарскаго языка, употребленіе котораго предшествовало допущенію въ книгу чистаго народнаго языка. Таковы напр. грамматическіе труды Христаки Павловича Дупничанина, или даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная грамматика Неофита, архимандрита Рыльскаго монастыря.

Первые опыты научнаго опредѣленія особенностей настоящаго болгарскаго языка явились на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ 1851 г. издана Lautlehre der Bulgarischen Sprache Миклошича, въ слѣдующемъ году сдѣлавшаяся извѣстной и въ русскомъ переводѣ. Въ 1852 г. болгаринъ Киріакъ Цанковъ напечаталъ въ Вѣнѣ Grammatik der Bulgarischen Sprache, въ которой примѣнилъ къ болгарскому языку латинскую абецеду—(попытка впрочемъ не имѣвшая успѣха), а въ 1855 г. вышла въ свѣтъ большая работа П. Безсонова „Главные вопросы языка Новоболгарскаго“, какъ введеніе къ Сборнику болгарскихъ пѣсенъ. Около этого времени началось усиленное собираніе и обнародованіе памятниковъ народнаго творчества, принявшее впослѣдствіи широкіе размѣры. Пѣсни, сказки, пословицы, загадки и другіе памятники народной рѣчи помѣщались и въ періодическихъ изданіяхъ, какъ „Български книжици“, „Гайда“, „Периодическо Списание на Българско книжовно дружество“, „Наука“ и др. и выходили отдѣльными сборниками. Послѣ сборника П. Безсонова появились сборники П. Славейкова (1855), С. Верковича (1860), братьевъ Миладиновыхъ (1861), Л. Каравелова (1861), Чолакова (1872), Дозона (1875), В. Качановскаго (1884), позже Илиева (1889), Шапкарева (1891), „Сборникъ за народни умотворенія“ Болгарскаго Министерства народнаго просвѣщенія. Весь этотъ обширный этнографическій матеріалъ, издаваемый правда не всегда согласно со строгими требованіями филологической науки, долженъ былъ доставить болѣе или менѣе цѣнныя данныя для уясненія облика болгарскаго языка. И дѣйствительно, въ сравнительной грамматикѣ Миклошича, особенно во второмъ ея изданіи, сдѣлана довольно обстоятельная характеристика и этого загадочнаго представителя славянской семьи языковъ.

Успѣшное развитіе болгарской литературы и школьнаго дѣла въ новѣйшее время, послѣ освобожденія, естественно вызывало потребность въ мѣстномъ изученіи языка. Но до послѣдняго времени это

изученіе развивалось очень медленно и пока еще не ознаменовалось появленіемъ болѣе или менѣе крупныхъ и цѣльныхъ трудовъ. Изъ массы школьныхъ грамматикъ болгарскаго языка нельзя указать ни одной, построенной по сколько-нибудь научному методу. Лучшія изъ нихъ написаны Момчиловымъ, Пьрвановымъ и Икономовымъ. Невыработанность литературнаго языка и отсутствіе установившейся системы правописанія отчасти объясняютъ недостатки школьныхъ болгарскихъ грамматикъ. Только очень недавно въ средѣ болгарскихъ ученыхъ началъ пробуждаться интересъ къ изученію роднаго языка. Къ почтеннымъ трудамъ проф. М. С. Дринова на болгарскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ присоединяются теперь болѣе или менѣе важныя филологическія работы, преимущественно по болгарской діалектологіи, Теодорова, Илиева, Матова, Константинова, Драганова. Но болѣе цѣнные вклады въ научную разработку болгарскаго языка принадлежатъ инославянскимъ и иностраннымъ ученымъ. Таковы частныя изслѣдованія Билярскаго, И. И. Срезневскаго, В. И. Ламанскаго, Ф. Миклошича, И. В. Ягича, Ст. Новаковича, П. Милетича, В. Облака, Лескина и Мазинга. Русскому профессору Дювернуа принадлежитъ заслуга изданія перваго наиболѣе полнаго и обстоятельнаго словаря болгарскаго языка (1891 г.). Польскій филологъ Калина, въ недавно изданномъ обширномъ трудѣ, представилъ первый опытъ систематической исторіи болгарскаго языка. Такимъ образомъ основаніе научному изученію языка заложено, но частная разработка важнѣйшихъ вопросовъ грамматики болгарскаго языка, его исторіи, его говоровъ и пр. едва только начинается.

а) Грамматики и грамматическія изслѣдованія по современному болгарскому языку.

Караџић, Вук Стеф. Додатак к Санктпетербургским сравнитељним рјечницима свију језика с особитим огледима бугарскога језика. Беч. 1822.

Неофитъ, Българска грамматика сега пьрво сочинена. Крагуевацъ. 1835.

Андреовъ. Пѣрвичка бѣлгарска граматика. Букурештъ. 1844.

Kyriak Cankof A. u. D. Grammatik der Bulgarischen Sprache. Wien. 1852.

Мирковичъ Д. Г. В. Кратка и методическа българска грамматика. Цариградъ-Галата. 1860.

Радуловъ С. Начална грамматика за изученіе на българскый языкъ. Кн. 1—2. Болградъ. 1870—1871.

Момчиловъ Ив. Грамматика на новобългарскыя езыкъ. Второ изданіе. Въ Търново. 1873.

Първановъ. Изводъ изъ българската грамматика. Русчукъ. 1870.

Манчовъ Др. Баштинъ языкъ. Пловдивъ, Свиштовъ, Солунъ. 1874.

Вѣженовъ. Грамматика за българский язикъ. Пловдивъ. 1880.

Икономовъ Т. Българска грамматика. Второ изданіе. Пловдивъ, Софія, Русчукъ. 1881.

Богоровъ И. А. Словница за изучванье бащиныа нашъ языкъ. Четвърто издаванье. Русе. 1882.

Илиевъ С. Начална грамматика. Русчукъ. 1882.

Илиевъ Ат. Т., Синтаксисъ на българския езикъ. Пловдивъ. 1888. (Рец. въ ж. Периодическо Списание на Българското книжовно дружество. Софія. XXVIII—XXX. 1889).

Гранитскый А. П. Русско-българскы разговоры. Търново. 1878.

Wagner J. Mluvnice jazyka bulharského. Vydání druhé. V Praze. 1884.

Vymazal Fr. Die Kunst, die Bulgarische Sprache leicht und schnell zu erlernen. Wien. Pest. Leipzig. 1886.

Chleborad Fr. Lad. Bulgarische Grammatik. Leipzig. 1887.

Miklosich Fr. 1) Lautlehre der Bulgarischen Sprache. (Slavische Bibliothek. I. 1851. Wien.), русскій переводъ Петковича (Ж. М. Н. Пр. 1852, ч. LXXVI). 2) Vergleich. Gram. d. Slav. Spr. ср. выше стр. 39; 3) Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Wien. 1883. (Denkschriften d. Kais. Akademie d. Wissenschaften. Bd. XXXIV. Ср. рец. А. И. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1884, сентябрь).

Безсоновъ П. Главные вопросы языка новоболгарскаго, условливающіе собою правописаніе. (Вводная статья въ изданіе „Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катрапова и другихъ Болгаръ". М. 1855).

Hattalla M. O nosnih samoglasih (Književnik II).

Дриновъ М. 1) За новобългарското азбуке. (Периодич. Списан. Бр. II. 1870); 2) Азбукето на българското книж. дружество и г. Мушякъ. (Тамъ-же IX—X. София, 1882); 3) Beiträge zur Kunde der neubulgarischen Sprache. I. Die Wiedergabe des altslovenischen ѫ und ъ im Neubulgarischen. (Archiv f. Slav. Phil. V. 3. 1881).

Jagić V. Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen. (Archiv f. Slav. Phil. II, 399, VII, 666, XI, 265).

Соболевскій А. И. Носовые гласные въ новоболгарскомъ языкѣ (Рус. Фил. Вѣст. 1890, 1).

Теодоровъ А. 1) За звука ь въ новобългарския езикъ (Период. Спис. Соф. IV — V); 2) Къмъ звука ь въ новобългарския езикъ (Период Спис. Соф. XV); 3) Приносъ къмъ въпроса за българскитѣ носовки (Период. Спис. III).

Милетичъ Л. 1) Членътъ въ българския езикъ (Период. Спис. XXI—XXII (1887). Ср. замѣчанія Теодорова тамъ-же XXV — XXVI (1888) и отвѣтъ на нихъ Милетича тамъ-же XXVII); 2) O članu u bugarskom jeziku. Zagreb. 1884. (Ср. рецензіи Облака въ Arch. f. Slav. Phil. XII).

Ворачекъ и Д. Стояновъ. Ударението — въ новобългарский езикъ („Наука". Пловдивъ. 1884, кн. XI—XII).

Leskien A. Der bulgarische Artikel mit *v* oder *n* (Arch. f. Slav. Phil. III, 522).

б) Матеріалы и изслѣдованія по исторіи болгарскаго языка.

Калайдовичъ К. Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій. Спб. 1824.

Прейсъ. Донесеніе г. Министру Нар. Пр. изъ Загреба (Журн. М. Н. Пр. 1841. Ч. XXIX и 1842. Ч. XXXIII).

Чертковъ А. О переводѣ Манассіиной лѣтописи. М. 1842.

Билярскій П. О среднеболгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи. М. 1858.

Срезневскій И. И. 1) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867 — 81. (Здѣсь особенно важна ст. 81-я—Болгарскія грамоты и другія записи, Терновское четвероевангеліе 1273 г., Болгарскій Сборникъ 1348 г. и др.); 2) Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма. Спб. 1868. (Особ. важны Болонская псалтырь, Погодинская псалтырь, Охридская книга апост. чтеній, Слѣпченская книга апост. чтеній и др.); 3) Памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ; 4) Люблянская рукопись въ Отчетѣ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1874.

Ламанскій В. И. 1) О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864. (Приложеніе къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ и отдѣльно); 2) Непорѣшенный вопросъ (Ж. М. Н. Пр. Ч. 143, т. 2, и 144, т. 2, 1869 г. I) Объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка; II) Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вѣкахъ; III) Болгарская литература XVIII ст. Здѣсь м. пр. дано описаніе Люблянской рукописи, позже изданной И. И. Срезневскимъ. Ср. выше).

Miklošič Fr. Trojanska priča bugarski i latinski (ркп. ок. 1350 г.), (въ сборникѣ Юго-Славянской Академіи. Starine III).

Ягичъ В. 1) Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslavinskich rukopisa, (въ сб. Starine V, VI, IX и X, 1873—78 и отд.): Život Aleksandra Velikoga po tekstu recensije bugarske (V), Sto ima u bugarskom zborniku Kraljevske biblioteke u Berlinu (V), Kako se pisalo bugarski prije dvjèsti godina (IX), Bugarsko - slovenski oktoich kolekcije nekoč Mihanoviće sad akademičke biblioteke u Zagrebu (X), Ustanove penitencialne bugarskoga zbornika (VI); 2) Zum altbulgarischen Vocalismus. Wie lautete ѧ bei den alten Bulgaren? (Arch. f. Slav. Phil. B. III. H. 2. 312—357).

Новаковић Ст. 1) Бугарски сборник, писан прошлога вјека народним језиком. (Starine VI. Zagreb. 1874); 2) Житіе Іоанна Рыльскаго (Гласник Српског ученог друштва кн. XXII).

Leskien A. 1) Bemerkungen über den Vocalismus der Mittelbulgarischen Denkmäler (Arch. f. Slav. Phil. II); 2) Abagar ein neubulgarischer Druck aus dem XVIII Jahrh (Тамъ-же III, 518); 3) Die Unterschrift des Evangeliums von Trnovo (Тамъ-же IV, 512).

Сырку П. 1) Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus dem Bulgarischen (Слово о ветхомь Алеѯандрѣ)—въ Arch. f. Slav. Phil. VII. 78; 2) Житіе св. Николая Софійскаго со службой ему и похвальное слово Софійскимъ мученикамъ. По рукописи XVI в. Спб. 1883; 3) Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. Спб. 1883; 4) Замѣтки о двухъ произведеніяхъ патріарха Евѳимія (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго. Спб. 1883; 5) Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Литургическіе труды патріарха Евѳимія Терновскаго. Выпускъ II. Тексты. Спб. 1890.

Качановскій В. И. 1) Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (Христіанское Чтеніе 1882. Ч. 2); 2) Болонская псалтырь (1186 — 1196) и Евангеліе Рыльскаго монастыря конца XII или начала XIII в. Спб. 1882. Ср. Arch. f. Slav. Phil. VI, 473.

Палаузовъ. Синодикъ болгарскаго царя Бориса (Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ 1855). Ср. Т. Флоринскій, Къ вопросу о богомилахъ въ „Сборникѣ Статей по Славяновѣдѣнію“, составленномъ и изданномъ учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883.

Даничић. Бугарски рукопис писан године 1277. (Starine I. U Zagrebu. 1869).

Макушевъ В. В. О нѣкоторыхъ рукописяхъ народной библіотеки въ Бѣлградѣ, I. Рукописи болгарскаго письма. (Рус. Фил. Вѣстн. 1881. (T. VI) 4).

Срезневскій В. И. Древнеславянскій переводъ Псалтыри. Спб. 1877.

Успенскій Ѳ. И. О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878. Сентябрь, ноябрь).

Гротъ К. Я. Лондонскія Замѣтки. Славянскія рукописи Британскаго Музея. (Рус. Фил. Вѣстн. т. XVII. 1887. 1).

Арх. Амфилохій. 1) О самодревнѣйшемъ октоихѣ XI вѣка югославянскаго юсоваго письма, найденномъ въ 1868 г. А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Струмицѣ. М. 1874. Ср. Arch. f. Slav. Phil. Ш, 168. 2) Объ отрывкахъ изъ древнеславянскихъ рукописей XI и XII — XIII в. М. 1880. Ср. зам. А. И. Соболевскаго въ Рус. Фил. Вѣстн. 1881. 2.

Плотниковъ. Среднеболгарскій служебникъ 1532 г. Воронежъ. 1880.

Поповъ А. Описаніе рукописей Хлудова. М. 1872—75.

Отчеты Имп. Публ. Библ. за 1868 г. (Рукописи Гильфердинга).

Стояновъ В. Д. 1) Български старъ ръкописенъ паметникъ отъ XIV в. Пер. Спис. Соф. 1887. XXI—XXII; 2) Турцитѣ въ Европа. (Тамъ-же II, 1882).

Петрушевичъ А. Зам. о болг. Прологѣ XV в. Львов. Биб. въ изд. Науковый Сборникъ. 1880.

Polívka J. 1) Palaeographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in den Makedonischen Praxapostolus (Arch. f. Slav. Phil. 1887. B. X); 2) Bugarsko četverojevangjelje u biblioteci českog muzeja u Pragu. (Starine XIX 1887); 3) Přispěvky k historii středobulharského jazyka i pisemnictví. (Listy filol. XIV 1887); 4) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskich rukopisa u Pragu. (Starine XXI. 1889).

Valjavec M. Trnovsko tetrajevandjelije. (Starine 1888—1889. XX, XXI). Ср. Arch. f. Slav. Phil. XIII, 241.

Scholvin R. Einleitung in das Johann-Alexander-Evangelium. (Arch. f. Slav. Phil. VII, 1883, 1, 2).

Помяловскій И. В. „Повѣсть о убіенныхъ св. отцахъ въ Синаѣ и Раифѣ, Амонія мниха“ (по болгарск. рук. XIV в.) въ приложеніи къ Отчетамъ Общества Любителей древней Письменности. 1884.

Соболевскій А. И. Среднеболгарская вкладная XIV в. (Рус. Фил. Вѣст. 1890. T. XXIV, 152).

Шкорпилъ братья. Материали по археологията и античеката география на България. 1. Български паметникъ отъ Ямболъ. (Пер. Спис. Соф. XXI—XXII, 1887).

Константиновъ Хр. Паметни бѣлѣжки за Срѣдецъ. (Пер. Спис. Соф. VIII, X, 1884).

Славейковъ П. Извлѣчения изъ лѣтописа на попъ Йовча отъ Трѣвна. (Сборникъ за народни умотворения наука и книжнина. Изд. Мин. Нар. Просв. II, III, IV).

Ивановъ С. П. Материяли за новата история на България. (Пер. Спис. Соф. XXXV, 1890).

Венелинъ Ю. И. Влахоболгарскія грамоты. Спб. 1840.

Новаковичъ Ст. Влашко-бугарски литургијар од год 1507 у библиографији до сад непознат. (Starine. XI, 1878).

Соколовъ И. И. Мункачевская псалтырь XV вѣка. (Сборн. статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго. 1883).

Милетичъ Л. Особности на езика въ Мариинския паметникъ. (Пер. Спис. Соф. XIX—XX. 1886).

Теодоровъ А. 1) Старияни български езикъ и новобългарскитѣ нарѣчия. (Пер. Спис. Соф. XIV, 1885); 2) Къмъ историята на българския езикъ. Българскиятъ книжовенъ езикъ и правописъ. (Тамъ-же XXXII, XXXIII, XXXIV, 1890).

Kalina Ant. Studyja nad historyją języka bulgarskiego. (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV, XV, 1891 и отд. кн.). Ср. рецензію М. С. Дринова въ ж. Славянское Обозрѣніе. 1892. Апрѣль.

в) Работы по болгарской діалектологіи.

Славейковъ П. Р. Рупското или Рупаланското българско население и нарѣчие. (Наука, II, 1882. Пловдивъ. Ср. Зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VII (1883) 2. 320).

Сырку П. А. 1) Рупаланы или Рупцы (Филолог. Зап. 1883); 2) De la phonologie bulgare. Dialecte Macedonien (сборникъ „La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par Ofeicoff (псевд.) Philippopoli, 1888).

Константиновъ П. Материялъ за изучване родопското нарѣчие. (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. I; 1889, II, 1890).

Стояновъ В. Д. Народни пѣсни изъ Шуменско (съ примѣчаніями о Шуменскомъ говорѣ). Пер. Спис. Соф. I, 1882. Ср. зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VI. 1882. 3. 422.

Васильовъ Т. Нѣколко бѣлѣжки върху Тетевенский говоръ (Пер. Сп. Соф. VI (1883 г.), 148. Ср. Зам. В. Ягича въ Arch. f. Slav. Phil. VII (1883), 4, 667).

Гѫбювъ К. Говоръть въ Конопчии (Пер. Сп. XVIII, 1885).

Цоневъ Б. За источно българския вокализъмъ (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. III, 1890. IV, 1891).

Теодоровъ А. 1) Единъ приносъ къмъ Височкия говоръ (Пер. Спис. XV, 1885); Западнитѣ български говори (Тамъ-же, XIX—XX, 1886).

Тиховъ. Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болгарскихъ пѣсенъ В. В. Качановскаго (Ученыя Записки Казанскаго университета, 1890 и отд.).

Драгановъ Д. 1) Носовые гласные звуки въ современныхъ македонско-славянскихъ и болгарскихъ говорахъ (Рус. Филол. Вѣстн. 1881, 1); 2) Этнографическій очеркъ славянской Македоніи (Извѣстія Спб. Славянскаго Благотв. Общества. 1888, 2. Ср. Зам. Шопова въ Пер. Сп. XXXI, 1879; Шапкарева въ „Сборн. за народни умотворенія“ II и Каранова, тамъ-же, IV, 1891); 3) Разборъ выше упомянутой книги Офейкова „La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique“ въ Ж. М. Н. Пр. 1888, апрѣль.

Дриновъ М. С. Нѣсколько замѣчаній о языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ Дебрскихъ Славянъ (Извѣстія Спб. Славянскаго Благотв. Общества, 1888).

Новаковић Ст. 1) ћ и ђ у македонским народним дијалектима (Глас Српске Краљевске Академије Београд. XII, 1889. Ср. зам. Облака Arch. f. Slav. Phil. XII, 4, 571 и Поливки въ Чешскомъ Athenaeum VIII, 24); 2) Ein Beitrag zur Kunde der macedonischen Dialekte (Arch. f. Slav. Phil. XII, 1889, 1. XIII, 1891, 4).

Матовъ. Кратка расправия по етнографията на Македония (Пер. Спис. XXXIV—XXXV).

Masing Leonhard. Zur Laut und akzentlehre der Macedoslavischen Dialekte. Спб. 1891.

Милетичъ Л. Старото склонение въ днешнитѣ български нарѣчия Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София, II, 1890).

Григоровичъ В. И. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. 2-е изд. М. 1877. Ср. Живая Старина, 1891.

Jireček K. Cesty po Bulharsku v Praze. 1888; 2) Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891; 3) Замѣтки о Рупаланскомъ нарѣчіи въ Пер. Спис. Соф. VIII (1884), 84—94.

Миклошичъ. Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen (Denkschr. d. Wien. Akad. VII, 1856).

г) Словари болгарскаго языка.

Morse. C. F. An english and bulgarian vocabulary in two parts english and bulgarian and bulgarian and english. Constantinople 1860.

Богоровъ И. М. Френско български и българско-френски рѣчникъ. Френско-български дѣлъ. Второ издание оправено. Віена, 1873. Българско-френски дѣлъ. Віена, 1871.

Словари Морзе и Богорова весьма не полны и вообще неудовлетворительны.

Геровъ Найденъ. Болгарскій словарь (начало) въ изданіи втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ „Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Спб. 1856, Ш. Имѣются извѣстія, что Н. Геровъ приготовилъ къ печати полное изданіе своего словаря.

Дювернуа А. Словарь болгарскаго языка. По памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Вып. 1—9. Москва, 1885—1889, XXVI+2633+36. Ср. рецензіи проф. М. С. Дринова „О болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа“ въ Отчетѣ о присужденіи преміи митрополита Макарія 1892 г. и отд. и замѣтку Н. Шлякова въ Русск. Фил. Вѣстн. 1886, 3 (т. XVI).

Матеріалъ для областнаго болгарскаго словаря издается г. Матовымъ въ Солунскомъ журналѣ „Книжици за прочитъ“. Маленькіе словарики см. при сборникахъ пѣсенъ Безсонова, Верковича, Дозона, Качановскаго, Иліева и др. Ср. ниже.

д) Памятники народнаго болгарскаго языка по разнымъ говорамъ.

Караџић В. С. Додатак и т. д. ср. выше стр. 49.

Богоевъ Ив. Български народни пѣсни и пословици. Пештъ. 1842.

Григоровичъ В. И. и Вразъ Ст. Narodne pěsme bugarske. Журн. Kolo, 1847, IV—V.

Геровъ Найденъ. Болгарскія пѣсни въ изд. Акад. Наукъ „Памятники и образцы народнаго языка русскихъ и западныхъ Славянъ“ IV. (Прибавленія къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Спб.).

Іовановичъ Х. Н. Нови български народни пѣсни. Бѣлградъ, 1851.

Славейковъ П. Р. Сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1855. (Прибавленія къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ).

Безсоновъ П. Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, И. Д. Катранова и другихъ Болгаръ М. 1855. Вып. 1—2. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. XXI, XXII).

Верковић Ст. Народне песме Македонски Бугара. Женске песме. У Београду 1860.

Миладиновци Дм. и К. Български народни пѣсни. Въ Загребъ 1861. 2-е изд. Въ София 1891.

Каравеловъ Л. Памятники народнаго быта Болгаръ. М. 1861.

Чолаковъ Вас. Български народенъ сборникъ. Бѣлградъ, 1872.

Dozon Auguste. Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inedites. Paris, 1875.

Богоровъ Ив. Български народни пѣсни. София, 1879.

Качановскій Влад. Памятники болгарскаго народнаго творчества Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882. (Изд. Академіи Наукъ).

С. Ив. Б. Сборникъ отъ български народни пѣсни. София, 1884.

Шишковъ. Родопски старини или Сборникъ отъ обичаи, суевѣрия, пѣсни и пр. на родопскитѣ дѣятели. I. Пловдивъ, 1887.

Илиевъ Ат. Т. Сборникъ отъ народни умотворения, обичаи и др. събрани изъ разни български покрайнини. Кн. I. Народни пѣсни. София. 1889.

Шапкаревъ К. А. Сборникъ отъ български народни умотворения. Кн. 1—6. София, 1891—92.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава Министерството на народното просвѣщение. София. Т. I — VI, 1889 — 1892. (Продолжается).

Ястребовъ И. С. Обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ. Спб. 1886, 2-е изд. 1889 г.

Изъ періодическихъ изданій, содержащихъ въ себѣ памятники народнаго болгарскаго языка, наиболѣе важны слѣдующія: *Цареградский Вѣстникъ*, *Български книжици*, *Гайда*, *Общъ Трудъ*, *Дунавский Лебедь*, *Наука*, *Библиотека св. Климентъ*, *Домашенъ Учитель*, *Искра*, *Книжици за Прочитъ*, *Заря*, *Трудъ* и особенно *Периодическо списание на Българското книжовно Дружество* (Браиловъ, София, кн. I — XL). Весьма цѣнны матеріалы, помѣщенные въ русскихъ изданіяхъ: *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ* 1852 г. *Живая Старина* II (1890) III (1891).

Лучшіе образцы литературнаго болгарскаго языка можно найти въ сборникѣ И. Вазова и Величкова Българската Хрестоматия. Пловдивъ, 1884, I, II.

---

2. Площадь болгарскаго языка.

Болгарскимъ языкомъ говорятъ Славяне, населяющіе восточную половину Балканскаго полуострова, именно — древнія страны Мизію, Ѳракію и Македонію, или по позднѣйшей турецкой терминологіи, вилайеты: Дунайскій, Адріанопольскій, Салоникскій и Битольскій и, кромѣ того, еще часть Бассарабіи. Нынѣшнее болгарское княжество и по соединеніи съ т. н. Восточной Румеліей далеко еще не обнимаетъ всей болгарской территоріи. Впрочемъ, точное опредѣленіе границъ распространенія болгарскаго языка въ настоящее время представляетъ большія трудности и едва-ли возможно, главнѣйше вслѣдствіе недостатка обстоятельныхъ этнографическихъ изслѣдованій. Такъ о Македоніи доселѣ ведется горячій споръ между учеными: одни видятъ въ этой области сербскую землю, другіе—болгарскую. Послѣднее мнѣніе, кажется, нужно признать болѣе справедливымъ; македоно-славянскіе говоры мы относимъ къ болгарскимъ по соображеніямъ, которыя подробно излагаемъ ниже, въ отдѣлѣ о нарѣчіяхъ болгарскаго языка. Но независимо отъ македонскаго вопроса, вообще западная граница болгарской территоріи не поддается точному опредѣленію. Здѣсь болгарскій языкъ незамѣтно сливается съ сербскимъ и встрѣчаются любопытные переходные говоры, которые новѣйшими филологами причисляются то къ сербскимъ, то къ болгарскимъ. Однако, не смотря на всѣ эти неясности, кажется, необходимо признать, что въ Сан-Стефанскомъ договорѣ 1878 г. въ общемъ вѣрно отмѣчены предѣлы этнографической Болгаріи.

Основываясь на мнѣніи лучшаго современнаго знатока Болгаріи проф. Константина Иречка, совпадающемъ съ показаніями лучшихъ этнографическихъ картъ, пограничную линіи области, населенной народомъ, говорящимъ болгарскимъ языкомъ, можно обозначить слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ она совпадаетъ съ нижнимъ Дунаемъ отъ его устьевъ до Видина; затѣмъ она переходитъ по сушѣ къ Тимоку идетъ по границѣ сербскаго королевства, которую она рѣдко переходитъ и поворачиваетъ къ югу только у Прокопія на Топлицѣ. Идя вдоль высотъ по лѣвому краю Моравской долины, она обходитъ городъ Вранью, достигаетъ Черной горы, тянется вдоль Шара-планины, захватываетъ верхнюю Дибру и заканчивается на восточномъ берегу Охридскаго озера у села Лина. Страна на югъ отъ Охридскаго и

Преспанскаго озеръ, Корчинская долина и долина рѣки Дѣвола имѣютъ смѣшанное населеніе (Албанцы, Болгаре, Влахи). Далѣе граница направляется отъ Дѣвола чрезъ Касторійское озеро, города Влахо-Клисуру, Нѣгушъ, Солунь, Сересъ (Сѣръ), захватывая тамъ окрестности Драмы и примыкая къ южному склону Родопы, оттуда идетъ на Димотику, Узункюпри, Бунаръ-Гиссаръ (у Киркилиссы по болгарски Лозенъ) и Малый Самоковъ до Чернаго моря. Изолированныя болгарскія села подходятъ къ самому Константинополю. Въ этихъ предѣлахъ территорія болгарскаго языка обнимаетъ площадь приблизительно въ 4,000 квадр. миль. Сверхъ того болгарская рѣчь слышится въ *Россіи* въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской и Таврической, въ *Румыніи* — въ городахъ Галацѣ, Браиловѣ, Плоештахъ, Букарестѣ, Ольтеницѣ, Журжевѣ, Александріи и Крайовѣ, въ *Венгріи*—въ Банатѣ и Семиградской области и въ *Сербіи*—въ Зайчарѣ, Грлянѣ и въ Великомъ Изворѣ. Въ *Малой Азіи* есть одна болгарская деревня Кизъ-Дербендъ (съ XVII стол.) между Никомидіей и Никеей.

Въ средніе вѣка, приблизительно отъ VII до XI (и кое-гдѣ до XIII ст.) языкомъ близкимъ къ болгарскому говорили славянскія племена, занимавшія значительныя части Ѳессаліи, Эпира, Эллады и Пелопонеса и съ теченіемъ времени исчезнувшія въ греческомъ и албанскомъ населеніи. О такомъ распространеніи славянской рѣчи на югѣ Балканскаго полуострова говорятъ драгоцѣнныя свидѣтельства византійскихъ лѣтописцевъ (особ. Константина Порфиророднаго), множество мѣстныхъ названій, звучащихъ на славянскій ладъ и сильная славянская стихія въ нынѣшнемъ греческомъ и албанскомъ языкахъ.

Общая численность населенія, говорящаго болгарскимъ языкомъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, впрочемъ, не вполнѣ еще точнымъ, значительно ниже той цифры (5 — 6 милліоновъ), какую предполагали въ эпоху войны за освобожденіе. Она не превосходитъ 3,200,000. Изъ этого числа приходятся: на Болгарское княжество около 2 милліоновъ, на Турцію — болѣе 1 милліона, на Россію — 120,000, на Австро-Венгрію — 30,000, на Румынію — 30,000 и на Сербію — 10,000.

При опредѣленіи границъ болгарской рѣчи, кромѣ этнографическихъ картъ, указанныхъ выше, на стр. 3, слѣдуетъ имѣть въ виду карты Лежана (Этнографическій Сборникъ Имп. Географическаго Общества 1864), Сакса (Ethnographische karte der Europäischen Türkei und ihrer Denpendenzen zu Anfang des Jahres 1877. Mittheilungen der K. K. geographi Gesellschoft in Wien. 1878. Bd. XXI) и Иречка (Исторія Болгаръ, русскій переводъ Бруна и Палаузова. Одесса, 1878. Ср. также приложеніе къ этой книгѣ (стр. 743 и слѣд.). „Жилища и численность Болгаръ" и данныя по этнографіи и статистикѣ, содержащіяся въ двухъ другихъ сочиненіяхъ того-же автора: 1) Cesty po Bulharsku. V Praze, 1888 и 2) Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891).

Спорный вопросъ о народности македонскихъ Славянъ и вообще о предѣлахъ распространенія болгарскаго языка на западѣ и юго-западѣ имѣетъ уже цѣлую литературу, развившуюся, впрочемъ, сравнительно въ недавнее время. Подробный обзоръ этой литературы предлагается въ курсѣ этнографіи. Здѣсь достаточно указать два изданія, представляющія собой въ своемъ родѣ попытку свести въ одно цѣлое доводы въ пользу того и другаго спорнаго мнѣнія: 1) La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par Ofeicoff. (псевдонимъ) Philippopoli, 1888 и 2) Gopčević Spiridion Makedonien und Altserbien. Mit 67 Original-illustrationen und einer ethnographischen Karte. Wien. 1889. Въ первомъ изъ нихъ вопросъ рѣшается въ болгарскомъ смыслѣ, во второмъ—въ сербскомъ. (Ср. рецензію Т. Флоринскаго въ изд. Живая Старина Спб. 1890, I).

3. Историческія судьбы болгарскаго языка.

Исторія болгарскаго языка представляетъ еще много неяснаго, загадочнаго. Сохранившіеся до нашего времени, древнѣйшіе памятники болгарской письменности не восходятъ далѣе XII — XIII вв. (Евангеліе Григоровича XII в., Струмницкій Октоихъ XII в., Болонская псалтырь 1186—1196, Охридскій апостолъ XII в., Слѣпченскій апостолъ XII в., Погодинская псалтырь XII в., Григоровичевъ Паремейникъ XII—XIII в., Терновское четвероевангеліе 1273 г., Октоихъ Михановича XIII в., Берлинскій сборникъ XIII в. и др.[1]); древнѣй-

[1]) Сюда надо присоединить и рядъ меньшихъ, но весьма важныхъ памятниковъ, изданныхъ И. И. Срезневскимъ въ книгѣ „Древніе памятники юсоваго писъма".

шія грамоты царя Іоанна Асѣня II, ок. 1218 г. и 1230 г. и Константина Асѣня до 1278 г.). Въ нихъ мы видимъ тотъ-же книжный языкъ, старославянскій или церковнославянскій, который въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ широко употреблялся, да и теперь употребляется и въ другихъ православныхъ славянскихъ земляхъ — въ Сербіи и на Руси. Въ рукописяхъ болгарскаго происхожденія онъ характеризуется лишь нѣкоторыми частными особенностями, совокупность которыхъ, однако, даетъ возможность установить на ряду съ русскимъ и сербскимъ изводами особый т. н. среднеболгарскій изводъ памятниковъ старославянскаго языка.

Важнѣйшія изъ этихъ особенностей слѣдующія:

1) Сохраненіе ѫ и ѧ. Между тѣмъ какъ въ памятникахъ русскаго и сербскаго изводовъ носовые гласные обыкновенно замѣняются чистыми, рукописи среднеболгарскаго извода сохраняютъ юсы. Въ этомъ отношеніи онѣ, на-равнѣ съ древнѣйшими памятниками, представляющими церковно-славянскій языкъ въ наиболѣе чистомъ видѣ, по преимуществу могутъ быть названы юсовыми. Но употребленіе юсовъ въ нихъ весьма своеобразно и не всегда совпадаетъ съ требованіями обыкновенной нормы церковно-славянскаго языка. ѫ и ѧ встрѣчаются на своихъ обычныхъ мѣстахъ лишь тогда, когда слѣдуютъ за твердыми согласными; напр.: водѫ, сѧть, повиновахѫсѧ, имѣхѫ, сѧщымъ, рѧкѫ, рекѫ, прѣмѧдрыи, пристѧпи, сѧ, списасѧ, хотѧщіи, творѧ, врѣмѧ, тѧготѫ и др. Въ другихъ же случаяхъ относительно употребленія носовыхъ гласныхъ наблюдаются частыя уклоненія отъ языка собственно церковно-славянскихъ памятниковъ.

2) Смѣшеніе ѫ и ѧ, т. е. употребленіе ѫ тамъ, гдѣ въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ обязательно ѧ и наоборотъ—ѧ вм. ѫ. Въ бо́льшей части среднеболгарскихъ рукописей это смѣшеніе юсовъ отличается значительною послѣдовательностью и правильностью и какъ бы подчинено извѣстнымъ звуковымъ законамъ. Именно: 1) послѣ *ш*, *ж*, *шт*, *жд* вм. древняго ѧ стоитъ ѫ: възложѫтъ, лежѫште, жѫждѫ, гнашѫ, молишѫ, бышѫ, приставшѫ (3 мн. ч. аор.) нашѫ (в. п. ж. р. мн. ч.), жѫтва, доушѫ (р. п.) страждѫщѫ (р. п.), летѫщъ (пр. наст.); 2) послѣ *л*, *р*, *н*, *п*, *б*, *в*, *м* + *j*, вм. древняго ѫ стоитъ ѧ (все равно обозначена ли мягкость или нѣтъ): дїаволѧ, зорѧ, земѧ и землѧ, коуплѧ, вечерѧ, господнѧ (в. п. ед. ч.), поставлѧ, оузрѧ, възлаголѧ, погоублѧ, тръплѧ, творѧ (1 л. наст. вр.),

глаголѧтъ, землѧтъ (3 л. наст. вр. мн. ч.), глаголѧще. Сверхъ того нѣкоторые памятники относительно замѣны юсовъ слѣдуютъ особымъ частнымъ правиламъ. Такъ въ однихъ (Болонская псалтырь) послѣ *ц, ч, з, j* употребляется исключительно ѫ (вм. ѧ и ѫ): ѫзыкъ, ѫ (вин. мн. ч. вм. ѭ), вѣроуѫ (прич. наст.) начѧло, птицѫ (вин. мн. ч.) стъзѫ (вин. мн.); въ другихъ (Григоровичевъ Паремейникъ) послѣ тѣхъ же согласныхъ встрѣчается только ѧ: чѧсти, птицѧ, кнѧзѧ (вин. п. мн. ч.), земныѧ (вин. п. мн. ч.), водоѧ (твор. п. ед. ч.), сѫдиѧ (вин. п. ед. ч.); въ третьихъ (Трѣновское Четвероевангеліе) въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ употребляются смѣшанно то ѫ то ѧ: ѫзыкъ и ѭзыкъ, ѫшѫ и ѭшѫ, ѫ (вин. п. мн. ч.), ѭ (вин. п. ж. р. ед. ч.), властиѫ и властиѧ, притчѧ (вин. п. ед. ч.) и притчѫ, багрецѧ (вин. п. ед. ч.), ползѫ (род. п. ед. ч.), стъзѫ (вин. п. мн. ч.).

3) Неразличеніе твердыхъ слоговъ отъ мягкихъ, выражающееся главнѣйше въ томъ что *з* смѣшивается съ *ѕ*, *о* съ *е*, *ы* съ *и*, іотированные гласные съ неіотированными: твоѭ и твоа, ѥмоу—емоу, чоудо—чюдо, ѥстъ—ѥсть, въ—вь, би, тисѫща, боура, помышлати, мороу, люче, злю, творѫ и т. д.

4) Чередованіе *ѣ* съ ѭ и *а*: краѣ, царѣ, боурѣ, морѣ, тебѭ, посрѭдѣ, трѭбоуемъ, трѣва, чѣсъ, само, пѭте.

5) Чередованіе ѫ съ *з* и *а* (рѣдко и въ немногихъ памятникахъ особенно въ Октоихѣ Михановича): странѫ Исакова, тогдѫ, мѣдръ, брижеида (вин. п. ж. р.), стъза, дѫхнѫ, многѫщи, мѫздѫ окаанаа ми дшѫ (вин. п.) дша бо имамь (вин. п.) ѫтроба твоѫ (вин. п.), величѣа (1 л. ед. ч. наст. вр.), жрътвѫ (им. п. ед. ч.) дшѫ моа (им. пад.).

Какъ бы ни объяснять всѣ эти особенности памятниковъ среднеболгарскаго извода [1]), въ нихъ нельзя не видѣть отраженія вліянія на книжный старославянскій языкъ живыхъ народныхъ болгарскихъ говоровъ. Памятники болгарской письменности, представляющіе языкъ указаннаго типа, тянутся и черезъ четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія [2]), отличаясь между собой лишь немногими частностями, боль-

[1]) Наиболѣе споровъ и недоумѣній вызываетъ вопросъ о значеніи сохраненія и своеобразнаго употребленія юсовъ.

[2]) Важнѣйшіе болгарскіе памятники XIV в.: Дечанское Четвероевангеліе, Хиландарское Четвероевангеліе 1322 г., Сборникъ 1345 г., Сборникъ 1348 г., Бѣлградскій Синаксарь 1330 г., Севастьяновскій Сборникъ, Псалтырь царя Іоанна Александра 1333 г., Грамоты царя Іоанна Александра 1342 и 1348 г., грамота Іоанна Шишмана 1379 г. и др.

шимъ или меньшимъ развитіемъ приведенныхъ особенностей. Только въ XVII в. послѣ значительнаго пробѣла въ письменной традиціи являются памятники, въ которыхъ, выступаетъ наружу языкъ, близкій къ современному народному, съ его оригинальною фонетикой и бѣдностью грамматическихъ формъ. Для XVII и XVIII ст. такихъ болгарскихъ текстовъ пока извѣстно весьма немного (Люблянская рукопись, открытая В. И. Ламанскимъ, Софійскій сборникъ XVII в., Берлинскій сборникъ XVII в., Бѣлградскій сборникъ XVIII в. Абагаръ первая извѣстная печатная книга на новоболгарскомъ языкѣ), но съ XIX ст. число ихъ умножается и, наконецъ, съ успѣхомъ національнаго возрожденія народный болгарскій языкъ дѣлается орудіемъ мѣстной болѣе или менѣе значительной литературы и образованности.

Какъ же нужно представлять себѣ отношеніе языка новоболгарскаго (народнаго) къ языку славянскихъ памятниковъ среднеболгарскаго извода и къ настоящему древнему церковно-славянскому языку? Вопросъ этотъ, занимавшій уже многихъ ученыхъ, не можетъ быть рѣшенъ окончательно въ настоящее время какъ по трудности своей, такъ и по недостаточной разработкѣ относящихся къ нему частностей. Но одно изъ предложенныхъ его рѣшеній постепенно пріобрѣтаетъ все бо́льшую вѣроятность и не можетъ быть здѣсь оставлено безъ вниманія. Я разумѣю упомянутое выше мнѣніе о томъ, что старо-славянскій языкъ, какъ мы его знаемъ по древнѣйшимъ кирилловскимъ и глаголическимъ памятникамъ и есть по преимуществу языкъ древнеболгарскій. Если это мнѣніе, отстаиваемое Лескинымъ, Соболевскимъ, Дриновымъ, Облакомъ и особенно Калиной и оспариваемое Миклошичемъ и Ягичемъ, считать болѣе или менѣе правдоподобнымъ, то исторія болгарскаго языка должна получить особенно важное значеніе въ наукѣ славянскаго языкознанія. При такомъ рѣшеніи спорнаго вопроса т. н. среднеболгарскій языкъ долженъ представлять лишь одну изъ стадій развитія старославянскаго языка, а на нынѣшній болгарскій языкъ приходится смотрѣть какъ на прямого потомка нашего славянскаго санскрита.

Въ пользу даннаго мнѣнія, независимо отъ историческихъ соображеній, о которыхъ распространяться здѣсь не умѣстно, говорятъ: 1) бо́льшая, сравнительно съ другими изводами, близость среднеболгарскаго извода къ нормальному типу старославянскаго языка; 2) очень близкое, притомъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ, сход-

ство языка старославянскаго съ новоболгарскимъ. Съ одной стороны нѣкоторыя важнѣйшія звуковыя особенности древняго церковно-славянскаго языка сохранены въ среднеболгарскомъ языкѣ и отсутствуютъ въ русскомъ и сербскомъ изводахъ старославянскихъ памятниковъ; напр. различеніе носовыхъ гласныхъ отъ чистыхъ съ удержаніемъ правильнаго употребленія юсовъ въ весьма многихъ случаяхъ; или двоякое смягченіе губныхъ (п, б, в, м) посредствомъ *л* или безъ него (земѧ и земля, любѩ и любѧ), или употребленіе *ѣ* вм. *я*, въ такихъ словахъ какъ ѣко, морѣ (род. ед. ср. р.) и т. п. Съ другой стороны нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ чертъ древняго церковно-славянскаго языка доселѣ присущи только болгарскому языку или нѣкоторымъ его говорамъ и неизвѣстны другимъ славянскимъ языкамъ, напр.: смягченіе *т* и *д* въ *шт* и *жд* (свѣшта, къшта, рожденъ), тожество *ѣ* и *я* весьма обычное въ древнихъ глаголическихъ памятникахъ и наблюдаемое въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ; частое отсутствіе j передъ начальнымъ *а* (азъ, агода, агне и др.). Наконецъ, не безъ значенія фактъ сохраненія носовыхъ гласныхъ въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ и въ языкѣ Трансильванскихъ Болгаръ.

Считаясь со всѣми этими фактами и принимая основанныя на нихъ соображенія за болѣе или менѣе вѣроятныя, приходится признать историческое развитіе болгарскаго языка весьма характернымъ. Едва-ли какой-либо другой славянскій языкъ испыталъ столько превращеній, сколько понесъ ихъ болгарскій языкъ. Они коснулись въ значительной степени лексикальнаго состава языка, усвоившаго не мало словъ греческихъ, турецкихъ, частью албанскихъ и румынскихъ но еще болѣе отразились на его звуковой системѣ и грамматическомъ строѣ. Правда, въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ встрѣчаются, какъ увидимъ, въ изобиліи остатки глубокой старины; тѣмъ не менѣе въ общемъ контрастъ между древне-болгарскимъ (старославянскимъ) языкомъ и новоболгарскимъ весьма разителенъ. Въ области звуковъ особенно рѣзкимъ измѣненіямъ подвергся вокализмъ: носовые гласные, за немногими исключеніями, исчезли на всей площади болгарскаго языка, глухіе гласные (ъ, ь) перешли въ чистые и наоборотъ нѣкоторые чистые гласные получили глухой выговоръ, твердые гласные, перестали отличаться отъ мягкихъ и т. д. Въ морфологіи произошло полное разстройство склоненія и утрата многихъ формъ спряженія.

Полную послѣдовательность этихъ превращеній, ходъ историческаго развитія звуковъ и формъ болгарскаго языка трудно установить съ желательною обстоятельностью въ настоящее время частью по недостатку въ матеріалѣ, частью вслѣдствіе неполноты детальной разработки вопроса, частью, наконецъ, по причинѣ затемненія вопроса искуственными теоріями и гипотезами. При всемъ томъ новѣйшее сочиненіе львовскаго профессора Калины (Studyja nad historyją języka bułgarskiego), представляя довольно цѣльную общую картину исторической жизни болгарскаго языка, въ значительной степени выясняетъ постепенное развитіе многихъ звуковыхъ и формальныхъ чертъ нынѣшняго болгарскаго языка.

Судя по сохранившимся историческимъ даннымъ о колонизаціи Болгаріи и о раздѣленіи славянскаго народа, составившаго ядро болгарской націи, на множество мелкихъ племенъ и колѣнъ, слѣды которыхъ сохранились и въ настоящее время, нужно допустить, что болгарскій языкъ и въ древности, въ эпоху существованія старыхъ царствъ, распадался на нѣсколько нарѣчій и говоровъ. Среднеболгарскіе памятники съ ихъ частными звуковыми особенностями только подтверждаютъ это предположеніе. Что это были за нарѣчія, какъ шла ихъ исторія—объ этомъ конечно, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Еще очень недавно обращено вниманіе на разнообразіе современныхъ болгарскихъ говоровъ и, хотя въ этой области имѣются уже болѣе или менѣе цѣнныя данныя и хорошія наблюденія, все-таки приходится признать, что изученіе болгарской діалектологіи находится въ самомъ зародышѣ. Обыкновенно принимаютъ два главныхъ болгарскихъ нарѣчія: восточное и западное, при чемъ изъ послѣдняго справедливо выдѣляютъ въ особую группу македонскіе говоры. Каждое изъ этихъ нарѣчій обнимаетъ весьма значительное количество поднарѣчій и говоровъ. Съ филологической точки зрѣнія всѣ болгарскія нарѣчія и говоры представляютъ одинаково важный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Но одно изъ нихъ, восточное, въ которомъ выражены наиболѣе типическія особенности болгарскаго языка, получаетъ особенное значеніе потому, что лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго болгарскаго языка. Хотя послѣдній далеко еще не установился слишкомъ недостаточно обработанъ, обнаруживаетъ на себѣ сильное вліяніе другихъ языковъ, особенно русскаго, тѣмъ не менѣе господствующій элементъ въ немъ особенно со

стороны формы составляетъ восточное нарѣчіе. Впрочемъ, за послѣднее время нельзя не замѣтить участія и западныхъ говоровъ въ выработкѣ общаго литературнаго языка. Ниже дается общая характеристика болгарскаго языка, съ указаніемъ существенныхъ различій между восточнымъ и западнымъ нарѣчіями. Частныя діалектическія отличія собраны въ особой главѣ.

---

4. Звуковыя особенности.

Графика.

Составъ звуковой системы болгарскаго языка и его разнообразныхъ говоровъ въ настоящее время еще не опредѣленъ съ научною точностью. Тѣмъ не менѣе, кажется, нужно признать, что онъ представляетъ 30 простыхъ звуковъ, для обозначенія которыхъ служатъ или могутъ служить слѣдующія букви:

а) гласныя: а, е, и, о, у, ѣ, ъ, ѫ, ь, ѧ (послѣднія четыре буквы для обозначенія глухихъ звуковъ);

б) согласныя: р, л, н; т, д; п, б, в, ф, м; к, г, х; ч, ж, ш, ј; ц, з, с.

Сверхъ того въ болгарской графикѣ употребляются или еще до недавняго времени употреблялись слѣдующіе знаки: й, ю, я, ю, ѫ, ѧ, ы; изъ нихъ послѣдніе два (ѧ и ы), какъ не имѣющіе для себя соотвѣтствующихъ звуковъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ, теперь уже вышли изъ употребленія; ю, я, ю, ѫ служатъ для обозначенія сложныхъ или йотированныхъ гласныхъ, а *й* играетъ ту же роль, что и въ русскомъ правописаніи.

Болгарское правописаніе еще не установилось и не представляетъ сколько нибудь стройной, общепризнанной системы. Въ Болгаріи трудно встрѣтить двухъ писателей, которые держались бы одинаковыхъ правилъ орѳографіи. Нѣкоторые звуки (особенно глухіе) въ разныхъ книгахъ обозначаются самымъ различнымъ образомъ. Такой же хаосъ и произволъ наблюдается въ изданіяхъ, имѣющихъ цѣлью воспроизведеніе образцовъ народнаго языка, что̀ конечно, служитъ однимъ изъ важныхъ препятствій для возможно обстоятельнаго и точнаго изученія звуковыхъ особенностей болгарскаго языка и его говоровъ. Извѣстно нѣсколько попытокъ, имѣвшихъ цѣлью выработ-

тать нормальную, удовлетворяющую современному состоянію языка, болгарскую орѳографію; онѣ принадлежатъ В. Караджичу (Додатак см. стр. 47), М. Дринову (Періодич. Спис. II) и Миклошичу (Lautbezeichnung см. стр. 48). Но ни одна изъ этихъ попытокъ не имѣла пока успѣха, и путаница въ правописаніи болгарскихъ книгъ не прекращается. Наиболѣе обоснованной и примиряющей болѣе или менѣе удачно требованія современнаго языка со старой рукописной традиціей нужно считать систему правописанія, которой держится согласно указаніямъ проф. Дринова органъ Софійскаго Литературнаго Общества „Периодическо Списание“. Въ учено-литературномъ Сборникѣ Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія также видно стремленіе къ установленію научнаго правописанія и къ болѣе точному воспроизведенію памятниковъ народнаго языка.

А) Гласные.

Глухіе звуки (ъ, ь, ѫ, ѧ).

Одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей болгарскаго языка составляютъ т. н. глухіе звуки. Извѣстно, что такіе звуки существовали въ старославянскомъ языкѣ, а изъ живыхъ славянскихъ языковъ, кромѣ болгарскаго существуютъ въ словинскомъ. Вопросъ о болгарскихъ глухихъ представляется не вполнѣ яснымъ. Ученые не согласны между собой относительно числа глухихъ и ихъ выговора, при чемъ такое разногласіе мнѣній наблюдается и среди болгарскихъ филологовъ, безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ съ роднымъ языкомъ. Миклошичъ признавалъ только одинъ глухой, который предлагалъ обозначать б. *ъ;* существованіе въ болгарскомъ языкѣ мягкаго глухаго, соотвѣтствующаго старославянскому ѣ, онъ категорически отрицалъ (Vergl. Gram. I, 361. Lautbezeichn. 7, 44). По его мнѣнію въ словахъ *късно* и *тънка* слышится одинъ и тотъ же глухой звукъ. Напротивъ болгарскій филологъ Теодоровъ доказываетъ, что во многихъ болгарскихъ говорахъ ясно слышится рядомъ съ твердымъ глухимъ, отличный отъ него мягкій глухой ъ, который онъ опредѣляетъ какъ — „переходный звукъ отъ *ъ* къ *и* и близко родственный съ *е*“; напр. стькло, тьмно, крьст, прьс (Периодич. Сп. IV, V, XV). Проф. М. Дриновъ, относясь скептически (по крайней мѣрѣ въ 1870 г. Пер.

Спис. П, 28) къ существованію мягкаго глухаго ъ, признаетъ (Arch. V, 3, 370) два глухихъ — сильный и слабый, при чемъ въ первомъ различаетъ два выговора. Одинъ сильный глухой (stark - dumpf), по его мнѣнію, звучитъ какъ англійское *u* въ словахъ but, dust, cut и можетъ быть означенъ б. ѫ (рѫка, пѫт), другой выговаривается близко къ русскому ы и можетъ быть переданъ б. ъ (бръзам, дълго). Оба глухихъ встрѣчаются только въ ударяемыхъ слогахъ. Слабый глухой (schwach-dumpf), слышный въ неударяемыхъ слогахъ, звучитъ какъ закрытое *a*, окрашенное въ *o* (wie ein nach *o* gefärbtes *a*), этотъ звукъ Дриновъ предлагаетъ обозначать б. *â* (мѫ́кâ, лâжá, трѣгнâ). Проф. Калина въ своей исторіи болгарскаго языка, допуская нѣсколько оттѣнковъ въ произношеніи глухихъ по разнымъ мѣстамъ болгарской территоріи говоритъ собственно о двухъ основныхъ звукахъ: ъ, звучащемъ какъ закрытое *a*[1]) и ь (существующ. лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ — Систово, Батакъ) приближающемся въ своемъ выговорѣ къ краткому *i*.

Не можетъ быть сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ такого разногласія ученыхъ заключается въ природной неопредѣленности и неуловимости глухихъ звуковъ, съ трудомъ поддающихся наблюденію даже самаго чуткаго уха. Съ другой стороны оно объясняется недостаткомъ точныхъ, строго-научныхъ наблюденій надъ болгарскими говорами. Не удивительно, поэтому, что въ школьныхъ грамматикахъ и современномъ книжномъ языкѣ не дѣлается различія между глухими и для обозначенія ихъ употребляются смѣшанно то одни, то другіе знаки, именно: ъ, ь, ѫ, ѫ, а, â.

Тѣмъ не менѣе, основываясь на наблюденіяхъ и заключеніяхъ болгарскихъ филологовъ, необходимо признать въ болгарскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ четыре типа глухихъ, степень распространенности которыхъ по говорамъ и частные случаи употребленія по отдѣльнымъ нарѣчіямъ еще не выяснены съ достаточной опредѣленностью.

Именно: 1) сильный глухой ѫ („широкій“), соотвѣтствующій по выговору англ. *u* въ сл. but, cut, наблюдаемый только въ ударяемыхъ слогахъ, напр. мѫ́ж, пѫт, рѫ́кâ, мѫ́кâ).

---

[1]) При выговорѣ его задняя часть языка поднимается вверхъ, между тѣмъ какъ передняя опирается на нижніе зубы, и ротъ остается открытымъ какъ при выговорѣ звука *a*.

2) Сильный глухой ъ („узкій“), близкій по выговору къ краткому русскому *ы*, также слышный только въ ударяемыхъ слогахъ; напр. блъгарин, бръзам, дръпам, длъго или българин, бързам, дърпам, дълго и т. п.

Точное разграниченіе области употребленія каждаго изъ сильныхъ глухихъ по мнѣнію пр. Дринова, впервые обратившаго вниманіе на двоякій выговоръ ударяемыхъ глухихъ, въ настоящее время не осуществимо. Можно только допустить, что при *л*, *р* слышится ъ (а не ѫ). Намъ кажется также, что ѫ долженъ занимать мѣсто во всѣхъ случаяхъ, гдѣ глухой, стоящій подъ удареніемъ, соотвѣтствуетъ большому юсу старославян. яз. Этими указаніями приходится ограничиваться при опредѣленіи правописанія словъ съ глухими подъ удареніемъ; ихъ, конечно, недостаточно и потому смѣшеніе обоихъ знаковъ ъ и ѫ представляется не только возможнымъ, но неизбѣжнымъ[1]).

3) Слабый глухой *â*, произносимый какъ краткое *а*, слегка окрашенное въ *о*[2]) и встрѣчающійся только въ неударяемыхъ слогахъ, напр.: тръгнâ, лâжá, кѫ́штâ, кни́гâ.

4) Мягкій глухой ь, звучащій какъ нѣчто среднее между краткими *е* и *і*, напр.: вьрба, дьрво, смьрт, льн.

Глухой ь слышится только спорадически въ разныхъ мѣстахъ восточнаго нарѣчія (Свистово, Батакъ, Копривштица) и кое-гдѣ на Западѣ (Татаръ-Базарджикъ, Кратово), преимущественно при *р* предъ слѣдующей мягкой согласной. Какъ противоположность твердому глухому ъ онъ, очевидно, соотвѣтствуетъ старославянскому ь и въ бóльшей части говоровъ замѣнился звукомъ ъ или полными гласными: дън, върба, сърце, тенки, оген, звенец, черни. Слабый глухой *â* —

---

[1]) Вслѣдствіе этого, быть можетъ, слѣдовало-бы до поры до времени, т. е. до точнаго уясненія области употребленія ѫ и ъ, удержать въ правописаніи лишь одинъ изъ этихъ знаковъ, какъ и совѣтовалъ Миклошичъ (ъ).

[2]) Проф. Дриновъ, отмѣтившій довольно рѣзкую разницу въ выговорѣ между сильнымъ и слабымъ глухими, тѣмъ не менѣе относитъ оба рода звуковъ къ одной категоріи *а* звука. Физіологическая разница между ними состоитъ въ томъ, что при выговорѣ сильнаго глухаго *а* зв. происходитъ болѣе сильное движеніе языка назадъ, чѣмъ при произнесеніи слабаго глухаго; въ первомъ случаѣ ротъ открывается меньше, чѣмъ во второмъ. Само собой понятно, что своеобразный выговоръ болгарскихъ глухихъ можно усвоить лишь собственнымъ ухомъ.

необходимъ во всѣхъ говорахъ восточнаго нарѣчія до р. Осмы и Марицы. Въ западныхъ и македонскихъ говорахъ этотъ глухой замѣняется чистыми *а* или *о;* напр. рачи́ца (при ря́ка), санувам (при сѧн), лажа, со. Что касается двухъ сильныхъ глухихъ ѫ и ъ, то они свойственны болгарскому языку почти на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи. Исключеніе составляютъ сѣверная Македонія (Велесъ, Скопле, Кюстендилъ), верхняя и нижняя Родопа, Дибра, Этропольскій Балканъ, восточная часть Софійской долины, гдѣ глухіе замѣняются чистыми *а* и *о:* каштa, даб, паднаха, маж, мока, рока, добор и т. п.

Если глухому предшествуетъ *j*, то онъ звучитъ очень близко къ краткому тупому *я*. Такой глухой, приближающійся къ чистому, обозначаютъ то ѫ, то *я;* напр. биѫ, биѫтъ и бия, биятъ, говорѫ, работѫ, спѫ, ку́пѫ и купя.

Происхожденіе глухихъ. Находясь въ несомнѣнной физіологической связи со старославянскими ъ и ь, болгарскіе глухіе, однако, соотвѣтствуютъ имъ лишь въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, случаяхъ (въ срединѣ словъ), напр.: късно, пъсъ, мъгла̂, пьстъръ, дъно, снъха, пръво, гърло, дълбоко. Большею-же частью они самостоятельнаго, своеобразнаго происхожденія. Именно, глухой звукъ образовался: 1) изъ *о* (рѣдко): гълѫби, въйвода, къга, тъгай;

2) изъ *а*, преимущественно неударяемаго: грама́да̂, грива̂, мотика̂, сла̂тка́, влъна̂, муха̂, ръкиѫ, гла̂ва́та, вода̂;

3) изъ старославянскаго ѧ: мѧж, гълѫб, пѫт, дѫб, ѫ, зѫби, рѫка, несѫ, идѫ, отехѫ, расбрахѫ;

4) глухой нерѣдко является вставочнымъ звукомъ: вѣтър, бистър, добър, мрътъв, рекъл, съм.

Что касается старославянскихъ глухихъ, то они въ современномъ болгарскомъ, за немногими указанными случаями, или исчезли (на концѣ словъ, какъ въ русскомъ языкѣ), или замѣнились полными гласными ъ—*о*, (иногда *а*) ь—*е* (*а*, *и*): сон, собрахѫ, темен, ден, осем, оген, оган (Шумла, Струмица), огин (Битоль, Татаръ-Базарджикъ). Въ современномъ литературномъ языкѣ въ силу рукописной традиціи сохраняются на концѣ словъ оба знака ъ и ь, при чемъ первый совсѣмъ лишній, а второй служитъ для обозначенія удержавшейся кое-гдѣ по говорамъ мягкости согласнаго, предшествовавшаго

древнему глухому: огань, огень, день (Котелъ), зеть, пѧть[1]) и т. д.

Историческое развитіе болгарскихъ глухихъ и связанныхъ съ этимъ процессомъ другихъ указанныхъ звуковыхъ явленій можно отчасти прослѣдить по памятникамъ. Такъ смѣшеніе ъ и ь и замѣна ихъ чистыми гласными восходитъ уже къ древнѣйшимъ памятникамъ старославянскаго языка. Съ другой стороны уже въ старѣйшихъ среднеболгарскихъ текстахъ (начиная съ XII ст.), наблюдается чередованіе ѧ и ѧ, смѣшеніе ѧ съ ъ, замѣна ѧ черезъ *а*, наконецъ появленіе ъ и ь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ современномъ болгарскомъ языкѣ слышатся глухіе звуки. Все это указываетъ съ одной стороны на давность, съ другой на послѣдовательность образованія данной любопытной особенности болгарскаго вокализма. Главной причиной, вызвавшей процессъ образованія болгарскихъ глухихъ, нужно считать удареніе. По основному закону болгарскаго вокализма гласные, не стоящіе подъ ударевіемъ, понижаютъ свой музыкальный тонъ. Для *а*, *о* и ѧ (по утратѣ носоваго признака), пониженіемъ музыкальнаго тона былъ именно глухой категоріи *а*—звука. Предполагаютъ (Калина), что первоначально перешли въ глухіе гласные неударяемые, а затѣмъ съ перемѣной ударенія въ однихъ и тѣхъ-же словахъ по разнымъ говорамъ и гласные ударяемые были вовлечены въ указанный процессъ звуковаго превращенія. Впрочемъ, явленія втораго рода получили болѣе всеобщій характеръ, тогда какъ явленія перваго рода сдѣлались достояніемъ говоровъ лишь одного восточнаго нарѣчія.

Носовые гласные и ихъ соотвѣтствія.

Болгарскій языкъ, одинъ изъ немногихъ славянскихъ языковъ и единственный изъ южно-славянскихъ, сохраняетъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ носовые гласные — опять черта, близко роднящая его съ церковнославянскимъ. Заслуга открытія этихъ звуковъ въ Македоніи принадлежитъ В. И. Григоровичу. Послѣ его коротенькаго, но въ высшей степени важнаго сообщенія по этому вопросу, сдѣланнаго въ его извѣстномъ „Очеркѣ Путешествія по Европейской Турціи“ накопилось не мало данныхъ, собранныхъ другими изслѣдователями:

---

[1]) Впрочемъ въ болгарскихъ книгахъ, это ь нерѣдко встрѣчается въ такихъ словахъ, гдѣ конечный согласный уже утратилъ свой древній мягкій выговоръ.

Гатталой, Миклошичемъ, Иречкомъ, Дриновымъ, Теодоровымъ, Шапкаревымъ, Драгановымъ и Сырку. Теперь можно утверждать, что носовые гласные доселѣ живутъ въ южно-македонскихъ говорахъ по линіи отъ Костура до Сереса и на западѣ отъ Костура—въ Преспѣ, и встрѣчаются въ остаткахъ въ Охридѣ и на сѣверѣ подъ Битолемъ и Демиръ-Хиссаромъ. Въ Солунскомъ и Костурскомъ округахъ эти звуки сохранились въ значительной полнотѣ и на довольно обширной территоріи, въ другихъ же мѣстностяхъ употребленіе ихъ ограничивается отдѣльными селами и немногими выраженіями. Сверхъ того носовые гласные встрѣчаются въ Брациговскомъ нарѣчіи въ западныхъ Родопахъ, на востокъ отъ Пештеры (основанной колонистами изъ Костура). Наконецъ ихъ можно слышать въ отдѣльныхъ словахъ на протяженіи всей территоріи болгарскаго языка.

Стар. ѫ=*ън*, *ъм* (иногда передъ *н*, *м* выступаетъ и чистый гласный *а* или *е:* пант, пент), дъмб, мъндро, зъмби, гъмби, пънт, вънзел, пъндa, бъндa (буду), крънг, мънка, никънде, оттонде, порънчам, рънка, сънсѣд, тръмба. (У Сырку—ср. стр. 54—приведено до 80 словъ).

Стар. ѧ=*ен*, *ем:* рендове, йензик, гренда, чендо, гленда, пендесе, девендесе, клентва, месенц, свентец, пенток.

Еще недавно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія носовые гласные слышны были въ языкѣ семиградскихъ Болгаръ: band, dobanda, manka, poroncsenie, trombenie, csenzto, deszenta, deventa, vidant.

Отдѣльныя слова съ носовымъ выговоромъ гласныхъ встрѣчаются спорадически на всемъ протяженіи болгарской территоріи: шкембе-то, менча, манджа, мандри, трандафил, ангула, бендисам, пендесет, теленги, детенце, братенца. Иногда ѧ звучитъ какъ *ин:* инзик, колинда, пиндисет. Встрѣчаются слова, въ которыхъ слышенъ носовой, гдѣ ему нѣтъ мѣста: сренда (Брицигово), вентр, пентел, стенки, терпенза и т. д. Ср. польск. między.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно заключать, что носовые гласные составляли коренное свойство болгарскаго языка, сохранившееся и доселѣ въ весьма достаточномъ количествѣ остатковъ. Когда-же началось исчезновеніе носовыхъ гласныхъ и переходы ихъ въ другіе звуки чистые и глухіе — вопросъ этотъ пока остается не рѣшеннымъ. Въ XII в. носовые еще существовали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ошибочное (съ точки зрѣнія нормальнаго старославянскаго правописанія), написаніе словъ: скѧндельникъ, въ скѧн-

дѣлъныхъ съсѫдѣхъ (Слѣпченскій апостолъ), сомбота (Болонская псалтырь), сънграждане (Охридскій апостолъ). О томъ-же говоритъ указанная выше извѣстная правильность употребленія юсовъ вообще въ среднеболгарскихъ памятникахъ. Но въ какомъ объемѣ и во всѣхъ-ли болгарскихъ говорахъ или только въ нѣкоторыхъ жили носовые въ средній періодъ—на этотъ счетъ любознательность филолога остается неудовлетворенною за недостаткомъ данныхъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Ягичъ), юсы въ болгарскихъ памятникахъ XII—XV в. уже не означали гласныхъ съ носовымъ выговоромъ, съ чѣмъ, однако, едвали можно согласиться, принявъ во вниманіе вышеприведенныя соображенія. Другіе (Бодуэнъ де-Куртенэ) полагаютъ, что среднеболгарскіе ѫ и ѧ обозначали одинъ и тотъ-же носовый звукъ *ą* (носовое *a*), при чемъ ѧ смягчалъ предшествующій согласный, а ѫ оставлялъ его твердымъ. Не разъясненъ съ достаточною убѣдительностью вопросъ о природѣ болгарскаго носоваго, соотвѣтствовавшаго старославянскому ѫ. Проф. Ягичъ (Arch. III, 2), видитъ въ немъ носовое *a*, между тѣмъ какъ Миклошичъ признавалъ въ немъ основнымъ гласнымъ *o*. (Ср. Lautbezeichnung 10). Если имѣть въ виду разнородную замѣну ѫ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, то кажется, правильнѣе всего будетъ допустить для даннаго звука нѣсколько оттѣнковъ выговора и въ древнюю эпоху.

Но если въ среднеболгарскій періодъ носовые гласные еще существовали, то несомнѣнно въ этомъ-же періодѣ можно наблюдать и процессъ происходившихъ съ ними перемѣнъ, который къ новому времени закончился исчезновеніемъ носовыхъ гласныхъ почти во всей области болгарскаго языка. Въ XII—XV вв. онъ выражался въ смѣшеніи ѫ и ѧ, чередованіи ѫ съ ъ, замѣнѣ ѫ гласнымъ *a*, ѧ — гласнымъ *e*. (Ср. выше стр. 61—62). Въ памятникахъ XVII в. юсы въ ихъ древнемъ значеніи носовыхъ гласныхъ уже не встрѣчаются.

Современный болгарскій языкъ представляетъ слѣдующія *соотвѣтствія древнимъ носовымъ гласнымъ:*

ѫ перешелъ въ одинъ изъ глухихъ звуковъ ѫ, ъ, или въ одинъ изъ чистыхъ: *a*, *o*, *y*, *e*.

Глухіе выступаютъ вообще въ восточномъ нарѣчіи, при чемъ въ ударяемыхъ слогахъ слышны сильные глухіе (ѫ, ъ), въ неударяемыхъ—слабый (*ȃ*); мѫж (мъж), дѫб (дъб), рѧкȃ, пѫт, идѫ, несѫ, сѫ, отехȃ, чухȃ, станȃ, гълȃб, кажȃт, мѫдро. Во многихъ западныхъ гово-

рахъ также встрѣчается глухой вмѣсто древняго юса, но только въ ударяемыхъ слогахъ (Видин. Зайчар., Южно-Софійск., Струмицк., Сѣресск., Южно-Македон., Родопск., Татаръ-Базардж. окр.): рѫка, мѫка, пѫт, мѫж и т. п. Примѣры замѣны ѫ глухими ъ или ь можно найти уже въ памятникахъ XII—XIII вв.: лъщею (Погод. Пс.), съще (Бѣлград. Евангеліе), лъщѧ, тьчѧ, заблъждьшаго (Окт. Михан.), мъдръ (Троян. пр.); а въ XVII—XVIII вв. они составляли обычное явленіе: мъжа, да съди, мъчи, да бъде (Люб. рук.), пътници, рекъть, бъдеть, въ вѣчна мъка (Соф. Сборн. № 1).

а свойственно большей части западныхъ говоровъ и нѣкоторымъ восточнымъ (Копривштица, Етрополь); въ однихъ изъ нихъ этимъ звукомъ замѣняется каждый древній ѫ, въ другихъ только такой, который находится въ неударяемомъ слогѣ (ср. выше ѫ=ъ, ѫ, *а*): рачйца, изминаха, даб, рака, баде, три пати (Соф.), са, машко, мадро, пѫт и патӯвам. — Изъ древнихъ памятниковъ замѣна ѫ чистымъ *а* наиболѣе рѣзко представлена въ Октоихѣ Михановича: въ ѫтроба твоѫ, кѫпина (вин. п.), въ другихъ-же среднеболгарскихъ текстахъ она встрѣчается очень рѣдко. Поэтому, быть можетъ, и въ Октоихѣ Михан. сказалось діалектическое вліяніе одного изъ болгарскихъ говоровъ, въ которомъ раньше чѣмъ въ другихъ началось превращеніе носовыхъ въ чистые. Съ XVII в. *а* вм. ѫ весьма обычно; напр. въ Люблянской рукописи: мога, бьда (1 л.), бѣха, имаха, станать; но въ коренныхъ слогахъ — ъ: бьда, кьща, мька, са. (Бѣлгр. и Соф. сб.) и т. д.

о слышно въ Дибрѣ, Нижней Родопѣ, но только въ коренныхъ слогахъ: мока, рока, мошко, пот; въ окончаніяхъ-же вм. ѫ выступаетъ *а:* викна, паднаха.

у встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверной Македоніи (Кратово, Скопле, Щипъ): рука, не можу, отнесу, виду. Быть можетъ такая замѣна носоваго гласнаго объясняется вліяніемъ сербскаго языка. Впрочемъ она попадается и въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: su uzeli, ruku, nogu.

е вм. др. ѫ—діалектическая особенность, встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ восточнаго (Котелъ-Шуменъ, Ени-Махале, Сакърджи, Стара Загора), такъ западнаго нарѣчій (Павловскъ, Мервицкая обл., Кратово, Прилѣпъ, Велесъ, Кукушь, Воденъ, Струга, Дибра), моге, хог'е (г'=*д*), иде, думахе, се (=сѫть), плетет, падпет (3 л. мн. ч.). Тоже явленіе наблюдается и въ нѣкоторыхъ памят-

никахъ: приметъ, снидетъ, сниде (3 л. мн. ч. аор.), (Макед. ап.), потурчихе, избрахе, затворихе, идехе, додохе (Пер. Сп. Щ).

Въ связи съ такимъ *е* стоитъ зв. *ä* вм. др. ѧ, слышимый въ окрестностяхъ Тетевена и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: мäш, пät, гäба, скокнäх, скокнäхте, скокнäха (Пер. Сп. 6. Kalina 393). Въ замѣнѣ ѧ черезъ *е* и *ä*, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть рефлексы среднеболгарскаго смѣшенія ѧ и ѧ.

Другой древній носовой ѧ—перешелъ въ *е* или (рѣже) въ *а* (*я*). Переходъ въ *е*—самый обычный и распространенный на всемъ протяженіи территоріи болгарскаго языка: дете, пет, гледам, месо, ред, чедо, зайец, агне. Въ письменныхъ памятникахъ онъ обнаруживается съ XII в., при чемъ въ такихъ случаяхъ рядомъ съ *е* нерѣдко встрѣчается *ъ*: ѣвлеи ти сѧ (Слѣпч. ап.), ме (Болон. пс.), движеть сѧ (3 л. мн. ч. Окт. Мих.), творе (Охр. ап.), грѣдетъ (Слѣпч. ап.), помѣни (Погод. пс. Охр. ап.). Въ XIV в. *е* вм. ѧ попадается все чаще, а въ позднѣйшихъ памятникахъ такая замѣна становится общераспространенной, хотя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (напр. Люблянской) удерживается и старое правописаніе (ѧ).

а вм. др. ѧ встрѣчается въ восточныхъ и западныхъ говорахъ, но въ немногихъ словахъ и грамматическихъ формахъ; чаще всего въ винит. п. личныхъ мѣстоименій: ма, та, са (Павловско, Тетевенъ, Зайчаръ, Тат.-Базарджикъ) и 3 л. мн. ч. настоящ. вр.: молат, затворат, видат, носат (Тат.-Базарджикъ); три мѣсяца (Котелъ), пят, ряд, (Казанл.), клятва (Панагюриште), ячмен (Скопле, Битоль, Прилѣпъ), язик (Прилѣп). Ср. въ древнихъ памятникахъ: ꙗзыкь (Струм. Окт.), видѣша (Болон. пс.), начаток (Македонск. ап.), чада, жатва, та, са (Бѣлгр. Сб.).

Такъ какъ *е* въ нѣкоторыхъ парѣчіяхъ (см. ниже) переходитъ въ *и*, (въ неударяемыхъ слогахъ) и *о* (въ ударяемыхъ слогахъ), то оба эти звука иногда замѣняютъ первоначальное ѧ: десить, девить, пиндисеть, ими (Шуменъ, Терново), мисо, свита, на ими (Котелъ), изик (Чукуркёи), гл'одам, м'осо, йозик (Дибра и нѣкотор. Родопскіе говоры).

Равнымъ образомъ вслѣдствіе перехода въ восточномъ нарѣчіи *а* — въ глухой звукъ, послѣдній также является на мѣстѣ древняго ѧ: мъ, тъ, съ, (вездѣ въ восточномъ нарѣчіи, гдѣ въ употребленіи глухіе звуки) девјът, десјът (Конопчія), лубјът, работјът.

Чередующіеся между собой въ разныхъ нарѣчіяхъ глухой звукъ и *а*, на мѣсто древн. ѧ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть объяснены какъ результатъ утраты различія между ѫ и ѧ въ среднемъ періодѣ, т. е. эти замѣнительные звуки развились не прямо изъ ѧ, а изъ ѫ послѣ того какъ послѣдній въ сознаніи говорящаго сталъ смѣшиваться съ узкимъ носовымъ и звучать на его мѣстѣ. Сюда, напр., нужно отнести формы 3 л. мн. ч. наст. вр., гдѣ въ современномъ языкѣ вм. древн. окончанія ѧтъ, ѭтъ слышится *ѫт—ѫт*, *jѫт* (*ят*)—*ѭт*, *ат:* врьтѭт, учѫт, валят, бият (бијът).

Соотвѣтствія старославянскому ѣ.

Старославянскій *ѣ*, все еще остающійся относительно своей физіологической природы загадочнымъ звукомъ, имѣетъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ весьма близкія звуковыя соотвѣтствія, которыя въ старой письменности въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, да и въ новѣйшей графикѣ обозначаются тѣмъ-же старославянскимъ знакомъ. Звуковое значеніе *ѣ* въ болгарскомъ можетъ пролить свѣтъ на темный вопросъ о природѣ этого звука въ языкѣ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ. На основаніи наблюденій надъ правописаніемъ этихъ памятниковъ, авторитетные филологи приходятъ къ заключенію, что старославянскій *ѣ* означалъ въ одно время ja[1]) = ѩ и отличный отъ него звукъ, который по всей вѣроятности былъ „открытое мягкое *е*, въ значительной степени, приближавшееся къ *а* и, рѣзко отличавшееся отъ *е*“ (Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891. 35). По мнѣнію Миклошича (Vergl. Gram. I, 46—47. Lautbezeichn. 20) старославянскій *ѣ* первоначально звучалъ какъ протяженное *ē*, изъ котораго развился звукъ *еа*, *іа*, *ја*. Въ болгарскомъ языкѣ, въ разныхъ его говорахъ, въ соотвѣтствіе старославянскому *ѣ* оказываются звуковыя явленія, близко подходящія къ указаннымъ предположеніямъ ученыхъ.

Старославянскому *ѣ* въ болгарскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *ја* (*я*), *е͡а*, *е* (*је*).

---

[1]) Въ глаголическихъ памятникахъ одна и таже буква служитъ для обозначенія звуковъ ѩ и ѣ кирилловскихъ памятниковъ.

ја (*я*)—слышно въ восточныхъ говорахъ и кое-гдѣ на сѣверо-западѣ (Зайчаръ, Търнъ, Кратово), въ ударяемыхъ слогахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующій гласный твердый: хлѣ́б (хляб), мѣ́сто (място), млѣ́ко (мля́ко), снѣ́г (сня́г), брѣ́г (бря́г), мѣ́ра (мя́ра), бѣ́л (бял), дѣ́л (дял), цѣ́л ден (ця́л ден).

е͡а — т. е. характерный зв. *е*, произносимый съ сильной окраской *а*[1]) — наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ: Шуменскомъ, Търновскомъ, Карнобатскомъ, а также за Балканами въ Маломъ Търновѣ, въ Доспатѣ, въ Дебрѣ: вѣ́ра (ве͡а́ра), мѣ́ра (ме͡а́ра), млѣ́ко (мле͡а́ко), рѣ́ката (ре͡а́ката), бѣ́ли (бе͡а́ли), излѣ́з (изле͡а́з).

е—произносимое то какъ мягкое *је* (какъ въ русскомъ), то какъ твердое, но нѣсколько протяжное, *е* — выступаетъ 1) въ западныхъ говорахъ: невѣ́ста (невеста), човѣ́к (човек), бѣ́ла (бела), снѣ́г (снјег), дѣ́до (дједо); 2) въ восточныхъ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ или-же такихъ, за которыми слѣдуетъ мягкій гласный или одинъ изъ небныхъ—*ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ј*: звѣ́здá, пѣ́сень, бѣ́гѫ́, млѣ́чна, смѣ́шна, бѣ́ли, гнѣ́вѣ́т, вѣ́ри, вѣ́рен, вѣ́чност, свѣ́штâ, грѣ́шѫ (вездѣ ѣ произноситси какъ *е*).

Какъ частныя діалектическія особенности нужно отмѣтить встрѣчающіяся кое-гдѣ замѣны *ѣ* — глухимъ *ъ* и *и:* орјъх, прилјъп, пръз, млико, гнездá, свишта, дивойка (Ср. Калина, I, 167).

Всѣ различные оттѣнки современнаго болгарскаго выговора древн. *ѣ* подтверждаются письменными памятниками, въ которыхъ рядомъ съ древнимъ обозначеніемъ этого звука встрѣчается и фонетическое его воспроизведеніе черезъ *а*, *ꙗ*, *е*, *ъ*, *и;* напр. само, насладиши, кде, сѧде, древле (Болонск. пс.), помозате, отъ чрава, отметание, варова-ша, вь вѣца семь, не видѣ (Македон. ап.), време-то, сась техь, оть тѧхь, голѧмо въкъ, процвътетъ (Погод. пс.) стрила-та (Бѣлгр. сб.).

Чередованіе *ја* и *е* въ выговорѣ др. *ѣ* въ однихъ и тѣхъ-же (восточныхъ) говорахъ объясняютъ закономъ ассимиляціи: гласный послѣдующаго слога вліяетъ на гласный предшествующаго. Тоже самое бываетъ съ обыкновеннымъ *ја*, не имѣющимъ отношенія къ *ѣ:* јак — зајечѣвам, пијан — пијени. Подобное явленіе наблюдается и въ польскомъ языкѣ: wiara—wierze, swiat—swiecie, las—lesie, biały—bielić. Труднѣе объяснить отношеніе *ја*, *е͡а*, къ *е* (*је*) западныхъ го-

[1]) Усвоить выговоръ этого звука можно только на мѣстѣ.

воровъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ разногласіемъ ученыхъ. По мнѣнію однихъ (Миклошичъ) основнымъ, праболгарскимъ нужно считать *ja*, съ которымъ тожественно *e͡a*, а западно-болгарское *е* есть какъ бы результатъ сближенія съ сербскимъ языкомъ. По мнѣнію другихъ (Калина) первоначальное звуковое значеніе болгарскаго *ѣ* — есть *je*. Но, быть можетъ, вѣрнѣе видѣть коренной типическій выговоръ загадочнаго звука въ *e͡a*, сохранившемся теперь лишь въ немногихъ говорахъ, а когда-то вѣроятно болѣе распространенномъ. Изъ этого звука въ живой рѣчи въ разныхъ мѣстахъ могли выработаться и *ja* и *je*, смотря по тому, какой изъ двухъ элементовъ смѣшаннаго звука бралъ перевѣсъ. Если это предположеніе можетъ имѣть какое-либо основаніе, то позволительно поставить вопросъ: не сохранилось-ли въ новоболгарскомъ *e͡a* основное звуковое значеніе и старославянскаго *ѣ?* Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно согласиться съ утвержденіемъ Миклошича (Vergl. Gram. I, 365. Lautbezeichn. 20), что болгарское *ѣ* означало только *ja*. Изъ сказаннаго видно, что данный звукъ отражаетъ въ себѣ въ большей или меньшей степени всѣ важнѣйшіе звуковые оттѣнки старославянскаго *ѣ*. Сохраняя въ этимологическомъ отношеніи значеніе звука = *ē*, онъ, между прочимъ, выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимъ въ этой функціи *ѣ* въ старославянскомъ языкѣ; именно: а) въ многократныхъ глаголахъ: лѣгам, мѣтам; б) въ имперфектѣ: бодѣх, биях, бијеше, фалѣх, пишѣх; в) при перестановкѣ *е:* мрѣх изъ мьрх; г) нѣ=неје; д) въ корняхъ: вѣра, блѣдна, стрѣла, тѣсна и др.

Въ современной графикѣ большею частью удерживается буква *ѣ;* но не рѣдкость въ болгарскихъ изданіяхъ и фонетическое правописаніе т. е. *я* и *е* вм. *ѣ*.

А.

Звукъ *а* выговаривается какъ *а* только въ ударяемыхъ слогахъ. Если-же на него не падаетъ удареніе, то онъ сохраняетъ свое настоящее произношеніе только въ западныхъ говорахъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области восточнаго нарѣчія (Татаръ-Базарджикъ, Казанлыкъ, Рупчосъ, Тетевенъ). Вообще-же въ восточныхъ говорахъ, неударяемое *а* переходитъ въ глухой (слабый) звукъ, „а затворено“ (по болгарской терминологіи), который обозначаютъ различнымъ образомъ (*ѫ, ъ, ь, а*), но который удобнѣе всего было-бы передавать зна-

комъ *â* (согласно предложенію пр. Дринова. Ср. выше стр. 68), напр.: гри́вâ, гла́вâ, влѣ́нâ, му́хâ, кâта́н. Конечное *а* существительныхъ основъ переходитъ въ глухой и тогда, когда стоитъ подъ удареніемъ: плâтѣ́, водѣ́, слѣзѣ́, върбѣ́, блъхѣ́. Но есть и рядъ исключеній; удерживаютъ *а:* 1) названія родства: ба́ба, башта́, дѣда́, сестра́, снъха́, стрийка, уйка́, злъва́ и жена́; 2) существительныя, образованныя суффиксомъ *ла*: безу́мла, вѣ́шла, гра́бла, кра́дла, ма́мла, ревла, скѣ́пла, сѣ́нла; 3) нѣкоторыя существительныя на *ия:* зъмия́ но и зъме́, лъжия́ но и лъже́, мравия и мраве́, свиния́ и свине́, слободи́я и слободе́.

Нѣкоторые восточные говоры въ такихъ случаяхъ сохраняютъ *а* предпочительно передъ глухимъ, напр. въ Татаръ-Базарджикѣ, Казанлыкѣ, Тетевенѣ: ма́йка, жаба́, вѣ́ра, ча́ша и т. п.

Глухой вм. *а* встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: жизнь нашѫ (Струмн. Окт.), из безнѫ (Окт. Михан.), троилоушѫ кралѣ (Троянск. пр.), за брьздѫ (Бѣлгр. Синакс.), тьзи работа, на главь та му (Любл. рк.) и т. д.

Въ современномъ книжномъ языкѣ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обыкновенно удерживается историческое правописаніе т. е. *а*, что̀ слѣдуетъ считать вполнѣ правильнымъ, если принять во вниманіе, что въ западныхъ говорахъ вм. глухаго большею частью слышно то совершенно ясное и полное, то нѣсколько краткое *а*.

Аналогичное явленіе представляетъ словинскій языкъ: dъlj, mrěz, mrăza, resrditi se, seni ср. ниже словин. яз.

Въ сосѣднихъ съ болгарскимъ, румынскомъ и албанскомъ языкахъ переходъ *а* въ глухой звукъ выдержанъ съ большею послѣдовательностью. Это обстоятельство дало основаніе Миклошичу высказать предположеніе о томъ, что болгарскій глухой изъ *а* обязанъ своимъ происхожденіемъ древнему иллиро-ѳракійскому языку (Beiträge zur Lautlehre der rumunischen Dialekte. Vocalismus I, II. Wien. 1881).

Новѣйшій историкъ болгарскаго языка проф. Калина, сопоставляя чередованіе *а* и глухаго звука въ болгарскомъ съ чередованіемъ долгихъ и краткихъ гласныхъ въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ (стрâх—стрàху, брêг—бре́гу, mráz—mrazu, sůl—soli и т. п.), происходящимъ вслѣдствіе той-же общей причины—перемѣщенія ударенія, дѣлаетъ, не безосновательное предположеніе о существованіи въ древне-болгарскомъ языкѣ долгаго и краткаго *а*. Тамъ, гдѣ удержалось

а—оно есть, по мнѣнію названнаго автора, рефлексъ долгаго *а;* глухой-же звукъ развился изъ краткаго *а*. Слѣдовательно западные говоры, съ этой точки зрѣнія, должны представлять болѣе древнюю особенность языка, восточные—болѣе новую.

Рядомъ съ указаннымъ явленіемъ въ болгарскомъ языкѣ весьма распространено другое—*переходъ а въ е*. Оно имѣетъ мѣсто преимущественно послѣ *j* и *ч*, *ж*, *ш* и согласныхъ, когда-то смягченныхъ j-мъ, но утратившихъ въ современномъ языкѣ мягкое произношеніе, и возможно какъ въ срединѣ словъ такъ и въ окончаніяхъ; напр.: вечѐре, бу́ре, къдѐле, ба́не, ди́не, мрѐже, ду́ше, чѐша и ча́ша, чѐка и ча́ка, чершије, джемије, трева, глева, језе — яз, еще и яйце, целувам и цалувам, земѐ, собѐ. Частности относительно чередованія *а* и *е* по разнымъ говорамъ не достаточно выяснены. Тотъ и другой гласный въ однородныхъ случахъ возможенъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ говорахъ; напр. цалувам—въ восточн. н., целувам—въ западн. н., приятел—западн. н., пријетель—восточн. н., ясен—въ западн. н., јесен—въ восточн. н. Это чередованіе *а* и *е* послѣ *j* стоитъ въ связи съ средне-болгарскимъ чередованіемъ ѧ, ѩ и *ѣ* (выше стр. 62) и напоминаетъ соотвѣтствующій переходъ *а* въ *е* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ въ современномъ чешскомъ яз. (duše, země, vůle, koupě, bůře им. ед. ч. вм. duša, zemia и т. д.).—Во многихъ случаяхъ переходъ *а* въ *е* (*ја* въ *је*) вызывается, вслѣдствіе закона ассимиляціи, мягкостью слѣдующаго слога: Стојене, ям—једеми, як—јеки, овчере, јеничере, жа́ба̂ — жеби, ша́пка̂ по ше́пки и т. д. Ср. чередованіе звуковъ, развившихся изъ старослав. *ѣ* (стр. 77).

Въ Тетевенѣ и его окрестностяхъ подмѣченъ переходъ ударяемаго *а* въ концѣ основъ на *а* въ особое „глухо-горловое долгое *е*“. Изслѣдователь этого говора Васильевъ означаетъ этотъ особый звукъ знакомъ *ê*, а пр. Калина, находя въ немъ сходство съ широкимъ нѣмецкимъ *ä*, отмѣчаетъ его этимъ послѣднимъ знакомъ: главê (главä), метлê, свештê вм. свѣшта-та, рек'ê вм. рѣка́; если удареніе переходитъ на другой слогъ, то возстановляется чистое *а:* главатáр.

Е.

Болгарское *е* въ общемъ соотвѣтствуетъ старослав. є и имѣетъ твердый выговоръ. Мягкое произношеніе этого звука составляетъ частную діалектическую особенность, свойственную отдѣльнымъ говорамъ

(Котелъ, Шуменъ, Родопы) и наблюдаемую въ особыхъ случаяхъ, именно: 1) когда оно замѣняетъ *је* (въ началѣ словъ и въ концѣ послѣ *и*), е́дин, е́зеро, етьрва, знамение, или 2) когда слѣдуетъ за гортанными, небными и плавными *л, р, н:* морје, желје, лозје, здравје, чјервен, кажје, девойк'е (зв. п.). Въ современной графикѣ обыкновенно не употребляютъ особаго знака для обозначенія мягкаго *е*. Только при изданіи памятниковъ народнаго языка и словесности иногда пользуются для этого звука древнимъ начертаніемъ ѥ или придуманными знаками *'е, іе* и т. п.

Древнее *е* сохраняетъ свойственный ему выговоръ только тогда, когда стоитъ подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ-же слогахъ оно переходитъ въ *и* въ восточныхъ говорахъ почти повсемѣстно и послѣдовательно, въ западныхъ-же кое-гдѣ и спорадически: тилé, видéш, мóжиш, жинá, да сиди, уплита, три нидѣли, дóди, думаши, збирéти, мижду (Пирот.), знаит (Струмница), плачиш (Прилѣп.). Въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: idin, ni, sestri. Такъ какъ удареніе въ болгарскомъ языкѣ по разнымъ мѣстностямъ не одинаково, то вслѣдствіе указаннаго закона, одни и тѣже слова иногда звучатъ весьма различно, напр. тéле, тилé, тéли.

Переходъ *е* въ *и* можно прослѣдить и по памятникамъ: въ срцѝ своим' (Болон. пс.), иже (ср. р. Мак. ап.), въпиасти (2 л. мн. ч. Окт. Михан.), да плачиме (Люблян. рук.). Въ текстахъ XVIII в. *и* вм. *е* встрѣчается уже довольно часто.

Кое-гдѣ по говорамъ, въ отдѣльныхъ словахъ встрѣчается и иной переходъ: *е* въ *о:* ошта—јоште (восточ. гов.), ош (Софія), пудјо (пойдетъ).

е въ болгарск. яз. обыкновенно замѣняетъ старослав. *ѣ:* тенки, лен, песен, черни; ср. выше стр. 70.

О.

Въ болгарскомъ языкѣ *о* произносится какъ *о* только въ ударяемыхъ слогахъ. Находясь-же въ неударяемыхъ слогахъ, оно удерживаетъ свой основной выговоръ только въ западныхъ говорахъ, и то не всегда. Въ восточныхъ же говорахъ неударяемое *о* обыкновенно звучитъ какъ *у:* Бугдане, гурá, на óколу, мумá, гулѣм, дóдуф и дудóх вм. дóдох—дойдохъ, вудá—та, куга, мурé, рáбута, вдувúца (восточн. гов.), млóгу, нóгу (вм. много), мáлку, кóлку, гулѣм, гулаба, от

дáлеку (западн. н. Зайчаръ, Търнъ, Самоковъ, Кратово, Велесъ, Прилѣпъ); gulêma, ud gudina du gudina (угорск. болг.). Впрочемъ, иногда и въ восточныхъ говорахъ *о* сохраняется въ неударяемыхъ слогахъ, напр. въ Татаръ-Базарджикскомъ округѣ: росá, момá, дѣрво, хóро; въ Тетевенскомъ: тéнко, колéно; въ Казанлыкскомъ: водá, войскá, въ *Конопчіи* въ звят. п.: свáто, кончо, мáмо и т. д. (Ср. Калина, I, 141).

у вм. *о* встрѣчается и въ древнихъ памятникахъ: ѹтворена, тѣло невкоушеноу породѹ, бракоунеискусна (Окт. Михан.), ѹнь, вѣрѹваше, покѹри, мѹемѹ (Македон. ап.), куга, утидоха, забурави (Бѣлгр. сб.).

Какъ діалектическія особенности, встрѣчающіяся по разнымъ мѣстностямъ и въ отдѣльныхъ словахъ, наблюдаютъ и другія замѣны неударяемаго *о*. Иногда оно переходитъ въ глухой зв. (*ъ*, *а́*), иногда въ *а:* въйвода (Шуменъ), гълъби (Търново), звънец, къга, тъкáъ, (Пиротъ), вайвода (Павловско), два галаба (Велесъ), манастир (Македон.).

Наоборотъ иногда (въ восточныхъ говорахъ) является чистое *о* вм. ожидаемаго глухаго, именно, въ именахъ существительныхъ на *ъ* въ случаѣ присоединенія члена *тъ:* умóтъ и умó (вм. умътъ), кракóтъ и кракó (вм. кракътъ), грѣхотъ, но долъ-тъ. Это *о* въ свою очередь можетъ перейти въ *у:* óлу или вóлу (вм. волъ-тъ).

о чередуется съ *е:* дробен и дребен, нóкът и нéкет. Это чередованіе нужно отличать отъ обще-славянскаго подъема *е* въ *о:* гроб, одбор, оброк, стол.

о (*у*) можетъ выпадать: плетѣхми, плетѣхте, бѣхме, орáхме, сирмах.

И.

и въ болгарск. яз. имѣетъ мягкое произношеніе (*ји*) только въ немногихъ случаяхъ: и́ме, брóйш, жúвот, ливадâ. Обыкновенно оно звучитъ твердо: дѣдитѣ, сѫдбина, всичко, език, писмо и т. п.

Старослав. ы=*и*. Современный болгарскій яз. за немногими исключеніями, не различаетъ *ы* отъ *и*. Гдѣ прежде было слышно *ы*, тамъ теперь звучитъ *и*: бик, били, син, питам, ми, ги, високи, жени, рибâ. Древнее *ы* сохранилось какъ частная діалектическая особенность лишь въ немногихъ мѣстахъ и отдѣльныхъ словахъ: въ нѣкоторыхъ деревняхъ Солунскаго округа (вый, сын, мышка, кытка), въ Шумлѣ (сыр), Тетевенѣ (камык), Татаръ-Базарджикѣ (язык), въ селахъ близъ Велеса (кытка, макы, книгы).

Судя по памятникамъ исчезновеніе *ы* и смѣшеніе этого звука съ *и* началось съ XII ст. Въ рукописяхъ оно выразилось въ смѣшанномъ употребленіи знаковъ *и* и *ы*. Иногда *ы* стоитъ тамъ гдѣ ожидается *и*: жыветь, носишы (Слѣпч. ап.), оуслышы (Болон. пс.), носиты (Берл. Сб.), быты (Бѣлгр. Синакс.), помозы, въ моры (Любл. рук.), иногда *и* вм. *ы*: тисѧщи, посилаѧ би (Болон. пс.), нинѣ, бихомъ, бишѧ (Слѣпч. ап.), не бихъ билъ (Охр. ап.), праведнихь, погибаемь, малихь (XIII—XIV в.), рибе, бити, ми (XVII в.). Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ чаще употребляется *и* вм. *ы*. Въ памятникахъ XVIII в., какъ напр. въ Бѣлградскомъ сборникѣ, встрѣчается почти исключительно *и*. Въ среднеболгарскомъ написаніи словъ орѧи, сѧи (Слѣпч.), всемогѧи (Погод. пс.), живѧи, бѧ (Бѣлг. Син.) и т. п. *ѧ*, по мнѣніи Калины (I, 182), означаетъ зв. *ы*, въ чемъ можно видѣть доказательство существованія этого звука, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ еще въ XII—XIV вв.

Какъ въ восточныхъ, такъ и западныхъ говорахъ неударяемое *и* иногда переходитъ въ *е*. Чаще всего этотъ переходъ наблюдается въ именит. пад. мн. ч., и въ формахъ настоящ. и прошедшихъ простыхъ временъ: госте, дошле, циганке, череше, садете, сторете, чинехме, говоре (3 л. ед. ч.), да видеш.

ие обыкновенно стягивается въ *е:* биле, грозде, здраве, имане, листе, лозе, тръне.

Въ Конопчіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ иногда (послѣ *ч, ж, ш*) слышно *у* вм. обычнаго *и:* жуф, сюромаси, бюул (вм. бивол), отювам.

У.

Болгарское *у* соотвѣтствуетъ общеслав. *у* и сверхъ того употребляется повсемѣстно взамѣнъ *о* и діалектически вм. старослав. *ѫ*, *и* и глухихъ звуковъ (см. стр. 70, 74).

По разнымъ говорамъ *у* чередуется съ *и:* либи, либила, либовник (Татаръ-Базарджикъ), но люби (зап. н.), клич и ключ, слина и слюна, добро итро (Кюстендилъ). Ср. въ чешскомъ яз. переходъ *и* въ *i* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ: jitro, voli, klíč, lid, duši (вин. п. ед. ч.).

у вм. старослав. *ѫ*, встрѣчающееся кое-гдѣ въ западныхъ говорахъ (Трнъ, Паланка, Скопье, Пиротъ) въ такихъ словахъ какъ—удо-

вица, унук, узимаш, ючер, кажется, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ сербскаго языка.

Слѣды слогообразующихъ л и р. Гласные при л и р.

Славянскій праязыкъ не зналъ слогообразующихъ или гласныхъ *л* и *р* (*l̥*, *r̥*). При сочетаніяхъ *л*, *р* + согласный въ немъ были необходимы гласные звуки, звонкіе или глухіе, впереди плавныхъ или позади ихъ *(ал, ар (ол, ор), ер, ел, ъл, ър, ьл, ьр* или *ре, ле, рь — лъ, ръ — ль)*. Эти первичныя звуковыя сочетанія въ различныхъ славянскихъ языкахъ имѣли свою особую судьбу, характеръ которой отчасти зависѣлъ отъ положенія гласнаго по отношенію къ плавному. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ чешскомъ, словацкомъ, сербскомъ, изъ такихъ сочетаній въ извѣстныхъ случаяхъ развились плавные гласные (крв, грло, брзо, vlna, plk, hrměti). Тоже явленіе, по мнѣнію авторитетныхъ филологовъ (Миклошича, Ягича, Лескина, Соболевскаго), произошло въ церковно-славянскомъ языкѣ, въ памятникахъ котораго начертанія *ръ, ръ, лъ, ль* нерѣдко служатъ лишь графическимъ обозначеніемъ гласныхъ *л* и *р* (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ славянскомъ праязыкѣ гласный предшествовалъ плавному: чрьвь, длъгъ, гръдъ [1]).

Въ современномъ болгарскомъ языкѣ при сочетаніяхъ плавнаго съ послѣдующимъ согласнымъ обыкновенно необходимъ гласный зв., большею частью глухой: вълк или влък. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ говорахъ особенно въ Панагюриште, по утвержденію проф. М. С. Дринова, удержались слогообразующіе *л* и *р:* бркна, црн, крст, крв, прст, црква, тргнѫ, врба̑, срце, дрво, клне, млчи, слнце [2]). Тоже самое наб-

---

[1]) Нельзя того съ увѣренностью утверждать относительно такихъ словъ какъ плъть, кръвь, для которыхъ и въ славянскомъ праязыкѣ предполагается гласный послѣ плавнаго.

[2]) Проф. Дриновъ (Період. Сп. XI — XII. Браила, 1876, стр. 148), говоритъ объ этой діалектической особенности слѣдующимъ образомъ: „При *л* и *р*, когато прѣдъ тѣхъ се намира съгласна, старобългарский ъ (и ь) нѣма никакъвъ гласъ. Това показва, че въ тие случае *л* и *р* и въ Панагюрското, както и *въ много други Български* изговаряния сѫ гласни. Любопитно *е, че* въ такива случае при *р*, то по нѣкога се губѣтъ и гласнитѣ *а* и *и:* на мѣсто *страна* и *прилича*, изговарятъ: *стрна, прлича.* Проф. Калина (Studyja, I, 326), самъ наблюдавшій панагюрскій говоръ не признаетъ ни въ немъ, ни вообще въ болгарскомъ языкѣ гласныхъ плавныхъ. Мы, однако, не имѣемъ основанія не вѣрить проф. Дринову, природному болгарину.

людается въ говорахъ Пирота, Кратова, Скопья, Велеса, Чепина. Въ частности степень выдержанности и распространенности этой черты еще не выяснена. Существуетъ даже мнѣніе, совсѣмъ отрицающее для болгарскаго языка возможность гласнаго произношенія плавныхъ *л* и *р*. Противъ такого скептицизма, однако, говоритъ не только приведенное авторитетное свидѣтельство, но и показанія древнихъ памятниковъ, въ которыхъ иногда встрѣчаются такія написанія словъ: оумртвити (Болон. пс.), възврстисѧ (Бѣлгр. Ев.), крста (Окт. Михановича), крвь (Макед. апост.), Грцѣх (Троянск. пр.) и др. Едва-ли можно во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ отсутствіе гласнаго при *р* объяснять только ошибкой писца.

Впрочемъ, общее правило для болгарскаго языка, какъ уже замѣчено,—присутствіе гласныхъ при плавныхъ *л* и *р*. Этотъ гласный—глухой въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ старо-славянскихъ памятникахъ плавные сопровождаются ъ и ь, и чистый—*а* или *ѣ* (=*ē*) тамъ, гдѣ и въ старославянскомъ яз. выступаютъ тѣже гласные (trāt изъ праслав. tort, trēt изъ праслав. tert).

Что касается глухого, то онъ слышится и передъ плавными и послѣ нихъ. Такимъ образомъ старославянскимъ *лъ*, *ръ*, *ль*, *рь* въ болгарскомъ соотвѣтствуютъ *лъ*, *ръ* или *ъл*, *ър*: влък и вълк, блъгарин и българин, длъг и дълг, връба и върба, кръв и кърв, пръви и първи. Въ какихъ именно говорахъ и въ какихъ словахъ глухой употребляется передъ *л* и *р* и когда послѣ нихъ—этотъ вопросъ еще ждетъ болѣе или менѣе подробнаго обслѣдованія. Въ литературномъ языкѣ и въ записяхъ образцовъ народной рѣчи вслѣдствіе неопредѣленности правописанія дѣло представляется крайне неяснымъ и запутаннымъ. Какъ относительно мѣста глухого при плавныхъ, такъ и относительно способа обозначенія его наблюдается полный произволъ. Въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, нерѣдко въ одной и той-же книгѣ или въ одной и той-же записи народной пѣсни, глухой помѣщается то передъ *л* и *р*, то послѣ нихъ, и обозначается то ъ, то ѫ, то *а*. Первую попытку разобраться въ этомъ трудномъ вопросѣ сдѣлалъ проф. Калина. Главные его выводы слѣдующіе: въ западныхъ говорахъ глухой по преимуществу слышенъ передъ плавными, въ восточныхъ-же послѣ плавныхъ; но и въ восточныхъ говорахъ возможны сочетанія *ър*, *ъл*, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они стоятъ въ открытомъ слогѣ, за которымъ слѣдуетъ согласный, связанный съ дру-

гимъ гласнымъ (*tъr* — *t* + *voc*); напр.: сълзи, обълки, расърди, първа, цървена, жълти; образцовый литературный языкъ слѣдуетъ восточному нарѣчію, но допускаетъ сочетанія *ъл*, *ър* и въ закрытыхъ слогахъ, оканчивающихся на *к*, *г*, *л*: търг, вълк, вълна, Търново и т. п. Выводы эти въ общемъ вполнѣ вѣрны, но въ частностяхъ, по отдѣльнымъ говорамъ, наблюдается не мало отступленій отъ указанныхъ правилъ. Выясненіе въ подробностяхъ вопроса о выговорѣ и употребленіи группъ плавныхъ съ глухими — дѣло будущаго. По своей природѣ глухой при плавныхъ, кажется, относится къ категоріи сильнаго („узкаго") глухаго, произношеніе котораго напоминаетъ краткое русское *ы* (ср. выше стр. 69).

Діалектически, въ западныхъ говорахъ, вм. глухого иногда выступаютъ звонкіе гласные: *а*, *е*, *о*, *у*: сребарна, жалтици, барза, ябалка (Етрополь, Родопы), церно, цервено (Скопье, Щипъ), солдзи, яболка, волна, жолти (Охрида, Чепино), ябулка (Пирдопъ). Въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Търнъ, Кратово, Скопье, Разлогъ), употребительна полная вокализація *лъ* въ *у*, сближающая болгарскій языкъ съ сербскимъ: бугарин, муна, вук, вуна, пуно, дуго и т. п. Эта діалектическая особенность несомнѣнно—результатъ скрещиванія двухъ родственныхъ языковъ.

Относительно происхожденія глухихъ при плавныхъ возможны только одни предположенія. По мнѣнію Миклошича, которое представляется намъ весьма правдоподобнымъ, сочетанія *ъл*, *ър* и *лъ*, *ръ* развились изъ гласныхъ *л* и *р* (*l̥*, *r̥*), нѣкогда составлявшихъ общую черту всего болгарскаго языка, а нынѣ сохранившихся лишь въ нѣкоторыхъ его говорахъ. Если это такъ, то получается еще одинъ фактъ близкаго родства болгарскаго яз. со старославянскимъ. Но возможна и другая постановка вопроса: не восходятъ-ли данныя болгарскія звуковыя группы непосредственно къ общеславянскимъ группамъ *ър*—*ъл*, *ър*—*ъл* и *ръ*—*лъ*, *рь*—*ль*? Въ частности для однихъ болгарскихъ словъ въ славянскомъ праязыкѣ гласный оказывается передъ плавными, для другихъ послѣ плавныхъ. Къ первой категоріи относятся такія слова какъ: вълк, вълна, дълго, чървен, първи, гърло, сърце и др.; ко второй такія, какъ: блъха̂, клъне, слъза, кръв, кръс, гръми. Иногда болгарск. *ръ* (*ър*), произошло изъ общеславянскаго *ръ*: чръда̂, чръво, тръбух.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ старославянс. языкѣ общеславянскія группы *ер—ел—ор—ол* (*ар—ал*), передъ послѣдующей согласной измѣнились (вслѣдствіе перестановки) въ группы *рѣ—лѣ*, *ра—ла*, и въ болгарскомъ языкѣ произошло тоже самое звуковое явленіе: брѣг (стар.-слав. брѣгъ изъ бергъ ср. нѣм. Berg), влѣкѫ (стар.-слав. влѣкѫ изъ велкѫ ср. лит. velkù), мрѣл (изъ мер-лъ), брадâ (стар.-слав. брада, лит. barzda), глава (стар.-слав. глава, лит. galva), град (стар.-слав. град, ср. лит. gardas). Въ восточныхъ говорахъ это *а* можетъ переходить въ глухой звукъ: глâва-та (см. выше стр. 78). Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ изрѣдка наблюдается какъ-бы первоначальная форма данныхъ звуковыхъ группъ—*ар*: гардина вм. градина, старна вм. страна.

Употребленіемъ плавныхъ группъ *ра*, *рѣ*, болгарскій языкъ сближается кромѣ старославянскаго съ сербскимъ, словинскимъ и чешскимъ языками (брijег, brêh, břêh, грàд, grad, hrád и т. п.). Въ русскомъ языкѣ этимъ группамъ соотвѣтствуетъ т. н. полногласіе.

Гласные въ началѣ словъ.

Славянскіе языки обыкновенно избѣгаютъ употребленія чистыхъ гласныхъ въ началѣ словъ, что́ достигается посредствомъ прибавки *j* или нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ (*в*, *х*). Болгарскій языкъ въ этомъ отношеніи не особенно требователенъ и въ нѣкоторыхъ его говорахъ, чаще въ восточныхъ, чѣмъ западныхъ, слова, начинающіяся чистыми гласными, довольно употребительны; напр.: агне, аз, абълка, ако, едеш, езе, ере, овен, оште, ода, ол (вм. вол), осък, оро (вм. хоро), оди (вм. ходи), един, езеро, есен, убава (вм. хубава), утре (Габрово, Казанлыкъ, Сливенъ, Македонія и др.). Въ другихъ говорахъ тѣже самыя слова звучатъ иначе, съ согласнымъ призвукомъ въ началѣ: ягне, јоште, вода и т. п.

Зіяніе.

Въ болгарскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, зіяніе устраняется посредствомъ вставочныхъ согласныхъ: *j*, *в*, *н*: бия, отивам, него. Но рядомъ съ этимъ общимъ явленіемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ (особенно македонскихъ) нерѣдко наблюдается наклонность

къ допущенію зіянія; напр.: петли пропеали, кукаица, неестица, сватои, маштеа, сна'а, ослепеа (аор.), дойдо'а, меана, пра'о, уби'а, чо'ек, да'ам, него'ата.

Количество гласныхъ.

Въ настоящее время болгарскій языкъ, на сколько онъ извѣстенъ вообще и въ своихъ говорахъ, не различаетъ долготы и краткости гласныхъ. Но, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ древними памятниками болгарскаго языка, и на звуковыхъ явленіяхъ въ области современнаго болгарскаго вокализма, кажется, нельзя не раздѣлять предположенія проф. Калины (I, 128), о томъ, что прежде не было такого безразличія и когда-то существовали долгіе и краткіе гласные.

Б) Согласные.

Л, Н, Р.

Въ болгарскомъ языкѣ существуетъ троякое *л*: твердое (какъ въ русскомъ и польскомъ яз.), среднее (какъ въ нѣмец. loben) и мягкое, свойственное и многимъ другимъ славянскимъ языкамъ. Всѣ три выговора слышатся на всемъ протяженіи области болгарскаго языка, но не въ одинаковой степени. Въ восточныхъ говорахъ преобладаетъ *твердое л*, которое слышно не только передъ твердыми гласными, но и тамъ, гдѣ по аналогіи съ старославянскимъ слѣдовало ожидать мягкаго выговора, напр. въ окончаніи основъ жен. р. на *і* (ѣ) и муж. р. на *jo* (ъ), передъ первоначальными суффиксами *ънъ*, *ищь*, *ъба*, *ов*, въ словахъ производныхъ отъ основъ на *jo* и др.: сол, трендафил (τραντάφυλλον), крал, април, учител, болна, молба, пилци, постелка, разболвам са, кралова та. Въ западныхъ говорахъ во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдается *мягкое л*: учитель, больна, соль и т. д. Только битольскій говоръ слѣдуетъ правилу восточнаго нарѣчія и представляетъ *твердое л*, кромѣ приведенныхъ примѣровъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, напр. въ основахъ жен. р. на *ja*: постела, недела, Битола; въ такихъ словахъ какъ: лут, лупам. Впрочемъ и нѣкоторые восточные говоры (Котелъ, Елена) въ отношеніи употребленія мягкаго *л* сближаются съ западными говорами.

Среднее л слышно во всѣхъ говорахъ передъ простыми *е, и*, преимущественно въ неударяемомъ слогѣ и чаще въ восточномъ нарѣчіи, чѣмъ западномъ, которое и въ этомъ случаѣ предпочитаетъ мягкое *л*. Въ Софійскомъ округѣ *л* выговаривается твердо и передъ *е*: пиле, излезне, голем.

Мягкое л наблюдается передъ іотованными гласными и узкими *е, и* съ мягкимъ выговоромъ: любе, люде, ключ (клич), клѣкам, поле, колѣно, гледам, слина.

н имѣетъ двоякій выговоръ — твердый и мягкій, при чемъ первый нерѣдко слышится тамъ гдѣ по этимологіи ожидается второй (именно въ концѣ основъ и словъ); напр.: кон, ден, огън, оган, огон, песен, долна, горна. Разграничить употребленіе того и другаго выговора *н*, при современномъ состояніи діалектологіи, довольно трудно. Достаточно замѣтить, что замѣна древняго мягкаго выговора твердымъ имѣетъ мѣсто какъ въ западныхъ, такъ въ восточныхъ говорахъ. Мягкое *н* слышно преимущественно внутри словъ, передъ іотованными гласными и мягкими *и, е:* сино, нѣшто, пенувам, баня, нива, книга. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ и на концѣ словъ *н* звучитъ мягко: конь (Свистовъ, Котелъ, Щипъ, Велесъ, Битоль), огинь, каминь (Скопье, Велесъ, Битоль).

р произносится двоякимъ образомъ—твердо и мягко, совершенно такъ какъ въ русскомъ языкѣ. Но твердый выговоръ и этого согласнаго въ современномъ языкѣ беретъ перевѣсъ надъ мягкимъ. Онъ наблюдается не только передъ твердыми гласными, но и передъ іотованными и мягкими, особенно въ концѣ основъ; напр.: цар, цара, хлебаро, рибар, вечерам, говорѫ. Такая замѣна первоначальнаго мягкаго *р* твердымъ наблюдается преимущественно въ западныхъ говорахъ, а изъ восточныхъ чаще встрѣчается въ говорахъ Търновскомъ, Габровскомъ, Конопчійскомъ и Родопскихъ. *Мягкое р* передъ іотованными и мягкими гласными сохранилось преимущественно въ восточномъ нарѣчіи; въ западномъ-же оно чаще слышится передъ *е*: царя, вечеря (Котелъ), ср'ед, отговаря, двор'е (Велесъ, Дебра).

Д, Т.

Зубные *д* и *т*, соединяясь со слѣдующимъ *j* подвергаются т. н. смягченію, т. е. переходятъ въ другіе болѣе мягкіе звуки. Въ болгарскомъ яз. это смягченіе не одинаково для разныхъ говоровъ. Именно:

Первичное *dj* = *жд*, *г* (*г'*), *ж*, *ђ*, *д'*, *дж*.

Первичное *tj* = *шт*, *к* (*к'*), *ч*, *ћ*, *т'*, *ш*, *ж*, *з*, *с*.

Самыми распространенными и характерными нужно считать двѣ звуковыя группы: *жд* — *шт* и *г'* — *к'*. Первая господствуетъ въ восточномъ нарѣчіи (за исключеніемъ Котелскаго и южно-ѳракійскаго говора): вижд ма, между, раждам, распъждам, прежда̂, гражданин, свѣшта̂, срешта̂, кѧшта̂, плаштам, праштам, маштеха. Вторая составляетъ особенность западныхъ говоровъ и лишь нѣкоторыхъ восточныхъ (Котелъ, Мал. Търнов.): мегю, рог'ени, тугя, грагяне, ке (хоштеть), бракя, кук'я, веке, свек'я. Группы *жд* — *шт* возникаютъ только подъ вліяніемъ *j*; передъ мягкими гласными *д* и *т* въ восточномъ нарѣчіи остаются неизмѣнными или смягчаются въ *д' т'*: дѣд, дете, отиде, родиш, пѧт, трети, работиш. Иногда *д* и *т* удерживаются и передъ *j*: роден, осѧдени, позлатен. Между тѣмъ *г'* — *к'* выступаютъ не только передъ *j*, но и передъ мягкими гласными (существующими или когда-то существовавшими): г'ете, г'ядо, виг'ял, гявол, пък' пак' (пѧть), зек'ет (зѧть), треки, врук'ина, девик (девѧть).

dj — *tj*, напоминающія по выговору сербскія ђ и ћ, слышны спорадически кое-гдѣ въ Македоніи: медју — међу, врутјина — врућина, свећа (Велесъ, Прилѣпъ, Битоль).

ж (вм. *dj*) и *ч* (вм. *tj*) также встрѣчаются по разнымъ говорамъ только въ отдѣльныхъ словахъ: чужбина, чужина, нужба, рожба, гражане, д'еча, кичам, че (хоштеть).

ж, *ш*, *з*, *с* (вм. *tj*) выступаютъ, сколько извѣстно, въ одномъ словѣ—въ 3 л. наст. вр. глагола хотѣть: *же*, *жа*; *ше*, *за*, *се*. Такимъ образомъ, эта глагольная форма, служащая для образованія будущаго времени, въ разныхъ болгарскихъ говорахъ звучитъ самымъ различнымъ образомъ; именно: *ште*, *штъ* (восточн. нар.), *к'е*, *ке* (Македон. и Родоп.), *к'я* (Костур. Дебр.), *че* (сѣв.-зап.), *ше* (Шумен, Търнов, Слив, Родоп.), *се* (Угор. Болг.), *же*, *жа* (Сливен, Широка Лъка), *за* (Банатъ, Ени-Махале, Висока).

Весьма любопытна встрѣчающаяся кое гдѣ въ сѣверо-западныхъ говорахъ группа *дж* (вм. *dj*): господжа, меджи, роджена.

Взаимное отношеніе этихъ разнообразныхъ замѣстителей первичныхъ *dj*, *tj* и процессъ образованія ихъ изъ этихъ послѣднихъ остаются неясными. Переходъ мягкихъ *д* — *т* въ *жд* — *шт* несомнѣнно представляетъ сколько типическую, столь-же и древнюю особен-

ность болгарскаго языка. Онъ роднитъ средне- и ново-болгарскій яз. съ языкомъ древнѣйшихъ старо-славянскихъ текстовъ, въ которомъ тѣже самыя звуковыя группы имѣютъ значеніе строго выдержанной характеристической примѣты Всѣ остальныя указанныя замѣны смягченныхъ зубныхъ, кажется, слѣдуетъ считать относительно позднѣйшими новообразованіями; нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, явились результатомъ встрѣчи или скрещиванія болгарскаго языка съ сербскимъ.

Наиболѣе недоумѣній вызываетъ столь распространенный въ западныхъ говорахъ переходъ *mj*—*dj* въ *г* (*г*) —*к* (*к'*). Какъ объяснить превращеніе зубныхъ въ гортанные? Еще недавно, вслѣдствіе отсутствія положительныхъ свѣдѣній по болгарской діалектологіи былъ возбужденъ вопросъ о выговорѣ этихъ *г* и *к*, при чемъ утверждалось, что начертанія *г* — *к*, находящіяся въ записяхъ народныхъ пѣсенъ, означаютъ не гортанные звуки, а тѣ самые, которые въ сербскомъ правописаніи обозначаются буквами ђ и ћ т. е. *дъжь* — *тьчь*. Эту мысль нѣсколько нерѣшительно высказалъ Миклошичъ во второмъ изданіи (1879) своей Сравнительной Грамматики (I, 378 — 379), а Ст. Новаковичъ (1889) посвятилъ обоснованію и развитію ея цѣлую работу (ср. выше стр. 55). Тѣмъ не менѣе въ настоящее время послѣ критическихъ замѣтокъ Облака (Arch. f. Slav. Phil., XII, 4), послѣ пересмотра вопроса въ спеціальной монографіи Мазинга (ср. выше стр. 55) и особенно послѣ появленія ряда новѣйшихъ критическихъ изданій текстовъ на западномъ нарѣчіи—вполнѣ обнаружилась несостоятельность указаннаго предположенія. Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что *г* – *к* (*г'*—*к'*) въ качествѣ замѣстителей *dj* — *mj*, отнюдь не тожественны съ серб. ђ, ћ и звучатъ въ живой рѣчи какъ обыкновенные *гортанные* согласные, лишь съ большимъ или меньшимъ смягченіемъ. О степени древности этихъ звуковъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ среднеболгарскихъ памятникахъ они не встрѣчаются; впервые ихъ (собств. *к*) находимъ въ текстахъ XVII в. За-то для выясненія вопроса, объ ихъ происхожденіи быть можетъ, не лишено значенія то обстоятельство, что тѣ-же *г* — *к*, въ той-же роли замѣстителей *dj* — *mj*, были извѣстны древне-сербскому языку (кукя, макьеха, мегя. Ср. ниже отд. о Сербскомъ языкѣ).

П, Б, В, М.

Губные *п*, *б*, *в* и губно-носовой *м*, при соединеніи съ *j*, смягчаются, въ противоположность сербо-хорватскому и русскому яз. и согласно съ сѣверо-западными славянскими языками, безъ посредства *л;* т. е. первичн. *пj*, *бj*, *вj*, *мj* = *п'*, *б'*, *в'*, *м'*: къпя (ѫ), сабя, земя, ловен. Въ старо-славянскомъ языкѣ возможно было двоякое смягченіе этихъ согласныхъ—съ *л* или безъ него: люблѫ и любьѫ, земл҃а и земь҃а.

Въ восточномъ нарѣчіи *п*, *б*, *в*, *м*, произносятся мягко не только передъ *j* но и передъ мягкими гласными (*и*, *е*), между тѣмъ въ западныхъ говорахъ въ послѣднемъ случаѣ слышится исключительно твердый выговоръ: дев'ет, теб'е, п'ет, м'еко (вост. н.) и девет, тебе, пет (зап.).

Губные, въ разныхъ говорахъ, иногда чередуются между собой: Арапи, ламба, втичка̂, лоф, фнук, сфой и т. д.

Г, К, Х.

Гортанные *г* и *к*, обыкновенно звучатъ какъ въ русскомъ (великорусскомъ) языкѣ.

х произносится очень слабо и въ западномъ нарѣчіи часто совсѣмъ не слышно: убав вм. хубав, му'а вм. муха, оро вм. хо'ро, ора вм. хора, дойдо'а, сна'а, ладна, ме'ана, Арватин (Шик.).

Какъ въ восточныхъ (напр. Шумен, Свиштовъ, Этрополь), такъ и въ западныхъ (особ. зап. македонскихъ) говорахъ *х* нерѣдко звучитъ какъ *ф*, а въ срединѣ словъ, между двумя гласными, и какъ *в:* търгнаф, страф, ореф, додуф, казаф, фатифме, фодиф, суво дърво, руво.

Вм. группы *хв* обыкновенно слышно *ф*: фали (вм. хвали), фърли, фатиш, фаштам, фал'ба и др.

Такой-же слабый выговоръ *х* и переходъ его въ *ф—в*, и равно произношеніе *хв* какъ *ф* наблюдаются и въ сербскомъ языкѣ: ора (орѣхъ), грије, фала, фатити, сув.

Передъ узкими гласными (*е*, *ѣ*, *и* древн. *ь*, *ѧ*), или *j*, первоначальные *г*, *к*, *х* въ тѣхъ-же случаяхъ, что въ старо-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, переходятъ въ свистящіе—*з*, *ц*, *с* или шипящіе — *ж*, *ч*, *ш*: белези (им. п. мн. ч.), бележе (зв. п. ед. ч.), войници — войниче, кожюси — кожюше, печеш, можеш, блазѣ, нозѣ,

плаче (вм. плачѫ). Если *и* = ст.-слав. ѣ, то оно не вліяетъ на смягченіе предшествующаго гортаннаго въ свистящій: майки, книги.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ для *г* и *к* возможны, кромѣ указанныхъ, и другіе виды смягченія. Вм. *з* въ восточномъ (Сливенъ, Котелъ, Габрово, Конопчія) и западномъ (Трнъ, Кратово, Македон.) нарѣчіи, а также въ угро-болгарскомъ говорѣ нерѣдко слышно *дз:* врадзи, ковчедзи, друдзи, бладзе, дзвизда, дзвѣзда, помодзи, мнодзина, нодзе. *дз* рядомъ съ *з*, какъ извѣстно, существовало и въ старо-славянскомъ языкѣ; полагаютъ, что *з* и образовалось изъ *дз*. Для обозначенія послѣдняго звука служатъ знаки ѕ и ꙁ которые удержаны и въ средне-болгарскихъ памятникахъ и въ разныхъ текстахъ ново-болгарскаго языка (мноѕи, мноꙁи, ѕвѣзда, ꙁѣло и др.).

Менѣе употребителенъ переходъ *г* въ мягкое *д* (*д'*) и *к* въ мягкое *т* (*т'*), встрѣчающійся, кажется, только въ западныхъ говорахъ и въ языкѣ угорскихъ Болгаръ: друди, дълдь, майте, девойтя, помоть, човет', челет' (человѣкъ). Эти мягкіе *д* и *т* по произношенію близко подходятъ къ сербскимъ ђ и ћ. Они слышны и въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ на мѣстѣ *г — к:* т'ерамида (кьерамида), т'ердосвам (кьердосвам), Дердев ден, Лед'ен град (Леген град. Ср. серб. Леђан град). Въ одномъ словѣ во всѣхъ говорахъ перв. *г* перешло въ *д:* дълбоки, длибоки, длабоки, далбоки, длубоки (стар. глѫбокъ); ср. и серб. дубок.

Группы *гт, кт* въ болгарскомъ, какъ въ старо-славянскомъ, переходятъ въ *шт:* помошт, помуш и помош, дъштерка, штерка, сношти, пештера, пешт. Въ западныхъ говорахъ и здѣсь (какъ въ случаѣ смягченія *т*), вм. *шт* слышно *к, к':* кьерка, керка, нокь, помокь.

З, ДЗ, Ц, С — Ж, ДЖ, Ч, Ш.

Въ болгарскомъ яз., какъ уже сказано, рядомъ съ *з* существуетъ и *дз*. Этотъ звукъ діалектически слышенъ не только вм. первичнаго *г*, при образованіи основъ и словъ, но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ ожидается именно *з;* напр.: мелдзи, дзвезда, дзвънец, дзвери, сълдзи, солдзи, дзид, нейдзин, ондзи, дзърдзало. Зв. *дз*, особенно тамъ, гдѣ онъ является смягченіемъ первичнаго *г* передъ *и, ѣ* — есть любопытная особенность болгарской фонетики, опять сближающая болгарскій языкъ со старо-славянскимъ (ср. выше).

Подобнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (западныхъ) рядомъ съ *ж* употребляется *дж:* бедже (зват. п.), лъджица, джелѣзо, джеп, Маджари, калуджерски.

Свистящіе з, ц, с при встрѣчѣ съ *j* переходятъ (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ), въ *шипящіе ж, ч, ш:* кажѫ, немче, пишѫ.

Шипящіе ж, дж, ч, ш обыкновенно звучатъ очень мягко какъ будто слѣдующіе за ними гласные были іотованные: жяба, ключюве, чюдо, шюм, джямія.

Группы *ст* и *ск* передъ *j* даютъ, какъ въ старо-славянск., *шт:* кръштам, праштам, иште, штицâ изъ дъштицâ, воштен, тръговиште, зимовиште; въ западныхъ говорахъ въ этихъ случаяхъ чаще слышно *щ:* ище, кръщям и т. д.

Въ западныхъ говорахъ иногда вм. свистящихъ слышны шипящіе: черква, кажвам, опашал, пишаха; наоборотъ иногда (при *р*) и свистящіе стоятъ на мѣстѣ шипящихъ: червен, черна, дзиздане, стамба. Послѣднее явленіе наблюдается и въ восточныхъ говорахъ (Стара-Загора, Татаръ-Базарджикъ).

J.

j въ болгарскомъ яз. соединяется со всѣми гласными, не исключая *и:* сѫдији, земји, сабји. Поэтому внесеніе въ болгарскую графику начертанія этого звука, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (передъ *и*, глухими зв.), было бы вполнѣ умѣстно. Теперь онъ обозначается различнымъ образомъ: *і, й* ъ.

Въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ *j* звучитъ какъ стиснутое мягкое *і'*: гіа, гіаска (=я Милад.), ги (в. п. ихъ=старосл. ѭ), погясъ, г'едно, г'ярми. Миклошичъ видитъ въ этомъ *і'* мягкое *д'*: *ги*=*д'и*=*ји*. (Lautbez. 29).

Послѣ шипящихъ *ч, ж, ш*, часто (особенно передъ *у*) слышенъ *j*: чюжди, чюдни, кожюх.

Ассимиляція согласныхъ.

Уподобленіе согласныхъ въ живой болгарской рѣчи, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, составляетъ весьма обычное явленіе. Согласные звуки, различные по степени звучности или по органу произношенія, при сочетаніи между собой обыкновенно принаравлива-

ются одинъ къ другому, большею частью предшествующій къ послѣдующему; напр. звучные (*г, д, б, ж, з, в*), переходятъ въ отзвучные (*к, т, п, ч — ш, с — ц — ф*) и наоборотъ, твердые въ мягкіе и т. п.: велигден, чъпкâ, прозбâ, свадбâ, фля'зах, догде, бес тебе, леннали (легнали), бъд'ни вечер, зим'ни.

Переходъ звучныхъ согласныхъ въ *отзвучные* имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ, помимо ассимиляціи, именно когда они находятся въ концѣ словъ: назат, глат, рок, бек, ас (азъ), мъш (мъж).

Выпаденіе гласныхъ и согласныхъ.

Характерную особенность болгарскаго языка составляетъ довольно частое исчезновеніе въ живой рѣчи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, въ тѣхъ слогахъ, гдѣ по этимологіи они должны быть слышны. Это явленіе захватываетъ спорадически всѣ говоры и наблюдается въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ.

Изъ гласныхъ выпадаютъ: *а, е, о, и; а:* удре, удрила, набројвам (вм. наброявам), тук(а), кад(а), наш(а)тъ; *е:* (е)вангелие, (је)го, (је)му, (је)си, (је)сме, (је)сте, војвода, понделник, въ 3 л. ед. ч. глаг.: печ(е), милуј(е); мен(е), твој(е)то; *о:* сирмах, бѣхме, орахме, катри, какво, негва, опасва, казва, (о)вамо, (о)рало, там(о), кам(о); *и:* немаш, додѫ, колко, жвот, (и)скаи (макед.), сношти, зарад(и).

Изъ согласныхъ чаще другихъ выпадаютъ: *т, д, в, х; т*: богаство, педесе, двојсе, младос, кос, нош(ть), свѣш; *д*: клаенец, сърце, кла(д)вам, о(д)ат, изва(д)и (особ. въ македонск. говор.), дваж, триж; *в*: сички, (в)се, (в)си, (в)ол, (в)ода, (в)чера (въ западн. н.), (в)дувица, стори, д(в)ор, д(в)игам, земе, чол'ак — чо(в)ек, кумо'и, уба(в)а, я(в)ор; *х*: ляп — љеп (хлѣбъ), (х)ладен, (х)рисяни (Макед.), маче'а, каза'а, (х)ора ср. выше стр. 92. Сверхъ того иногда исчезаютъ и другіе согласные; *п*: чила, шеница, (п)сета; *г*: ле(г)нали, де, ниде; *к*: вели(к)ден, ту(к)а, па(к); *с—з*: доне(с)л, изле(з)л; *м*: (м)ного.

Группы *дн — тн, дл — тл* обыкновенно теряютъ зубные звуки, но не всегда: праз(д)ник, (д)нес, среш(т)на, кръсник, пус(т)на, плел, чел, довел, ошъл; но и: падна, седна, наметна, пустна, израстло, метла, сидло. Сохраняются *д—т* при *н—л* чаще въ западномъ нарѣчіи, чѣмъ въ восточномъ.

5. Удареніе.

Имѣющіяся въ наукѣ свѣдѣнія о болгарскомъ удареніи очень скудны. Миклошичъ (Vergl. Gr. I, 376) говоритъ о немъ въ пяти строкахъ; проф. Калина совсѣмъ обходитъ молчаніемъ этотъ трудный вопросъ, а проф. Брандтъ, написавшій прекрасное сочиненіе объ удареніи въ славянскихъ языкахъ (Начертаніе славянской акцентологіи, Спб., 1880), самъ признаетъ изложенный имъ очеркъ болгарской „акцентовки“ весьма краткимъ и неполнымъ, хотя едва-ли можно отрицать у него заслугу перваго выясненія важнѣйшихъ особенностей ударенія въ болгарскомъ. Немногія спеціальныя работы (Мазинга, Ворачка-Стойнова и Цонева), посвящены частнымъ вопросамъ объ удареніи въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ[1]). Наиболѣе существенныя данныя о болгарскомъ удареніи представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Удареніе въ болгарскомъ языкѣ *однородное* и *разномѣстное* или подвижное т. е. оно 1) состоитъ только въ усиленіи голоса, а не въ различномъ измѣненіи его интонаціи и 2) не прикрѣплено къ какому-либо опредѣленному слогу, а можетъ стоять на какомъ угодно мѣстѣ въ словѣ. Въ первомъ отношеніи оно отличается отъ сербскаго и чешскаго ударенія, а во второмъ, отличаясь отъ чешскаго и польскаго, сближается съ русскимъ, сербскимъ и словинскимъ.

Каждый слогъ многосложнаго слова можетъ имѣть удареніе: крѣ́сник, крѣ́сниче, юна́к—юна́че, би́кове, рабо́тницитѣ, учи́лището.

Удареніе не вездѣ одинаково; оно различается по говорамъ и мѣстностямъ. Одни и тѣже слова въ разныхъ областяхъ Болгаріи или даже въ разныхъ городахъ и селахъ одной области, произносятся съ различнымъ удареніемъ; напр.: зла́то и злато́, уре́х и о́рех, во́лове и воло́ве, но́жюве и нужо́ве, би́кове и биково́, сѣ́рце и сърце́, ка́зах и каза́х, до́йдох и дойдо́х, вре́ме и време́, гла́ва и глава́, пла́нина и планина́, за́кон и зако́н. Опредѣлить — гдѣ именно господ-

---

[1]) *Leonhard Masing*, Zur Laut—und—Akzentlehre der Macedoslavichen Dialekte. Спб., 1891. West-Macedonische Betonung; *И. Ворачекъ* и *Д. Стойновъ*, Ударението въ новобългарский языкъ—в журн. Наука, 1884, XI—XII. Пловдивъ. *Цоневъ*, Ударението въ източно-блъгарско-то нарѣчие. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. VI, 1891.

ствуетъ одно удареніе и гдѣ другое въ настоящее время не возможно. По утвержденію К. Иречка (Пер. Сп., 1884, кн. VIII), въ западномъ нарѣчіи удареніе обыкновенно падаетъ на начальные слоги словъ и никогда не чувствуется на послѣднемъ слогѣ; въ восточныхъ же говорахъ оно нерѣдко переходитъ и на конецъ слова. Въ сѣверозападныхъ македонскихъ говорахъ удареніе также отодвигается дальше отъ конца слова и чаще всего падаетъ на третій слогъ, между тѣмъ въ юго-западныхъ частяхъ Македоніи оно слышно обыкновенно на предпослѣднемъ слогѣ.

Въ общемъ, въ бо́льшей части случаевъ болгарское удареніе совпадаетъ съ русскимъ, особенно въ восточныхъ говорахъ; напр.: дѣля́, дѣли́, беря́, тека́, вода́, душа́, жена́, крило́, сребро́, чоля́к, желе́зни, бога́ство, бе́гам, бе́ли, го́рница, ве́чер, тръго́вец, рабо́тник, оре́л, слуга́, пила́, пе́ви́ца, свиня́, борба́, ре́ка́ и др. Но и не мало отступленій, сближающихъ болгарское удареніе съ сербскимъ и словинскимъ; напр.: ви́но, ли́це, пя́сък, о́гън, пи́сал, ра́ждам, риба́р, пе́сни́, болести́, море́, поле́.

Удареніе въ болг. яз. не отличается такою гибкостью какъ въ русскомъ и сербскомъ; напр. мн. ч.: жени́, води́, ро́би, юна́ци, ребра́.

Въ частностяхъ относительно мѣста ударенія (главн. въ восточномъ нар.), можно замѣтить слѣдующее:

1) Имена существительныя женск. рода на согласный во множ. ч. имѣютъ удареніе на окончаніи: ношт, пешт, свешт, кост, ху́бост—ношти́, пешти́, свешти́, кости́, хубости́; иногда, впрочемъ, возможно удареніе на коренномъ гласномъ: ми́сли, дла́ни, жълчи.

2) Имена существительныя женск. рода на *а—я*, имѣющія удареніе на конечномъ гласномъ, удерживаютъ его и во множеств. ч., но переносятъ на предпослѣдній слогъ въ звательномъ падежѣ единствеи. ч.: глава́—глави́—гла́во, вода́—води́—во́до, свобода́—свободи́—свобо́до, главня́ — главни́ — гла́вньо (исключеніе составлютъ: овца́, блъха́, сълза́, дъска́, свиня́, которые въ множеств. ч. переносятъ удареніе на предпослѣдній слогъ, какъ и въ русск. яз.). Тѣже имена, въ которыхъ удареніе не падаетъ на окончаніе *а* (*я*) и во множ. ч. удерживаютъ тоже удареніе, какое въ единственномъ: ска́ла—ска́ли—ска́ло, пти́ца—пти́ци—пти́цо, доли́на—доли́ни—доли́но.

3) Односложныя существительныя муж. р., имѣющія именит. п. множ. ч. на *и*, сохраняютъ удареніе на коренномъ гласномъ: зѫб—

зя́би, сноп—сно́пи, лист—ли́сти; тѣже имена, которыя во множ. ч. оканчиваются на *ове—еве* могутъ имѣть двоякое (на первомъ или послѣднемъ слогѣ), а иногда и троякое удареніе (на каждомъ изъ трехъ слоговъ): ред—ре́дове и редове́, стол—сто́лове и столове́ (и столо́ве), вол—во́лове и волове́ (волове́).

4) Существительныя средн. род. съ основой на согласный *т* во множ. ч. сохраняютъ удареніе формъ единств. ч.: а́гне—а́гнета, прасе́—прасе́та, теле́ — теле́та, пи́ле — пи́лета, ку́че — ку́чета; имена-же средн. р. съ основой на *н*, безусловно слѣдуютъ правилу русскаго языка: вре́ме—вре́мена́, пле́ме—племена́, и́ме—имена́, рамо—рамена́.

5) На послѣдній слогъ (въ восточн. нар.), падаетъ удареніе въ большей части словъ, образованныхъ слѣдующими суффиксами: *а* (двусложн.) *ак, ач, ар, ай, еж, ец* (двусложн. слова) *ок, оп, ун, ба, да, га, на* (но не *ина*) *та, ло* (съ предшеств. согласн.) *во, но* (рѣдко): слуга́, паша́, башта́, ря́ка́, ре́ка́, дъска́, тре́ска́, юна́к, проста́к, кръста́к, сира́к, рога́ч, кова́ч, овча́рь, говеда́рь, столя́рь, хлѣба́рь, свадба́рь, рата́й, крава́й, сара́й, грабе́ж, дѣле́ж, крое́ж, вдове́ц, оте́ц, звене́ц, пато́к, младо́к, врьто́п, писку́н, пау́н, борба́, молба́, ся́дба́, торба́, брада́, вода́, звѣзда́, свобода́, игла́, пчела́, метла́, жена́, страна́, храна́, суета́, грѣхота́, срамота́, гребло́, крило́, тегло́, облекло́, дрьво́, рождество́, платно́, сено́, лайно́. Однако имѣется не мало исключеній изъ этого правила: ста́рец, мѣ́сец, го́рец, ска́ла, жи́ла, си́ла, влѣна, ра́на, вра́на, ра́бота, слу́жба, сва́дба, про́сба, жа́лба, ри́ба, гя́ба, кра́жба, пра́вда, ну́жда, грама́да, гърло, ма́сло, ши́ло. — Сверхъ того на послѣднемъ слогѣ имѣютъ удареніе: а) слова, образованныя отъ именъ прилагательныхъ суффикс. *ина:* височина́, величина́, дължина́, планина́, община́, свѣтлина́, дебелина́, слабина́, киселина́; б) слова, заимствованныя изъ турецкаго языка, или образованныя посредствомъ турецкихъ суффиксовъ *як, джий—чий:* синджи́р, хама́л, бакъ́р, алтѣ́н, ага́, аске́р (войско), берике́т (плоды), пазарлѣ́к, овчарлѣ́к, чорбаджи́й, бояджи́й, догромаджи́й, панталонджи́й.

6) При соединеніи съ членомъ (см. ниже формальныя особенности), имена существительныя обыкновенно сохраняютъ свойственное имъ удареніе; но иногда оно переходитъ и на членъ, именно: въ большей части односложныхъ словъ мужескаго рода и во всѣхъ словахъ женскаго рода на согласный (первон. ъ изъ *и*): вратъ́т, гладъ́т, градъ́т, гласъ́т, зя́бъ́т, вълкъ́т, прахъ́т, кръв-та́, ношт-та́, смърт-та́,

соль-та́, болест-та́, любов-та́, радост-та́, младост-та́, длан-та́, кост-та́. Рядомъ съ этими примѣрами: ца́рьт, ко́ньт, ро́бът, гно́йт, гро́мът.

7) Въ сравнительной и превосходной степени прилагательныхъ ударе́ніе падаетъ на словообразующія приставки *по*, *най:* по́-хубав, на́й-хубав, по́-силен, на́й-силен.

8) По отношенію къ глагольнымъ формамъ трудно установить общія правила ударенія. Здѣсь можно указать лишь немногое: а) 2 л. ед. ч. повелит. накл., оканчивающееся на *и*, всегда принимаетъ ударе́ніе на окончаніи: бѫди́, чети́, неси́, чини́, върти́, ори́; б) однократные глаголы, образованные приставкой нѫ, всегда имѣютъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ: ди́гнѫ, ско́кнѫ, гра́бнѫ, ле́гнѫ, ви́кнѫ, бо́днѫ, ги́неш, ги́нѣх; в) нерѣдко ударе́ніемъ отличаются формы, звучащія совсѣмъ одинаково, но имѣющія различное значе́ніе: ви́ках (имперф.), вика́х (аор.), ду́мах и дума́х, бо́дете (наст. вр.) и боде́те (повел. н.), ги́нете (наст. вр.) и гине́те, (пов. н.).

10) Личныя мѣстоименія: *ми*, *ти*, *си*—эпклитики, не принимаютъ ударенія.

---

6. Формальныя особенности.

А) Склоненіе.

Паденіе склоненія.

Важнѣйшую особенность морфологіи современнаго болгарскаго языка составляетъ полное разстройство склоненія. Въ извѣстной степени паденіе склоненія наблюдается и во всѣхъ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ. Ни въ одномъ изъ нихъ не оказывается такого богатства и разнообразія формъ, какое представляетъ склоненіе въ старо-славянскомъ языкѣ. Напротивъ, во всѣхъ нихъ по сравненію со старославянскимъ видимъ болѣе или менѣе значительное количество утратъ, выражающихся то въ отожествленіи склоненія словъ, принадлежащихъ (по своимъ основамъ) къ различнымъ категоріямъ, то въ смѣшеніи падежныхъ окончаній. Но въ болгарскомъ языкѣ разстройство склоненія достигло такихъ необычайныхъ размѣровъ, что въ этомъ отношеніи онъ рѣзко выдѣляется изъ семьи славянскихъ язы-

ковъ и близко подходитъ къ романскимъ языкамъ. Въ именномъ склоненіи удержались лишь два падежа: общій (именительный или винительный) и звательный. Другіе падежи встрѣчаются только спорадически въ отдѣльныхъ словахъ, преимущественно въ пѣсняхъ. Отъ мѣстоименнаго склоненія также сохранились лишь обломки. Наиболѣе рѣзко выражена эта любопытная особенность въ восточномъ нарѣчіи; въ западномъ нарѣчіи наблюдается больше остатковъ древняго склоненія, а въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ падежныя формы, вообще не составляютъ большой рѣдкости. Падежныя отношенія, взамѣнъ окончаній, выражаются посредствомъ предлоговъ, присоединяемыхъ къ такъ назыв. общему падежу (casus genaralis); именно для обозначенія родительнаго и дательнаго падежей употребляется пр. *на*, творительнаго—*с* (*съ*), мѣстнаго—*у*, *в* (*въ*): ри́ба, *на* риба (род. дат. п.), *с* риба (твор.), *в* риба (м. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе большей части настоящихъ падежныхъ формъ повело къ употребленію въ болгарскомъ языкѣ (какъ въ романскихъ языкахъ), такъ наз. члена: риба-та, риби-тѣ, родъ-т, роди-тѣ, огни́ще-то, огни́ща-та.

Причины, вызвавшія полное разстройство склоненія въ болгарскомъ яз., остаются не вполнѣ ясными. Миклошичъ (Vergl. Gram., III, 178), видѣлъ здѣсь вліяніе языка туземнаго иллиро-ѳракійскаго населенія на языкъ болѣе позднихъ переселенцевъ Славянъ. По его, мнѣнію, Славяне, поселяясь въ VI ст. въ области Гема (Балканы), не нашли ее пустою. На основаніи языка мы должны принять, что въ то время Ѳракійскимъ полуостровомъ владѣли племена, родственныя теперешнимъ Шкипетарамъ (Албанцамъ). Изъ смѣшенія этихъ двухъ народовъ и образовался болгарскій народъ, изъ смѣшенія ихъ языковъ — болгарскій языкъ. Настоящіе-же Болгары (народъ тюркофинскаго происхожденія), позже вторгшіеся въ эти земли, правда дали названіе народу и языку, но языкъ ихъ, по утвержденію Миклошича, не произвелъ никакого вліянія на языкъ подчиненнаго славянскаго племени. Элементы стараго ѳракійскаго языка въ ново-болгарскомъ сказываются именно въ паденіи склоненія и появленіи члена. Это мнѣніе, однако не раздѣляется многими учеными[1]), главнѣйше потому, что оно не обставлено прочными доказательствами. На смѣ-

[1]) Впрочемъ, прежде и самъ Миклошичъ думалъ объ этомъ вопросѣ иначе (Starine. Zagreb. III, 150). Ср. также Arch. f. Slav. Philol. XII, 592.

ну ему все болѣе выступаетъ иной, также не новый, взглядъ, который, кажется, и нужно считать болѣе правильнымъ. Помимо вліянія чужихъ языковъ данное явленіе болгарскаго языка могло быть естественнымъ результатомъ историческаго развитія языка, зависѣвшимъ прежде всего, отъ крупныхъ перемѣнъ въ вокализмѣ болгарскаго языка. Эта мысль высказана была еще Билярскимъ и развита проф. В. И. Ламанскимъ. За нее стоитъ и Калина въ своей исторіи болгарскаго языка (II, 1—15). Въ самомъ дѣлѣ вполнѣ естественно, что вслѣдствіе такихъ звуковыхъ превращеній, какъ смѣшеніе, а потомъ исчезновеніе носовыхъ гласныхъ, переходъ ѫ то въ глухой гласный, то въ *а*, появленіе глухихъ вмѣсто чистыхъ, переходъ *ы* въ *и*, *е* въ *и*, *о* въ *у* и т. п., неодинаковыя прежде окончанія различныхъ падежей стали звучать совершенно тожественно; отсюда-же становилось необходимымъ усвоеніе одной изъ падежныхъ формъ значенія общаго падежа и употребленіе предлоговъ для дифференціаціи падежныхъ отношеній. Напр. въ основахъ женск. р. на *а* три падежа—именит. (рыба), винит. (рыбѫ) и творит. (рыбѫ—рыбоѫ), по причинѣ указанныхъ измѣненій вокализма, съ теченіемъ времени стали произноситься почти одинаково—р и́ б ъ(â). Въ мягкомъ склоненіи тѣхъ-же основъ сюда могъ присоединяться и родит. п—д у ш ѫ, который въ среднеболгарскихъ памятникахъ является съ суффикс. ѫ (вм. ѧ), затѣмъ перешедшимъ въ глухой звукъ.

Въ подробностяхъ любопытный процессъ постепеннаго разстройства болгарскаго склоненія еще не раскрытъ, главнѣйше по недостатку матеріала, особенно для XV и XVI ст, но въ общемъ основныя черты его уже указаны съ достаточною обстоятельностью. Начало этого процесса восходитъ къ XII в. Въ среднеболгарскихъ памятникахъ весьма не рѣдки случаи смѣшенія склоненій и падежей; такъ основы муж. р. на *о* принимаютъ часто падежныя окончанія основъ на *у:* крьстови, мирови (Окт. Струм.), дарове, бѣсове, волове, грѣховъ, родовь (Погод. пс.), воиновомь (Мак. ап.), градохъ, влъхвохъ, даръми (Погод. пс.); основы на *и* слѣдуютъ основамъ на *о*, пѫто-съ (Болон. пс.), пѫту (Мак. Ап.) и наоборотъ: мѫжи (дат. п. Слѣпч. Ап.); въ мягкомъ склоненіи основъ жен. р. на *а* смѣшиваются пять падежей: родит., винит. и творит. ед. и именит. и винит. мн.: доушѫ, кожѫ; или именит. и винит. ед. (тамъ гдѣ ѫ перешло въ *а*): маньна (Окт. Струм.), кѫпина (Окт. Мих.), вѣра (вин. п. Мак. Ап.). На не-

достатокъ чутья у болгарскихъ писцовъ къ различенію падежныхъ формъ указываютъ попадающіяся уже въ текстахъ XII—XIII в. неправильности въ согласованіи въ родѣ слѣдующихъ: множество *грѣхы*, покрываемъ злѣ тѧжестиѧ *грѣхы*, потоки *сълзы* (имен. п. вм. род. п.), чудеси, дѣлесы злыхъ (твор. п. вм. род. Окт. Михан.), при исходиштихъ водамъ (Бол. пс.), въ брѣждахъ жень (вм. женахъ, Берл. Сб.). Ср. Калина, II, 110—111). Чѣмъ ближе къ XIV в., тѣмъ чаще наблюдаются въ памятникахъ явленія упадка склоненія. Въ XIV в. болгарскій языкъ уже рѣшительно стоялъ на пути къ полной потерѣ падежныхъ формъ. Въ сохранившихся текстахъ этого времени не рѣдки случаи употребленія члена, который впервые попадается и въ болѣе раннихъ памятникахъ. Когда окончательно выработался общій падежъ и когда предлоги при общемъ падежѣ получили значеніе замѣстителей исчезнувшей падежной флексіи—этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ положительнымъ образомъ за скудостью данныхъ. Въ рукописяхъ XIV в. и немногихъ извѣстныхъ намъ XV в. еще не видимъ того типа склоненія, какой представляетъ современный болгарскій языкъ, но онъ выступаетъ вполнѣ въ памятникахъ XVII и XVIII ст., гдѣ мы находимъ такія формы: ѿ негово-то име (род. п.), на свѣтъ-тъ (дат. п.), на море-то (Люблян. рук.), ѿ мѣсто на земла (мѣстн. п.), съсь масло (твор. п.), на икона, на негово-то повелѣніе, съ свѣщи, от градь (Соф. Сбор., XVII в.), синь на баща, на грижа, на душа-та, на земла-та, сась страхь, сась душа-та, на небе-то (мѣстн. п. Григоров. Сб. XVII в.). Такимъ образомъ указанная фаза разстройства болгарскаго склоненія падаетъ на XV — XVI ст. т. е. на самый темный періодъ въ исторіи болгарскаго языка и письменности. Впрочемъ, самый процессъ паденія склоненія совершался постепенно и довольно медленно, въ теченіе многихъ столѣтій. Въ памятникахъ XVII — XVIII ст. при господствѣ новой системы (общій падежъ, предлоги для обозначенія падежей, членъ), еще весьма употребительны древнія падежныя формы; напр. въ *Григоровичевомъ Сборникѣ:* Господа-Бога, светаго апостола, светаго Духа, апостола (род. п.), душе грѣшнихь, душе праведнихь, прьви часъ ноши, Богу, брату, цару, сѣкиму чловѣку, Духомь светимь, устнами, страхомь, вь пустинахь, на Синаистѣи горе; въ *Софійскомъ Сборникѣ:* Господа Бога, помощника, Духа светаго, добротѣ твоей, чл҃ку, Богородици Прѣстые Бц̃е, сыну, аггелу, на земле, у землю гробь, Св. Петки,

цару, до Драча, Марка митрополита великаго, Св. Димитрію, до сѳлавинскаго кнеза; въ *Бѣлградскомъ Сборникѣ:* отца, Бога, сина, Богу, Авгарю царю, Богородици, чловеку.

Членъ.

Существованіе члена (въ томъ значеніи какъ въ романскихъ языкахъ) представляетъ такую-же характерную особенность болгарскаго языка, какъ и указанная выше утрата падежныхъ флексій. Членъ—явленіе рѣдкое, не обычное на почвѣ славянскихъ языковъ. Кромѣ болгарскаго яз. онъ наблюдается кое-гдѣ въ русскихъ народныхъ говорахъ въ такихъ словахъ какъ: пареньо-тъ, парене-тъ и паренъ-то, сватьи-тѣ, само-тъ, жена-та, домо-тъ, другойо-тъ, одино-тъ и т. п. Указываютъ еще на существованіе члена въ словинскомъ, верхне-лужицкомъ и нижне-лужицкомъ языкахъ, какъ въ старомъ книжномъ языкѣ, такъ въ говорахъ городскаго населенія, живущаго смѣшанно съ нѣмцами; напр. въ такихъ выраженіяхъ: le to sô *te* ḃukvi, vi ste *ta* sol *te* zemlje (Слав.), ve *tym* času Krala Heroduša (в.-луж.); ve *tom* casu togo Krala Herodesa (н.-луж.). Но этотъ словинскій и лужицкій членъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію нѣмецкаго языка, есть простое подражаніе нѣмецкому члену и не можетъ быть сближаемъ съ болгарскимъ членомъ, который представляетъ собой коренное свойство живаго народнаго языка. Въ болгарскомъ языкѣ членъ стоитъ позади слова, какъ въ языкахъ румунскомъ, албанскомъ и скандинавскихъ языкахъ и можетъ соединяться не только съ именами существительными, но и съ прилагательными, числительными и мѣстоименіями.

Формы члены весьма разнообразны; именно:

1) *т* (м. р.) *та* (ж. р.) *то* (ср. р.)—*те* (мн. ч.)—*та* (мн. ч. ср. р.).
2) *в* „ *ва* „ *во* „ *ве* „ *ва*.
3) *н* „ *на* „ *но* „ *не* „ *на*.
4) *с* „ *са* „ *со* „ *се* „ *са*.

Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ эти виды члена восходятъ къ указательнымъ мѣстоимѣніямъ: *тъ, та, то, овъ, ова, ово, онъ, она, оно* и *съ, си, се.*

Самая распространенная форма члена—*т, та, то, тѣ* (*те*)—*та.* Она наблюдается во всѣхъ болгарскихъ говорахъ и исключительно

употребляется въ восточномъ и сѣверо-западномъ нарѣчіяхъ, а также въ литературномъ языкѣ; напр.: вълкѣ-т, жена́-та, вѣлци-тѣ, жени́-тѣ, дѣте́-то—дѣца́-та, войво́да-та, баща́-та, врата́-та, дърва́-та, хо́ра-та.

Вторая (*в, ва, во*) и третья (*н, на, но*) формы — свойственны македонскимъ говорамъ: йозико-в, човѣко-в, вода-ва, земя-ва, момче-во, сърце-во; юнакан, гора-на, мома-на, пушка-на, сънце-но, поле-но.

Членъ *с, са, со* составляетъ особенность Рупаланскаго нар.: волас, конес, оглав-са, брашно-со. Но въ этомъ нарѣчіи употребительны и всѣ другіе виды члена: волат, конет, оглавта, волан, конен, воли-*се*, воли-*те*, воли-*не*, воли-*ве*. При этомъ членъ *с, са, со* служитъ для опредѣленія болѣе близкаго предмета, а *н, на, но* — болѣе отдаленнаго.

Членъ встрѣчается, хотя и не особенно часто, уже въ среднеболгарскихъ памятникахъ; напр.: пѧто-съ (вм. пѧть-сь), псаломо-съ (Болон. пс.), свѣто-сь (Окт. Михан.), гласо-съ, хлѣбо-съ (Охрид. ап.), домо-ть, родо-сь (Бѣлград. Ев.), орѫжие-то (Троян. пр.), роуменаата лѣвѫѧ рѫкѫ, селото (рук. 1348 г.). Въ рукописяхъ XVII—XVIII в.— членъ — обычное явленіе: закона-ть, свѣть-ть, корема-т (Люб. рук.), грѣха-ть, града-ть, душа-та, свадба-та, небе-то, земя-та, година-та, име-то, сльнцѣ-то (Григоров. Сб.), време-то, сички-те работи, децата, души-те, лажа-та, снага-та, хора-та, крьста-ть (Бѣлгр. Сб.).

Указаніе на членъ можно найти и въ нѣкоторыхъ древнихъ текстахъ старо-славянскаго языка (Зогр. Ев. и др.): работъ, дьньтъ, человѣкотъ, родось, народось, образось.

Возможно, что членъ существовалъ и въ славянскомъ праязыкѣ (ср. Миклошичъ, Vergleich. Gramm., IV, 126).

Всѣ эти данныя позволяютъ заключать, что и болгарскій членъ возникъ на славянской почвѣ, независимо отъ вліянія иллиро-ѳракійскаго или албанскаго языка, какъ полагалъ Миклошичъ и нѣкоторые другіе ученые. Происхожденіе и распространеніе его находится въ связи съ упадкомъ склоненія.

Остатки древняго склоненія.

Древнее склоненіе не исчезло совсѣмъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Отъ него уцѣлѣло болѣе или менѣе значительное количество обломковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что отсутствіе па-

дежныхъ флексій не составляетъ кореннаго, прирожденнаго свойства болгарскаго языка, а есть результатъ исторической жизни языка. Въ древности болгарскій языкъ несомнѣнно обладалъ такою-же богатой флексіей, какъ и другіе славянскіе языки. Остатки старины, удержавшіеся преимущественно въ народно-пѣсенномъ языкѣ, оказываются во всѣхъ видахъ склоненія: именномъ, мѣстоименномъ и сложномъ.

Именное склоненіе.

Звательный пад. ед. ч. сохранился болѣе или менѣе полно, и послѣдовательно, именно у существительныхъ муж. р. съ осн. *о* и жен. р. съ осн. *а*. Существительныя муж. р. сохраняютъ или древнія окончанія *е*, *у* или принимаютъ болѣе новое *о*: Бо́же, ку́ме, бра́те, побра́тиме, ста́рче, челе́че, капста́не, Ми́тре, Пе́тре, Стоје́не, Стоя́ну, си́не, и си́ну, ко́ню, ца́ру, бра́ту, ба́ну; *о:* сва́то, си́но, ко́њо, господа́ро, мо́жјо, ро́до, зе́тјо. Повидимому *е* преобладаетъ въ западныхъ говорахъ, а *о* въ восточныхъ. *у* (*ю*) обыкновенно встрѣчается послѣ гортанныхъ и мягкихъ согласныхъ. Въ однихъ случаяхъ это *у*—падежная флексія склоненія осн. *у* (сину), въ другихъ—(и чаще) въ немъ слѣдуетъ видѣть результатъ обычнаго въ болгар. яз. перехода неударяемаго *о* въ *у* (ср. стр. 81—82). По мнѣнію Миклошича *о* въ *свато* тожественно съ тѣмъ *о̀*, которое слышится передъ членомъ: свато-т. Къ звательному на *е*, *у* въ народныхъ пѣсняхъ часто присоединяется *ле*, а къ звательному на *о* (*јо* — *ё*) — *љо* (*лё*): Бо́же-ле, ма́ле-ле, Пе́тре-ле, си́ну-ле, ца́рко-лё.

Существительныя жен. р. на *а* (*з*) обыкновенно принимаютъ *о:* ма́йко, во́до, го́ро, ба́бо, ду́шо. Въ именахъ на *ка*, *ца* зват. п. оканчивается на *е:* Ста́нке, бу́лке, царѝце, ру́жице. Здѣсь также употребительна приставка *ле:* Ста́нк'е-ле, во́до-ле.

Имена собственныя муж. р. на *а* имѣютъ звательный пад сходный съ именит.: зету Никола, свети Илия. Если конечное *а* переходитъ въ глухой зв. (*з*), то послѣдній удерживается и въ зват. п.

Независимо отъ собственныхъ именъ и нарицательныя существительныя съ осн. *о*, *а* кое-гдѣ въ народныхъ говорахъ не имѣютъ особыхъ формъ для звательнаго падежа, а приравниваютъ его къ общему падежу (именит. или винит.): ма́мъ-ле (Татаръ-Базардж.), дружина̂ вярно, сговорно, попъ (соф.), царь (Кюстенд.).

Дательный пад. ед. ч., въ своемъ древнемъ видѣ встрѣчается довольно часто въ народныхъ пѣсняхъ, при именахъ существительныхъ личныхъ и одушевленныхъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго рода; напр.: майка Стояну дýмаше, Богу се молише, Іовану отговори, куму извадила, Янколу главâ отрѣза, брату, кралю, майци, Неди, Тодори, невести говори, майце, сестре, тете (Македон. гов.), Павлету говори (Велесъ), девойкье (Охр.), жене си (Охр.), миле свекрве; въ языкѣ семиградскихъ Болгаръ: angelu, bogu, duhu, Karstu, sinu, slugii.

Иногда дательный пад. употребляется вм. родительнаго (dativus possessivus): цар*у* слуги, кралю керка, краль Богдан*у* сестра, Марк*у* стара майка.

Родительный пад. ед. ч. преимущественно сохранился отъ основъ муж. р. на *о:* да вечера су*а* леба, градâ грâди, силна ветра, су не видела татк*а* и майки, град глад*а* не прави, тако ми Бога того дъня, дома, вчера, доста (вм. досыта), и особенно послѣ предлоговъ: от коня, от Бога, от Игната до божича, од рода християнска, от онаа црна арапина, насред двора, до султан Мурата, край Дунава, низ Іордана, без брата родженог. Основы жен. р.: че си пиеш конски църни кърви, ин*и* вер*и* клети Турци, до пол пъти, среди нощи, от жалби, уд радости, от глави, из кѫшти, окол къшти. Основ. на согласн.: от небеси.

Иногда встрѣчается родительный падежъ вм. винительнаго: има майка едн*а* мил*а* син*а*, та си роди млада Бога, изведи коня, Бог да бие крал*я* от Трояна, гонят рогат*а* елен*а*, ковавам ти врана кона, Господь комар*я* послуша, та си буни цара-та голема.

Мѣстный пад. ед. ч. удержался въ такихъ словахъ, какъ: зимѣ, лѣтѣ, утрѣ, врьхý, дóлу, вѫтрѣ (внутри), гóрѣ, снощи, лани, пладне; и съ предлогами: на яве, на съне, по двори, по малку, на сьрци, във кѫшти, на земи, на небеси, на рамени, на старости.

Творительный пад. ед. ч. сохранился въ рядѣ словъ, употребляющихся въ значеніи нарѣчій: ничкум, чудом, скокум, гласом, редум и редом, с Богом, тихом, текум тече, градум сълзи ронит, пѫтем, денем, ноштем, деня, ноштя (ст.-слав. дьнїмь, ноштїмь), сутром с добрум. Весьма употребительное *редома* вѣр. образовано по аналогіи—двама, трима; ср. русск.: ливьмя льетъ, бѣжма бѣжитъ, стойма стоитъ и т. п.

Двойственное число именнаго склоненія уцѣлѣло въ очень скудныхъ остаткахъ, а падежныя флексіи множеств. ч. сохранились лишь въ нѣсколькихъ выраженіяхъ. Двойств. ч. словъ муж. р. при числительныхъ отъ два и далѣе: два вóла, два дома, три свата, седум краля, девет мила сина, сто коня. Но возможно и множ. ч.: девет кралеви, три овчере. Послѣ неопредѣленныхъ числительныхъ также встрѣчаются формы двойств. ч.: кóлко стóла, много рода; отъ существит. *ржка, нога* употребляются формы: рѫце, нозе, раце, нодзе (Мак.).

Родительный пад. мн. ч. чаще встрѣчается отъ двухъ словъ—*година* и *стотина*, стоящихъ при числительныхъ: девет годин, три годин, четири стотин. Сверхъ того находимъ въ пѣсняхъ: сто глав, хиляда душ, иляда дукат.

Дательный пад. мн. ч. сохранился, кажется, только въ нѣкоторыхъ родопскихъ говорахъ: овцеам, сиромасеам, женеам (Ахърчелеб. гов.), коням, дружинам.

Именительный и винительный падежи ед. и мн. ч. исполняютъ функціи общаго падежа. О нихъ будетъ сказано ниже.

Мѣстоименное склоненіе.

Личныя мѣстоименія—*аз*, *ти* и возвратное *себе* удержали нѣсколько древнихъ падежей, рядомъ съ которыми чаще употребляются формы новаго образованія. Склоненіе этихъ мѣстоименій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единств. ч.	Множ. ч.
И. аз, яз, яс, яси, я, азика.	И. ми, мие (рѣдко), ни, ние, ний.
Р. мене, на мене.	Р. на нас.
Д. менѣ, мене, мени, ми, мен, на [мене.	Д. нам, ни, на нас, на нази.
В. мене, ме, ма (мъ), мен, менека.	В. ни, нас, на (нъ), не.

Единств. ч.	Множ. ч.
И. ти, ты, тизека.	И. ви, вие, вий.
Р. тебе, на тебе.	Р. на вас.
Д. тебѣ, тебе, теби, ти, теб, на тебе.	Д. вам, ви, на вас, на вази.
В. тебе, теб, те, та.	В. ви, вас, ва (въ), ве.

Возвратное мѣстоименіе.

Р. себе (рѣдко), на сéбе си.
Д. на сéбе си, на себѣ си, си.
В. сéбе си, се, са.

Въ частности относительно отдѣльныхъ формъ нужно замѣтить слѣдующее:

1) *яз*, *яс* и другія формы 1 л. ед. ч. съ *j* передъ *а* наблюдаются преимущественно съ сѣверо-западныхъ, средне-македонскихъ и родопскихъ говорахъ и только кое-гдѣ въ восточномъ нарѣчіи (Шуменъ, Калоферъ); *ты* (вм. общеупотребительнаго *ти*), слышно въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ, особенно въ солунскомъ округѣ; *ми* (1 л. мн. ч.), встрѣчается очень рѣдко лишь въ нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ (Пиротъ); *ни*, *ви* (им. п. мн. ч.) суть старосл. вин. *ны*, *вы* и обозначаютъ также винит. и дат. п.

2) Изъ энклитическихъ формъ винит. п. ед. ч. *ме*, *те*, *се* восходятъ непосредственно къ старо-слав. *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*, а *ма*, *та*, *са*—*мъ*, *тъ*, *съ*, объясняются изъ среднеболгарскихъ *мѫ*, *тѫ*, *сѫ*, возникшихъ въ эпоху смѣшенія юсовъ и употребленія *ѫ* вм. др. *ѧ*. Формы *ме*, *те*, *се* свойственны преимущественно западнымъ говорамъ, а *ма*, *та*, *са* (*мъ*, *тъ*, *съ*) — восточнымъ. Формы множ. ч. *не* (*на*, *нъ*), *ве* (*ва*, *въ*), образованы по аналогіи формъ ед. ч. *ме*, *те*, *се* и т. д.

3) Для дат. п. 1 и 2 л. ед. ч. самыя распространенныя формы: *мене*, *тебе* и *ми ти; менѣ*, *тебѣ* встрѣчаются преимущественно въ западн. говорахъ, а также приняты въ литературномъ языкѣ. Въ пѣсняхъ народныхъ обѣ формы — полная и энклитическая часто соединяются въ одну: *мене-ми*, *тебе-ти*, *менѣ-ми*, *тебѣ-ти:* мене-ми казаха, мене ми се чини, како ти тебѣ наръча. Отъ возвратнаго мѣстоименія въ живой рѣчи только и употребительна эта соединенная форма: *на себе си* или энклитич. *си*.

4) Энклитическія формы дат. п.—*ми*, *ти*, *си*, *ни*, *ви* часто соединяются съ существительными и въ такомъ случаѣ имѣютъ значеніе притяжательныхъ мѣстоименій; напр.: баштá ми, брат-а ми, ниви-тѣ ти, полé-то ни (въ знач.: мой отецъ, мой братъ, наше поле и т. п.).

Къ вопросу о мочевино-образовательной функціи

печени.

Изъ Института общей патологіи профессора В. В. Подвысоцкаго.

(Экспериментальное изслѣдованіе)

В. Фонъ-Мейстера.

Методы изслѣдованія.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію отдѣльныхъ опытовъ съ опредѣленіемъ количествъ мочевины въ частности и направленія азотистаго метаморфоза вообще, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ методахъ изслѣдованія, на которыхъ я остановился.

Способовъ для количественнаго опредѣленія мочевины, какъ извѣстно, предложено масса. Въ моихъ же цѣляхъ было сумѣть выбрать изъ всѣхъ ихъ наиболѣе удобный и точный. Работая еще раньше въ Лѣсномъ Институтѣ въ лабараторіи проф. *Лачинова* съ усвоеніемъ жировъ и азотистымъ метаморфозомъ по азотометрическому способу въ апаратѣ *Бородина*, я пришелъ къ заключенію, что предложенный приборъ съ одной стороны весьма удобенъ, но за то съ другой стороны получаемые по нему результаты оказываются весьма неточными. Ошибки этого способа состоятъ въ томъ, что мочевая кислота и вся масса экстрактивныхъ веществъ, входящая въ составъ нормальной мочи, не удалялись передъ опредѣленіемъ мочевины, и потому отчасти подвергались разложенію бромноватистымъ натромъ и тѣмъ повышали количество мочевины. Подобный же упрекъ этому способу ставитъ *Martin*. Слѣдовательно, нужно было найти такое вещество, при помощи котораго можно было бы, не трогая мочевины, отдѣлить экстрактивныя вещества и мочевую кислоту. Такихъ реактивовъ было предложено нѣсколько. *Thudichum* предложилъ для этой цѣли фосфоро-молибденовую кислоту; *Chavane* и *Richet* двуіодистую ртуть въ соединеніи съ ѣдкимъ и іодистымъ каліемъ и наконецъ *Hofmeister* и *Scheibler* — фосфоро-вольфрамовую кислоту. Всѣ эти химическія соединенія, не трогая мочевины, осаждаютъ почти всѣ остальныя азотъ содержащія вещества мочи. Я же отдалъ предпочтеніе

фосфоро-молибденовой кислотѣ, такъ какъ ея соли въ сильно кислой жидкости менѣе растворимы, чѣмъ соли фосфоро-вольфрамовой кислоты. Реактивъ же *Chavane* и *Richet* я считаю обладающимъ меньшимъ осаждающимъ свойствомъ, чѣмъ вышеупомянутыя кислоты, хотя онъ значительно дешевле.

Для того, чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ томъ методѣ, по которому мнѣ предстояло работать, я сдѣлалъ нѣсколько контрольныхъ опытовъ съ искусственными растворами мочевины и мочевой кислоты.

Приготовивъ искусственные растворы извѣстной концентраціи мочевины и мочевой кислоты, я бралъ эти растворы порознь и вмѣстѣ для изслѣдованія осаждающаго свойства сѣрной и фосфоро-молибденовой кислотъ.

1) Было взято 20 куб. с. 2,5 % раствора мочевой кислоты и прилито къ нему около 3 куб. с. крѣпкой сѣрной кислоты. Растворъ помутнѣлъ и черезъ нѣкоторое время на днѣ стаканчика получился кристаллическій осадокъ, представлявшій при микроскопическомъ изслѣдованіи разнообразные кристаллы мочевой кислоты. Послѣ этого осадокъ былъ отфильтрованъ, высушенъ и взвѣшенъ. Полученный вѣсъ равнялся 0,496 grm. Слѣдовательно меньше теоретическаго числа на 0,004. Прибавленіе къ фильтрату крѣпкой сѣрной кислоты больше осадка не давало.

2) Если къ такому же раствору мочевой кислоты, послѣ прибавленія сѣрной кислоты, прилить еще фосфоро-молибденовой кислоты, то результатъ не измѣняется: получаются въ осадкѣ тѣ же кристаллы мочевой кислоты, а самый растворъ отъ фосфоро-молибденовой кислоты окрашивается въ желтый цвѣтъ. Прибавленіе къ фильтрату сѣрной кислоты тоже осадка не даетъ.

3) Если къ тому же раствору мочевой кислоты прибавить одной фосфоро-молибденовой кислоты безъ сѣрной, то растворъ окрашивается въ желтый цвѣтъ, но никакого осадка не даетъ и остается прозрачнымъ. Стоитъ только теперь прилить нѣсколько капель сѣрной кислоты, какъ образуется обильный осадокъ мочевой кислоты.

4) Если теперь взять растворъ мочевины, прибавить къ нему сѣрной кислоты, а затѣмъ фосфоро-молибденовой, то сколько бы мы ни приливали ихъ, осадка не получается и растворъ остается такимъ же прозрачнымъ, только окрашивается отъ фосфоро-молибденовой кислоты въ желтый цвѣтъ.

5) Такіе же результаты получаются отъ прибавленія къ раствору мочевины отдѣльно каждой изъ этихъ кислотъ.

6) Взята смѣсь изъ 10 куб. сант. 2% раствора мочевины и 20 к. с. 2,5% раствора мочевой кислоты и къ этой смѣси прилито около 4 куб. с. крѣпкой сѣрной кислоты. Жидкость сперва сильно нагрѣвается и остается еще прозрачной, но затѣмъ по мѣрѣ охлажденія начинаетъ мутнѣть и наконецъ даетъ на днѣ стаканчика кристаллическій осадокъ, представляющій подъ микроскопомъ кристаллы мочевой кислоты. Осадокъ, будучи отфильтрованъ, высушенъ, и взвѣшанъ, далъ 0,497 gm. Меньше теоритическаго числа на 0,003. Новое прибавленіе къ фильтрату сѣрной кислоты осадка больше не дало.

7) Если къ этой же смѣси растворовъ кромѣ сѣрной кислоты прибавить еще фосфоро-молибденовой, то растворъ окрашивается въ темно-синій цвѣтъ, переходящій потомъ въ желтый, а въ осадкѣ получается мочевая кислота. Послѣ отфильтрованія осадка и прибавленія къ фильтрату той и другой кислотъ, осадка вновь не получается.

8) Смѣсь растворовъ не даетъ осадка отъ прибавленія одной фосфорно-молибденовой кислоты,—растворъ окрашивается, но остается прозрачнымъ. Прилитіе же сѣрной кислоты моментально даетъ обильный кристаллическій осадокъ мочевой кислоты.

9) Взятъ 1 grm. мочевины, растворенъ въ 50 с. с. воды и къ этому раствору прибавлено 0,5 grm. мочевой кислоты. Изъ этого раствора взято 25 к. с. и къ нимъ прибавлено 3 к. с. крѣпкой сѣрной кислоты. Получившійся осадокъ отфильтровывается черезъ фильтръ изъ Шведской бумаги, нѣсколько разъ промывается 5% растворомъ сѣрной кис., для удаленія послѣднихъ слѣдовъ мочевины. Къ полученному фильтрату приливается воды до 100 куб. с. Послѣ взбалтыванія этого раствора, изъ него берется 5 к. с. въ апаратѣ *Бородина*, въ которомъ и подвергается разложенію бромноватистымъ натромъ. Получилось по вычесленію на все количество раствора—0,99049 grm. мочевины. Слѣдовательно, на 0,00051 меньше теоретическаго числа.

10) Взяты 2 grm. мочевины, растворены въ 100 к. с. воды, прибавленъ 1 grm. мочевой кислоты. Изъ этого раствора взято 20 к. с., прибавлено къ нимъ 4 к. с. сѣрной кислоты. По охлажденіи выпадаетъ осадокъ; тогда прибавлено было еще 15 к. с. фосфоро-молиб-

деновой кислоты и жидкость въ стаканчикѣ смѣшана. Черезъ нѣкоторое время осадокъ былъ отфильтрованъ, фильтратъ разбавленъ до 100 к. с. водой, изъ которыхъ 5 к. с. взяты въ апаратъ *Бородина*. По разложеніи бромноватистымъ натромъ и вычисленіи получилось 1,99923, т. е. на 0,00077 меньше теоритическаго числа.

11) Взяты 5 grm. мочевины, растворены въ 300 к. с. воды. Изъ нихъ въ апаратъ Бородина взято 2 к. с. По разложеніи и вычисленіи получено 4,99749, т. е. на 0,00251 меньше теоритическаго числа.

Во всѣхъ случаяхъ отсутствіе въ фильтратѣ мочевой кислоты подтверждалось отрицательнымъ результатомъ при *Мурексидовой* пробѣ.

Изъ этихъ опытовъ видно, что мочевая кислота почти вполнѣ осаждается сѣрной кислотой, слѣдовательно, повышать количество азота мочевины она не можетъ. Наконецъ это еще болѣе доказывается числами количества мочевины, полученныхъ послѣ разложенія бромноватистымъ натромъ, такъ какъ во всѣхъ опытахъ они меньше теоритическаго числа. Но теперь является самъ собой вопросъ, чѣмъ же объяснить это уменьшеніе мочевины? На основаніи полученныхъ результатовъ, какъ въ данной работѣ, такъ и раньше, я могу только согласиться съ мнѣніемъ большинства авторовъ, работавшихъ съ азотистымъ метаморфозомъ по этому способу, что не вся мочевина подпадаетъ подъ разложеніе бромноватистымъ натромъ. Но эта ея часть собственно такъ незначительна, что ею легко можно бы было пренебречь. Я же счелъ лучше гарантировать себя и отъ этой незначительной ошибки, для чего вычислилъ среднее ариѳметическое изъ чиселъ разницы между теоретическимъ числомъ и полученнымъ, а затѣмъ прибавлялъ его къ полученному количеству мочевины (0,00037).

Подобные же контрольные опыты я продѣлалъ и съ экстрактивными веществами въ цѣльной мочѣ.

Я бралъ 20 к. с. фильтрованной мочи (ранѣе всегда дѣлалъ пробу на бѣлокъ) и приливалъ къ ней для осажденія мочевой кислоты 4 к. с. крѣпкой сѣрной кислоты. Моча сильно нагрѣвалась и принимала красноватый оттѣнокъ, но оставалась прозрачной. Когда же я начиналъ охлаждать ее подъ краномъ, то по мѣрѣ охлажденія появлялась муть, постепенно увеличивающаяся. Къ охлажденной такимъ образомъ мочѣ я приливалъ небольшими порціями фосфоро-молибде-

новую кислоту, отъ первыхъ же капель которой появлялся обильный темно-синій хлопчатый осадокъ. Приливаніе этой кислоты я продолжалъ до тѣхъ поръ, пока во взятой отфильтрованной пробѣ не переставалъ получаться осадокъ отъ новаго прибавленія кислоты. Затѣмъ для болѣе полнаго осажденія я оставлялъ изслѣдуемую порцію на сутки въ прохладномъ мѣстѣ. На слѣдующія сутки я отфильтровывалъ осадокъ, промывалъ его нѣсколько разъ 5% растворомъ сѣрной кислоты и пробовалъ обнаружить въ фильтратѣ присутствіе мочевой кислоты Мурексидовой пробой, присутствіе же экстрактивныхъ веществъ—новымъ прибавленіемъ фосфоро-молибденовой кислоты. Во всѣхъ опытахъ всегда получался отрицательный результатъ въ обоихъ случаяхъ.

Продѣлавши эти предварительные опыты, я счелъ себя въ правѣ приступить къ своимъ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ.

Валовой азотъ опредѣлялся по способу *Kjeldal-Бородина* съ добавленіями *Коркунова* и *Курлова* [145].

Порція мочи въ 5 к. с., взятая изъ суточнаго количества, выливалась въ круглодонную колбу, затѣмъ бралось 10 куб. с. смѣси изъ 4-хъ частей крѣпкой сѣрной кислоты и 2 частей фосфорнаго ангидрида и вливалось въ ту же колбу. Моча отъ этого сильно нагрѣвалась и принимала черный цвѣтъ. Послѣ этого колба помѣщалась надъ умѣреннымъ огнемъ бунзеновской горѣлки, а по достиженіи ровнаго и безъ толчковъ кипѣнія огонь значительно усиливался. Для полнаго обжиганія достаточно было отъ 4 до 5 часовъ, окончаніе же его узнавалось по жидкости, находящейся въ колбѣ, которая въ такомъ случаѣ изъ черной дѣлалась совершенно безцвѣтной. Для ускоренія окисленія многіе авторы пользовались прибавленіемъ въ колбу марганцовокислаго кали. Я же считаю это совершенно лишнимъ и даже невыгоднымъ, такъ какъ отъ марганцово-кис. калія въ аппаратѣ *Бородина* получается осадокъ, который сильно мѣшаетъ правильному счету дѣленій; кромѣ того къ нему прилипаютъ пузырьки газа, которые тоже могутъ повлечь къ новымъ ошибкамъ.

Когда жидкость совершенно обезцвѣчивалась, колба снималась съ огня и содержимое ея разбавлялось водой до 150 к. с. Изъ этихъ послѣднихъ бралось въ аппаратъ *Бородина* 5 к. с., подщелачивалось ѣдкимъ натромъ и подвергалось разложенію бромноватистымъ натромъ.

Мочевина опредѣлялась азотометрическимъ способомъ съ предварительнымъ отдѣленіемъ мочевой кис. и экстрактивныхъ веществъ. Для этого бралось 20 к. с. фильтрованной мочи, къ ней прибавлялось 4—5 к. с. чистой англійской сѣрной кислоты и она ставилась въ холодную воду для полнаго осажденія мочевой кис. Затѣмъ постепенно прибавлялась фосфоро-молибденовая кислота до прекращенія появленія мути въ отфильтрованной порціи. Когда достаточно было прибавлено послѣдней, стаканчикъ съ содержимымъ ставился на сутки въ прохладное мѣсто. На слѣдующій день я приступалъ къ отфильтрованію иногда очень обильнаго хлопчатаго осадка. (Повышенное количество его совпадало съ увеличеннымъ количествомъ экстрактивныхъ веществъ).

Получившійся фильтратъ красиваго темно-синяго цвѣта разбавлялся водой до 100 к. с., изъ которыхъ отъ 2 до 5 к. с. бралось въ аппаратъ *Бородина*. По полученному въ немъ количеству азота опредѣлялось количество мочевины. Осадокъ же шелъ на опредѣленіе мочевой кислоты и экстрактивныхъ веществъ. Для чего онъ вмѣстѣ съ фильтрой помѣщался въ круглодонную колбу и наливался 10 к. с. смѣси сѣрной кислоты и фосфорнаго ангидрида. Колба помѣщалась надъ огнемъ для обжиганія. По окончаніи окисленія въ колбу наливалось до 150 к. с. воды, изъ которыхъ бралось въ аппаратъ *Бородина* 5 к. с. По полученному количеству азота вычислялось общее количество экстрактивныхъ веществъ и мочевой кислоты.

Каждое животное, которое подвергалось эксперименту, устанавливалось въ азотистомъ равновѣсіи и содержалось какъ до операціи, такъ и послѣ нея при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Чтобы не стѣснять свободы животныхъ, я послѣ катетеризаціи выпускалъ ихъ изъ клѣтки и оставлялъ на свободѣ въ теченіе всего времени, пока работалъ въ лабораторіи. Пищу всѣ животныя получали всегда взвѣшенную и однообразную: кролики питались овсомъ и капустой, а собаки мясомъ и хлѣбомъ. Передъ наблюденіемъ каждое животное ежедневно взвѣшивалось. Для сбора кала и мочи мною была придумана клѣтка съ наклонною плоскостью, благодаря чему калъ, самъ собою отдѣлялся отъ мочи и собирался къ слѣдующимъ суткамъ въ одномъ сосудѣ, а моча въ другомъ. Это приспособленіе давало мнѣ возможность собирать мочу совершенно чистой, не загрязненной каломъ и безъ всякихъ потерь. Но и этой клѣткой я пользовался только для

самокъ, самцевъ же я подвергалъ катетеризаціи, послѣ которой они обыкновенно въ клѣткѣ не мочились до слѣдующей новой катетеризаціи. Изъ каждаго суточнаго количества мочи бралось двѣ порціи: одна въ 20 к. с. для опредѣленія мочевины, мочевой кис. и экстрактивныхъ веществъ, а другая въ 5 к. с. шла на обжиганіе для опредѣленія валоваго азота мочи.

Такъ какъ мнѣ приходилось наблюдать за направленіемъ азотистаго метаморфоза при экстирпаціи печени, для произведенія которой я долженъ былъ ранѣе сдѣлать лапаратомію, то мнѣ интересно было знать, какъ отзовется на азотистомъ метаморфозѣ одно вскрытіе брюшной полости и манипуляціи съ кишками, понятно, при полной асептической обстановкѣ. Меня это тѣмъ еще болѣе интересовало, что животныя послѣ акуратно и чисто произведенной лапаротоміи, настолько повидимому хорошо себя чувствуютъ, что напр. кролики въ тотъ же день, когда произведена операція, съ такой же обжорливостью ѣдятъ предлагаемую имъ пищу, также бѣгаютъ съ другими кроликами по комнатѣ какъ и прежде и вообще мало напоминаютъ только что оперированное животное.

Ниже приведены результаты, которые мною получены послѣ одной лапаратоміи безъ всякихъ другихъ оперативныхъ вмѣшательствъ:

До лапаратоміи

	№ 1	№ 2	№ 3	Въ среднемъ
Введено азота	2,643	2,643	2,024	2,636
Выведено аз. каломъ	0,2864	0,2973	0,2401	0,2746
Выведено аз. мочей	1,4380	1,4670	1,3120	1,4056
Въ видѣ аз. мочевины . . .	1,3590	1,3880	1,2040	1,3170
Въ видѣ аз. экстр. вещ. . .	0,0784	0,0781	0,0070	0,0878
% выведеннаго аз. приходится				
на аз. мочевины. . . .	94,5	94,5	90,7	93,60
на аз. экстр. вещ. . . .	5,5	5,5	8,3	6,40
Отнош. аз. мочевины къ валовому аз.	1:1,05	1:1,04	1:1,08	1:1,06
Отношеніе аз. экстр. вещ. къ валовому аз.	1:16,93	1:18,78	1:12,26	1:15,99
Отношеніе аз. экстр. вещ. къ аз. мочевины. . . .	1:15,92	1:17,70	1:11,25	1:14,48
% неусвоеннаго аз.	89,1	88,7	88,1	88,6

После лапаратоміи

	№ 1	№ 2	№ 3	Въ среднемъ
Введено аз.	2,7240	2,8800	2,5480	2,2506
Выведено аз. каломъ	1,0930	1,0573	0,6822	0,9441
Выведено аз. мочей	1,3740	1,4790	1,2890	1,3806
Въ видѣ аз. мочевины . . .	1,2840	1,3795	1,2030	1,2888
Въ видѣ аз. экстр. вещ. . .	0,0893	0,0987	0,0848	0,0909
% выведеннаго аз. приходится				
на аз. мочевину . . .	93,4	93,2	93,3	93,3
на аз. экстр. вещ. . . .	6,6	6,8	6,7	6,7
Отношеніе аз. мочевины къ валовому аз. мочи . . .	1:1,07	1:1,07	1:1,07	1:1,07
Отношеніе аз. экстр. вещ. къ валовому аз. мочи . .	1:15,38	1:14,98	1:15,2	1:15,18
Отношеніе аз. экстр. вещ. къ аз. мочевины. . . .	1:14,37	1:13,9	1:14,2	1:14,16
% неусвоеннаго аз.	59,8	63,2	69,6	64,2

Слѣдовательно изъ этихъ чиселъ видно, что лапаратомія можетъ имѣть вліяніе только на усвоеніе и количественный азотистый метаморфозъ, что же касается направленія обмѣна и взаимныхъ отношеній продуктовъ его, то это строго сохраняется. Если мы сравнимъ среднее число до операціи и послѣ нея, то найдемъ только разницу въ усвоенномъ азотѣ, процентъ котораго дѣйствительно сильно падаетъ. Колебанія же всѣхъ остальныхъ цифръ не переходятъ нормы.

Теперь я считаю возможнымъ перейти къ изложенію отдѣльныхъ случаевъ моихъ наблюденій, прилагая къ нимъ въ концѣ книги соотвѣтственныя таблицы.

Всѣхъ наблюденій мною было сдѣлано 22, изъ которыхъ 12 произведены съ удаленіемъ трехъ четвертей печени и болѣе 10—съ удаленіемъ половины ея. Изъ первыхъ 12-ти кроликовъ четыремъ была произведена вторичная лапаратомія и удалена послѣдняя четверть печени. Всѣ четыре кролика погибли между 10 часами и 3-мя сутками. У одного изъ нихъ при вскрытіи оказался перитонитъ и левосторонній плевритъ. У остальныхъ трехъ ясной причины смертнаго исхода отыскать не удалось. Всѣ остальные кролики перенесли операцію довольно легко и быстро оправились.

Собственные опыты.

Наблюденіе № 1.

Въ это наблюденіе вошли три кролика. Всѣмъ тремъ была произведена одна и таже операція, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и при одномъ и томъ же режимѣ. Продолжительность наблюденія тоже была одинаковая.

Для сокращенія времени и мѣста я буду описывать въ каждомъ наблюденіи по одному кролику, тѣмъ болѣе, что результаты у всѣхъ трехъ были одинаковые.

Кроликъ самка, вѣсомъ въ 1337 grm. Наблюденіе началось 8 декабря 1890 года. При нормальныхъ условіяхъ продолжалось пять дней и послѣ экстирпаціи—девять дней. Послѣ того какъ были уже получены цифры нормальнаго обмѣна, кроликъ былъ подвергнутъ операціи. Были удалены три доли печени сразу, наложеніемъ одной общей лигатуры, а именно: pars. ant. et past. lobi sinistri et pars. ant. lobi dextri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ. При затягиваніи лигатуры появились судорожныя подергиванія, продолжавшіяся во все время операціи. Кровотеченіе было незначительно и скоро прекратилось.

Вѣсъ удаленныхъ частей печени равнялся 27 grm. Вся печень, соотвѣтственно общему вѣсу животнаго, должна была вѣсить около 40 grm., тогда на три ея доли придется около 30 grm. (каждая доля вѣсить около четверти). Полученныя же нами цифры немного менѣе, но если принять во вниманіе вѣсъ оставшейся культи, то тогда получится какъ разъ около 30 grm. Такимъ образомъ на оставшуюся долю придется около 10 grm.

Операцію кроликъ перенесъ сравнительно легко и быстро оправился. Судорожныя подергиванія черезъ часъ послѣ операціи сами собой прекратились. Въ концѣ первыхъ же сутокъ кроликъ уже ѣлъ и пилъ. Послѣопераціонное теченіе прошло безъ всякихъ осложненій. Брюшная рана зажила первымъ натяженіемъ.

Въ доопераціонномъ періодѣ азотъ мочевины относился къ валовому азоту, какъ 1: 1, 074.; азотъ экстрактивныхъ веществъ—къ валовому азоту 1: 13, 936; и азотъ экстракт. вещ. къ азоту мочевины, какъ 1: 12, 913. Послѣ же удаленія долей печени азотъ мочевины и валовой азотъ относятся между собой, какъ 1: 1, 96, а азотъ экстрактивныхъ веществъ къ валовому азоту и азоту мочевины

какъ 1: 2, 05 и какъ 1: 1, 04. Слѣдовательно, отношеніе азота мочевины къ валовому азоту уменьшилось почти вдвое, другія же два отношенія наоборотъ сильно увеличились. Затѣмъ—въ первомъ періодѣ изъ всего азота мочи приходится на азотъ мочевины 92, 6 % и на азотъ экстрактивныхъ веществъ 7, 2%, во второмъ—послѣопераціонномъ періодѣ на азотъ мочевины—51%, а на азотъ экстракт. вещ. 48,7 %. Здѣсь мы тоже видимъ, что азотъ мочевины палъ, азотъ экстракт. вещ. увеличился. Слѣдовательно, количество мочевины пало какъ относительно, такъ и абсолютно, количество же экстрактивныхъ вещ. наоборотъ увеличилось.

Въ послѣдующіе дни эти рѣзкія колебанія начинаютъ постепенно изглаживаться, на девятыя сутки приходятъ почти къ нормѣ.

Въ данномъ наблюденіи можетъ показаться страннымъ, что наибольшее паденіе количества мочевины и увеличеніе экстрактивныхъ веществъ произошло не въ первыя сутки послѣ операціи, какъ во всѣхъ почти остальныхъ случаяхъ, а на вторыя. Но причина этого явленія будетъ ясна, если просмотрѣть таблицы, въ которыхъ наблюдается подобное же.

Всѣ наблюденія съ подобными таблицами произведены или надъ самками или надъ молодыми самцами, т. е. какъ разъ надъ тѣми животными, которыхъ я не могъ катетеризировать,—однихъ вслѣдствіе узкости уретры, а другихъ—вслѣдствіе трудности отыскать во влагалищѣ отверстіе уретры. А потому моча у нихъ собиралась въ клѣткѣ, въ которой, надо замѣтить, животныя имѣютъ обыкновеніе очень долго удерживаться отъ мочеиспусканія, почему даже приходилось прибѣгать къ способу выдавливанія. Понятно, что поручиться, что я также, какъ при катетеризаціи, получалъ всю мочу, я не могу. И весьма возможно, что часть мочи нормальнаго еще состава оставалась въ пузырѣ и мѣшала произойти соотвѣтствующему паденію мочевины и тѣмъ рѣзко измѣнить отношеніе азота мочевины къ валовому азоту. На вторыя же сутки, когда вся собранная моча была выдѣлена при измѣненномъ уже состояніи организма, то ясно, что это обстоятельство не могло мѣшать правильности результата.

Наблюденіе № 2.

Кроликъ самка, вѣсомъ въ 1100 grm., и самецъ въ 1180 grm.—оба одного помета. Наблюденіе началось 26 января 1891 года и продолжалось

при нормальныхъ условіяхъ пять дней, а послѣ операціи восемь дней. При операціи удалены двѣ доли печени: pars ant. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri съ желчнымъ пузыремъ. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 13, 8 grm. Общій вѣсъ печени при вѣсѣ всего тѣла въ 1100 grm. будетъ около 30 или немного болѣе, а половина его будетъ около 15 grm. Слѣдовательно около полученной нами цифры. На оставшіяся доли придется тоже около 15 grm. Операція перенесена весьма легко и кроликъ быстро оправился.

Эта таблица по своимъ цифрамъ нѣсколько разнится отъ остальныхъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ введено одно новое условіе, именно: внутреннее употребленіе углекислаго амміака. Это сдѣлалъ я съ той цѣлью, чтобы самому убѣдиться въ возможности перехода углекислаго амміака въ мочевину какъ до удаленія долей, такъ и послѣ него.

Въ этомъ наблюденіи кроликъ въ среднемъ выводитъ за сутки 2,0899 grm. мочевины, или 0,9805 grm. азота при слѣдующемъ отношеніи ея къ другимъ азотъ содержащимъ веществамъ мочи.: азотъ мочевины относится къ валовому азоту какъ 1:1,033, а азотъ экстрактивныхъ веществъ къ валовому азоту и азоту мочевины—какъ 1:27,73 и какъ 1:26,71. Изъ всего выведеннаго азота мочей на азотъ мочевины приходится 96,2 % и на азотъ экстракт. вещ. 3,7 %. Послѣ введенія въ желудокъ черезъ зондъ углекислаго амміака мы замѣчаемъ наростаніе количества мочевины и въ связи съ этимъ измѣненіе ея отношеній къ другимъ азотистымъ продуктамъ мочи. Количество мочевины увеличилось до 2,3715 grm., или азота ея до 1,1087 grm.

Если же судить по азоту экстрактивныхъ веществъ, которому въ данномъ случаѣ нѣтъ повода измѣняться, то азота мочевины должно было бы быть около 0,9770 grm. и отношенія азота экстрактивныхъ вещ. къ валовому азоту и азоту мочевины были бы 1:25 и 1:29, а не 1:34,78 и 1:33,75. Наконецъ, если посмотримъ и на процентное содержаніе азота мочевины по отношенію ко всему азоту мочи, то найдемъ, что онъ поднялся

Такимъ образомъ количество мочевины увеличилось на одну треть. Если же мы теперь посмотримъ на цифры, полученныя послѣ операціи, то замѣтимъ рѣзкое паденіе количества мочевины, болѣе чѣмъ въ три раза въ сравненіи съ днемъ послѣ пріема амміака и въ

два раза—съ днемъ наблюденія при нормальныхъ условіяхъ. Отношенія между мочевой кислотой и другими продуктами тоже измѣнились въ соотвѣтствующемъ направленіи. Отношеніе азота мочевины къ валовому азоту уменьшилось на половину съ 1:1,03 на 1:1,6., отношеніе же азота экстрактивныхъ веществъ къ общему азоту и азоту мочевины наоборотъ увеличилось съ 1:27,73 на 1:2,67, и съ 1:24,71 на 1:1,66. Сравнительно же съ днемъ послѣ пріема амміака это увеличеніе еще болѣе рѣзко, такъ съ 1:34,78 на 1:2,67 и съ 1:33,76 на 1:1,67. Если теперь обратить вниманіе на процентное содержаніе, то и здѣсь наблюдается подобное же измѣненіе, т. е. процентъ азота мочевины сперва послѣ пріема амміака увеличился съ 96 на 97%, послѣ операціи падаетъ до 62,4, процентъ же азота экстрактивныхъ веществъ наоборотъ съ 3,8% поднялся до 37,6%.

Не менѣе интересными представляются колебанія цифръ послѣ вторичнаго введенія углекислаго амміака въ послѣопераціонномъ періодѣ. Здѣсь на вторыя уже сутки послѣ операціи мы наблюдаемъ поднятіе количества мочевины, хотя правда, незначительное, но если сравнить съ другими опытами, гдѣ на вторыя сутки было еще большее паденіе, то этотъ фактъ долженъ имѣть свое значеніе. Количество азота мочевины возрасло и отношеніе его къ азоту экстрактивныхъ веществъ уменьшилось почти вдвое. Очевидно, что принятый амміакъ частью былъ переведенъ остаткомъ печени въ мочевину, а частью, по всей вѣроятности, выдѣлился мочею, какъ таковой.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на цифры втораго дня, послѣ введенія углекислаго амміака, то здѣсь замѣчаемъ снова паденіе мочевины, а отношеніе азота экстрактивныхъ вещ. къ валовому азоту и азоту мочевины увеличивается. Слѣдовательно, искусственно вводимый углекислый амміакъ повышаетъ количество выдѣляющейся мочевины, послѣ же половинной экстирпаціи это повышеніе менѣе рѣзко.

Этотъ опытъ съ введеніемъ амміака, какъ единственный, можетъ считаться неубѣдительнымъ, но я и не брался, какъ сказалъ выше, ничего доказывать, а лишь только желалъ провѣрить ранѣе добытыя данныя.

Наблюденіе № 3.

Молодой кроликъ самецъ—вѣситъ 1190 grm. Наблюденіе началось 4 февраля 1891 года и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ шесть дней, а въ послѣоперацiонномъ періодѣ пять дней. 9 февраля произведена лапаратомія, при которой удалены три доли печени вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ: pars ant. lobi sinistri et partes ant. et poster lobi dextri. Вѣсъ всѣхъ удаленныхъ частей равнялся 22,6 grm. По расчету на вѣсъ животнаго эта цифра и будетъ составлять приблизительно не много болѣе трехъ четвертей всей печени. На оставшуюся долю такимъ образомъ приходится около 9 грам. Надо замѣтить, что въ данномъ случаѣ лигатуры накладывались двѣ: одна на pars. ant. lobi sinistri et pars. ant. lobi dextri, а другая на pars. post. lobi dextri. Это пришлось сдѣлать потому, что pars post. lobi dextri лежитъ глубоко и совершенно отдѣльно въ правомъ hypochondrium надъ правой почкой, и захватить ее въ одну общую лигатуру не представляется никакой возможности. Наложеніе же двухъ лигатуръ вмѣсто одной я считаю обстоятельствомъ, уже осложняющимъ операцію, и дурно вліяющимъ на послѣоперацiонное состояніе животнаго, подтвержденіемъ чему и служитъ данный кроликъ. Хотя, скажу же теперь, это не единственная причина—есть еще другая, не менѣе важная, объ ней скажу немного далѣе.

Кроликъ перенесъ операцію весьма тяжело. Послѣ операціи въ продолженіи 3-хъ часовъ лежалъ безъ всякихъ произвольныхъ движеній: зрачки сильно расширены и безъ всякаго рефлекса, глаза тоже широко раскрыты и при дотрогиваніи до роговицы со стороны вѣкъ также не получается никакого рефлекса; видимыя слизистыя оболочки сильно блѣдны и сухи; конечности холодны и вытянуты; все тѣло время отъ времени судорожно подергивается и дрожитъ; каждый шумъ или дотрогиваніе вызываетъ цѣлый рядъ болѣе сильныхъ и болѣе сложныхъ судорожныхъ сокращеній во всемъ тѣлѣ животнаго. Вообще общее состояніе было настолько скверно, что я не надѣялся спасти животное. Было сейчасъ же сдѣлано подкожное впрыскиваніе эфира и все животное обложено теплыми полотенцами, а затѣмъ было перенесено въ термостатъ, въ которомъ температура постоянно поддерживалась около 38,5% с. Черезъ часъ ему было влито въ ротъ немного спирта съ молокомъ. Спустя два часа послѣ операціи судорожныя подергиванія начали появляться рѣже и слабѣе, а по прошествіи двухъ съ половиной часовъ совершенно прекратились, но кроликъ еще лежалъ на боку безъ всякихъ произвольныхъ движеній. Затѣмъ уже вскорѣ послѣ этого стали появляться произвольныя движенія, какъ бы

попытки, встать, но слабость была, очевидно, настолько сильна, что онъ опять падалъ на бокъ и на нѣкоторое время затихалъ. Около 6 часовъ вечера онъ вполнѣ оправился и былъ перенесенъ мною въ клѣтку для наблюденія. На слѣдующій день онъ представлялся совершенно здоровымъ—ѣлъ и пилъ, какъ нормальныя животныя.

Разсматривая цифры, опять замѣтимъ ту же правильность въ колебаніи азота мочевины и экстрактивныхъ веществъ по отношенію къ валовому азоту мочи. Сравнивая среднее число, полученное изъ всѣхъ дней до операціи, со вторымъ днемъ послѣ нея, какъ представляющимъ наибольшее колебаніе, мы замѣчаемъ рѣзкое паденіе количества мочевины и увеличеніе экстрактивныхъ веществъ. Такъ мочевина съ 1,0082 grm. упала на 0,4294 grm., т. е. уменьшилась почти въ два раза, такъ точно и азотъ ея съ 0,47004 grm. опустился на 0,2004. Азотъ же экстрактивныхъ вещ. съ 0,0428 grm. поднялся на 0,1801 grm. Соотвѣтственно этому измѣнились отношенія: отношеніе азота мочевины къ валовому азоту съ 1:1,08 уменьшилось въ два раза и стало 1:1,907., а отнош. азота экстрактивныхъ вещ. къ валовому азоту и азоту мочевины наоборотъ увеличилось—съ 1:12,78 и 1:10,99 поднялось до 1:2,17 и 1:1,11. Такимъ же образомъ измѣнилось и процентное содержаніе азотистыхъ продуктовъ мочи: мочевина съ 91,4% упала на 51%; а экстрактивныя вещества—съ 8,5%, поднялись до 48%. Слѣдовательно паденіе мочевины и уменьшеніе ея количества идетъ не пропорціонально паденію валоваго азота.

Наблюденіе № 4.

Черный кроликъ-самецъ; вѣситъ 1450 grm.Наблюденіе начато 1 марта 1891 года; при нормальныхъ условіяхъ продолжалось семь дней и послѣ операціи десять дней. 8 марта произведена лапаратомія, при которой удалены три доли печени вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ: partes ant. et post. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri. Лигатура накладывалась одна, общая. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 31,8 grm. Вѣсъ этихъ же частей по расчету на общій вѣсъ тѣла животнаго долженъ быть около 33 grm, что и составитъ полученный нами вѣсъ, если прибавить вѣсъ культи. На оставшуюся же долю такимъ образомъ придется около 11 grm.

Кровотеченіе при операціи—незначительное. Культя покрыта сальникомъ и брюшная рана зашита. По окончаніи операціи наблюдаются незначительныя подергиванія въ конечностяхъ животнаго, но скоро это

проходитъ и кроликъ довольно быстро оправляется. Черезъ часъ послѣ операціи онъ былъ перенесенъ въ клѣтку для наблюденія. На слѣдующія сутки онъ представлялся совершенно здоровымъ и съ жадностью ѣлъ предлагаемую пищу.

Въ дооперацiонномъ періодѣ отношеніе азота мочевины къ валовому азоту было какъ 1:1,03., послѣ же операціи стало какъ 1:1,85, слѣдовательно опять уменьшилось почти вдвое. Отношеніе же азота экстрактивныхъ веществъ къ общему азоту и азоту мочевины повысилось съ 1:21,85 и 1:20,86, на 1:2,17, и 1:1,16. Затѣмъ изъ 100 частей выведеннаго азота на азотъ мочевины приходится 96,05% и на азотъ экстрактивныхъ вещ. 3,9%, во второмъ же періодѣ на азотъ мочевины 53,7% и на азотъ экстрак. вещ. 46,2%. Слѣдовательно количество мочевины опять уменьшилось какъ относительно, такъ и обсолютно. Экстрактивныя же вещества наоборотъ увеличились. Количество валоваго азота во второмъ періодѣ уменьшилось, но не пропорціанально количеству азота мочевины.

Наблюденіе № 5.

Кроликъ, самецъ, вѣситъ 1224 grm.—Наблюденіе начато 21 мая 1891 года. При норм льныхъ условіяхъ продолжалось пять дней и послѣ операціи тоже пять. 26 мая произведена лапаратомія и удалены три доли вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ: pars. ant. et post. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 23,6 grm. Вѣсъ всей печени при вѣсѣ животнаго въ 1224 grm. будетъ около 35 grm., а три четверти около 26 grm; если же вычесть изъ этого вѣсъ оставшейся культи, то и получится около 23,6 grm.

Операція перенесена легко. Наблюденіе въ послѣоперацiонномъ періодѣ, какъ сказано, продолжалось пять дней, но не было доведено до полнаго возстановленія нормальныхъ отношеній азотистыхъ составныхъ частей мочи, потому что кроликъ былъ подвергнутъ вторичной лапаратоміи для удаленія послѣдней доли печени, черезъ 8 часовъ послѣ которой издохъ при постепенно усиливающейся слабости и малокровіи верхней половины туловища.

Вскрытіе. Разрѣзъ послѣ первой операціи почти совершенно зажилъ. На брюхѣ замѣтно расширеніе подкожныхъ венъ и болѣе сильное наполненіе ихъ кровью. При вскрытіи брюшной полости бросается въ глаза сильная застойная гиперемія всѣхъ брюшныхъ органовъ. Въ полости

брюшины жидкости нѣтъ. Селезенка увеличена, капсула ея сильно напряжена. Въ почкахъ не столь рѣзкія застойныя явленія. Брюшина вездѣ нормальнаго вида и безъ сращеній съ окружающими органами. Сальникъ съ передней поверхности желудка переходитъ на культю, съ которой былъ довольно плотно сращенъ. Сама культя сморщена, сѣро-грязнаго цвѣта и довольно плотна. Въ подходящихъ къ ней сосудахъ находятся довольно плотные тромбы, рыхло соединенные со стѣнками сосуда. Поверхность второй культи, отъ послѣдней операціи, покрыта сгусткомъ свѣжей крови и тѣсно прилегаетъ къ двѣнадцатиперстной кишкѣ. Въ просвѣтѣ v. portae—свѣжій рыхлый сгустокъ крови, несоединенный со стѣнками сосуда и распространяющійся по длинѣ его на 4 mm. Вся система v. portae сильно растянута и переполнена кровью. Что касается грудныхъ органовъ то измѣненія найдены только въ сердцѣ и легкихъ. Сердце сильно растянуто и переполнено жидкой кровью. Лѣвое легкое въ верхней своей долѣ нормальнаго вида и проходимо для воздуха, но въ нижней долѣ уплотнено и въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣетъ инфаркты. Правое легкое нормально.

Въ другихъ органахъ измѣненій не найдено.

Колебанія въ количествѣ мочевины и въ экстрактивныхъ веществахъ тѣ же, что и въ предыдущихъ таблицахъ, хотя выраженны въ данномъ примѣрѣ гораздо рѣзче. Въ среднемъ изъ пяти сутокъ было выведено 0,5830 grm. азоту, причемъ на азотъ мочевины приходится 95,6% и на азотъ экстрактивныхъ веществъ 4,3%. Отношеніе азота мочевины къ валовому азоту было какъ 1:1,04, а азота экстрак. вещ. къ общему азоту и азоту мочевины какъ 1:26,33 и какъ 1:25,37. Въ послѣопераціонномъ періодѣ, какъ я сказалъ, колебанія получились громадныя: такъ, валовой азотъ упалъ до 0,2857, grm. а азотъ мочевины до 0,0908. Азотъ экстракт. вещ. поднялся до 0,1677, Слѣдовательно общее количество азота мочи уменьшилось почти въ два раза, количество же азота мочевины пало далеко не пропорціонально первому; оно уменьшилось почти въ 6 разъ—съ 0,5120 grm. на 0,0968, grm., (1,0973 на 0,2025), а потому на азотъ мочевины теперь приходится всего только 36,4% общаго азота (вмѣсто 95,6%). Если посмотрѣть на азотъ экстрактивныхъ веществъ, то здѣсь наблюдается явленіе совершенно обратное. Количество его съ 0,0222 grm. поднялось до 0,1677, и отношенія его также увеличились: послѣ операціи они стали 1:1,58 и 1:0,57. Слѣдовательно ихъ количество увеличилось почти въ шесть разъ. Такимъ образомъ количество мочевины умень-

шилось не пропорціонально общему азоту и обратно пропорціонально количеству экстрактивныхъ веществъ.

Наблюденіе № 6.

Кроликъ самецъ, вѣситъ 1200 grm. Наблюденіе начато 2 іюля 1891 года и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ пять дней, и столько же дней послѣ операціи. 6 іюля произведена лапаратомія, при которой удалены три доли вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ: pars ant. lobi sinistri, partes ant. et post. lobi dextri. Наложены двѣ лигатуры. Вѣсъ удаленныхъ долей равнялся 27 grm. По расчету на вѣсъ животнаго въ 1200 grm. на удаленныя части придется 26 grm., т. е. меньше полученнаго числа на 1 grm., а если прибавить вѣсъ двухъ культей въ среднемъ около 4 grm., то полученное число будетъ больше теоретическаго почти на 5 grm. Это кажущееся противорѣчіе должно быть объяснено тѣмъ, что pars ant. lobi sinistri и partes ant. et post. lobi dextri всегда вѣсятъ немного болѣе, чѣмъ три четверти всей печени. Такимъ образомъ на оставшуюся pars post. lobi sinistri придется около 7 grm.

Операція перенесена сравнительно съ предыдущими гораздо тяжелѣе. Кровотеченіе было болѣе значительное. Кроликъ около двухъ часовъ находился въ безсознательномъ состояніи. Судорожныя сокращенія мышцъ конечностей, а по временамъ и всего тѣла не прекращались въ продолженіи всего этого времени. Было сдѣлано подкожное впрыскиваніе эфира и все тѣло животнаго обложено горячими полотенцами, постоянно смѣнявшимися. Черезъ пять часовъ послѣ операціи кроликъ настолько всетаки оправился, что могъ быть перенесенъ въ клѣтку для наблюденія за послѣопераціоннымъ періодомъ.

Если опять сравнить цифры нормальнаго періода и послѣопераціоннаго, то опять не трудно замѣтить, что количество мочевины упало противъ общаго азота мочи болѣе, чѣмъ въ четыре раза, вообще уменьшилось почти въ шесть разъ. Количество же экстрактивныхъ веществъ наоборотъ увеличилось почти въ четыре раза. Вслѣдствіе этого отношеніе азота мочевины къ валовому азоту уменьшилось почти въ 2 раза, отношеніе же азота экстрактивныхъ веществъ къ общему азоту мочи и азоту мочевины обратно увеличилось почти въ шесть разъ.

Слѣдовательно мы наблюдаемъ паденіе какъ общаго азота мочи, такъ и азота мочевины, но далеко не въ пропорціональномъ отношеніи.

Азотъ же экстрактивныхъ веществъ увеличился обратно пропорціонально азоту мочевины, и не пропорціонально валовому азоту.

Наблюденіе № 7.

Въ этомъ наблюденіи было четыре кролика. Первый кроликъ вѣситъ 1300 grm., второй 1290 grm., третій 1271 grm. и четвертый 1293 grm. Наблюденіе начато 20 сентября 1891 года и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ пять дней, а послѣ операціи—надъ двумя кроликами—восемь дней и надъ другими двумя—пять дней. У каждаго изъ этихъ кроликовъ при лапаратоміи удалены двѣ доли, составляющія по вѣсу половину печени. Сочетаніе же долей для составленія половины всей печени у каждаго кролика было разное. Каждое такое сочетаніе по вѣсу представляло величину весьма близко подходившую къ вѣсу половины всей печени. Не во всѣхъ случаяхъ была наложена одна лигатура, въ нѣкоторыхъ пришлось наложить двѣ.

У перваго кролика при лапаратоміи были удалены pars ant. et post. lobi sinistri., вѣсившія 17,5 grm. При расчетѣ на вѣсъ всего животнаго на печень придется 39 grm., а на половину ея 19,5 grm. Слѣдовательно величина близкая къ полученной, если принять еще во вниманіе вѣсъ оставшейся культи. На оставшіяся двѣ доли придется тоже немного болѣе 19,5 grm.

У втораго кролика были удалены pars ant. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri вмѣсти съ желчнымъ пузыремъ. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 18,9 grm. При расчетѣ же они должны были бы вѣсить около 19 grm. Слѣдовательно, если мы къ 18,9 grm. прибавимъ еще вѣсъ культи—приблизительно около 3-хъ grm., то получимъ, что вѣсъ этихъ двухъ долей будетъ около 21 grm., что превышаетъ вѣсъ половины всей печени. Но это зависитъ отъ того, что подобное сочетаніе долей вѣситъ всегда болѣе половины, такъ какъ и каждая доля въ отдѣльности вѣситъ болѣе четверти всей печени. На оставленныя двѣ доли, значитъ, придется около 17 grm. У третьяго кролика удалены pars ant. et post. lobi dextri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ. Вѣсъ этихъ частей равнялся 16,8 grm. Теоретическій же вѣсъ ихъ будетъ около 18,5 grm., что вполнѣ соотвѣтствуетъ полученному вѣсу плюсъ вѣсъ культи На оставшіяся доли придется тоже около 18,5 grm.

На четвертомъ кроликѣ предстояла самая трудная и опасная операція изъ всѣхъ четырехъ. Это обстоятельство обусловливается самымъ положеніемъ тѣхъ долей, которыя нужно было удалить. Pars post. lobi sinistri, какъ извѣстно, прилегаетъ къ самому куполу діафрагмы, гдѣ находится

centrum tendineum, пораненіе котораго вызываетъ воспаленіе діафрагмы и плевръ, и гдѣ наконецъ проходятъ крупные венозные стволы, которые легко разорвать при затягиваніи лигатуры. Кромѣ этого слишкомъ низкимъ наложеніемъ лигатуры можно захватить сосуды, идущіе въ pars ant. этой же доли, и тогда эта послѣдняя омертвѣетъ. Что же касается pars post. lobi dextri, то въ одномъ изъ наблюденій уже ранѣе говорилось по поводу ея положенія—въ глубинѣ праваго hypochondrium надъ правой почкой, теперь же остается только добавить, что заднюю лѣвую часть ея прободаетъ v. cava, такъ что ткань этой доли кругомъ облегаетъ стѣнку этой вены. Понятно, ссли не обратить на это вниманіе, можно, не желая вовсе, произвести перевязку нижней полой вены или разорвать ея стѣнку.

Въ виду всего этого дѣлается ясно, почему эта операція представляется наиболѣе трудной и опасной и почему она требуетъ столько предусмотрительности и осторожности при ея производствѣ.

Такимъ образомъ были удалены pars post. lobi sinistri и pars post. lobi dextri. Каждая изъ нихъ потребовала наложенія отдѣльной лигатуры и отдѣльнаго отсѣченія. При наложеніи лигатуры на pars post. lobi sinistri прошлось перерѣзать поддерживающую связку печени, что вызвало довольно значительное кровотеченіе, но скоро остановившееся при простомъ ущемленіи пинцетомъ. Считаю необходимымъ указать еще на одно неблагопріятное обстоятельство этой операціи. Послѣ отсѣченія этихъ долей получаются двѣ культи, представляющія какъ бы два очага для вспышки воспаленія, если не общаго, всей брюшины, кончающагося всегда смертью животнаго, то мѣстнаго, постоянно влекущаго за собой многочисленныя сращенія. Покрыть же обѣ культи сальникомъ, какъ это дѣлалось во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, для защиты отъ непосредственнаго соприкосновенія съ окружающими органами и брюшиной не представлялось никакой возможности, въ особенности для остатка отъ pars post. lobi dextri.

Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 15,4 grm., что составляетъ меньше половины всей печени. Это сочетаніе долей представляетъ дополненіе къ ранѣе уже упомянутому, которое по вѣсу было болѣе половины. Каждая изъ этихъ долей вѣситъ менѣе четверти вѣса всей печени. Слѣдовательно на оставшіяся двѣ доли придется около 22 grm.

Въ послѣоперацiонномъ періодѣ паденіе количества мочевины не у всѣхъ четырехъ кроликовъ было одинаково. Наиболѣе сильное паденіе наблюдается въ четвертомъ случаѣ и наименьшее—въ пер-

вомъ. У четвертаго кролика количество азота мочевины пало съ 91,2% на 62,7%, а у перваго—съ 94,7% на 73,5%. Въ зависимости отъ этого измѣнились и отношенія. Вообще у всѣхъ четырехъ произшедшія измѣненія склоняются опять въ томъ же направленіи, но не въ столь рѣзкой формѣ, какъ послѣ удаленія трехъ четвертей. Слѣдовательно, послѣ удаленія половины по вѣсу всей печени наблюдается опять паденіе количества мочевины и наоборотъ увеличеніе экстракт. вещ., но только не въ столь сильной степени.

Наблюденіе № 8.

Въ этомъ наблюденіи три кролика. Два самца и одна самка. Первый кроликъ вѣситъ 1310 grm., второй 1263 grm. а третій 1270 grm. Наблюденіе начато 7 октября 1891 и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ пять дней, послѣ операціи, надъ двумя кроликами—шесть дней и надъ однимъ восемь дней. У каждаго кролика были удалены три доли, но не однѣ и тѣ же, что въ другихъ случаяхъ. Каждый кроликъ имѣетъ свое отдѣльное сочетаніе долей. Въ силу этого послѣ операціи у каждаго изъ нихъ осталось по одной, но не той же самой доли. Если бы присоединить сюда еще одного кролика, то послѣ операціи, всѣ четыре жили бы съ одной печенью, потому что каждый имѣлъ бы по одной разной четверти, а всѣ вмѣстѣ цѣлую печень.

У перваго кролика были удалены: pars ant. et post. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 25,3 grm. Теоретическій же вѣсъ ихъ долженъ быть 29 grm., такъ что превышаетъ полученное число почти на 4 grm., которые и могутъ быть отнесены на вѣсъ культи. На оставшуюся долю остается около девяти grm.

У втораго кролика были удалены pars. ant. et post. lobi dextri et pars ant. lobi sinistri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ. Для болѣе удобнаго и осторожнаго отсѣченія этихъ долей пришлось сдѣлать два разрѣза или скорѣе одинъ Г—образный. Первый былъ проведенъ обыкновенный, по l. alba, и по нему вскрыта брюшная полость; другой шелъ отъ него въ перпендикулярномъ направленіи, параллельно правому реберному краю. Второй разрѣзъ сдѣланъ, собственно, для болѣе удобнаго отсѣченія pars. post lobi dextri. Лигатуръ по этой же причинѣ, было наложено двѣ: одна на partes ant. loborum dextri et sinistri и другая, спеціально, на pars post lobi dextri. Осталась слѣдовательно одна pars post. lobi sinistri. Вѣсъ удаленныхъ частей равняется 22,8 grm. Теоретическій же вѣсъ при ра-

счетѣ на вѣсъ тѣла въ 1263 grm. будетъ 28 grm. т. е. безъ вѣса двухъ культей будетъ полученное нами число. На оставшуюся долю придется около 8,5 grm. У третьяго кролика удалены pars ant et post. lobi sinistri и pars post. lobi dextri. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 22,6 grm. Если же къ этому числу прибавить вѣсъ двухъ культей, т. е. около шести grm., то вѣсъ всѣхъ удаленныхъ долей будетъ около 28 grm. При расчетѣ на вѣсъ всего животнаго въ 1270 grm. мы получимъ, что вѣсъ этихъ трехъ долей тоже будетъ около этой же цифры. Такимъ образомъ на оставшуюся четвертую долю придется около девяти grm.

Для удаленія этихъ долей разрѣзъ брюшныхъ покрововъ былъ такой же, какъ на предыдущемъ кроликѣ. Лигатуръ было наложенъ тоже двѣ: одна на pars ant. et post. lobi sinistri и другая на pars post. lobi dextri, и отсѣчены въ первомъ случаѣ сразу двѣ доли, а во второмъ—одна, поэтому и культей получилось двѣ. Операція перенесена кроликами не одинаково. Наиболѣе тяжело отозвалась она на второмъ и третьемъ кроликѣ, первый же сравнительно быстро оправился.

Въ этомъ наблюденіи мы опять замѣчаемъ болѣе рѣзкое паденіе мочевины и увеличеніе экстрактивныхъ вещ. Вообще съ увеличеніемъ удаляемаго куска печени увеличивается и паденіе мочевины. На вторыя сутки послѣ операціи отношеніе азота мочевины къ валовому азоту уменьшилось болѣе, чѣмъ вдвое: было до операціи, въ среднемъ, 1:1,06, послѣ же нея стало 1:2,8. Процентъ азота мочевины палъ съ 93,7 на 35,6. Количество же азота экстрактивныхъ вещ. наоборотъ увеличилось, съ 6,1% поднялось на вторыя сутки до 61,7%. Отношеніе его къ валовому азоту тоже поднялось съ 1:22,64 до 1:1,69. Слѣдовательно количество мочевины вмѣстѣ съ операціей пало въ томъ же направленіи, количество же экстрактивныхъ вещ. наоборотъ увеличилось.

Наблюденіе № 9.

Старый кроликъ самецъ, вѣситъ 1395 grm. Наблюденіе начато 18 октября 1891 года и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ пять дней и послѣ операціи тоже пять дней. Лапаратомія произведена 22 октября и удалены pars ant. lobi sinistri и pars ant. lobs dextri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ. Черезъ одну изъ оставшихся долей, а именно черезъ pars post. lobi sinistri, продернуты двѣ отдѣльныя серебрянныя проволки и концы ихъ закручены на краю доли. Это новое условіе, введенное въ

опытъ, не имѣетъ, собственно, отношенія къ данному вопросу, а произведено съ другой цѣлью и для первой части этой работы, которая велась мною почти параллельно съ этой частью. Но не упомянуть этого обстоятельства здѣсь я не могъ, такъ какъ этимъ новымъ условіемъ я ставилъ одну изъ оставшихся долей въ не совсемъ нормальное положеніе. Вѣсъ удаленныхъ частей равнялся 18,1 grm.; при вѣсѣ животнаго въ 1395 grm. на печень придется около 42 grm., а на половину ея около 21 grm., что будетъ равняться полученному числу, если вычесть вѣсъ кульки. Слѣдовательно, на двѣ нетронутыя доли придется тоже около 21 grm.

Кроликъ, не смотря на двѣ лишнія травмы, перенесъ операцію очень легко и черезъ полъ часа настолько оправился, что былъ въ состояніи прыгать по комнатѣ и самъ выскочилъ изъ ящика, куда на время былъ посаженъ. Я даже боялся за такое быстрое поправленіе и винилъ себя, что не усмотрѣлъ и позволилъ ему выскочить изъ ящика. Но мое опасеніе оказалось отчасти напраснымъ, такъ какъ къ вечеру того же дня кроликъ оставался такимъ же бодрымъ и уже ѣлъ овесъ. Однако на третьи сутки я замѣтилъ, что у кролика подъ брюхомъ появилась какая-то опухоль. При осмотрѣ брюха оказалось, что кожная рана заживала первымъ натяженіемъ и всѣ швы были цѣлы, но швы брюшины разошлись и потому разрѣзъ брюшины раскрылся и черезъ него вывалились петли кишекъ, образовавъ грыжу. Кроликъ, не смотря на это, быстро оправился и эта грыжа, повидимому, нисколько ему не мѣшала. Когда послѣоперацiонное наблюденіе было окончено, кроликъ снова былъ захлороформированъ и подвергнутъ вторичной лапаратоміи отчасти съ цѣлью измѣрить разстояніе между проволоками, а отчасти, чтобы уничтожить грыжу. За исходъ ея я нисколько не боялся, такъ какъ эта операція, сравнительно со всѣми прошлыми, была простая пробная лапаратомія (laparatomia explorativa). И дѣйствительно, послѣ окончанія операціи и наложенія небольшой давящей повязки кроликъ быстро оправился и оставался жить уже безъ грыжи.

Сравнивая цифры до операціи и послѣ нея, мы найдемъ такія колебанія, какъ въ наблюденіи 7, только въ данномъ опытѣ процентъ мочевины на единицу меньше, чѣмъ въ наблюденіи седьмомъ. Но это обстоятельство можно объяснить или нормальными колебаніями, или нанесеніемъ поврежденія вслѣдствіе проколовъ проволками и третей доли.

Наблюденіе № 10.

Кроликъ самецъ вѣситъ 1268 grm. Ему была сдѣлана первая лапаратомія 4 февраля 1891 года, и удалены pars ant. lobi sinistri и pars ant.

et post. lobi dextri и оставлена быка одна pars post. lobi sinistri, на которую мы положили около 9 grm. Вторичное наблюденіе надъ нимъ начато 9 марта 1891 года, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ первой лапаратоміи. При нормальныхъ условіяхъ подъ наблюденіемъ былъ пять дней и послѣ удаленія послѣдней доли—три дня.

На мѣстѣ бывшаго разрѣза брюшныхъ стѣнокъ оказывается бѣлый, линейный рубецъ, по обѣимъ сторонамъ котораго проходятъ по одной сильно расширенной и налитой кровью вены; въ нижней же части разрѣза проходятъ нѣсколько подобныхъ же венъ. По вскрытіи брюшной полости по старому разрѣзу и по оттягиваніи въ разныя стороны краевъ ея, насъ поразилъ громадный безформенный кусокъ печеночной ткани, занимавшій все почти правое подреберіе и средину подъ manubrium sterni. Брюшина повсюду была гладка, блестяща и безъ всякихъ сращеній. Сальникъ, завороченный кверху, покрывалъ переднюю поверхность желудка и переходилъ съ послѣдней на культю, съ которой плотно былъ сращенъ. Сама культя была казеозно перерождена и имѣла величину около лѣснаго орѣха. По перемѣщеніи кишекъ на лѣвую сторону открылась другая культя, оставшаяся отъ pars post. lobi dextri; величина ея была нѣсколько менѣе, поверхность бугриста и имѣла въ нѣсколькихъ мѣстахъ сращенія съ кишками.

Остававшаяся сильно увеличенная доля была перевязана и удалена. Вѣсъ ея оказался равнымъ 25,3 grm., т. е. увеличился почти въ три раза.

Брюшная рана была быстро зашита и животное, неприходившее въ сознаніе, подвергнуто было искусственному согрѣванію. Всѣ рефлексы были потеряны, сильныя судорожныя сокращенія, безпрерывно появлявшіяся ограничивались одними конечностями. Страшная анемія всей верхней части туловища, особенно же рѣзко она была выражена на слизистыхъ оболочкахъ. Послѣднія были сухи и совершенно безкровны. Въ такомъ состояніи животное оставалось до самаго вечера, когда только можно было замѣтить первыя произвольныя движенія. Въ этотъ день кроликъ мною былъ оставленъ хотя сидящимъ, но постоянно дражавшимъ какъ бы отъ холода, и шатавшимся, при попыткѣ къ передвеженію. На слѣдующее утро кроликъ былъ бодрѣе, хотя мало двигался и находился въ какомъ-то сонливомъ состояніи. Весь этотъ день состояніе его не измѣнялось ни къ худшему ни къ лучшему, хотя вечеромъ съѣлъ немного овса и капусты. На вторыя сутки онъ произвелъ на меня еще лучшее впечатлѣніе; такъ что я сталъ надѣяться на возможность продолженія жизни при удаленіи всей печени. Въ эти сутки онъ ѣлъ овесъ какъ бы даже съ большей охотой, чѣмъ вчера. Но такое благосостояніе продолжалось только до вечера. Къ 9 часамъ вечера онъ сталъ скучнѣе, менѣе двигался, избиралъ такія положенія, чтобы къ чему нибудь привалиться, и уже болѣе не ѣлъ никакой пищи. На слѣдующее

утро, т. е. на третьи сутки я засталъ его сильно дрожавшимъ и въ полусидячемъ положеніи. Къ 2 часамъ дня онъ уже лежалъ съ рѣдкимъ прерывистымъ дыханіемъ, а въ $3^1/_4$ часа околѣлъ.

Вскрытіе кромѣ сильнѣйшихъ застойныхъ явленій во всѣхъ брюшныхъ органахъ, и наоборотъ запустеніе сосудовъ грудной и черепной полости, ничего другаго не показало.

Просматривая цифровыя данныя, мы найдемъ въ этомъ наблюденіи, какъ и въ слѣдующихъ двухъ, наиболѣе рѣзкое паденіе количества мочевины. Если сравнить цифры доопераціоннаго періода съ послѣопераціоннымъ, то мы увидимъ, какъ неравномѣрно идетъ паденіе однихъ и повышеніе другихъ азотистыхъ продуктовъ обмѣна по отношенію къ валовому азоту. Въ среднемъ количество общаго азота, выдѣляемаго мочей, было 0,5417 grm., послѣ же удаленія послѣдней доли оно пало до 0,2495; слѣдовательно уменьшилось немного болѣе, чѣмъ въ два раза. Количество же азота мочевины уменьшилось почти въ восемь разъ—съ 0,4704 на 0,0619, въ зависимости отъ этого процентъ ея тоже опустился съ 92% на 24%. До операціи отношеніе азота мочевины къ валовому азоту было какъ 1:1,07, послѣ же нея стало 1:4,03. Слѣдовательно изъ этого мы видимъ, что количество мочевины уменьшилось какъ относительно, такъ и абсолютно.

Если же теперь мы посмотримъ на азотъ экстрактивныхъ веществъ, то намъ представится явленіе совершенно противоположное. Въ среднемъ до операціи количество азота ихъ было 0,0367 grm. что въ процентномъ отношеніи къ общему азоту составляло только 7% и отношеніе азота ихъ къ общему азоту и азоту мочевины было какъ 1:14,76 и какъ 1:13,5. Послѣ же операціи количество азота ихъ поднялось до 0,2748 или до 70% общаго азота. Отношеніе же азота ихъ къ общему азоту и азоту мочевины стало какъ 1:1,45 и какъ 1:0,51. Слѣдовательно, количество экстрактивныхъ веществъ увеличилось почти въ восемь разъ.

Наблюденіе № 11.

Кроликъ самецъ, вѣситъ 1511 grm. Первая лапаратомія была произведена 8 марта 1891, при которой были удалены pars ant. et post. lobi sinistri et pars ant. lobi dextri вмѣстѣ съ желчнымъ пузыремъ и оставлена была одна pars post. lobi dextri вѣсомъ около 11 grm. Вторичное наблю-

деніе надъ нимъ начато черезъ 2 мѣсяца послѣ первой операціи, т. е. 5 мая 1891 г. При нормальныхъ условіяхъ оно продолжалось пять дней и послѣ операціи—2 дня.

Такъ какъ приходилось удалять pars post. lobi dextri, которая, какъ уже упоминалось, лежитъ глубоко въ правомъ hypochondrium надъ правой почкой, то для болѣе удобнаго и легкаго удаленія этой доли разрѣзъ нужно было дѣлать не по l. alba, по которой былъ проведенъ разрѣзъ для первой операціи, а параллельно правому реберному краю. Неудобство такого разрѣза заключалось только въ томъ, что при немъ перерѣзались и перевязывались всѣ подкожныя вены правой стороны живота. Между тѣмъ какъ у кроликовъ, уже перенесшихъ одну операцію, онѣ были обыкновенно сильно расширены и наполнены кровью, а потому сохраненіе ихъ было для меня весьма желательно. Идти же къ этой долѣ черезъ продольный разрѣзъ по l. alba, когда слѣдовательно эти вены сохранялись, было еще болѣе рисковано, такъ какъ тогда пришлось бы накладывать лигатуру наугадъ, причемъ легко можно бѣло бы перевязать или разорвать нижнюю полую вену и вслѣдствіе этого потерять животное. Въ виду этого обстоятельства я рѣшился лучше пожертвовать цѣлостью этихъ венъ, но дѣйствовать за то навѣрняка съ предусмотрительностью и сознательно.

При раскрытіи брюшной полости по этому направленію я наткнулся на оставленную долю печени, которая, къ моему удивленію, сильно выступала изъ глубины и занимала теперь большую часть праваго подреберія, т. е. то мѣсто, гдѣ, нормально, лежитъ pars ant. lobi dextri, удаленная при первой операціи. Эта сильно увеличенная доля было совершенно свободна и подвижна, но съ лѣвой стороны около діафрагмы оказались небольшія сращенія съ культей и покрывающимъ ее сальникомъ. Брюшина представлялась гладкой и блестящей, свободной отъ всякихъ сращеній и полость ея не содержала жидкости. Культя, оставшаяся отъ первой операціи, лежала около самой діафрагмы, была сильно сморщена, бугриста, сѣро-грязнаго цвѣта и достигала величины не больше мелкаго лѣснаго орѣха.

Послѣ того какъ доля была осторожно отдѣлена отъ приросшей культи, на нее была наложена лигатура и сама доля отсѣчена. По очищеніи брюшной полости отъ крови, брюшная рана была зашита и наложена повязка.

Удаленная доля вѣсила 39 grm., слѣдовательно увеличилась почти въ четыре раза.

Кроликъ послѣ операціи оставался лежать совершенно неподвижно. Судорогъ, которыя я наблюдалъ во всѣхъ случаяхъ, у этого кролика почему то не было. Состояніе его въ теченіе всѣхъ этихъ сутокъ было такое же скверное, какъ и предыдущаго кролика. Оставилъ я его въ

этотъ день лежащимъ и мало подающимъ надежды на какое-нибудь поправленіе. На слѣдующій однако день онъ уже сидѣлъ и немного съѣлъ овса, хотя все еще былъ страшно вялъ и по временамъ дрожалъ. Въ такомъ состояніи онъ пробылъ весь этотъ день и половину слѣдующаго. Къ вечеру вторыхъ сутокъ появились подергиванія всего тѣла и дрожь усилилась, а въ ночь на третьи сутки онъ издохъ.

Вскрытіе и въ этомъ случаѣ кромѣ сильныхъ застойныхъ явленій во всѣхъ брюшныхъ органахъ ничего другаго не показало. Въ просвѣтѣ v. portae оказался свѣжій, рыхлый, красный тромбъ. Подобный же тромбъ оказался и въ селезеночной венѣ. Въ грудныхъ органахъ, кромѣ слабаго наполненія кровью сосудовъ грудной полости, ничего ненормальнаго не найдено.

Цифровыя данныя, полученныя всего только за двое сутокъ жизни этого кролика, показываютъ опять рѣзкое уменьшеніе количества мочевины и наоборотъ такое же увеличеніе экстрактивныхъ веществъ. Въ данномъ случаѣ разница между паденіемъ общаго азота и азота мочевины еще болѣе значительна. Общій азотъ мочи уменьшился менѣе чѣмъ на половину съ 0,7042 на 0,5059, а азотъ мочевины въ то же время опустился съ 0,6997 на 0,1214, слѣдовательно почти въ шесть разъ стало меньше. До операціи онъ составлялъ 96% общаго азота, послѣ же нея только 23%. Такимъ же образомъ измѣнилось и отношеніе азота мочевины къ валовому азоту, вмѣсто, 1:1,03 стало 1:4,16. Количество же азота экстрактивныхъ веществъ, наоборотъ, измѣнилось въ обратную сторону. Слѣдовательно результатъ такой же, какъ и въ предыдущемъ наблюденіи.

Наблюденіе № 12.

Кроликъ-самецъ, вѣситъ 1335 граммъ. Первая лапаратомія была произведена 6 іюля 1891 года. Удалены при ней pars ant. et post. lobi dextri, и pars. ant. lobi sinistri, осталась же pars post. lobi sinistri, вѣсящая около 7 граммъ.

Вторичное наблюденіе начато черезъ полъ года т. е. 5 января 1892 г. и продолжалось при нормальныхъ условіяхъ пять дней и послѣ удаленія послѣдней доли одинъ день.

Разрѣзъ былъ сдѣланъ по старому, едва замѣтному рубцу. При вскрытіи брюшной полости оказалось, что брюшина со стороны разрѣза срощена съ кишками и желудкомъ. Сращенія были настолько крѣпки, что ихъ

пришлось перерѣзать, отчего появилось довольно значительное кровотеченіе. Оставшаяся доля тоже въ нѣсколькихъ мѣстахъ была срощена съ желудкомъ и со старой культей. Поверхность доли была мутна и шероховата. Вслѣдствіе тѣхъ же сращеній дойти до второй культи, оставшейся отъ удаленія partis post. lobi dextri, не представлялось никакой возможности. Кишки между собой тоже оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ поспаяны. Вообще было замѣтно, что кроликъ послѣ первой операціи перенесъ довольно распространенный перитонитъ.

Когда доля печени была отдѣлена отъ мѣстъ прирощенія, на нее была наложена лигатура и она удалена прочь. Вѣсъ ея равнялся 27,3 грам. Слѣдовательно увеличился въ четыре раза.

Брюшная рана была зашита и наложена повязка. Кроликъ оставался лежать на спинѣ съ сильно сведенными передними конечностями и приведенной къ груди головой. Судорожныя подергиванія всего тѣла продолжались безъ перерыва. Было сдѣлано подкожное впрыскиваніе эфира и кроликъ подвергнутъ искусственному согрѣванію. Такое состояніе продолжалось около 10 часовъ. На другой день утромъ кроликъ всетаки былъ настолько слабъ, что не сидѣлъ, а полулежалъ; по временамъ появлялись подергиванія всего тѣла. Затѣмъ слабость начала усиливаться и около пяти часовъ вечера кроликъ издохъ.

Вскрытіе. Въ брюшной полости довольно значительный кровянистый эксудатъ; на петляхъ кишекъ свѣжіе кровяные сгустки. Поверхность послѣдней культи тоже покрыта кровянымъ сгусткомъ. Двѣ культи отъ первой операціи сильно сморщены и казеозно перерождены. Въ v. porta свѣжій тромбъ, въ другихъ сосудахъ не оказалось. На внутренней поверхности желудка и кишекъ масса мелкихъ кровоизліяній. Селезенка сильно увеличена и наполнена кровью.

Въ грудной полости оказался правосторонній плевритъ. Сердце пусто и мышца дрябла. Другихъ измѣненій не найдено.

Въ данномъ случаѣ произвести изслѣдованія удалось только за одни сутки. Результатъ получился совершенно аналогичный предыдущимъ. Количество азота мочевины уменьшилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ, количество же общаго азота мочи—менѣе, чѣмъ на половину. Азотъ экстрактивныхъ веществъ наоборотъ увеличился, но не пропорціонально общему азоту.

Заключеніе.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы теперь въ состояніи отвѣтить на поставленный нами же вопросъ: *продолжаетъ ли организмъ послѣ удаленія печени образовывать мочевину или нѣтъ? Несомнѣнно, что образованіе ея при этомъ прекращается, а потому присутствіе печени необходимо для образованія мочевины.* Количества выдѣляющейся мочевины стоятъ въ прямой пропорціональной зависимости отъ куска сохранившейся печеночной ткани; и чѣмъ послѣдній больше, тѣмъ скорѣе наступитъ возстановленіе нормальныхъ количествъ мочевины. На приложенныхъ кривыхъ хорошо видна, особенно въ первые дни послѣ операціи эта почти полная параллельность между кривой выдѣляющейся мочевины и кривой, изображающей ростъ оставшагося куска печени. Мы видимъ, что чѣмъ бо́льшій отсѣкается кусокъ железы, тѣмъ сильнѣе падаетъ кривая мочевины. И затѣмъ съ какой энергіей начинаетъ подниматься послѣдняя, ту же проявляетъ первая. Когда кусокъ печеночной железы настолько уже увеличился, что въ состояніи удовлетворять нуждамъ организма, то запросъ со стороны послѣдняго на дѣятельность железы уменьшается, а слѣдовательно уменьшается и импульсъ или тотъ возбудитель, благодаря которому проявляется въ элементахъ железы ихъ скрытая энергія. Въ это время, ростъ не можетъ продолжаться съ той же энергіей, почему мы и наблюдаемъ, что кривая, изображающая его, приходитъ почти къ горизонтальному направленію, а вмѣстѣ съ ней то же направленіе принимаетъ и кривая мочевины. Слѣдовательно это быстрое увеличеніе мочевины послѣ операціи нужно объяснить той страшной жизненной энергіей печеночныхъ элементовъ, каковою обладаетъ эта железа.

Вмѣсто мочевины въ тѣлѣ получается накопленіе большихъ количествъ экстрактивныхъ веществъ, въ которыхъ, по всему вѣроятію, и нужно искать предварительную ступень мочевины. Одна уже параллельность въ колебаніяхъ количествъ обоихъ этихъ веществъ указываетъ намъ на взаимную связь ихъ между собой. Но какое изъ экстрактивныхъ веществъ, и одно оно или ихъ нѣсколько играетъ здѣсь роль? это вопросъ будущаго.

Вообще слѣдуетъ сказать, что все то, что извѣстно до настоящаго времени объ обмѣнѣ веществъ въ печени, представляетъ самую незначительную часть изъ тѣхъ сложныхъ и многочисленныхъ химическихъ процессовъ, которые совершаются въ ней. Поэтому я намѣренъ продолжать работать въ томъ же направленіи и прежде всего обратить вниманіе на экстрактивныя вещества, имѣющія, по моему глубокому убѣжденію, наиболѣе тѣсную связь съ печенью и мочевиной.

Выводы.

1) Удаленіе четверти, половины и даже болѣе трехъ четвертей печени переносится животнымъ легко и даетъ самый незначительный процентъ смертности.

2) Удаленіе желчнаго пузыря, при сохраненіи ductus hepaticus нисколько, повидимому, не отражается на функціи организма животнаго.

3) Продолженіе жизни на болѣе долгій срокъ послѣ полнаго изсѣченія печени невозможно.

4) Послѣ удаленія одной или нѣсколькихъ долей печени, общее количество азота мочи падаетъ, но неравномѣрно съ количествомъ азота мочевины, такъ что отношеніе азота мочевины къ валовому азоту мочи уменьшается.

5) Количество мочевины падаетъ какъ относительно, такъ и абсолютно.

6) Количество экстрактивныхъ веществъ наоборотъ повышается, такъ что отношеніе азота экстрактивныхъ веществъ къ валовому азоту мочи тоже повышается.

7) Отношеніе азота экстрактивныхъ веществъ къ азоту мочевины повышается пропорціонально увеличенію отношенія азота экстрактивныхъ же веществъ къ валовому азоту. Слѣдовательно, паденіе количества мочевины идетъ пропорціонально увеличенію количества экстрактивныхъ веществъ.

8) Чѣмъ болѣе удаленный кусокъ печени, тѣмъ сильнѣе паденіе мочевины и при полномъ отсѣченіи паденіе весьма рѣзкое.

9) Наростаніе мочевины послѣ операціи отсѣченія идетъ особенно въ первые дни чрезвычайно быстро.

10) Образованіе мочевины несомнѣнно принадлежитъ печени.

11) Предварительные продукты мочевины слѣдуетъ искать въ экстрактивныхъ веществахъ.

Прошу глубокоуважаемаго проф. Владиміра Валеріановича Подвысоцкаго принять мою сердечную благодарность, не какъ выполненіе простаго нравственнаго обязательства, но какъ выраженіе дѣйствительно искренняго чувства за цѣнную помощь и радушіе, которыя навсегда оставятъ во мнѣ самое свѣтлое воспоминаніе о глубокоуважаемомъ Владимірѣ Валеріановичѣ, какъ о профессорѣ и человѣкѣ.

Не могу также не высказать моей искренней признательности ассистенту проф. В. В. Подвысоцкаго глубокоуважаемому доктору Ивану Григорьевичу Савченко за его помощь при выполненіи моей работы.

Литература.

1) Цитируется по книгѣ: „Traité pratique de maladies du foie". 1862 г. Aug Bonnet.
2) l. c.
3) l. c.
4) l. c.
5) Основы Физіологіи человѣка Beaunis. 1881 г.
6) Revue des cours scientifiques 1872 г. Cl. Bernard.
7) Курсъ Общей Патологіи. Пашутинъ, 1885 г.
8) Zeitsch. f. physiolog. Chemie. Hofmeister, 1881 г.
9) l. c.
10) Arch. f. exper. Pathol. und Pharmak. Bd. XVI. Schröder.
11) Action du foie sur les poisons. Paris. Roger.
12) Lehrbuch der physiolog. und patholog. Chemie. Bunge, 1887 г.
13) Лекціи Общей Патологіи, ч. II, 81 г. Пашутинъ.
14) Progrés medical. 1876 г. Fourcroy et Vauquelin.
15) Annales de chemie et de physique thXXII. Prevost et Dumas.
16) Traité pratique de maladies du foie. 1862 г. Frerichs.
17) Arch. de Physiologie normale et pathologique. 1876 г. Bouchardat.
18) Traïté de la glucosurie. 1875 г. Bouchardat.
19) Arch. de Physiologie normale et pathologique. 1876 г. Brouardel.
20) Klinik d. Leberkrankheiten. 1858 г. Frerichs.
21) Цитируется по книгѣ Murchison'a. Parkes.
22) l. c.
23) Essai sur les variations de l'urée. Thèse de Paris, 1874 г. Fouilhoux.
24) De l'urine. Paris, 1875 г., Harley.
25) Charitè Annal. Bd. XV. Schultzen et Riess.

26) Zeitschr. f. Biologie, Bd. VII., 1871 г. Bauer.
27) Arch. de Physiologie normale et pathol., 1876 г. Lecorché.
28) О нѣкоторыхъ неописанныхъ еще патологическихъ измѣненіяхъ въ печени при остромъ отравленіи фосфоромъ и мышьякомъ въ связи съ гематогенно вызваннымъ разрушеніемъ и возрожденіемъ небольшихъ участковъ печеночной ткани, 1887 г. Подвысоцкій.
29) Bull. de la Société Anatomique. 1887 г. Prus.
30) Beiträge z. patholog Anat. und z. allgem. Pathologie. Bd. II., 1888 г. Ziegler u. Obolonsky.
31) Zeitschr. f. Heillk., Bd. XI, 1890 г. Pick.
32) „Ueber Regener. des Schilddrüsengewebes". Arch., Virch. 117. Ribbert
33) Centralbl. allgem. Pathologie, Bd. I., 1890 г. Gianturco n. Stampachia.
34) Arch. R. Virch. Bd. 127. Heft. 3. Волковъ.
35) „Contributions a l'étude anatomique des différentes formes de la cirrhose du foie". Arch. de Physiologie normale et pathol. 1876 г. Charcot.
36) l. c.
37) Цитировано по книгѣ Brouardel'я: „L'urée et le foie". Arch. de Physiol. norm. et pathol. 1876 г.
38) l. c.
39) l. c.
40) l. c.
41) Цитировано по работѣ Fouilhoux.
42) l. c.
43) l. c.
44) l. c.
45) Arch. f. exp Pathol und. Pharmak., Bd. X. Hallervorden.
46) Deutsch. Arch. f. klin. Med., Bd. XXXII. Stadelmann.
47) Arch. f. exp. Pathol. und. Pharmak., Bd. XIV, 1885 г. Schmiedeberg.
48) Азотистый метаморфозъ при циррозѣ печени. Дис., 1888 г. Фавицкій.
49) Arch. f. exp. Pathol und Pharmak. Bd. XXXI, H. I, 1892 г. Weintraud.
50) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XII. Coranda.
51) Bull. Soc. Chim., t. XVII. Daremberg.
52) De l'urine chez les hydropiques qui ne sant point atteints d'albuminurie. Paris, 1873 г. Torteil.
53) Цитировано по работѣ Meisner'a - Zeitschr. f. rat. Medicin, Bd. XXXI, 1868 г.

54) Thése de Paris, 1874 г. Fouilhoux.
55) l. c.
56) Цитирована выше. Brouardel.
57) Progrès medical. 1876 г. Charcot.
58) Цитировано по работѣ Brouardel'я: Ach. de physiol. normale et pathol., 1876 г. Ollivier.
59) Maladies par balentissement de la nutrition, 1885 г. Bouchard.
60) On Fuctional derangements of. the liver, 1874 г. Murchison.
61) Цитировано по книгѣ Charcot. Hanot.
62) Цитировано по книгѣ Brouardel'я. Genevoix.
63) l. c.
64) Arch. f. Pharmacie, Bd. 100. Schmeisser.
65) Etude sur les maladies du foie. 1888 г. Hanot et Gilbert.
66) Цитировано по работѣ Шапиро, Врачъ, 1890 г. Semmola.
67) Le progres med. №№ 44, 46, 49, 50, 1880 г. Kelsch.
68) „Ueber Veränderungen des Leberparenchym's bei dauerndem Verschluss bei d. choledochus." Med. Jahrbüch., Wien, 1872 г. Mayer.
69) Arch. de phis. norm. et pathol., 1876 г. Charcot et Gombault.
70) Arch. de Biologie, t. VII. Lahouse.
71) Bull. de la Société Anatomique, 1887 г. Toupet.
72) Варшавскія Университ. Извѣстія, № 7, 8 и 9 1889 г. Рупертъ.
73) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XXVIII. 1890 г. Steinhaus.
74) Beiträge zur patholog. Anat. und allgem. Pathologie, Bd. XI Heft. 3., 1892 г. Яновскій.
75) Азотистый метаморфозъ при желтухѣ. Дис.,Спб.,1883 г.Вилижанинъ.
76) Reflexions sur la question des rapports de l'urée avec le foie. Paris, 1877 г. Martin.
77) Etude sur la cause de variations de l'urée dans quelques maladies du foie. Thése de Paris, 1879 г. Valmont.
78) Къ вопросу о лѣченіи брюшной водянки при циррозѣ печени Копайской смолой и бальзамомъ. Кіевъ 1892 г. Георгіевскій.
79) Цитировано по Voit'y-Zeitschr. f. Biologie, Bd. IV, 1868 г. Nisten.
80) l. c.
81) l. c
82) l. c.
83) Annal. de Chim. et de Physique. t. 23, 1823 г. Prevost et Dumas.
84) Journal de Physiologie, t. II. Vauquelin et Segalas.

85) Zeitschr. f. Physiologie, Bd. V. Mitscherlich.
86) l. c.
87) l. c.
88) Arch. f. physiolog. Heilkunde. 1850 г. Stannius u. Scheven.
89) l. c.
90) Arch. gen. de medic. t. 13 1874 г. Cl. Bernard et Berreswil.
91) Zeitschr. f. Biologie, Bd. IV. 1868. Voit. Hammond.
92) Arch. Virch, Bd. XXI., 1861 г. Oppler.
93) Berlin. Klin. Wochenschr., 1868. и Zeitschr. f. Biologie, Bd. IV, 1868 г. Perls.
94) Arch. Virch Bd. XXV 1862 г. Петровъ.
95) Zeitschr. f. Biologie Bd. IV 1868 г. Voit.
96) l. c.
97) Untersuchungen über den urämischen Process und die Function der Niere, 1865 г. Залѣсскій.
98) Zeitschr. f. rat. Med., Bd. XXVIII, 1866 г. Субботинъ.
99) Sitz. Berich. d. k. Akad. d. Wiss. zu Wien. Bd. 36—45. Hermann.
100) Zeitsch. f. rat. Med., Bd. IV, 1854 г. Goll.
101) Ueber Betheiligung der Nieren ander Harnstoffbildung. Centralbl., 1861 г. Rosenstein.
102) Zeitschr. f. rat. Med., Bd. XXVI, 1868. Meisner.
103) Zeitsch. f. Biologie, Bd. IV, 1868. Voit. Oerthel.
104) l. c.
105) Recherches sur l'urée du sang. Comptes rendus. 1876. Sur les phenomens consécutifs à la ligature de la vien cave inférieure au dessus du foie. Comptes rendus, 1880. Picard.
106) Journal d l'Anatomie et de la Physiologie, Bd. XX, 1884. Grehant.
107) Arch. Virch, Bd. 97. Salomon.
108) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XV, 1882. Schröder.
109) Leçons sur les propriétés physiologiques des liquides de l'orgnanisme, 1859 г. Cl. Bernard.
110) Rech. sur l'urée des organes, Comptes rendus, t. 78, 1878 г. Picard.
111) Maladies du foie, 1890 г. Harley.
112) Цитировано выше. Cl. Bernard.
113) Comptes rendus de l'Acad. d. Sciences, 1869 г. Wurtz.
114) Zeitschr. f. Biol., Bd. IV, 1868 г. Picard u. Voit.
115) Arch. f. physiol Heilk., 1855 г. Ludwig u. Fürher.

116) „Beitr. zur Transfusion“ — Deutsch. Zeit. f. Chir, 1878 г. Landois.
117) Цитировано по работѣ Meisner'a - Zeitschr. f. rat. Med., Bd. XXXI, 1868 г. Hyensius.
118) l. c.
119) Zeitschr. f. rat. Med., Bd. XXIV, XXVI и XXXI. Meisner.
120) Comptes rendus de l'Acad. d. Sc., 1859 г. Gobley et Poiseuille.
121) Journ. d. l'Anat. et d. la Physiol., Bd. XX, 1884 г. Grehant et Quinquaud.
122) Centralbl. f. d. m. Wiss., 1870 г. Cyon.
123) Цитировано по работѣ Meisner'a. Gschleiden.
124) Arch. f. Physologie, Bd. XI, 1875 г. Munk.
125) Цитировано по работѣ Фавицкаго. Goglio.
126) Zeitschr. f. Physiol., Bd. XIII, 1877; см. раб. Flügge. Lemahn.
127) Petersb. med. Wochenschr., 1879 г. Стольниковъ.
128) Deutsch. Arch. f. klin. Med., 1878 г. Glax.
129) Врачъ, 1880 г., № 2. Сигристъ.
130) Comptes rendus d. l'Acad. d. Sc., t. CV. Ghehant et Mislawsky.
131) Врачъ, 1887 г., № 42. Вальтеръ.
132) Arch. Virch. Bd. 97. Salomon.
133) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XXI, 1886 г. Minkowsky.
134) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmah., Bd. XV, 1882 г. Schröder.
135) Arch. f. Physiol., Bd. XIII, 1877 г. Knieriem.
136) Arch. f. exp. Pathol, und Pharmak., Bd. XIX, 1885 г. Schröder.
137) l. c.
138) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XXXI, 1892 г. Weintraud.
139) Arch. f. exp. Pathol. und Pharmak., Bd. XXI. Coranda.
140) Physiolog. Chemie. Hoppe-Seyler.
141) Zeitschr. f. phys. Chemie, Bd. VIII, 1884 г. Cassel.
142) Упрощенный азотометрическій способъ опредѣленія мочевины и азота. Отд. от., 1886 г. Бородинъ.

Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и Психологической школы.

(1881—1893).

(Продолженіе).

XXIX. Дѣйствіе гипнотическихъ опытовъ на здоровье. Съ вопросомъ о гипнотерапіи тѣсно связанъ другой—о дѣйствіи гипнотическихъ опытовъ на здоровье.

По ученію послѣдователей Шарко, гипнотическіе эксперименты бываютъ безопасны въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ производятъ опытные врачи надъ невропатическими субъектами, и не безвредны въ тѣхъ, когда искусство усыплять пробуютъ неопытные врачи надъ здоровыми лицами.

„Нѣкоторыя лица (говоритъ Рише) утверждаютъ, что гипнотизмъ можетъ сдѣлаться опаснымъ и повлечь для здоровья загипнотизованныхъ субъектовъ самыя тяжелыя послѣдствія. Здѣсь необходимо различіе. Когда опыты производятся надъ субъектами молодыми и здоровыми и при томъ безъ мѣры, то разумѣется можно опасаться, что они могутъ способствовать раскрытію нѣкоторыхъ невропатическихъ предрасположеній, до тѣхъ поръ скрытыхъ, и что мгновенное состояніе умственнаго неравновѣсія, характеризующее нѣкоторыя фазы гипнотизма, можетъ остаться и сдѣлаться даже постояннымъ. Но если мы обратимся къ организму уже утратившему равновѣсіе, явно пораженному предрасположеніемъ къ нервнымъ состояніямъ, какъ это

мы всегда дѣлали, избирал въ качествѣ субъектовъ больныхъ тяжелой истеріей, то этой опасности нечего больше бояться. Впрочемъ, мы можемъ утверждать, что по крайней мѣрѣ въ рукахъ лицъ опытныхъ и свѣдущихъ опыты съ гипнотизмомъ не связаны ни съ какимъ неудобствомъ, а тѣмъ менѣе съ опасностью для субъектовъ“ [1]).

Въ числѣ несчастныхъ послѣдствій, вызываемыхъ гипнотическими опытами, Шарко съ послѣдователями приводятъ случаи истеріи, болѣзненной сонливости, неестественнаго влеченія къ свѣтлымъ предметамъ, помѣшательства [2]) и пр. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ нами уже были приведены [3]).

На взглядъ школы Нанси, гипнотическіе опыты, при умѣломъ пользованіи ими, вообще безвредны какъ для здоровыхъ, такъ и больныхъ [4]).

Тѣмъ не менѣе и Бернгеймъ признаетъ возможность дурныхъ послѣдствій [5]):

1) Нѣкоторые субъекты послѣ ряда усыпленій сохраняютъ предрасположеніе къ быстрому невольному сну. Одни не успѣваютъ еще проснуться, какъ опять сами собою засыпаютъ гипнотическимъ сномъ. Другіе такимъ же образомъ засыпаютъ въ теченіе дня.

2) Иные вслѣдствіе частаго приведенія въ сомнабулизмъ становятся на столько воспріимчивыми къ гипнозу, что въ это состояніе ихъ можетъ привести всякій встрѣчный, при томъ легко и внезапно, простымъ закрытіемъ ихъ глазъ.

3) У нѣкоторыхъ лицъ частый вызовъ галлюцинацій во время гипнотизма порождаетъ воспріимчивость къ внушеніямъ и галлюцинаціямъ въ бодрственномъ состояніи. Ихъ мозгъ съ крайней легкостью реализуетъ всѣ влагаемыя въ него конценціи: у нихъ всякая идея осуществляется, всякій вызванный образъ становится реальностью; они болѣе не различаютъ реальнаго міра отъ воображаемаго, созданнаго внушеніемъ.

---

[1]) p. 794.

[2]) Gilles de la Tourette, L'Hypnotisme, pp. 440—450. 566—579. Pitres, Leçons cliniques, II, pp. 361—378.

[3]) Выше, стр. 226—228.

[4]) Bernheim, De la Suggestion, p. 586.

[5]) pp. 587—591.

Впрочемъ, изъ этихъ болѣзненныхъ явленій только послѣднее, по Бернгейму, можетъ служить дѣйствительнымъ противопоказаніемъ.

Склонность къ самопроизвольному усыпленію легко уступаетъ дѣйствію внушенія. „Достаточно завѣрить субъекта во время его сна, что какъ скоро онъ проснется, его пробужденіе будетъ полнымъ и что онъ не будетъ способенъ заснуть внезапно въ теченіе дня, чтобы предотвратить эту склонность къ невольному сну".

Опасность быть невольно загипнотизованнымъ устраняется внушеніемъ, что субъекта можетъ загипнотизовать только его врачъ. „Если мы замѣчаемъ у нашихъ сомнамбулъ подобное предрасположеніе, то не забываемъ настаивать во время ихъ сна—и отъ этого правила отступать не слѣдуетъ—что „Никто не можетъ васъ усыпить кромѣ вашего врача съ цѣлью васъ облегчить". Субъектъ, послушный этому приказанію, остается непокорнымъ всякому постороннему внушенію".

За то, „какъ скоро появляется крайняя воспріимчивость къ галлюцинаціямъ, она становится нервною болѣзнью, которую не всегда легко устранить или облегчить новымъ вмѣшательствомъ внушенія".

Но „слѣдуетъ ли (оговаривается Бернгеймъ) изгонять вещь, которая можетъ быть полезной, изъ за того, что злоупотребленіе этой вещью можетъ быть вреднымъ? Въ такомъ случаѣ нужно было бы изгнать вино, алкоголь, опій, хину, такъ какъ неумѣренное или несвоевременное употребленіе этихъ веществъ можетъ повести къ дурнымъ случайностямъ. Несомнѣнно, что внушеніе въ рукахъ безчестныхъ или неумѣлыхъ людей—пріемъ опасный. Для предупрежденія злоупотребленій долженъ вступиться законъ".

Вопросъ пока еще далеко не исчерпанъ. Нѣкоторые авторы, съ Дельбефомъ во главѣ [1]) продолжаютъ ратовать за свободу гипнотическихъ экспериментовъ. Но изъ всего, что до сихъ поръ поэтому вопросу выяснено, слѣдуетъ несомнѣнно, что *лица, незнакомыя съ медициной, ни въ какомъ случаѣ не должны приступать къ гипнотическимъ опытамъ, что занятіе этими опытами ради забавы должно быть безусловно устранено и что для лѣченія гипнотизмомъ слѣдуетъ обращаться только къ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ врачамъ.*

---

[1]) L'Hypnotisme et la liberté des representations publiques. Le Magnétisme animal etc. См выше, стр. 12.

Какъ уже было упомянуто, въ настоящее время почти во всей Европѣ признано необходимымъ обставить гипнотическую практику правительственными регламентаціями [1]).

XXX. Примѣненіе гипнотизма къ педіатріи и педагогіи. Возможность пользоваться гипнотизмомъ въ общей терапіи навела на мысль испробовать его спеціальное примѣненіе къ педіатріи и педагогіи. Современное положеніе этого вопроса всего лучше видно изъ заключеній, предложенныхъ Бериллiономъ на обсужденіе перваго международнаго гипнотическаго конгресса, собравшагося въ 1889 году въ Парижѣ, и принятыхъ имъ единогласно.

„Наши личныя наблюденія (говоритъ этотъ авторъ), согласныя съ наблюденіями... Бернгейма, Льебо, Огюста Вуазена, Ванъ-Рентергема, Ванъ Ейдена, Ладама, Йонга, Веттерстранда, Молля, Герреро, насъ уполномочиваютъ формулировать слѣдующіе выводы:

1. Внушеніе, разумно употребляемое опытными и свѣдущими врачами, представляетъ собою терапевтическій агентъ, допускающій часто полезное примѣненіе къ педіатріи.

2. Болѣзни, въ которыхъ дѣйствіе внушенія на дѣтей установлено строго провѣренными фактами, слѣдующія: *ночное недержаніе мочи; ночное и дневное недержаніе испражненій; нервный тикъ; картавость; ночной страхъ; ритмическая витова пляска; неотразимый онанизмъ; судороги вѣкъ; конвульсивные припадки истеріи; чисто функціональныя разстройства нервной системы.*

3. Внушеніе до сихъ поръ не дало замѣтныхъ результатовъ при пользованіи *идіотіи, кретинизма, глухонѣмоты* [2]).

4. Внушеніе, разсматриваемое съ педагогической точки зрѣнія, служитъ прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ при воспитаніи порочныхъ или выродившихся дѣтей.

5. Примѣненіе внушенія должно быть прибережено для тѣхъ случаевъ, когда педагоги признаютъ свою полную немощь. Оно въ особенности пригодно для противодѣйствія *порочнымъ инстинктамъ, привычкѣ лгать, жестокости, привычкѣ красть, застарѣлой лѣни, нечистоплотности, непослушанію, малодушію.*

---

[1]) Gilles de la Tourette, L'Hypnotisme, pp. 440—486, 566—579. Premier Congrès International etc., pp. 28—56.

[2]) См. однако выше, стр. 243—244.

6. Одинъ только врачъ можетъ быть судьею того, насколько умѣстно примѣненіе внушенія противъ тѣхъ умственныхъ обнаруженій, которыя зависятъ отъ дѣйствительнаго патологическаго состоянія, *по большей части наслѣдственнаго*, и ни въ какомъ случаѣ нельзя совѣтовать пользоваться внушеніемъ, если дитя способно къ исправленію обычными воспитательными пріемами"[1]).

Изъ всѣхъ этихъ выводовъ самый главный тотъ, что *примѣненіе гипнотизма къ педагогіи дѣло врача, а не педагога.*

Примѣрами гипнотической педіатріи и педагогіи могутъ служить наблюденія у *Льебо*, Thérapeutique Suggestive, pp. 113—127. 140—141. 151. 153—159. 182—183. 256—267, и *Кюллера*, La Thérapeutique suggestive, pp. 288—315. Подобныя же наблюденія у Бернгейма, Веттерстранда и другихъ. Болѣе подробныя указанія по этому вопросу въ статьѣ Берилліона, откуда нами заимствованы приведенныя выше заключенія. Заслуживаютъ также вниманія наблюденія Льебо надъ отраженіемъ на дѣтяхъ идей, занимающихъ беременныхъ[2]).

XXXI. Гипнотизмъ и отвѣтственность. Порождаемый внушеніемъ психическій автоматизмъ выдвинулъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отвѣтственны гипнотики въ случаѣ совершенія ими преступныхъ дѣяній.

По этому вопросу нѣтъ согласія ни между послѣдователями Шарко, ни между послѣдователями Психологической школы.

Главные представители этой послѣдней, Льебо, Бернгеймъ, Бони, Льежуа, убѣждены, что загипнотизованные за рѣдкими исключеніями становятся слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ гипнотизера и совершаютъ внушенныя преступленія съ такой же „роковой необходимостью", съ какой брошенный камень падаетъ на землю. Льежуа въ объемистомъ спеціальномъ трудѣ по этому вопросу приводитъ богатый матеріалъ различнаго рода „экспериментальныхъ преступленій", начиная съ ложныхъ показаній и кончая убійствами.

Безотвѣтная покорность человѣческаго рода, взятаго въ цѣломъ, внушеніямъ для этихъ авторовъ такой достовѣрный фактъ, что они

---

[1]) Premier Congrès International de l'Hypnotisme, etc., pp. 176—178.

[2]) Le Sommeil etc., pp. 166—187.

на этомъ основаніи не колеблясь объявляютъ свободу воли за призракъ [1]).

Такого же мнѣнія держатся въ общихъ чертахъ и большинство послѣдователей Шарко—П. Рише, Бине и Фере, Люисъ, Кюллеръ, Дюмонпаллье [2]) и другіе.

Иначе смотрятъ на дѣло Дельбефъ (Психологической школы) и Бруардель, Жилль де ла Туреттъ, Питръ (школы Шарко).

На взглядъ этихъ авторовъ, гипнотики бываютъ безусловно покорны внушенію лишь въ томъ случаѣ, когда оно имъ пріятно или же, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ ихъ нравственной природѣ. Кто способенъ совершить преступленіе въ гипнотизмѣ, тотъ могъ бы его совершить и на яву [3]).

Но какъ примирить съ этимъ то, что „экспериментальныя преступленія“ совершаются такими лицами, въ которыхъ невозможно заподозрить предрасположенія къ злодѣяніямъ?

На этотъ вопросъ Жилль де ла Туреттъ отвѣчаетъ, что „экспериментальныя преступленія“ не могутъ служить противопоказаніемъ, такъ какъ они „не выходятъ изъ стѣнъ лабораторіи“, и субъекты отлично сознаютъ это [4]). Субъектъ знаетъ, что его дѣяніе не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій ни для него самого, ни для объекта дѣянія, а потому и совершаетъ его. Въ дѣйствительной жизни до сихъ поръ не было установлено ни одного преступнаго факта, вызваннаго внушеніемъ. Загипнотизованныя лица, несомнѣнно, бы-

---

[1]) Liebeault, Le Sommeil etc., pp. 145—146 и письмо у Liegeois, De la Suggestion etc., pp. 645—648. Bernheim, De la Suggestion, pp. 235—241; Hypnotisme, pp. 138—164. Beaunis, Le Somnambulisme provoqué, pp. 182—209. Liegeois, De la Suggestion etc., pp. 601—667; Premier Congrès International de l'Hypnotisme, pp. 244—278; Hypnotisme et criminalité, Revue philosophique, 1892, pp. 233—272. Также Bonjean, L'Hypnotisme, pp. 131—260. Менѣе рѣшительно Forel, Der Hypnotismus, pp. 141—159.

[2]) P. Richer, Études cliniques etc., pp. 754—756. Выше, стр. 171. Binet et Féré, Le Magnétisme animal, pp. 212—213. 271—283. Luys, Leçons cliniques etc., pp. 187—227. Cullere, Magnétisme et Hypnotisme, pp. 281—293. О Дюмонпаллье у Foveau de Courmelles, L'Hypnotisme, p. 190.

[3]) Delboeuf, L'Hypnotisme et la liberté des representations publiques, p. 48; On Criminal Suggestion, The Monist, 1892, pp. 363—385. Brouardel, Gazette des Hôpitaux, 8 nov. 1887, p. 1125. Gilles de la Tourette, Hypnotisme, pp. 129—145. 487—528. 553—566. Premier Congrès etc. ук. м. Pitres, Leçons cliniques, II, pp. 181—193.

[4]) p. 362.

ваютъ жертвой преступленій, но эти преступленія ограничиваются исключительно насиліями надъ женщинами. „Если поэтому гипнотизмъ и можетъ быть причиной и поводомъ для большихъ несчастій, то эти послѣднія не кроются во внушеніяхъ“ [1]).

Эти объясненія находятъ справедливый отпоръ у Льежуа. Разсуждать такъ, какъ Жилль де ла Туреттъ, значитъ всѣ вообще опыты съ внушеніями признать за комедіи, разыгрываемыя субъектами въ угоду экспериментатору. Подобное разсужденіе въ устахъ этого автора тѣмъ страннѣе, что онъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ признаетъ безусловную реальность гипнотическихъ явленій и даже умѣетъ, когда нужно, вызывать „лабараторныя“ преступленія съ такимъ искусствомъ, что ни присутствующіе, ни, повидимому, онъ самъ не сомнѣвается въ ихъ правдивости. По крайней мѣрѣ мы слышимъ отъ него самого, что извѣстный романистъ Жюль Кларети былъ вдохновленъ *его* опытами для романа Jean Mornas [2]).

„Что обозначаетъ эта комедія? (спрашиваетъ Льежуа). И думалъли Жилль де ла Туреттъ, что разыгрываетъ комедію, когда предъ Ж. Кларети заставилъ пансіонерку изъ Салпетріера отравить своего друга? Предупредилъ ли онъ почтеннаго писателя, что все это не серьезно, что *никогда* ничего подобнаго не можетъ произойти *„внѣ лабораторіи“*? Боюсь, что онъ опустилъ эту оговорку, такъ какъ мнѣ кажется, что Ж. Кларети остерегся бы ссылаться на маленькую разыгранную передъ нимъ комедію, для доказательства важныхъ заключеній, къ которымъ онъ пришелъ въ посвященной этому вопросу статьѣ“ [3]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ вопросѣ оба направленія отступаютъ отъ принциповъ своей школы. Тогда какъ по ученію школы Шарко гипнотики бываютъ автоматами во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, они на взглядъ выше названныхъ ея послѣдователей при преступныхъ внушеніяхъ сохраняютъ свободу воли, и, между тѣмъ какъ для школы Нанси гипнотики не утрачиваютъ сознанія ни въ одной фазѣ гипнотизма, они въ глазахъ большинства послѣдователей этой

---

[1]) Hypnotisme, p. 382.

[2]) p. 133.

[3]) De la Suggestion, p. 637.

школы оказываются совершенными автоматами при преступныхъ внушеніяхъ.

Принципіально въ вопросѣ объ отвѣтственности нельзя не согласиться съ тѣми, кто настаиваетъ на автоматизмѣ гипнотическихъ дѣяній, такъ какъ иначе придется отвергнуть какъ нереальныя всѣ явленія внушенія, подлинность которыхъ однако удостовѣрена. Но нельзя не признать съ Жилль де ла Туреттомъ, что опасность для общественнаго спокойствія отъ гипнотизма представителями этого взгляда, въ особенности Льежуа, сильно преувеличена. Жилль де ла Туреттъ вполнѣ правъ, что до сихъ поръ въ дѣйствительной жизни не удостовѣрено ни одного преступленія, вызваннаго внушеніемъ. Что такія преступленія возможны, теоретически нельзя сомнѣваться. Но на практикѣ возможность ихъ обставлена значительными затрудненіями. Необходимо что бы внушающій былъ опытнымъ гипнотизеромъ, а получающій внушеніе—хорошимъ сомнамбуломъ, способнымъ исполнять внушенія въ опредѣленный срокъ. То и другое вмѣстѣ встрѣчается не часто.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время всѣми вообще гипнотизерами принято за правило гипнотизовать и дѣлать внушенія *только при свидѣтеляхъ.*

Эта предосторожность особенно необходима при гипнотизованіи женщинъ, надъ которыми случаи насилія въ глубокомъ гипнозѣ не рѣдки. Сводъ этихъ случаевъ въ спеціальныхъ трудахъ Льежуа и Жилль де ла Туретта. Мы ограничимся однимъ, наиболѣе выдающимся и интереснымъ для характеристики гипнотическихъ явленій.

„31 марта 1865 года около шести часовъ вечера неизвѣстный человѣкъ 25 лѣтъ, безобразный, плохо одѣтый, съ длинными черными волосами и запущенной бородой, вдобавокъ хромоногій, явился въ поселкѣ Гулли (округа Солліе Фарлида въ Варѣ), возлѣ дверей избы, гдѣ жилъ крестьянинъ Гюгъ съ двумя дѣтьми, 15 лѣтнимъ сыномъ и дочерью Жозефиной 25 лѣтъ. Этотъ человѣкъ, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Кастеллана Тимоѳея, былъ прежде работникомъ на пробочной фабрикѣ, но вслѣдствіе поврежденія руки оставилъ это ремесло и сдѣлался бродягой, при чемъ выдавалъ себя за знахаря, магнитизера, а иногда даже за колдуна. Впрочемъ, онъ былъ неизвѣстенъ въ поселкѣ. Онъ объяснялся жестами, такъ какъ притворялся глухонѣмымъ.

Изъ сожалѣнія къ его бѣдности, его позвали къ обѣду, во время котораго замѣтили, что онъ употребляетъ какіе то странные пріемы, между прочимъ не наполняетъ стакана иначе, какъ въ три раза, и пьетъ лишь послѣ того, какъ перекреститъ нѣсколько разъ стаканъ и самого себя.

Вечеромъ приходятъ побуждаемые любопытствомъ сосѣди. Тогда происходитъ смѣшная сцена. При помощи карандаша и тетради завязывается на половину политическій, на половину религіозный разговоръ между мнимо глухонѣмымъ и присутствующими, на которыхъ производятъ впечатлѣніе таинственные пріемы незнакомца. Наконецъ, его отправляютъ на сѣновалъ для ночлега. Жозефина впослѣдствіи объявила, что она въ этотъ вечеръ была поражена необъяснимымъ ужасомъ и легла спать одѣтой. Ночь однако прошла безъ приключеній. На слѣдующее утро братъ Жозефины вышелъ раньше всѣхъ, а отецъ пригласилъ Кастеллана закусить и затѣмъ, такъ какъ нужно было идти на работу, они вышли оба около семи часовъ.

Нѣсколько минутъ спустя, нищій возвращается одинъ и застаетъ Жозефину за домашними занятіями. Онъ садится возлѣ печки. Въ теченіи утра заглядываютъ кое кто изъ сосѣдей. Одинъ изъ нихъ, принесшій яицъ для того, кого крестьянское легковѣріе уже признало святымъ, приходилъ даже два раза. Въ первый разъ онъ не замѣтилъ ничего особеннаго; только Жозефина жаловалась на головную боль. Въ другой разъ, немного раньше полудня, при входѣ онъ увидалъ, что Кастелланъ сзади спины Жозефины, нагнувшейся надъ чугуномъ, проводитъ рукою круги. Жозефина, явно испытывала нѣкоторое страданіе; ея глаза выражали безпокойство, лицо было возбуждено, присутствіе свидѣтеля было повидимому ей пріятно; она, казалось, стѣснялась оставаться наединѣ съ незнакомцемъ. Наконецъ, къ полудню они остались одни.

Что произошло, начиная съ этого момента до четырехъ часовъ вечера, извѣстно лишь изъ довольно неопредѣленныхъ показаній Жозефины; отвѣты Кастеллана при допросѣ оказались въ противорѣчіи съ показаніями, данными имъ нѣкоторымъ свидѣтелямъ. Около полудня она, побуждаемая, по ея словамъ, чувствомъ состраданія, пригласила Кастеллана съ собою обѣдать. Онъ согласился и сѣлъ противъ нея. Она взяла ложку бобовъ, но въ то время какъ подносила ее къ губамъ, Кастелланъ, сложивъ большой палецъ съ указательнымъ, сдѣлалъ

жестъ будто бросаетъ что то въ ложку, хотя она и не видала, что бы туда что нибудь упало. Прежде чѣмъ она могла проглотить вторую ложку, она вдругъ почувствовала, что падаетъ въ обморокъ. Съ этого мгновенія ея воспоминанія становятся смутными. Когда она пришла въ себя, послѣ того какъ Кастелланъ ее вспрыснулъ холодной водой, она направилась къ двери, но упала снова въ обморокъ, прежде чѣмъ могла подойти къ ней. Тогда Кастелланъ ее схватилъ, потащилъ въ ея комнату, положилъ на постель и удовлетворилъ свою скотскую страсть. Она утверждаетъ, что сознавала все, что̀ произошло, но не могла противиться. У нея даже не хватало силы ударить въ стѣну, хотя этого было бы достаточно, чтобы привлечь сосѣдей. Одна изъ ея родственницъ толкнулась въ дверь комнаты; Жозефина узнала голосъ, но не могла отвѣчать. Она не помнитъ, возобновлялъ ли Кастелланъ надъ нею свои дѣйствія нѣсколько разъ, но ей кажется, что ее били, хотя и не можетъ сказать, за что̀.

Она не знаетъ и того, приказывалъ-ли ей Кастелланъ слѣдовать за нимъ, хотя и была убѣждена, что ее къ этому понуждаетъ неодолимая сила.

Какъ бы то ни было, около четырехъ часовъ они уходятъ изъ поселка вмѣстѣ, къ большому изумленію сосѣдей, которымъ растерянный видъ Жозефины внушалъ состраданіе, и которые не могли понять, какимъ образомъ молодая дѣвушка, съ незапятнаннымъ до тѣхъ поръ прошлымъ, могла уйти съ такимъ отвратительнымъ нищимъ.

Она ушла въ обыкновенномъ рабочемъ платьѣ, обращаясь ко всѣмъ встрѣчнымъ съ безсвязными словами, въ родѣ того, что она слѣдуетъ за Богомъ и т. д. Кастелланъ увѣряетъ, что по пути, согласно мѣстному обычаю, она о своемъ добровольномъ уходѣ заявила двумъ свидѣтелямъ, но свидѣтели эти не были найдены.

Пара направляется къ сосѣдней деревнѣ. Первую ночь имъ даютъ переночевать на сѣновалѣ. На другой день утромъ они уходятъ, блуждаютъ цѣлый день по лѣсу, гдѣ Жозефина, по ея словамъ два раза падала въ тѣ обмороки, которые у нея вызывались пріемами Кастеллана, а къ вечеру приходятъ въ Коллобріеръ. Здѣсь они ночуютъ на одной фермѣ. Жозефина ложится спать съ хозяйкой, а ея обольститель съ мужемъ послѣдней.

Показанія этихъ хозяевъ, пріютившихъ ихъ въ теченіи двухъ ночей, не содержатъ ничего интереснаго. Жозефина то краснѣла отъ

ложнаго положенія, то въ оправданіе ссылалась на испытываемое ею принужденіе.

На третьи сутки они приходятъ въ поселокъ Каппельлюдъ. Здѣсь изобилуютъ подробности. Они входятъ въ домъ крестьянина Кондроайе. Сосѣди сбѣгаются толпой. Жозефина проводитъ день то въ экзальтаціи, то сравнительно спокойно. Порой она расточаетъ Кастеллану знаки страстной привязанности, примѣшивая къ ласкамъ безсвязныя фразы, въ которыхъ на каждомъ шагу встрѣчаются слова *цвѣты*, *души*, *Богъ* и т. д.; порой, наоборотъ, его отталкиваетъ и обнаруживаетъ къ нему самое глубокое отвращеніе. Она постоянно тревожится мыслью, что ее могутъ принять за потаскушку.

„Самая сильная, самая стойкая женщина не устояла-бы", повторяла она неоднократно.

Вечеромъ она выражаетъ желаніе лечь спать съ дѣвушкой въ сосѣднемъ домѣ. Кастелланъ не дозволяетъ ей уйти. Что бы побѣдить ея сопротивленіе, онъ дѣлаетъ нѣсколько странныхъ знаковъ; свидѣтели удостовѣряютъ, что онъ слегка дотрогивался до нея выше бедра и до ея лба. Она тотчасъ же падаетъ безъ чувствъ въ его руки и остается такимъ образомъ безъ движенія около трехъ четвертей часа. Тогда онъ заставляетъ ее въ этомъ положеніи подняться по лѣстницѣ въ 15 ступеней, держа ее подмышками и подталкивая ея ноги своими колѣнами. Въ то же время онъ ее заставляетъ считать громкимъ голосомъ число ступеней. „Хотите я ее заставлю смѣяться?" сказалъ онъ одному изъ присутствующихъ, и тотчасъ же она разразилась громкимъ, безумнымъ смѣхомъ. Одинъ изъ сосѣдей помогаетъ ее раздѣть, снимаетъ у нея чулки и, пораженный ея безчувственностью, сильно щекочетъ подошвы, не производя однако никакого дѣйствія. Что бы привести ее въ себя, Кастелланъ даетъ ей три здоровыхъ пощечины: она тотчасъ же пробуждается и не только не обнаруживаетъ никакой боли, но даже повидимому, наоборотъ, испытываетъ чрезвычайное блаженство. Наконецъ, ихъ оставляютъ вдвоемъ.

Въ теченіе ночи изъ ихъ комнаты слышится необыкновенный шумъ. Кондроайе вооружается палкой и приказываетъ Кастеллану выдти. Тотъ въ свою очередь велитъ Жозефинѣ за собою слѣдовать. „Я не выду, отвѣчаетъ она, хотя бы меня выгоняли отсюда палками".

На другой день утромъ Жозефина сходитъ первая въ очень замѣтномъ возбужденіи, произноситъ безсмысленныя слова и ведетъ се-

бя какъ помѣшанная. Желая очевидно подражать пріемамъ знахарей, она беретъ за одинъ конецъ нитку и проводитъ ею нѣсколько разъ передъ глазами одного изъ присутствующихъ, что бы его освободить, по ея словамъ, отъ слѣпоты. Кастелланъ приходитъ немного позже и заставляетъ ее обойти комнату на колѣнахъ. Возмущенные этимъ сосѣди совѣтуются между собою и рѣшаютъ его выгнать. Едва онъ вышелъ, какъ съ Жозефиной случился нервный припадокъ. Она вдругъ перестала говорить, ея руки окочанѣли, кулаки сжались, зубы сильно стиснулись, взоръ сдѣлался пристальнымъ и растереннымъ. Окружавшіе сильно испугались и позвали Кастеллана, приказавъ ему вывести ее изъ этого состоянія. Только что онъ появился, руки Жозефины внезапно разомкнулись; онъ сталъ на колѣна, произнесъ нѣсколько таинственныхъ словъ, потомъ далъ три пощечины и такимъ образомъ быстро положилъ конецъ этому долгому кризису. Въ то же время у него вырвалось странное признаніе: „Это уже не первая женщина, которую я одолѣлъ такимъ способомъ. Двадцать два года тому назадъ мой отецъ точно также подпустилъ кое чего моей матери, и она сильно страдала“.

День окончился такъ же, какъ и предыдущій. То Жозефина повторяла свои странности, то живо оплакивала свое положеніе, просила окружающихъ не покидать ее и съ ужасомъ отталкивала Кастеллана. Когда ее спросили, что она испытываетъ во время приступовъ, она отвѣчала, что очень страдаетъ, что видитъ и слышитъ все, что вокругъ нея происходитъ, но чувствуетъ, что у нея нѣтъ никакой воли. Кастеллану достаточно слегка до нея дотронуться, что бы ей ощутить въ груди боль; въ другіе раза, напротивъ, она испытывала облегченіе только тогда, когда упиралась въ него своими ногами. Чувствуя себя связанной таинственной силой съ обольстителемъ, она требуетъ, чтобы онъ раздѣлялъ съ ней пополамъ предлагаемое ему вино, пьетъ только послѣ него изъ одного и того же стакана, соглашается ѣсть только тотъ хлѣбъ, отъ котораго онъ откусилъ. Эта сцена, бывшая повидимому повтореніемъ прежней, дѣйствію которой она приписывала оковавшую ее порчу, ее облегчаетъ. Она чувствуетъ себя *развязанной* и заявляетъ, что больше не страдаетъ.

На другой день утромъ они уходятъ вмѣстѣ. Пройдя немного, они встрѣчаютъ лѣсную стражу, которая подзываетъ къ себѣ Кастеллана. Пока онъ разговаривалъ, Жозефина продолжала идти, и какъ

скоро замѣтила, что скрылась отъ Кастеллана за пригоркомъ, быстро повернула назадъ и прибѣжала въ домъ, откуда только что вышла. Она выражаетъ самую живую радость, что ускользнула отъ своего врага и настоятельно требуетъ, что бы ее отъ него скрыли.

Въ тотъ же день она была доставлена къ родителямъ. По дорогѣ она снова впадаетъ въ бредъ и возвращается домой въ состояніи сильнаго возбужденія, то произнося нераздѣльные звуки, то осыпая всѣхъ встрѣчныхъ бранью.

Это состояніе продолжалось нѣсколько дней. Призванный врачъ констатировалъ только лихорадку и бредъ, но не нашелъ никакого умственнаго разстройства кромѣ лишь сильнаго возбужденія, вызваннаго у злополучной жертвы воспоминаніемъ о потерянной чести. Собранныя о ней свѣдѣнія показываютъ, что она была *совершенно свободна отъ истеріи*, отличалась безукоризненной нравственностью, была строга въ исполненіи своихъ обязанностей, но быть можетъ не совсѣмъ свободна отъ наивной довѣрчивости. Сверхъ того нельзя доказать, что бы въ ея семьѣ были случаи помѣшательства или идіотства".

Кастелланъ былъ арестованъ по обвиненію въ бродяжничествѣ и нищенствѣ. Судебный слѣдователь, производившій дознаніе, поднялъ вопросъ о томъ, не могъ ли подсудимый въ своихъ сношеніяхъ съ Жозефиной дѣйствіемъ магнитическихъ пріемовъ уничтожить ее нравственную свободу настолько, что эти отношенія могли имѣть характеръ насилія. Этотъ вопросъ былъ предложенъ на рѣшеніе докторовъ Обана и Ру, которые послѣ изслѣдованія отвѣчали на него утвердительно.

Приведенный выше разсказъ о Кастелланѣ сообщенъ докторомъ Ру.

Во время процесса Кастелланъ обнаружилъ необыкновенное хладнокровіе и нахальство. Въ особенности онъ хвастался своими магнитическими способностями и не постѣснился даже предложить предсѣдателю суда испытать ихъ на себѣ. На допросѣ у прокурора онъ грозилъ его замагнитизовать, такъ что прокуроръ вынужденъ былъ заставить его опустить глаза.

Жозефина оправилась мало по малу. На показаніи въ судѣ она заявила: „Этотъ человѣкъ при помощи своихъ жестовъ и своихъ пассовъ имѣлъ надо мною такую власть, что я падала нѣсколько разъ

словно мертвая. Тогда онъ могъ со мною дѣлать все, что хотѣлъ. Я понимала, что была его жертвой, но не могла ни говорить, ни дѣйствовать, и испытывала самую жестокую пытку".

Судомъ были приглашены три врача Геріаръ, Поле и Тею для выясненія этого вопроса передъ присяжными. Они подтвердили заключеніе Обана и Ру. Кастелланъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ [1]).

Эта взятая прямо изъ жизни исторія служитъ наглядным примѣромъ хорошо извѣстныхъ намъ фактовъ: передъ нами проходятъ вызовъ гипноза пассами и различныя гипнотическія состоянія—очарованіе, свѣтлая летаргія, избирательный сомнамбулизмъ, неодолимое влеченіе къ гипнотизеру, покорность внушеніямъ, автоматическія дѣйствія, анестесія, аналгесія, амнесія и пр. Примѣръ этотъ тѣмъ цѣннѣе, что здѣсь нельзя допустить никакого притворства.

Мы изложили дѣло Кастеллана какъ типъ единственно удостовѣренныхъ въ дѣйствительной жизни преступленій при помощи гипнотизма. Необходимо оговориться, что у Бернгейма, Льежуа и другихъ авторовъ приведены примѣры различныхъ преступленій изъ реальной жизни, вызванныхъ будто бы гипнотизмомъ и внушеніемъ. Но доводы, которыми они на этихъ примѣрахъ отстаиваютъ свое положеніе, настолько шатки, что было бы излишнимъ опровергать ихъ. Впрочемъ, могутъ быть слабы доводы, но вѣренъ фактъ. Въ этомъ случаѣ не мѣшало бы выслушать мнѣніе опытныхъ въ судебной *практикѣ* юристовъ. Теоретическія разсужденія, откуда бы они ни шли, отъ теоретиковъ ли судебной медицины или отъ философовъ и психологовъ, способны здѣсь пролить немного свѣту. За разъясненіемъ вопросовъ, которые ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ самой жизнью, необходимо прежде всего обращаться къ тѣмъ, кто знаетъ эту жизнь по опыту, и уже потомъ, если покажется нужнымъ, къ тѣмъ, кто знаетъ ее изъ книгъ. Если бы этой простой истины не забывали, то быть можетъ о гипнотическихъ преступленіяхъ не было бы наговорено столько лишняго, хотя нельзя не признать, что страстные любители теоретическихъ построеній обыкновенно на своемъ гладкомъ пути не

---

[1]) Tardieu, Étude médico-legale sur les attentats aux moeurs, 7 éd., Paris, 1878 pp. 92—98; Prosper Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, v. I, p. 586.

спотыкаются ни о какія противопоказанія реальной жизни, сколь бы сильны они ни были, въ особенности если эти теоріи (какъ напр. у Льежуа) подсказываются излюбленной и взлелѣянной идеей.

Пока въ реальной жизни не удостовѣрено ни одного внушеннаго преступленія, разсужденіе объ отвѣтственности за такія преступленія было бы праздным. Достаточно сказать, что *въ принципѣ нельзя не признать невмѣняемымъ дѣянія, внушеннаго безъ вѣдома субъекта, противъ или помимо его воли.*

XXXII. Гипнотизмъ и чудесное. Весьма плодотворнымъ оказался гипнотизмъ для объясненія такъ называемыхъ чудесныхъ явленій. Область эта настолько обширна и ея изслѣдованіе обставлено такими преградами, что здѣсь необходимо ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами. Я оставлю, на сколько возможно, въ сторонѣ все, что относится до отдаленныхъ временъ, способно затронуть религіозное чувство, не стоитъ въ доказанной связи съ гипнотизмомъ—напримѣръ, весьма остроумный взглядъ на древнихъ предсказателей и предсказательницъ какъ на сомнамбулическихъ субъектовъ, дѣйствующихъ то по самовнушенію, то по внушенію жрецовъ и принимавшихъ свои галлюцинаціи за объективную реальность, объясненіе на почвѣ гипнотизма и внушенія различныхъ чудесъ, приписываемыхъ древнимъ мудрецамъ и основателямъ религіозныхъ ученій, подробное истолкованіе изъ истерическаго гипнотизма средневѣковыхъ навожденій и колдовства, взятыхъ въ цѣломъ, мнѣніе, сводящее спиритизмъ къ гипнотизму и пр. Анализъ всѣхъ этихъ вопросовъ въ высокой степени интересенъ и важенъ для выясненія того, чего въ данномъ случаѣ можно и нельзя ожидать отъ гипнотизма, но помимо того, что надлежащее обсужденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ неудобно, оно, что бы не оставаться голословнымъ, должно опираться на обильный матеріалъ и обширный критическій аппаратъ—требованія, которымъ можно удовлетворить только въ спеціальной работѣ, и даже не въ одной, а въ нѣсколькихъ.

Впрочемъ, самый интересный въ указанномъ отношеніи вопросъ о колдовствѣ и навожденіяхъ превосходно разработанъ въ извѣстныхъ уже намъ монографіяхъ школы Шарко, Ш. Рише, П. Рише, Реньяра, Дьявольской библіотекѣ [1]), въ популярномъ трудѣ *Figuier*, L'Histoire

[1]) Выше, стр. 10—11.

du Merveilleux, vol. I, 4 éd., Paris, 1886, и еще раньше у *Calmeil*, De la folie, considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire, Paris, 1845. Всѣми этими трудами на основаніи исчерпывающихъ сопоставленій и доводовъ безспорно и безповоротно доказано, что средневѣковые колдуны, колдуньи, вѣдьмы, бѣсноватые и пр. были истеричные, впадавшіе въ вольный и невольный гипнозъ, весьма чуткіе ко всякаго рода внушеніямъ и неразличавшіе галлюцинацій отъ дѣйствительности. Строго научная, безусловно доказательная постановка этого вопроса на его истинную почву составляетъ неувядаемую заслугу школы Шарко. Намъ придется затронуть этотъ вопросъ мимоходомъ.

Труды, пытающіеся объяснить изъ гипнотизма чудесное въ религіи, нами также были указаны [1]).

Здѣсь мы остановимся лишь на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ разряда явленій исторически неразрывно связанныхъ съ ученіемъ о гипнотизмѣ и внушеніи и не находящихъ объясненія ни на какой другой почвѣ. Такими примѣрами лучше всего могутъ служить: 1) двойное зрѣніе 2), ясновидѣніе всѣхъ родовъ, 3) знахарство и цѣлительство 4) глоссолалія 5) произвольное обмираніе и оживаніе.

1. *Двойное зрѣніе.* Подъ двойнымъ зрѣніемъ подразумѣвается способность различать доступные только одному зрѣнію предметы 1) съ завязанными глазами или чрезъ непропускающій свѣта экранъ, 2) безъ помощи глазъ, другими частями тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ говорятъ о *перенесеніи чувствъ*, т. е. предполагаютъ, что зрительная способность перемѣщается изъ глазъ въ другіе органы.

Двойное зрѣніе во всѣхъ его видахъ считалось со временъ Мессмера и до недавней поры такою необходимой принадлежностью сомнамбулизма, что Французская Медицинская Академія въ своемъ знаменитомъ рѣшеніи 8 сентября 1840 г. отвергла послѣдній какъ научный фактъ вслѣдствіе неудавшагося опыта именно съ этой способностью, считавшейся тогда за *experimentum crucis* магнитизма [2]). Въ настоящее время, когда установлены точные признаки сомнамбулизма, такое мнѣніе оставлено всѣми вообще научными предста-

---

[1]) Выше, стр. 13.

[2]) Burdin et Dubois (d'Amiens), Histoire académique du Magnétisme animal, Paris, 1841, pp. 572--632.

вителями ученія о гипнотизмѣ. Тѣмъ не менѣе опыты съ двойнымъ зрѣніемъ продолжаются.

„Вотъ (говоритъ Люисъ своимъ слушателямъ) опытъ, показывающій до какой степени можетъ быть обострена способность зрѣнія.

Это вотъ—очки, снабженные боковой арматурой и состоящіе изъ двухъ твердыхъ и непропускающихъ свѣтъ выпукловинъ. Они могутъ быть прилажены къ глазнымъ яблокамъ, которыхъ очертаніямъ точно соотвѣтствуютъ. Все это закрыто черной бумагой и совершенно непроницаемо для свѣта. Для большей предосторожности на глаза и вокругъ очковъ наложены куски ваты, что бы заполнить пустоту и закрыть скважины. Снарядъ поддерживается посредствомъ резиновой нитки, окружающей голову.

При такихъ условіяхъ я даю Эсѳири сегоднишнюю газету, старательно заботясь о томъ, что бы послѣдняя была освѣщена какъ при чтеніи въ нормальныхъ условіяхъ, и послѣ этихъ предосторожностей вы видите, что къ нашему большому удивленію, субъектъ воспринимаетъ свѣтъ и бѣгло читаетъ двѣ или три строки изъ упомянутой газеты. Въ этомъ для меня одно изъ самыхъ странныхъ явленій изощренія зрительной способности, котораго физіологическое объясненіе слѣдуетъ еще найти. Мы здѣсь въ области безконечно малыхъ силъ, дѣйствующихъ на нервную систему, доведенную до безпримѣрной степени возбудимости, и если не предположить, что свѣтовыя колебанія проникаютъ сквозь непрозрачные очки на подобіе того, какъ звуковыя колебанія проникаютъ сквозь перегородки, я до сихъ поръ не вижу другого вѣроятнаго объясненія для этого страннаго явленія зрительной гиперстесіи“ [1]).

Но явленіе это объясняется очень просто. Цѣлымъ рядомъ опытовъ установлено, что 1) никакими повязками невозможно закрыть глазъ настолько, что бы не оставалось никакой скважины и 2) что сквозь самую ничтожную скважину можно, въ особенности при хорошемъ зрѣніи (а у сомнамбулъ, какъ мы уже знаемъ, оно изощрено) [2]), и нѣкоторомъ навыкѣ, читать безъ всякаго труда. Исторія гипнотизма свидѣтельствуетъ, что сомнамбулы, умѣвшіе читать при

---

[1]) Leçons cliniques, p. 129.

[2]) Выше стр. 89—91

самыхъ непроницаемыхъ повязкахъ, утрачивали свое „двойное зрѣніе“ тотчасъ же, какъ скоро ихъ просили читать сквозь крышку запертого деревяннаго ящика. Все это съ утомительной подробностью изложено въ Histoire académique du Magnétisme animal, par *Burdin* et *Dubois* (d'Amiens), особ. pp. 572—641, и можно только удивляться, если эти слишкомъ убѣдительныя противопоказанія Люису неизвѣстны.

Быть можетъ, впрочемъ, Люисъ смотритъ на дѣло иначе.

„Сомнамбулическіе субъекты (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ) способны даже читать сквозь деревянную доску толщиной въ пять миллиметровъ и такимъ образомъ представлять рядъ экстрафизіологическихъ обнаруженій изощренности чувствъ, которое превосходитъ все, въ чемъ мы считаемъ себя свѣдущими относительно естественныхъ причинъ, обусловливающихъ функціональную дѣятельность нервныхъ элементовъ“[1]).

Мы однако не знаемъ, при какихъ условіяхъ Люисъ производилъ эти никѣмъ и ничѣмъ не подтвержденные опыты, и вѣрить ему на слово нѣтъ основанія.

Лучше удостовѣрены факты такъ называемаго „перенесенія зрѣнія“. На самомъ дѣлѣ никакого перенесенія нѣтъ, но нѣкоторые истеричные обладаютъ способностью, механизмъ которой намъ совершенно неизвѣстенъ, сознавать осязательныя впечатлѣнія въ формѣ зрительныхъ. Мы уже знаемъ, на сколько у истеричныхъ сомнамбулъ бываетъ иногда изощрено осязаніе: достаточно не только легкаго прикосновенія, но и вызваннаго различіемъ температуры притока воздуха, что-бы они могли различить фигуру предмета; даже различные лучи спектра дѣйствуютъ на ихъ тѣло различно[2]). Въ этой повышенной чувствительности осязанія предполагаемая „способность видѣть другими органами помимо глазъ“ находитъ естественное, хотя быть можетъ, и не исчерпывающее объясненіе.

„У нѣкоторыхъ истеричныхъ (говоритъ Бине)[3]) осязательныя ощущенія особенно часто принимаютъ форму зрительныхъ образовъ. Зрительный образъ становится, по словамъ больныхъ, столь же ослѣпительнымъ, какъ ощущеніе, производимое электрическимъ свѣтомъ,

---

[1]) p. 103.

[2]) Выше, стр. 91—93.

[3]) Les Altérations de la Personnalité, p. 191.

оно объективируется и можетъ заслонить внѣшніе предметы подобно галлюцинаціи..; когда субъекты достигаютъ до этой степени чувствительности, то самыя легкія раздраженія тотчасъ же имъ представляются въ зрительной формѣ, и иногда бываетъ, что имъ кажется, будто они *видятъ* раздраженіе, полученное ихъ кожею"

Это свое замѣчаніе Бине подтверждаетъ слѣдующимъ опытомъ. Къ шеѣ одной истеричной (къ тому же анестесичной) онъ приложилъ мѣдный жетонъ съ выпуклымъ изображеніемъ. Больная стала жаловаться, что у нея въ глазахъ ослѣпительныя круглыя пятна, дѣлавшіяся тѣмъ ярче, чѣмъ сильнѣе Бине придавливалъ жетонъ. Что бы своими вопросами не дѣлать ей безсознательныхъ внушеній, онъ попросилъ ее нарисовать карандашемъ то, что она видитъ. Хотя больная была бѣдная дѣвица, никогда не учившаяся рисовать и у которой къ тому же руки были атрофированы, она нарисовала фигуру поразительно близкую къ реальной. Опытъ, повторенный черезъ три года (когда Бине случайно вновь увидалъ больную), далъ еще болѣе удовлетворительные результаты. Тѣ же самые опыты были произведены надъ здоровыми, но по сравненію съ первыми, совсѣмъ безуспѣшно. Бине поясняетъ всѣ эти опыты весьма поучительными рисунками, наглядно свидѣтельствующими объ этой разницѣ.

„Возможно (говоритъ онъ въ заключеніе), что эти опыты даютъ ключъ къ явленію, которое часто описывали подъ именемъ *перенесенія чувствъ* и которое будто бы состоитъ въ способности нѣкоторыхъ лицъ видѣть посредствомъ органовъ осязанія. Изложенныя нами подробности показываютъ, что хотя перенесеніе чувствъ есть строго говоря, иллюзія, оно однако результатъ психологическаго явленія вполнѣ реальнаго—именно внушенія образовъ" [1]).

Другое объясненіе предлагаетъ Ламборозо:

„Во время перенесенія чувствъ, вызываемаго истеризмомъ, когда, напримѣръ видятъ носомъ или подбородкомъ (и это фактъ, который я наблюдалъ собственными глазами), между тѣмъ какъ всѣ остальныя чувства на нѣсколько мгновеній бываютъ парализованы, корковый центръ зрѣнія, находящійся въ мозгу, пріобрѣтаетъ такую энергію, что замѣняетъ собою глазъ. Мы (я и Оттоленги) могли это кон-

[1]) p. 193.

статировать у трехъ загипнотизованныхъ, пользуясь при этомъ лупой или призмой" [1]).

Но какъ скоро дѣло идетъ о зрѣніи „носомъ или подбородкомъ" нѣтъ нужды ни въ какихъ сложныхъ объясненіяхъ: естественнѣе предположить, что субъекты просто видятъ глазами сквозь повязку, какъ было объяснено выше. Авторитетная фраза Ламборозо: „я наблюдалъ собственными глазами" можетъ быть убѣдительной лишь для легковѣрныхъ.

2. *Ясновидѣніе.* Ясновидѣніе, какъ его понимаютъ гипнотизеры, обнимаетъ собою шесть способностей: 1) прозрѣніе природы, теченія и лѣченія болѣзни въ собственномъ организмѣ и 2) въ организмѣ другихъ, 3) чтеніе мыслей, 4) воспріятіе мысленнаго внушенія, 5) телепатія (или воспріятіе, обыкновенно въ формѣ предчувствій или галлюцинацій, происходящаго въ отдаленныхъ мѣстахъ), 6) предсказаніе отдаленнаго будущаго.

Главный источникъ всѣхъ этихъ частью дѣйствительныхъ, частью мнимыхъ способностей, считавшихся въ прежнее время необходимой принадлежностью сомнамбулизма и засвидѣтельствованныхъ въ различныя времена различными авторами, указанъ уже Брэдомъ:

„Если мы (говоритъ онъ) примемъ во вниманіе ту помощь, которую сомнамбулы получаютъ отъ утонченныхъ способностей обоянія, слуха, чувства температуры и осязанія, дающихъ имъ возможность легко воспринимать впечатлѣнія, касающіяся интересующаго ихъ въ данное время предмета, чего не бываетъ въ бодрственномъ состояніи, если мы не забудемъ поразительную быстроту, съ которой они изъ вопросовъ улавливаютъ указанія и понимаютъ намеки, благодаря своему, въ извѣстной стадіи сна утонченному слуху, своей остротѣ умозаключеній, своему болѣе ясному воспоминанію, живой фантазіи, самоувѣренности въ этомъ состояніи сосредоточія духовной дѣятельности на одномъ пунктѣ,—то изо всего этого мы можемъ легко понять, почему они при случаѣ приходятъ къ поразительнымъ результатамъ, которыхъ не могли бы достигнуть въ состояніи бодрствованія... Не слѣдуетъ также оставлять безъ вниманія, что тѣ, которые любятъ чудесное, очень склонны видѣть во всякомъ подходящемъ

---

[1]) Annales des Sciences psychiques, 1892, pp. 146—147.

даже самомъ легкомъ отношеніи отвѣта къ ходу ихъ мысли точное описаніе собственнаго состоянія (какъ это часто бываетъ при истолкованіи обыкновенныхъ сновъ) и даже не намѣренно помогать спящему, который естественно съ большою быстротою схватываетъ и оцѣниваетъ даваемыя указанія, напримѣръ въ тонѣ спрашивающаго. Точно также поступаютъ ежедневно и довольно часто съ поразительнымъ успѣхомъ и бодрствующіе ясновидцы и предсказатели. Въ обоихъ случаяхъ нерѣдко въ вопросѣ уже лежитъ отвѣтъ, который опять побуждаетъ къ опредѣленному вопросу, такъ что при помощи тона, взоровъ и жестовъ лицъ, прибѣгающихъ за совѣтомъ, въ концѣ концовъ получается какъ будто удовлетворительный результатъ"[1])

Къ этому позднѣйшіе авторы прибавляютъ, точно также впервые опредѣленно указанное Брэдомъ, хотя и по другому поводу[2]), дѣйствіе внушенія.

„Предвидѣть или предчувствовать то или другое событіе въ другомъ человѣкѣ или въ себѣ не значитъ (говоритъ Льебо)[3]) имѣть предвидѣніе будущаго или предугадывать грядущее; это значитъ надлежащимъ побужденіемъ своей мысли развивать въ своемъ организмѣ на будущее время то, въ чемъ себя сознательно или безсознательно увѣряютъ; или же порождать въ организмѣ другихъ мысль о предсказанныхъ измѣненіяхъ, овладѣвая ихъ духомъ и такимъ образомъ вызывая въ нихъ, въ указанный моментъ будущаго, реакцію ихъ вниманія въ смыслѣ внушенной имъ идеи".

Прозрѣніе въ собственномъ организмѣ. Въ частности прозрѣніе болѣзненныхъ процессовъ въ собственномъ организмѣ коренится (какъ объясняетъ Питръ)[4]) 1) въ безсознательныхъ или сознательныхъ самовнушеніяхъ и внушеніяхъ и 2) въ галлюцинаціяхъ.

Сомнамбула описываетъ состояніе своего организма частью по самочувствію, частью на основаніи того, что ей извѣстно о подобномъ же состояніи у другихъ. При этомъ больной органъ представляется

---

[1]) Observations on Trance or Human Hybernation, Lond. 1850, pp. 69—70 Preyer.

[2]) См. отдѣлъ XXXIII, 1.

[3]) Liebeault, Le Sommeil, p. 152.

[4]) Leçons cliniques, II, pp. 383—386.

ей со всей живостью гипнотическаго галлюцинаторнаго образа, заставляющей ее говорить о воображаемомъ какъ о достовѣрномъ.

Въ какой мѣрѣ эти самопоказанія правильны, въ большинствѣ случаевъ остается (по недоступности внутреннихъ органовъ наблюденію) неизвѣстнымъ. Но въ общихъ чертахъ они могутъ соотвѣтствовать дѣйствительности, такъ какъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и органическое ощущеніе можетъ, подобно осязательному, принять форму яркаго зрительнаго образа.

„Невозможно вообразить (восклицаетъ одинъ изъ старыхъ магнитизеровъ)[1]), съ какимъ тактомъ, съ какой правдивостью, съ какой точностью сомнамбулы даютъ отчетъ о томъ, что въ нихъ происходитъ! Они буквально присутствуютъ при отправленіи всѣхъ своихъ органическихъ функцій; они тамъ открываютъ самое незамѣтное разстройство, самое скоропреходящее измѣненіе. Не существуетъ никакой болѣзни, которая бы ускользала отъ изслѣдованія сомнамбулъ, не исключая и тѣхъ, которыя въ первое время существованія не только не выражаются никакими внѣшними симптомами, но и не выдаютъ себя никакимъ внутреннимъ страданіемъ. Обо всемъ этомъ они создаютъ себѣ точныя, строгія, математическія идеи. Они скажутъ, напримѣръ, сколько ложекъ крови въ ихъ сердцѣ; они знаютъ съ точностью до одного грамма, сколько въ данное время нужно хлѣба для удовлетворенія ихъ аппетита, сколько нужно капель воды, что бы утолить жажду, и всѣ эти показанія непостижимо точны. Время, пространство, всѣ силы природы, сопротивленіе и тяжесть предметовъ, все это въ одно мгновеніе ока они измѣряютъ, вычисляютъ, оцѣниваютъ своею мыслью или вѣрнѣе своимъ инстинктомъ. Одна женщина въ сомнамбулизмѣ сознаетъ свою беременность съ перваго часа зачатія; другая чувствуетъ, способна она или не способна забеременѣть, и не пройдетъ еще и восьми дней послѣ зачатія, какъ она безошибочно опредѣлитъ полъ своего ребенка“ и пр.

Столь же восторженно свидѣтельствуютъ гипнотизеры о дарѣ самоврачеванія ясновидящихъ сомнамбулъ.

„Безконечно рѣдко случается сомнамбулу предписать себѣ лѣкарство, которое было бы для него вредно, или ошибиться въ дозахъ..

---

[1]) Teste, Manuel pratique du Magnétisme animal, 4 éd., Paris, 1853, p. 110.

Если вашъ сомнамбулъ предпишетъ себѣ лѣкарство на вашъ взглядъ не соотвѣтствующее его состоянію, сдѣлайте ему возраженія, пригласите обслѣдовать съ самымъ большимъ вниманіемъ одинъ за другимъ состояніе его органовъ и дать вамъ отчетъ; попросите его объяснить мотивы, заставляющіе его выбрать то или другое лѣкарство, и съ точностью описать послѣдствія, которыхъ онъ ожидаетъ. Вы ему покажете лѣкарство, дадите дотронуться и попробывать; вы попросите обозначить дозу не только по имени мѣры или вѣса, но и указать количество. Если послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей онъ будетъ настаивать на своемъ, вы можете на него положиться“ [1]).

Нѣтъ нужды пояснять наивность этихъ свидѣтельствъ, явно преувеличенныхъ. Но факты правильнаго самодіагноза и самоврачеванія удостовѣрены цѣлымъ рядомъ авторовъ, среди которыхъ встрѣчаются весьма почтенныя имена (напр. маркизъ Пюисегюръ). Поэтому въ основаніи ихъ слѣдуетъ предположить долю истины.

Впрочемъ, примѣры самоврачеванія общеизвѣстны. Едва-ли не всѣмъ приходилось слышать о случаяхъ выздоровленія, особенно среди простонародья, послѣ употребленія средствъ, указанныхъ самимъ больнымъ, но не имѣющихъ ничего общаго съ оффиціальной медициной—соленыхъ огурцовъ, кислой капусты, моченыхъ яблокъ и т. д. Возможно, что при этомъ „сама природа выражается устами больного“, какъ думали прежніе магнитизеры, возможно, что здѣсь дѣйствуетъ самовнушеніе, какъ объясняютъ теперь, возможно наконецъ и то, что употребляющій такія средства только считаетъ себя больнымъ, а на дѣлѣ здоровъ, и убѣждается въ этомъ послѣ благополучнаго пріема потребованной пищи.

Интереснѣе вполнѣ удостовѣренные факты предсказанія больными своихъ будущихъ состояній.

Въ монографіи о Морзинской демонопатической эпидеміи (1861 г.) д-ръ Констанъ разсказываетъ, что одна изъ одержимыхъ, двадцати пятилѣтняя Викторія П..., была поражена параличемъ всѣхъ членовъ. Отецъ рѣшилъ вести ее въ Женеву. Чтобы она могла ѣхать, ее пришлось одѣвать какъ ребенка и вести подъ руки. Но передъ

---

[1]) Deleuze, Instruction pratique sur le magnétisme animal, Paris, 1825, p. 121—122. 127.

отъѣздомъ она объявила, что выздоровѣетъ, какъ скоро они пріѣдутъ въ деревню Монріонъ. Все произошло такъ, какъ она предсказала. При переѣздѣ черезъ мостъ, ведущій въ эту деревню, она встала и прошла безъ посторонней помощи тридцать два километра [1]).

„Очевидно (говоритъ Питръ) [2]), что у этой дѣвушки былъ истерическій параличъ, отъ котораго она исцѣлилась внезапно самовнушеніемъ".

Другіе примѣры предвидѣній подобнаго рода какъ у сомнамбулъ, такъ и у всѣхъ вообще больныхъ и здоровыхъ лицъ, засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ авторовъ—Кабанисомъ, Сальвертомъ, Мореномъ, Бріеръ де Буасмономъ, Франкомъ, Макаріо, Бертраномъ, Шарпиньономъ и пр. Изъ современныхъ гипнотизеровъ предвидѣнію посвящаетъ особое вниманіе Льебо, у котораго кромѣ собственныхъ наблюденій приведены свидѣтельства и изъ только что названныхъ авторовъ [3]).

Въ объясненіи Льебо стоитъ всецѣло на почвѣ ученія о внушеніяхъ, какъ и въ приведенномъ выше примѣрѣ Питръ.

„Факты предвидѣнія спящими, взятые сами въ себѣ, какимъ бы способомъ они ни обнаруживались, суть въ принципѣ дѣйствіе утвержденія того же рода какъ и тѣ, которыми гипнотизеры понуждаютъ сомнамбулъ послѣ пробужденія совершать странныя дѣянія, быть во власти галлюцинацій, испытывать неотложныя естественныя потребности. Въ томъ и другомъ случаѣ у субъектовъ бываетъ полное невѣдѣніе причины, то есть внушенія, все равно идетъ ли оно отъ самого субъекта или ему навязано; въ обоихъ случаяхъ создательницей событій бываетъ мысль, продолжающая скрытое побужденіе и заставляющая предсказанное наступать въ назначенный моментъ" [4]).

Прозрѣніе въ чужомъ организмѣ. При прозрѣніи болѣзней въ чужомъ организмѣ сомнамбулы руководствуются 1) безсознательными намеками самихъ больныхъ, 2) своей опытностью, 3) остротою своихъ чувствъ, 4) органической симпатіей, заставляющей ихъ времен-

---

[1]) Constans, Relation d'une epidémie d'hystéro-démonopathie, Paris, 1862, p. 59.

[2]) Leçons cliniques, II, p. 385.

[3]) Le Sommeil, pp. 153–165.

[4]) p. 160.

но переживать испытываемыя больными состоянія, 5) живостью своей памяти и воображенія.

О безсознательныхъ намекахъ спрашивающихъ мы уже слышали отъ Брэда. Къ этому слѣдуетъ прибавить порождаемую частой практикой смѣтливость, которая въ этомъ случаѣ можетъ казаться даромъ прозрѣнія, хотя на дѣлѣ не что иное какъ обусловленная привычкой способность къ правильнымъ умозаключеніямъ на основаніи не вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ. Необходимо также обратить вниманіе на то, что врачующимъ сомнамбуламъ нерѣдко помогаетъ ихъ усыпитель, по большей части, какъ выражается Питръ [1]) „отщепенецъ медицины", умѣющій ловко добывать отъ больныхъ необходимыя свѣдѣнія, и что во всякомъ случаѣ показанія сомнамбулъ бываютъ точными лишь тогда, когда ихъ истолковываютъ врачи. „Если сравнить (говоритъ Охоровичъ) діагностическія показанія сомнамбулъ, занесенныя въ книги магнитизеровъ, не обладающихъ достаточными анатомическими свѣдѣніями, съ показаніями сомнамбулъ, руководимыхъ врачемъ, то оказывается большая разница въ точности. Точно тоже относительно психологическихъ и другихъ вопросовъ" [2]).

Опытныя сомнамбулы, если вѣрить ихъ руководителямъ, обладаютъ необыкновенной медицинской прозорливостью.

„Кладя послѣдовательно руку на голову, грудь и животъ неизвѣстнаго, мои сомнамбулы (говоритъ одинъ профессіональный магнитизеръ въ письмѣ къ Французской Медицинской Академіи) [3]) тотчасъ же открываютъ болѣзни и различныя страданія и измѣненія, которыя онѣ производятъ; онѣ указываютъ сверхъ того, возможно-ли исцѣленіе, скоро оно или медленно, и какія мѣры должны быть употреблены для достиженія этого результата скорѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ. При этомъ разслѣдованіи онѣ никогда не отступаютъ отъ принциповъ, признанныхъ здравой медициной" и пр.

Впрочемъ, было бы неосмотрительно утверждать, будто сомнамбулы руководствуются только внѣшними указаніями. Если они обладаютъ извѣстной опытностью, имъ помогаютъ собственныя чувства, главнымъ образомъ осязаніе и обоняніе.

---

[1]) p. 386.

[2]) De la Suggestion mentale, p. 237.

[3]) У Burdin et Dubois (d'Amiens), Histoire académique du Magnétisme animal etc., pp. 175—277.

„Извѣстны (говоритъ Охоровичъ)[1]) тѣсныя отношенія между нѣкоторыми болѣзнями и внѣшней температурой тѣла. Изслѣдованія Мантегаццы свидѣтельствуютъ, что страданія вообще понижаютъ температуру; опыты Шарко насъ научили отличать кровоизліяніе въ мозгу отъ размягченія мозга исключительно при помощи термометрическихъ показаній“ и проч. О температурѣ въ нормальныхъ и патологическихъ состояніяхъ существуютъ спеціальныя изслѣдованія *Redard*, Études de thermométrie clinique, Paris, 1874, *Ch. Richet*, La Chaleur animale, Paris, 1889.

Но особенно богатыя указанія даетъ обоняніе. При изощренности этого чувства опытныя сомнамбулы способны распознавать болѣзни не только въ присутствіи самихъ больныхъ, но и по вещамъ, принадлежащимъ больнымъ или оставшимся отъ умершихъ.

„Какъ скоро (говоритъ Льебо) существуютъ болѣзни, которыя извѣстны по исходящимъ отъ больныхъ эманаціямъ, напр. язвы въ носу, цынга, различныя воспаленія рта, нарывы въ пищеварительномъ аппаратѣ, гастрическія страданія, холера, гноящійся ракъ, чахотка и и пр., когда даже „пахнетъ смертью“ по простонародному выраженію, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что предметъ принадлежащій умирающимъ или мертвымъ, способенъ открывать сомнамбуламъ, обоняніе которыхъ изощрено, страданія или судьбу этихъ несчастныхъ. Вѣроятно, скорѣе благодаря спеціальному запаху, чѣмъ спеціальному выраженію лица, одна профессіональная сомнамбула, которой принесли въ моемъ присутствіи маленькую дѣвочку, объявила, что видитъ недалеко ея смерть; я однако не отчаявался въ этомъ ребенкѣ, который умеръ на другой день, когда никто этого не ожидалъ“ [2]).

Многочисленными данными поясняетъ эту мысль Охоровичъ въ De la Suggestion mentale, pp. 184—192, ссылаясь при этомъ на весьма цѣнную спеціальную монографію *Monin*, Les Odeurs des corps humains, 2 éd. Paris, 1886, гдѣ съ большою обстоятельностью описаны различные запахи, свойственные человѣческому организму при различныхъ физическихъ и духовныхъ состояніяхъ, и указывая на мимоходныя замѣчанія у другихъ авторовъ.

---

[1]) De la Suggestion mentale, p. 183.

[2]) Le Sommeil, pp. 71—72.

Причину, по которой сомнамбулы могутъ руководиться чувствами, Охоровичъ видитъ не въ одномъ лишь сознательномъ, но и безсознательномъ опытѣ. Послѣдній, по его справедливому замѣчанію, „преобладаетъ и при томъ въ значительной степени. Онъ опытъ первичный, наслѣдственный, постоянно обогащающійся на счетъ сознательнаго опыта, и нечувствительно пополняетъ его обобщеніями, побужденіями, предчувствіями. У насъ въ головѣ гораздо больше, чѣмъ какъ обыкновенно предполагаютъ; много знанія, котораго мы не подозрѣваемъ, и Сократъ былъ правъ, говоря, что люди разрѣшаются отъ бремени идеями, но ихъ не создаютъ... Кому изъ насъ не приходилось оставаться болѣе или менѣе продолжительное время возлѣ всякаго рода больныхъ, которые издавали извѣстный запахъ или производили на насъ какое нибудь иное дѣйствіе, оставшееся совершенно безсознательнымъ? Это однако не препятствуетъ тому, что бы въ нашемъ мозгу образовалась тѣсная ассоціація между присутствіемъ больного и этой спеціальной реакціей“ [1]).

Въ силу такихъ ассоціацій физіологическій слѣдъ, оставленный обстоятельствами, непосредственно предшествующими или же сопутствующими извѣстному разстройству, способенъ вызвать самое разстройство. Напримѣръ, воспоминаніе о тошнотворномъ запахѣ можетъ породить тошноту, настойчивая мысль объ угарѣ—головную боль, боязнь излишества въ употребленной пищѣ—желудочное разстройство и пр. Точно также могутъ дѣйствовать и безсознательные физіологическіе слѣды. Возможно поэтому, что иногда сомнамбулы судятъ о чужихъ состояніяхъ по тѣмъ органическимъ чувствамъ, которыя они въ нихъ пробуждаютъ.

Замѣтимъ здѣсь, что распознаніе болѣзней по запаху находитъ аналогію въ чутьѣ собакъ, которыя какъ всѣмъ извѣстно, выражаютъ воемъ предчувствіе близкой кончины хорошо знакомаго имъ лица.

Быть можетъ, только что указанными ассоціаціями, а быть можетъ и непосредственнымъ физіологическимъ воздѣйствіемъ объясняется органическая симпатія, заставляющая иногда сомнамбулъ и вообще очень нервныхъ людей не только мимолетно чувствовать, но и переживать болѣе или менѣе продолжительное время болѣзненныя состоянія, испытываемыя находящимися возлѣ нихъ лицами.

---

[1]) De la Suggestion mentale, pp. 193—194.

Случаевъ распознанія болѣзней подобнымъ способомъ засвидѣтельствованы десятки. Одна сомнамбула точно опредѣлила всѣ припадки одышки и даже лишай на сокровенныхъ частяхъ тѣла [1]), другая—застарѣлое воспаленіе легкихъ, печеночное перерожденіе праваго легкаго, хроническое воспаленіе глотки, спинное раздраженіе, мигрени и пр.—[2]), у третьей вслѣдствіе переноса раздулся и затвердѣлъ животъ какъ у истеричныхъ, такъ что она едва могла оправиться отъ этого въ теченіе четверти часа [3]) и пр.

Эту способность замѣтилъ уже Пюисегюръ: „Воспріимчивость, которой во время кризиса обладаютъ больные быстро пріобрѣтать отъ другихъ извѣстныя болѣзни (говоритъ онъ), была на моихъ глазахъ доказана нѣсколько разъ. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ магнитическіе сомнамбулы среди многочисленной толпы больныхъ просятъ позволенія перейти на другое мѣсто, говоря, что ихъ *сосѣди заставляютъ ихъ страдать*; другіе быстро удалялись сами. Часто мнѣ приходилось лѣчить отъ припадковъ, вызванныхъ близостью къ извѣстнымъ индивидамъ“[4]).

Иногда можно думать, что сомнамбулы какъ будто предчувствуютъ наступленіе болѣзней.

„Я наблюдалъ (говоритъ Охоровичъ), какъ одна молодая особа, въ то время не обнаруживавшая никакихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни, вызвала однимъ своимъ присутствіемъ чрезвычайно сильный припадокъ у одной усыпленной дамы. Нѣсколько недѣль спустя эта молодая особа тяжело заболѣла тифомъ, осложненнымъ старой болѣзнью сердца. Было ли причиной припадка подготовлявшееся паталогическое состояніе или самая индивидуальность молодой дѣвушки? Во всякомъ случаѣ, здѣсь не было никакого внушенія: сомнамбула не подозрѣвала болѣзни и очень любила эту особу“. [5])

Возможно однако, что припадокъ былъ вызванъ чисто субъективными причинами, внѣ всякаго отношенія къ присутствію молодой особы.

---

[1]) Bertrand, Traité du somnambulisme et des differentes modifications qu'il presente Paris, 1823, p. 229.

[2]) Ochorowicz, De la Suggestion mentale, p. 38.

[3]) Тамъ же, p. 177.

[4]) У Du Potet, Manuel de l'étudiant magnétiseur, Paris, 1868, p. 251.

[5]) De la Suggestion mentale, p. 211.

Другіе гипнотизеры сообщаютъ на первый взглядъ вовсе не вѣроятные факты органической симпатіи внѣ соприкосновенія.

„Въ одной Петербургской больницѣ, гдѣ мнѣ (говоритъ Дю Поте) дали лѣчить двухъ больныхъ, страдавшихъ припадками, похожими на падучую болѣзнь..., хотя больныя были отдѣлены большимъ разстояніемъ, и одна находилась въ первомъ, а другая во второмъ этажѣ, всякій разъ, когда я магнитизовалъ одну больную, другая впадала въ кризисъ. И однако ничто не могло предувѣдомлять больную, которую я не магнитизовалъ; и это странное явленіе намъ пришлось наблюдать не одинъ разъ, но двадцать, днемъ и ночью. Я приходилъ потихоньку, безъ всякаго шума, часто даже обѣ онѣ спали, и все равно какую бы изъ нихъ я сначала ни магнитизовалъ, другая, о которой я не думалъ, тотчасъ же просыпалась и издавала ужасные крики. Я предоставилъ ради собственнаго обученія продолжаться этой симпатіи нѣкоторое время, но затѣмъ ее порвалъ, произведя нѣсколько искусственныхъ кризисовъ одинъ за другимъ. Такимъ образомъ я уничтожилъ слишкомъ большую чувствительность нервной системы больныхъ“ [1]) и пр.

Возможность переноса на разстояніи болѣзненныхъ симптомовъ съ одного субъекта на другого, какъ намъ уже извѣстно, поставлена на видъ въ недавнее время Бабинскимъ [2]). Быть можетъ поэтому, что въ наблюденіи Дю Поте есть доля правды, но быть можетъ, оно служитъ примѣромъ того, что „чудеса являются тѣмъ, кто ихъ ожидаетъ“.

Реальность переноса вслѣдствіе прикосновенія многократно замѣчена на себѣ самими магнитизерами. „Если природа (свидѣтельствуетъ одинъ изъ нихъ) одарила того, кто магнитизуетъ, нѣкоторой деликатностью нервной чувствительности, онъ *почувствуетъ внѣшнимъ образомъ* большую часть неправильныхъ движеній, происходящихъ въ магнитизуемомъ лицѣ, и эти *ощущенія* будутъ для него ясными признаками работы, которую природа съ его помощью производитъ въ больномъ“ и пр. [3]).

---

[1]) Journal du Magnétisme, I, p. 289.

[2]) Выше, стр. 189—190.

[3]) Бруно у Lausanne, Des principes et des procédés du magnétisme etc. Paris, 1819, v. I, p. 86.

Подобное же слышимъ мы отъ Месмера, Делона, Дю Поте, Шарпиньона, Охоровича и др. [1]).

Подтверждается существованіе переноса и изъ исторіи нервныхъ повальныхъ болѣзней. Одержимымъ корчами въ С. Медарѣ (1731 г.), по свидѣтельству очевидца Карре де Монжерона, „часто случалось *принимать на себя болѣзни отъ другихъ лицъ*, хотя имъ не было извѣстно ни того, были ли больны эти лица, ни природа ихъ болѣзни. Они узнавали объ этомъ по страданіямъ, которыя испытывали въ тѣхъ же самыхъ частяхъ. Казалось также, что больные, бывшіе очевидцами этого страннаго явленія, считали себя *освобожденными отъ своихъ болѣзней*, какъ скоро онѣ переходили на тѣло одержимыхъ корчами".

Неизвѣстно только, совершался ли этотъ переносъ на разстояніи, или чрезъ прикосновеніе.

Подобное же засвидѣтельствовано и о другихъ „одержимыхъ". Въ 1699 г. одна изъ нихъ, Марія Бюкайль, была обвинена въ колдовствѣ между прочимъ за то, что перенесла (avait souffert) на себя болѣзнь Анны Селилль. Во время процесса обвинитель настаивалъ на томъ, что „исцѣлять людей, принимая ихъ болѣзни на себя, есть способъ колдуновъ", а защитникъ удивлялся невѣжеству судьи, такъ какъ по его свѣдѣніямъ, „колдунъ, исцѣляя больныхъ, переноситъ ихъ порчу на другихъ", но не на себя и пр., и что поэтому, „если дѣйствительно Бюкайль принимаетъ на себя болѣзни другихъ, какъ удостовѣрено въ данномъ случаѣ, въ случаѣ съ священникомъ изъ Галлевилля и съ другими лицами, о которыхъ говорили, то этотъ способъ исцѣлять есть нѣчто болѣе великое и благородное, чѣмъ другія чудесныя исцѣленія" и несомнѣнно исходитъ отъ Бога и пр. [2]).

Сколь ни странны всѣ эти явленія, они находятъ нѣкоторое освѣщеніе въ общеизвѣстномъ фактѣ заразы. Оба порядка фактовъ безпорно не одновидны, но несомнѣнно однородны. Выясненіе ихъ специфическаго отличія есть задача физіологіи и медицины.

Нельзя сверхъ того для поясненія не напомнить, что соприкосновеніе съ больнымъ организмомъ доставляетъ вообще неудовольствіе, тогда какъ соприкосновеніе съ здоровымъ, наоборотъ, можетъ приносить

---

[1]) Ochorowicz, De la Suggestion mentale, pp. 177—183 196—222.

[2]) Bertrand, Du Magnétisme animal en France etc., Paris, 1826, pp. 428 -430.

удовольствіе. Истолковывать эту разницу однѣми „чисто психическими“ ассоціаціями значило бы вопреки всякому опыту произвольно обособлять духовную жизнь отъ тѣлесной. Надо думать, что близость къ больному тѣлу вообще нездорова, а къ здоровому—можетъ быть и полезной. У Кабаниса приведенъ рядъ примѣровъ, подтверждающихъ этотъ выводъ и между прочимъ, въ видѣ поясненія распространенности такого взгляда, извѣстная исторія съ царемъ Давидомъ (III Царствъ 1, 1—4 [1]). Другіе примѣры изъ другихъ авторовъ приведены у Охоровича [2]).

Понятіе ясновидѣнія не исчерпывается однимъ только прозрѣніемъ сокровеннаго и предсказаніемъ грядущаго. „Ясновидящій“ говоритъ о незримомъ и будущемъ такъ, какъ будто бы онъ то и другое *ясно видѣлъ*, то есть съ полной увѣренностью и опредѣленностью. Причина этого свойства въ томъ, что „ясновидящіе“ изрекаемое ими видятъ на самомъ дѣлѣ ясно въ галлюцинаторномъ образѣ, по своей живости не отличающемся отъ реальнаго.

„Загипнотизованный субъектъ (поясняетъ Питръ) столь же легко представляетъ себѣ чужой желудокъ, какъ свой собственный, и какъ скоро галлюцинація наступила, онъ описываетъ съ невозмутимой самоувѣренностью его форму, цвѣтъ и поврежденія. Точно также онъ предсказываетъ и кризисы, которые по его мнѣнію должны произойти въ болѣзняхъ совѣщающихся съ нимъ лицъ и, если эти лица достаточно воспріимчивы къ внушеніямъ, предсказаніе осуществится“ [3]).

Въ подобныхъ случаяхъ (какъ вѣрно замѣчаетъ Констанъ) слѣдовало бы меньше удивляться ясновидѣнію больныхъ, чѣмъ сожалѣть о маломъ нравственномъ сопротивленіи тѣхъ, кто бываетъ объектомъ этого ясновидѣнія. Мнимое предсказаніе не только не есть предвосхищенное отраженіе будущаго факта, но оно само порождаетъ фактъ, усиливая безпокойство и страхъ, которые уже существовали [4]).

Такимъ же механизмомъ (по Питру) объясняются неожиданныя исцѣленія, происходящія иногда отъ предписанныхъ сомнамбулами средствъ.

---

[1]) Rapports du physique et du morale de l'homme, 3 éd. Paris, 1815, v. II, p. 340.

[2]) De la Suggestion mentale, pp. 221—222.

[3]) Leçons cliniques II, pp. 385.

[4]) Relation d'une epidémie, etc. p. 91.

„Воспріимчивыя къ внушеніямъ истеричныя, которымъ сомнамбулы совѣтуютъ употребленіе чистаго бульона или сока кресса, иногда освобождаются отъ своихъ страданій послѣ тщательнаго исполненія этихъ смѣшныхъ предписаній, подобно тому какъ другіе больные такого же рода внезапно выздоравливаютъ отъ пилюль изъ mica panis (мякиша хлѣба) или отъ воды изъ Лурда. Не лѣкарство производитъ эти исцѣленія, но вѣра, которую больной въ него имѣетъ. Медикаментъ въ этихъ случаяхъ есть лишь субстратъ внушенія“ [1]).

Не всегда впрочемъ сомнамбулы предписываютъ безвредныя средства. Еще недавно одна изъ нихъ была виновницей смерти, посовѣтовавъ давать одной больной „настойку изъ ста граммовъ листьевъ дигиталиса въ одномъ литрѣ воды, черезъ часъ по столовой ложкѣ“. Больная умерла въ первый же день лѣченія, а сомнамбула попала на скамью подсудимыхъ [2]).

Чтеніе мыслей. Подъ чтеніемъ мыслей подразумѣвается способность узнавать содержаніе мыслей присутствующаго лица, не выраженныхъ ни словомъ, ни сознательнымъ жестомъ.

Эта способность сводится къ двумъ элементарнымъ фактамъ: 1) къ психофизіологическому закону, по которому всякое духовное состояніе, каково бы оно ни было, идея, волненіе, желаніе, и пр. всегда сопровождается соотвѣтствующимъ тѣлеснымъ обнаруженіемъ и 2) къ чрезвычайной изощренности чувствъ, дозволяющей различать эти обыкновенно неуловимыя измѣненія.

„Подобно тому какъ при помощи буквъ и образованныхъ изъ нихъ словъ пріобрѣтается благодаря этимъ знакамъ способность понимать содержаніе письма, точно также по нѣкоторымъ невольнымъ сокращеніямъ и растяженіямъ мускуловъ, по нѣкоторымъ мимолетнымъ выраженіямъ лица, по нѣкоторымъ звукамъ, незамѣтнымъ никому другому, сомнамбулы доходятъ до истолкованія въ другомъ идей, обозначаемыхъ этими знаками“ [3]).

Лучшимъ образцомъ чтенія мыслей можетъ служить слѣдующій, приведенный у Бонжана [4]).

---

[1]) Leçons cliniques, II, pp. 385—386.

[2]) Тамъ же, p. 387.

[3]) Liebeault, Thérapeutique suggestive, pp. 273—274.

[4]) L'Hypnotisme, pp. 261—316.

Въ сентябрѣ 1888 года весь Вервье былъ сильно занятъ одной сомнамбулой, которую показывалъ въ балаганѣ на ярмаркѣ гипнотизеръ. Послѣдній усыплялъ сомнамбулу, затѣмъ обращался къ присутствующимъ, предлагая написать что нибудь на бумагѣ и ему показать. Написавшій клалъ руку на руку или плечо сомнамбулы, а гипнотизеръ громко у нея спрашивалъ, повторяя вопросъ нѣсколько разъ: „Что написалъ этотъ господинъ“? Сомнамбула угадывала тотчасъ же, безъ ошибки и запинки, сколь бы ни трудна была написанная фраза, напр. *Autour des dolmens, sur ces hautes cimes* или *Un lot blousses à fournir lundi prochain* или *Si je tirais un sanglier à la prochaine traque* и т. д. Точно также неизмѣнно удавались опыты и съ монетами. Стоило гипнотизеру взглянуть на ту или другую монету, показанную ему зрителемъ, и сомнамбула безъ промедленія говорила какая монета, когда и гдѣ отчеканена, напр. *République française, an XI, Bonoparte, premier consul.* Не менѣе удивляло толпу и безошибочное угадываніе имени. „Не пожелаетъ ли m-lle (обращался гипнотизеръ къ одной изъ присутствующихъ) сказать потихоньку, какъ только возможно тише, свое имя или имя другого лица“? M-lle, у которой спрашивали, говорила на углу эстрады гипнотизеру на ухо такъ тихо, что ее не могли слышать самые близкіе сосѣди. Но сомнамбула, какъ скоро до нея дотрогивались рукой, тотчасъ же начинала: „Вы спрашиваете имя. Имя, которое вы сказали: *Генріетта*“.

Всѣ эти опыты поражали тѣмъ болѣе, что казались совершенно непостижимыми. Никакого обмана предположить было нельзя: все происходило при яркомъ дневномъ свѣтѣ, на глазахъ у тысячи зрителей, въ непосредственномъ присутствіи того, кто предлагалъ вопросъ.

Путь къ рѣшенію загадки былъ указанъ экспериментаторамъ въ Вервье д-ромъ Боланомъ, долго изучавшимъ способъ обученія глухонѣмыхъ.

Руководясь его указаніями, Бонжанъ пришелъ къ заключенію, что сомнамбула „на своей эстрадѣ просто на просто читала... на губахъ своего гипнотизера фразы, годы монетъ, имена, сказанныя шепотомъ ему на ухо на углу эстрады“ [1]). „Когда ее усыпляли, у нея появлялась гиперстесія зрѣнія. Хотя глаза у нея были закрыты— герметически закрытыми они только казались на первый взглядъ—

[1]) p. 297.

она видѣла все, что происходило на эстрадѣ и видѣла лучше, много лучше, чѣмъ громадное большинство окружавшихъ ее лицъ“ [1]).

Въ правильности этого объясненія Бонжанъ убѣдился при помощи слѣдующаго опыта, который ему кажется *experimentum crucis* Когда онъ передъ началомъ опыта попросилъ гипнотизера отвернуться къ стѣнѣ, тотъ смутился и отказался, и какъ скоро Бонжанъ заслонилъ его лицо своей фигурой, сомнамбула осталась безмолвной. На настойчивые вопросы гипнотизера она хотя и стала отвѣчать, но не то, что слѣдовало, то есть не то, что задумалъ Бонжанъ (напр. *Ivan* вмѣсто *Elfrid* и *Freya*).

Быть можетъ однако, предложенное Бонжаномъ объясненіе не исчерпываетъ вопроса. Возможно, что указателемъ служатъ не однѣ губы, но все лицо. Возможно также, что зрѣнію помогаетъ и слухъ.

„Во время глубокаго сна, въ которомъ находилась моя сомнамбула—сообщаетъ д-ръ Бурдонъ на гипнотическомъ конгрессѣ 1889 г.—я ее спросилъ: „О чемъ я думаю“?—О томъ то и о томъ то, отвѣчала она; я слышала, какъ вы думали... и то, что она сказала, было вполнѣ вѣрно. Нѣсколько времени спустя мнѣ писалъ д-ръ А. Руссо: „Не трудно объяснить мнимо мысленное внушеніе. Невозможно мыслить безъ того, что-бы глотка не говорила—хотя и въ тихомолку—но говорила... Такимъ образомъ всѣ эти необыкновенныя явленія мысленнаго или лжемысленнаго внушенія на дѣлѣ не что иное какъ явленія *чрезвычайной изощренности слуха*“ [2]).

Наблюденіе это подтверждается не только общимъ психофизіологическимъ закономъ, что всякому духовному состоянію соотвѣтствуетъ внѣшнее выраженіе, но и тѣснымъ взаимоотношеніемъ между словомъ и мыслью, вслѣдствіе котораго мысль безъ слова такъ же не мыслима, какъ слово безъ мысли.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнамбулѣ могло помогать и мысленное внушеніе, о которомъ рѣчь ниже. Извѣстный невропогъ Грассе, производившій надъ ней эксперименты въ Монпеллье, свидѣтельствуетъ, что она порою угадывала и тогда, когда гипнотизеръ оставался внѣ балагана, но сильно сосредоточивалъ свою мысль на угадываемомъ словѣ. Въ балаганѣ между тѣмъ записывали

---

[1]) p. 291.

[2]) Premier Congrès International de l'Hypnotisme, pp. 215 –216.

то, что говорила сомнамбула. Въ такихъ случаяхъ, по словамъ Грассе, *„на ряду съ крупными неудачами были весьма любопытныя удачи“*[1]).

Бонжанъ говоритъ о своемъ „открытіи“ съ большимъ торжествомъ, которое несомнѣнно было бы меньше, если бы автору было извѣстно, что предлагаемый Боланомъ и имъ способъ объясненія уже давно былъ указанъ Бэларже и другими изслѣдователями[2]).

На чтеніе мыслей впервые обратилъ всеобщее вниманіе въ 1884 году своими опытами Кумберлэндъ. Онъ приглашалъ одного изъ присутствовавшихъ спрятать ту или другую вещь, затѣмъ бралъ спрятавшаго за руку и, если у того не было намѣренія ввести экспериментатора въ обманъ, по большей части приходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ мѣсту спрятанной вещи. Съ тѣхъ поръ это одна изъ любимыхъ игръ въ Англіи. Въ настоящее время общепризнанный фактъ, что въ этомъ случаѣ не экспериментаторъ ведетъ субъекта, какъ съ перваго взгляда кажется, а наоборотъ субъектъ своими безсознательными движеніями руководитъ экспериментаторомъ. Эти явленія „психическаго автоматизма“ подробно и наглядно изложены и истолкованы у *Pierre Janet*, l'Automatisme psychologique, Paris, 1889 и *Binet*, Les Altérations de la personnalité, Paris, 1892. Спеціальная монографія о чтеніи мыслей *Preyer*, Die Erklärung des Gedankenlesen, nebst Beschreibung eines neuen Verfahrens zum Nachweise unwillkürlichen Bewegungen, Leipz., 1886.

Мысленное внушеніе. Отъ чтенія мыслей совершенно отличается (иногда съ нимъ смѣшиваемое) *мысленное внушеніе* или способность сообщать и воспринимать духовное воздѣйствіе помимо всякаго доступнаго наблюденію участія чувствъ. Изученіемъ этого внушенія вмѣстѣ съ *телепатіей* или способностью къ такому воспріятію въ формѣ предчувствій и галлюцинацій занимается Лондонское Society for the Psychical Research, издающее свой спеціальный журналъ, Proceedings of the Society etc., Lond., 1881—1893. Изъ школы Шарко мысленному внушенію удѣляетъ наибольшее вниманіе *Ш. Рише*, особенно въ Experimentelle Studien auf dem Gebiete der Gedankenübertragung und des sog. Hellsehens, autorisirte deutsche Ausgabe etc.,

---

[1]) Bonjean l'Hypnotisme, pp. 313—314 (письмо Грассе).

[2]) Liebeault, Le Sommeil, p. 106.

Stuttg., 1891. Самый полный трудъ по этому вопросу принадлежитъ *Охоровичу* De la Suggestion mentale, Paris, 1889. Вопросу о телепатіи (попутно и мысленному внушенію) посвящена объемистая работа *Гернея*, *Майерса* и *Подмора*, Phantasms of the Living, Lond., 1886. Текущія свѣдѣнія по этимъ вопросамъ помѣщаются, кромѣ Proceedings, въ Annales des Sciences psychiques, dir. par D-r Dariex, Paris 1890—1893, и въ различныхъ спиритическихъ журналахъ.

Здѣсь нѣтъ возможности входить въ подробное обсужденіе этихъ сложныхъ вопросовъ. Чтобы не удѣлять имъ мѣста больше, чѣмъ въ данномъ случаѣ можно, мы оставимъ въ сторонѣ спеціальныя монографіи по мысленному внушенію и телепатіи. Для насъ достаточно привести выдающіеся наглядные примѣры этихъ явленій, взятые непосредственно изъ гипнотической практики, освѣтить ихъ однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ толкованій и сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ ихъ реальности.

Опыты, произведенные недавно (1891 г.) въ клиникѣ Льебо и предложенное имъ объясненіе кажутся намъ наиболѣе соотвѣтствующими этимъ требованіямъ.

Иниціаторомъ этихъ опытовъ былъ Бони, а затѣмъ для дальнѣйшаго изученія присоединился еще Льежуа. Субъектомъ экспериментовъ была одна молодая дѣвушка, Камилла С..., у которой экспериментаторы не наблюдали самопроизвольнаго усыпленія и которая была очень воспріимчивой сомнамбулой. Прежде всего взялся за дѣло при помощи пассовъ Бони, усыплявшій ее неоднократно, на этотъ разъ пытаясь дѣйствовать изъ одной комнаты въ другую, „при чемъ она или по крайней мѣрѣ ея сознательное *Я* не подозрѣвала ничего“, и ему удалось такимъ образомъ привести ее въ сомнамбулизмъ въ короткое время нѣсколько разъ. Этотъ опытъ онъ повторилъ такимъ же способомъ и надъ тѣмъ же лицомъ и опять безъ ея вѣдома, ставъ въ саду Льебо, на холмикѣ, окруженномъ густой оградой изъ дикаго винограда и удаленномъ на 29 метровъ отъ того мѣста, на которомъ находилась сомнамбула. Этотъ холмикъ былъ недоступенъ для глазъ, и сверхъ того небольшая роща отдѣляла Бони отъ усыпляемой дѣвицы. Не смотря на эти препятствія, мѣшавшія найти экспериментатора, Камилла С... впала въ сонъ спустя восемнадцать минутъ послѣ того, какъ онъ направилъ свои пассы съ холмика, на которомъ былъ скрытъ.

Послѣ этого „важнаго испытанія" экспериментаторамъ болѣе не казался спорнымъ вызовъ глубокаго сна на разстояніи и совершенно помимо вѣдома усыпляемаго субъекта. Чтобы однако „придать еще болѣе достовѣрности этому порядку фактовъ", Льебо, когда Бони на долго оставилъ Нанси, попробовалъ произвести опытъ того же рода какъ и предыдущій, и на той же дѣвицѣ, но только поручивъ усыпленіе одному американскому врачу, никогда не видавшему ея въ гипнозѣ. Дѣйствія этого врача остались безъ результата. Затѣмъ, много спустя, Льебо сдѣлалъ другую попытку при содѣйствіи Льежуа, который, напротивъ, часто приводилъ Камиллу въ сомнамбулизмъ. То же мѣсто, тѣ же условія, что и прежде, только усыпитель дѣйствовалъ не пассами, а простымъ напряженіемъ мысли. На этотъ разъ сонъ обнаружился по истеченіи восьми минутъ и, что особенно важно, когда Льежуа, увѣдомленный о результатѣ, подошелъ къ спящей, она находилась въ сношеніи только съ нимъ однимъ, „какъ случается почти всякій разъ, когда производятъ на комъ либо сомнамбулизмъ вблизи". Этотъ характерный фактъ „былъ неотразимымъ доказательствомъ того, что дѣвушка впала въ сонъ подъ отдаленнымъ вліяніемъ, исходившимъ отъ личности Льежуа. Противъ предшествующихъ опытовъ можно возразить, что всѣ они были произведены между восьмью и девятью съ половиной часами и что субъектъ, ожидая усыпленія, засыпалъ по привычкѣ въ этотъ короткій промежутокъ. Это возраженіе не лишено силы, но какъ объяснить то, что она засыпала только въ дни опытовъ, всегда отдаленные одинъ отъ другого?"[1])

Льебо сообщаетъ другой еще болѣе интересный фактъ, который можетъ служить примѣромъ прозрѣнія въ отдаленныя пространства или *телепатіи*.

Случай, доставившій ему возможность наблюдать этотъ фактъ, была встрѣча съ семьей французскаго происхожденія, прибывшей изъ Луизіаны провести нѣкоторое время въ Нанси. Его профессія гипнотизера привела къ нему главу этого семейства съ просьбой лѣчить его племянницу, недавно возвратившуюся больной изъ Кобленца, гдѣ она была учительницей въ одномъ воспитательномъ учрежденіи. Послѣ того какъ она была исцѣлена внушеніемъ въ два сеанса, въ которые

[1]) La Thérapeutique suggestive, pp. 274—276.

ее удалось привести въ сомнамбулизмъ, она стала по совѣтамъ своей тетки, пишущаго спирита, упражняться въ томъ, чтобы сдѣлаться подобнымъ же медіумомъ, что̀ ей было не очень трудно, такъ какъ она легко впадала въ глубокій сонъ. Въ два мѣсяца она, подобно своей теткѣ, сдѣлалась пишущимъ спиритомъ перваго разряда. И такъ, однажды, 7 февраля 1868 г., около восьми часовъ утра, къ нему пришла вся эта американская семья, отецъ, мать, дѣти, племянница и принесли такъ называемое „посланіе“. Это была большая тетрадь, на двадцати пяти листахъ которой была начерчена довольно крупными буквами трудно читаемая и почти повсюду одинаковая фраза. Но на послѣднемъ листѣ можно было разобрать слѣдующія четыре слова: „Прощай, я умираю Катерина“. Вдругъ (такъ увѣряли Льебо), около часу тому назадъ, медіумъ, садясь завтракать, почувствовалъ себя въ сильномъ возбужденіи или, какъ выражаются спириты, въ *трансѣ*. Бросившись къ карандашу и тетради, которые всегда лежали готовыми, что бы тотчасъ же можно было писать, что̀ обыкновенно подсказывали „посланники изъ загробнаго міра“, она воскликнула, схвативъ карандашъ: „Духъ“. Затѣмъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ быстро стала писать на одномъ за другимъ листахъ тетради, которые ей перевертывали по мѣрѣ того какъ она ихъ исписывала, сначала неразборчивую линію, затѣмъ на послѣдней страницѣ выше приведенныя едва читаемыя слова. Какъ скоро медіумъ вышелъ изъ транса и узналъ о томъ, что имъ было написано, тотчасъ же ей пришло на мысль, что она утратила одну изъ своихъ близкихъ подругъ, Катерину Х..., которую она оставила здоровою въ нѣмецкомъ пансіонѣ, гдѣ онѣ обѣ были учительницами. Это странное откровеніе и было причиной того, почему вся семья пришла рано утромъ къ Льебо. Тотчасъ же было рѣшено навести справку, дѣйствительно ли произошло возвѣщенное событіе. Съ этою цѣлью медіумъ подъ воображаемымъ предлогомъ, но безъ всякаго намека на „посланіе“, написалъ письмо къ одной англичанкѣ, продолжавшей быть учительницей въ томъ же самомъ учрежденіи, какъ и предполагаемая умершая. Нѣсколько дней спустя отъ этой англичанки пришелъ отвѣтъ, въ которомъ она извѣщала о смерти общей подруги, при чемъ находила страннымъ, что получила изъ Нанси письмо, причину котораго не могла себѣ объяснить какъ слѣдуетъ. Она писала „съ безпокойствомъ“ буквально слѣдующее: „Я вамъ посылаю извѣщеніе о смерти

Катерины Х..., скончавшейся 7 февраля въ 8 часовъ утра. Не забудьте мнѣ сообщить, что произошло; мнѣ было бы интересно знать". Это извѣщеніе было маленькій лоскутокъ бумаги..., на которомъ напечатано по нѣмецки, что Катерина Х... умерла въ самый день „посланія". [1]).

„По истинѣ (восклицаетъ Льебо) вотъ одно изъ наиболѣе поразительныхъ происшествій. Оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя уже замѣтили Охоровичъ, Дюссаръ, Жиберъ, Ш. Рище, Бони, Льежуа и я; но оно многозначительнѣе ихъ. Слѣдуетъ ли отступать отъ разсмотрѣнія этихъ фактовъ сообщенія мысли на разстояніи подъ предлогомъ, что по своей рѣдкости они могли произойти вслѣдствіе простого совпаденія, или же на томъ основаніи, что они плохо наблюдались? Или слѣдуетъ ихъ отвергнуть сразу, какъ это дѣлаютъ крайне заносчивые умы, которые безъ всякихъ разговоровъ отрицаютъ то, что превосходитъ наши небольшія знанія? Мнѣ кажется болѣе благоразумнымъ воздержаться отъ сужденія, подождавъ новыхъ опытовъ, такъ какъ здѣсь Гордіевъ узелъ, который слѣдуетъ не разрубить, но распутать. Сколько разъ случалось, что ученые отвергали факты большой важности и чувствовали себя затѣмъ глубоко и справедливо униженными!"

Чтобы не раздѣлять судьбы этихъ ученыхъ, Льебо, въ ожиданіи другихъ опытовъ для подтвержденія предыдущихъ фактовъ, не опасается выставить „вѣроятную гипотезу, что если при извѣстныхъ органическихъ состояніяхъ мозгъ и чувства человѣка получаютъ болѣе живыя впечатлѣнія и вырабатываютъ болѣе сложныя дѣйствія, чѣмъ обыкновенно, то эти органы могутъ въ этихъ состояніяхъ, особенно у нѣкоторыхъ весьма чувствительныхъ субъектовъ, быть способными къ функціональной дѣятельности болѣе тонкой, чѣмъ какую до сихъ поръ подозрѣвали. Напримѣръ, если вмѣстѣ съ нѣкоторыми непредубѣжденными умами допустить, что колебанія, передаваемыя чрезъ прикосновеніе между усыпителями и сомнамбулами, не только принимаются, но и понимаются этими послѣдними, то развѣ далеко до предположенія, что и здѣсь, подобно тому какъ въ большинствѣ физическихъ явленій, всѣми признанныя волнообразныя дви-

---

[1]) pp. 277—279.

женія, служащія настоящими продолжателями этихъ колебаній, могутъ передаваться чрезъ воздухъ на большихъ разстояніяхъ и затѣмъ чувствоваться и истолковываться крайне нервными субъектами? И къ этому мнѣнію слѣдуетъ особенно склоняться въ тѣхъ случаяхъ, когда испытуемые субъекты привыкли къ загипнотизованію однимъ и тѣмъ же гипнотизеромъ, или же если между ними и имъ существуетъ симпатія, влеченіе характеровъ, какъ, напримѣръ, это было у двухъ дѣвушекъ въ предыдущемъ наблюденіи.

Всѣми признано, что почтовые голуби, перевезенные далеко, находятъ свою голубятню совершенно неизвѣстно какъ; что собаки, кошки, ослы и т. д. обладаютъ тою же способностью; что животныя, стоящія гораздо ниже въ цѣпи существъ, пчела, черепаха, лосось, одарены тѣмъ же свойствомъ. Почему же отказывать человѣку, котораго чувство и умъ, какъ извѣстно, доходятъ порою до высокой степени экзальтаціи и проницательности, въ возвышенной способности получать внушенныя сообщенія, приходящія изъ отдаленныхъ мѣстъ и молчаливо вызванныя умственнымъ дѣйствіемъ?“

Въ разсматриваемыхъ нами спеціальныхъ случаяхъ „несомнѣнно нѣтъ ничего невозможнаго, что бы сомнамбулы и медіумы безъ всякаго сознательнаго ощущенія получали чрезъ далекія разстоянія своими чувствами движенія воздуха и затѣмъ мысленно истолковывали эти колебанія; и если во второмъ изъ описанныхъ случаевъ передачи мысли сообщеніе произошло на разстояніи 250 километровъ, то развѣ переданныя волнообразныя движенія не были усилены у одного изъ субъектовъ исключительною воспріимчивостью чувствъ, а у другого тѣмъ крайнимъ состояніемъ волненія, которое выражается мыслью въ послѣдній моментъ существованія? Если извѣстно, что силы низшія качествомъ чѣмъ силы мыслящія, силы притяженія, свѣта, теплоты, электричества и пр. проникаютъ неизмѣримыя пространства во всѣхъ направленіяхъ и чрезъ промежутки между небесными тѣлами, наполняютъ пространства и міры, то почему же мысль человѣческая, эта сила, отъ знанія которой мы еще такъ далеки, не можетъ вслѣдствіе извѣстныхъ волнообразныхъ движеній передаваться чрезъ атмосферу отъ лица, выражающаго эту мысль, другому, которое въ свою очередь симпатически чувствуетъ ея переданные знаки и ихъ впослѣдствіи истолковываетъ?“ [1]).

[1]) pp. 279—281.

Въ этомъ объясненіи Льебо стоитъ на почвѣ ученія флюидистовъ. Мы оставимъ критику флюидическихъ теорій до слѣдующаго очерка. Здѣсь намъ важно лишь указать на непослѣдовательность Льебо. При объясненіи всѣхъ остальныхъ гипнотическихъ явленій онъ упорно стоитъ на психологической почвѣ и не желаетъ съ нея сойти даже тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ вопросѣ объ избирательномъ сомнамбулизмѣ [1]), она явно безплодна. Въ ученіи о мысленномъ внушеніи и телепатіи онъ не колеблясь ее покидаетъ. Но если возможно отступиться отъ своего принципа въ одномъ случаѣ, то почему же и не въ другихъ, когда это столь же необходимо? И эта уступка флюидистамъ для Льебо должна быть тѣмъ легче, что въ своемъ объясненіи онъ говоритъ о „колебаніяхъ, передаваемыхъ чрезъ прикосновеніе между усыпителями и сомнамбулами", то есть именно о томъ, на чемъ настаиваютъ при объясненіи гипнотическихъ явленій флюидисты, которыхъ вдобавокъ онъ называетъ „непредубѣжденными умами". Впрочемъ, намъ въ данномъ случаѣ важны не объясненія, а факты.

Мысленное внушеніе кажется на столько страннымъ, что многіе считаютъ его прямо невозможнымъ. Однако факты такого внушенія были неоднократно засвидѣтельствованы даже тогда, когда ничего не знали ни о гипнотизмѣ, ни о внушеніи. Вѣра въ его существованіе проходитъ черезъ всѣ Средніе вѣка [2]). Въ особенности изобилуетъ свидѣтельствами о немъ XVII вѣкъ, столь богатый разными нервными „демонопатическими эпидеміями". Извѣстный заклинатель отецъ Сюренъ, „человѣкъ добросовѣстный и котораго никто никогда не подозрѣвалъ во лжи" [3]), увѣряетъ, что „бѣсы (т. е. одержимыя) *болѣе двухсотъ разъ* открывали ему самыя тайныя вещи, скрытыя въ его мысли или въ его особѣ" [4]). По словамъ Кальмейля, одного изъ лучшихъ исторіографовъ всякихъ повальныхъ нервныхъ болѣзней, „въ *сотнѣ* случаевъ можно думать, что одержимыя читали въ мысляхъ монаховъ, на обязанности которыхъ было изгонять бѣсовъ" [5]). Но что

---

[1]) Выше, стр. 93—99.

[2]) Soldan, Geschichte der Hexenprozesse, neu bearb. v. Heppe, Stuttg. 1880, II, 366.

[3]) Figuier, L'Histoire du Merveilleux, I, p. 255.

[4]) Bertrand, Du Magnétisme etc., p. 321.

[5]) Figuier, l. c. p. 256. Къ сожалѣнію, при обработкѣ настоящаго отдѣла у меня не было въ рукахъ труда Кальмейля, которымъ я могъ пользоваться при другомъ случаѣ.

всего лучше, мысленное внушеніе засвидѣтельствовано оффиціальнымъ документомъ, подписаннымъ братомъ короля, „сыномъ Франціи“, во всеобщее свѣдѣніе французскаго народа:

„Мы, Гастонъ, сынъ Франціи, герцогъ Орлеанскій, удостовѣряемъ... Желая получить совершенный признакъ одержанія этихъ дѣвицъ, мы согласились секретно и шопотомъ съ о. Транквиллемъ, капуциномъ, приказать бѣсу Сабюлону, одержащему въ настоящее время упомянутую сестру Клару, чтобы она пошла и *поцѣловала правую руку о. Елисея*, своего заклинателя, и названный бѣсъ повиновался нашему приказанію согласно нашему желанію буквально, и это насъ заставило вполнѣ повѣрить, что то, что̀ говорили намъ эти духовныя лица, занимавшіяся изгоняніемъ бѣсовъ изъ названныхъ дѣвицъ, объ одержаніи сихъ послѣднихъ, есть истина, такъ какъ невѣроятно, чтобы такія (странныя) движенія и такія познанія сокровенныхъ вещей могли быть приписаны человѣческимъ силамъ. Желая о семъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, мы соизволили на сіе удостовѣреніе, подписанное нашимъ именемъ и скрѣпленное секретаремъ нашимъ, нашего дома и финансовъ Франціи, 11 мая 1635 г.“ [1]).

Въ неоффиціальныхъ документахъ подобные случаи удостовѣрены десятками. Мы ограничимся слѣдующими, приведенными въ одной Histoire des diables XVII в. объ Оксонскихъ бѣсноватыхъ монахиняхъ (1652—1662 г.).

„Почти всѣ онѣ засвидѣтельствовали свое знаніе сокровеннаго въ тайнахъ мысли, и это особенно проявилось въ томъ, что онѣ обыкновенно очень точно исполняли *тайныя* (*interieures*) *приказанія*, которыя имъ въ различныхъ случаяхъ давали ихъ заклинатели, *при чемъ эти приказанія не были выражены ни словами, ни какимъ либо инымъ внѣшнимъ знакомъ*. Такихъ опытовъ Шалонскій епископъ сдѣлалъ нѣсколько, между прочимъ на Денисѣ Парисе..., которая, когда онъ *ей приказалъ въ глубинѣ своей мысли* придти къ нему для изгнанія изъ нея бѣсовъ, пришла къ нему тотчасъ же, хотя жила въ довольно отдаленной части города, и сказала господину епископу, что она получила приказаніе придти, и это она сдѣлала нѣсколько разъ.... И еще на сестрѣ Жаменъ, послушницѣ, которая, уходя послѣ заклинаній, ему

[1]) Figuier, l. c. p. 205.

сказала *о тайномъ (interieur) приказаніи*, которое онъ сдѣлалъ бѣсу во время заклинанія. И на сестрѣ Бортонъ, которой онъ *мысленно (mentalement) приказалъ* во время самыхъ сильныхъ ея корчъ придти и пасть съ распростертыми руками ницъ предъ св. Причастіемъ и которая это приказаніе исполнила въ то же мгновеніе, какъ онъ его сдѣлалъ, съ совершенно необычайной поспѣшностью и быстротою" [1]).

Для правильной оцѣнки этихъ свидѣтельствъ необходимо знать, что у монахинь не могло быть никакого повода обманывать, такъ какъ способность угадывать мысли считалась одной изъ уликъ одержанія, отъ котораго исцѣляли если не всегда на кострахъ, то во всякомъ случаѣ послѣ ряда утомительныхъ заклинаній, и „одержимымъ сестрамъ" не за что было быть признательными сидѣвшимъ въ нихъ бѣсамъ, поспѣшившимъ заявить о себѣ заклинателямъ такъ нагло. Съ другой стороны нѣтъ причинъ думать, что и заклинатели намѣренно удостовѣряли неправду. Поэтому въ основаніи ихъ свидѣтельствъ должно предполагать дѣйствительный фактъ, хотя быть можетъ и невѣрно истолкованный.

Изъ магнитизеровъ впервые замѣтилъ мысленное внушеніе Пюисегюръ [2]). Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней по этому вопросу накопился весьма значительный матеріалъ, объединенный въ извѣстныхъ уже намъ трудахъ *Гернея, Майерса и Подмора* Phantasms of the Living и *Охоровича* De la Suggestion mentale etc.

Большая часть ранніхъ свидѣтельствъ не могутъ считаться доказательными, такъ какъ не подтверждены никакими доводами, исключающими возможность иного объясненія. Но опыты, произведенные англійскимъ Society for the Psychical Research обставлены на столько хорошо и ихъ результаты на столько убѣдительны, то презрительное отношеніе къ вопросу о мысленномъ внушеніи въ настоящее время можетъ быть достояніемъ только ученой рутины.

При опытахъ Society etc. „субъекта съ завязанными глазами сажаютъ въ одномъ изъ залъ Общества передъ столомъ, на которомъ положены карандашъ и нѣсколько листовъ бумаги. Возлѣ него стоитъ членъ Общества, наблюдающій внимательно за тѣмъ, чтобы открыть

[1]) Отрывокъ этотъ приведенъ, вѣроятно, по Кальмейлю, у Dupouy, Le Moyen âge médical, Paris, 1888, pp. 215—216, съ указаніемъ страницъ подлинника (57 и 58), но безъ обозначенія автора и года.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal, 3 éd., Paris, 1820, pp. 22. 29 etc.

ту или другую уловку, если такая окажется. Другой членъ комитета уходитъ изъ зала и въ запертой комнатѣ рисуетъ какую нибудь фигуру. Затѣмъ онъ призываетъ въ эту комнату экспериментатора и, затворивъ дверь, показываетъ ему рисунокъ. Послѣ этого экспериментатора ведутъ съ завязанными глазами въ залъ и ставятъ или сажаютъ *позади* субъекта въ разстояніи приблизительно шестидесяти сантиметровъ. Послѣ короткаго періода *сильной умственной сосредоточенности* экспериментатора субъектъ беретъ карандашъ и среди общаго молчанія воспроизводитъ на лежащей передъ нимъ бумагѣ на сколько возможно точно полученное имъ „впечатлѣніе“ рисунка“ [1]).

Въ какой мѣрѣ вѣрно это „впечатлѣніе“ передаетъ рисунокъ, всякій можетъ безъ труда судить по опубликованнымъ чертежамъ, воспроизведеннымъ между прочимъ и въ распространенныхъ изданіяхъ, напримѣръ, у *Gessman*, Magnetismus und Hypnotismus (Elektrotechnische Bibliothek, B. XXXV), Leipz., 1886, на отдѣльномъ листѣ, p. 204 (на основаніи опытовъ Гюббе-Шлейдена и собственныхъ) и *Cullere*, Magnétisme etc., pp. 217—219.

Изъ протоколовъ Общества видно, что между тѣмъ какъ при помощи мысленнаго внушенія удача бываетъ въ одномъ изъ $5^1/_4$ случаевъ, безъ такого внушенія она бываетъ въ одномъ изъ 43.

Объясненіе, предложенное Льебо, есть отголосокъ болѣе разработанной теоріи въ замѣчательномъ трудѣ *P. Despine*, Étude scientifique sur le Somnambulisme etc., Paris, 1880, о которомъ мы будемъ говорить въ очеркѣ ученія флюидистовъ.

Но быть можетъ существуетъ болѣе простое объясненіе засвидѣтельствованныхъ у Льебо фактовъ? Быть можетъ, въ первомъ случаѣ сомнамбула каждый разъ догадывалась, что ее собираются усыплять, и засыпала вслѣдствіе самовнушенія? Быть можетъ, она не спала, а притворялась?

Отвѣчать съ увѣренностью въ томъ или другомъ смыслѣ на эти вопросы возможно было бы лишь при личномъ участіи въ опытахъ. Слѣдуетъ однако имѣть нѣкоторое довѣріе къ огромной гипнотической практикѣ Льебо, Бони и Льежуа, хотя съ другой стороны нельзя

---

[1]) Denicker, La lecture de la Pensée et la Société des recherches psychologiques, Science et Nature, V. IV, p. 243 (1885).

забывать и того, что лица подобныя Льебо и Льежуа, умъ которыхъ заполоненъ одной неотступной идеей, способны порой по ея „внушенію“ видѣть то, чего нѣтъ на дѣлѣ.

Косвеннымъ подтвержденіемъ перваго изъ разсматриваемыхъ опытовъ могутъ служить совершенно подобные же эксперименты Жибера, Пьера Жане, Охоровича, обставленные, по ихъ увѣренію, всѣми предосторожностями [1]). Одно изъ послѣднихъ наблюденій этого рода принадлежитъ Веттерстранду.

„Въ настоящее время (пишетъ этотъ вообще осторожный авторъ Шмидкунцу отъ 5 декабря 1890 г. [2]) я пользую 33 лѣтнюю даму, которая спала непрерывно въ теченіе трехъ недѣль. Я могу, не выходя изъ своего дома, ее пробуждать отъ сна сосредоточенной мыслью и затѣмъ усыплять снова, могу заставлять ее дѣлать то или другое движеніе, и когда спрашиваю, почему она его дѣлаетъ, она всегда отвѣчаетъ: „Потому что ты этого хочешь“. Во время ея сна я заставилъ ее перейти изъ спальни ко мнѣ въ другую комнату, и на мой вопросъ, почему она встала именно теперь, она отвѣчала: „Потому что ты этого хочешь“. Для меня теперь непосредственное перенесеніе мыслей—доказанный фактъ, въ которомъ я до сихъ поръ сомнѣвался, но теперь увѣрился собственными глазами. Эта передача мыслей можетъ наступить тогда, когда усыпленный ни одной минуты не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ гипнотизера, и дѣйствительно, она не думаетъ ни о чемъ, кромѣ меня“ и пр.

Возможно однако (скажетъ пожалуй скептикъ), что и гипнотизеръ для достиженія этого результата не долженъ думать ни о чемъ, кромѣ своего субъекта, и что именно оттого вѣроятно ложное истолкованіе фактовъ.

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn...

Позднѣе Веттерстранду пришлось наблюдать другой подобный же примѣръ [3]).

Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что за исключеніемъ опытовъ съ угадываніемъ заранѣе написанныхъ словъ, цыфръ, рисун-

---

[1]) Ochorowicz, De la Suggestion mentale, pp. 118—156.

[2]) Schmidkunz, Psychologie der Suggestion, pp. 36—36.

[3]) Тамъ же, p. 352.

ковъ, экспериментаторы нисколько не заботятся объ установленіи объективныхъ признаковъ мысленнаго внушенія. Почему бы, напримѣръ, не испытать его на психическомъ параличѣ?

Въ приведенномъ у Льебо случаѣ *телепатіи* требуютъ объясненія два пункта: 1) почему медіумъ впалъ въ „трансъ“ и 2) совпаденіе этого „транса“ съ предсказанною въ немъ смертью.

Первое можетъ быть объяснено на почвѣ ученія о неотвязныхъ идеяхъ. Всѣмъ извѣстно, что разлука съ любимымъ существомъ способна вызывать о немъ всякія тревожныя мысли, между прочимъ и самую тяжелую о возможности его смерти. У лицъ нервныхъ, истеричныхъ, предрасположенныхъ къ „навожденіямъ“, такая мысль можетъ сдѣлаться неотвязной идеей, настойчиво требующей обнаруженія. Если сдерживать это обнаруженіе, или, наоборотъ, отдать себя сознательно или безсознательно во власть господствующей идеи, то можетъ наконецъ произойти „кризисъ“, въ которомъ обнаруженіе наступаетъ во всей сообразной съ обстоятельствами силѣ. Какъ на общеизвѣстные примѣры можно указать на всѣ вообще „взрывы“ страсти—въ любви, ревности, ненависти, гнѣвѣ и проч. Спиритическіе „трансы“ съ психологической точки зрѣнія не что иное какъ добровольное, хотя подъ часъ и безсознательное, подчиненіе своего духовнаго строя опредѣленному порядку настойчивыхъ идей. Почему въ разсматриваемомъ случаѣ „трансъ“ обнаружился именно утромъ, мы не знаемъ, но возможно, что вслѣдствіе соотвѣтствующаго сновидѣнія, сохраненнаго памятью или даже и позабытаго. О свойствѣ сновидѣній порождать настойчивыя идеи, требующія осуществленія, намъ уже извѣстно изъ наблюденій Краффтъ-Эбинга [1]).

Труднѣе объяснить совпаденіе. Но было-ли оно? Кто считалъ минуты и секунды? Намъ извѣстно только, что какъ „трансъ“, такъ и смерть подруги, произошли „въ 8 часовъ“. На такихъ неопредѣленныхъ указаніяхъ нельзя строить никакихъ заключеній. Всякое доказательство требуетъ точныхъ данныхъ; гдѣ такихъ данныхъ нѣтъ, тамъ могутъ быть только предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя, смотря по степени ихъ согласія съ достовѣрными фактами, но не можетъ быть никакихъ доказательствъ.

---

[1]) Выше, стр. 165—166.

Предсказаніе будущаго. Намъ остается разсмотрѣть послѣдній отдѣлъ ясновидѣнія—предсказаніе всякаго вообще будущаго. Было бы излишнимъ распространяться объ извѣстномъ всѣмъ фактѣ, что профессіональные гадатели и гадалки стараются обыкновенно „изрекать“ на основаніи того, что̀ имъ удается вывѣдать отъ самихъ спрашивающихъ, и что если въ нихъ слѣдуетъ искать особаго дара, то не къ ясновидѣнію, а скорѣе къ шарлатанству. Но бываютъ случаи, способные легковѣрныхъ приводить въ ужасъ, ставить въ тупикъ невѣрующихъ, вводить въ глубокомысленныя соображенія вдумчивыхъ. Я приведу два примѣра, заимствованные, какъ и предыдущіе, у Льебо. На нихъ всего лучше можно видѣть и удивительныя совпаденія, и вызванныя ими глубокомысленныя разсужденія, и простой вѣроятный способъ къ выходу изъ затрудненія.

Первый случай извлеченъ изъ реестровъ Льебо „за № 339, 7 января 1886 г.“.

Въ этотъ день пришелъ къ нему нѣкто де Ш... за совѣтомъ относительно легкаго нервнаго разстройства, вызваннаго безпокойствомъ вслѣдствіе текущаго судебнаго процесса и опасеніями за будущее. Въ 1879 г., 26 декабря, прогуливаясь по одной улицѣ Парижа, онъ увидалъ на одной двери надпись: M-me Ленорманъ, гадалка. „Подстрекаемый необдуманнымъ любопытствомъ“, онъ отправился къ ней. Гадалка посадила его за столъ, подготовила его выжидательное вниманіе непродолжительнымъ отсутствіемъ изъ зала, затѣмъ стала передъ нимъ и, посмотрѣвъ на его ладонь, сказала: „Вы лишитесь отца черезъ годъ, день въ день. Вскорѣ затѣмъ вы сдѣлаетесь солдатомъ (ему было восемнадцать лѣтъ); но вы не пробудете на службѣ долго. Вы рано женитесь, у васъ будетъ двое дѣтей и вы умрете двадцати шести лѣтъ“.

„Этому поразительному пророчеству (говоритъ Льебо) де Ш... не придавалъ сначала значенія. Но такъ какъ его отецъ умеръ 27 декабря 1880 г. послѣ непродолжительной болѣзни и ровно черезъ годъ со дня свиданія съ гадалкой, то это несчастіе нѣсколько охладило его невѣріе. И когда онъ сдѣлался солдатомъ—всего въ теченіи семи мѣсяцевъ—, когда спустя немного женился и сталъ отцемъ двухъ дѣтей и былъ наканунѣ своихъ двадцати шести лѣтъ, его окончательно обуялъ страхъ, и онъ думалъ, что ему осталось жить всего нѣсколько дней. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, нельзя ли пре-

дотвратить грядущую ему судьбу. Если—думалъ онъ—четыре первыя предсказанныя событія сбылись, пятое должно осуществиться роковымъ образомъ".

Въ этотъ и слѣдующіе дни Льебо пытался привести де Ш... въ глубокій сонъ, что бы разсѣять черныя мысли, овладѣвшія его умомъ, въ особенности мысль о близкой смерти, которая по его мнѣнію, должна была наступить 4 февраля, въ день его рожденія, хотя Ленорманъ не указала въ этомъ отношеніи никакихъ точныхъ данныхъ. Но Льебо не могъ у этого молодого человѣка вызвать даже самый легкій сонъ, на столько сильно онъ былъ взволнованъ. Однако, было необходимо освободить его отъ увѣренности въ скорой смерти, „увѣренности опасной, такъ какъ неоднократно замѣчали, что подобнаго рода предвидѣнія буквально исполнялись вслѣдствіе самовнушенія". Поэтому Льебо измѣнилъ образъ дѣйствія и предложилъ больному посовѣтоваться съ однимъ изъ своихъ сомнамбуловъ, почти семидесятилѣтнимъ старикомъ, получившимъ названіе пророка за то, что усыпленный Льебо, „онъ безошибочно предсказалъ точный срокъ своего выздоровленія отъ ревматизма, длившагося четыре года, и даже время выздоровленія своей дочери, при чемъ это послѣднее исцѣленіе было обязано приказанію сдѣлаться здоровой въ заранѣе опредѣленный часъ, то есть мысли, которою заставилъ больную проникнуться ея отецъ". Де Ш... принялъ предложеніе съ жадностью и не преминулъ точно явиться на устроенное свиданіе. Когда онъ вошелъ въ сношеніе съ сомнамбуломъ, его первыя слова были: „Когда я умру?" Опытный старикъ, подозрѣвая смятеніе молодого человѣка, отвѣтилъ послѣ нѣкотораго промежутка: „Вы умрете..., вы умрете сорока одного года". Дѣйствіе, произведенное этими словами, было чудесное. Тотчасъ же молодой человѣкъ сталъ веселъ, разговорчивъ, полнъ надеждъ, и когда прошло 4 февраля, онъ считалъ себя спасеннымъ.

„Послѣ этого (продолжаетъ Льебо) нѣкоторые изъ слышавшихъ объ этой тяжелой исторіи стали думать, что въ ней нѣтъ ни доли правды, что весь этотъ воображаемый разсказъ молодой человѣкъ измыслилъ вслѣдствіе послѣгипнотическаго внушенія. Пустыя слова! Жребій былъ брошенъ, ему суждено было умереть.

Я пересталъ думать обо всемъ этомъ, когда въ началѣ октября получилъ письмо съ извѣщеніемъ, что мой несчастный больной умеръ

30 сентября 1888 г., на двадцать седьмомъ году, то есть двадцати шести лѣтъ, какъ предсказала Ленорманъ. И что бы нельзя было предположить, что мой разсказъ можетъ быть сумасбродной иллюзіей моего ума, я храню какъ это письмо, такъ и запись, изъ которой я впослѣдствіи извлекъ сообщенное мною наблюденіе. Позже я узналъ, что этотъ несчастный, посланный своимъ врачемъ на воды въ Контрексвилль для лѣченія отъ желчныхъ камней, слегъ тамъ вслѣдствіе разрыва мѣшка съ желчью и вызваннаго этимъ воспаленія брюшины".

Второе наблюденіе сообщено Льебо однимъ банкиромъ Л., „весьма почтеннымъ господиномъ".

Въ одной семьѣ въ окрестностяхъ Нанси часто усыпляли одну 18 лѣтнюю дѣвицу. Всякій разъ какъ ее приводили въ сомнамбулизмъ, она начинала сама собой, какъ бы по вдохновенію, повторять на каждомъ сеансѣ, что одна близкая родственница, которую она называла, скоро умретъ, не доживъ до 1 января. Это было въ ноябрѣ 1883 г. Такая настойчивость сомнамбулы навела главу семьи, чуявшаго въ этомъ дѣлѣ наживу, на мысль застраховать жизнь упомянутой дамы въ 10.000 фр. Дама была совершенно здорова и могла бы легко получить отъ врача удостовѣреніе. Что-бы найти необходимую сумму, онъ обратился къ Л... и написалъ ему нѣсколько писемъ, въ одномъ изъ которыхъ сообщалъ о мотивѣ, побуждающемъ его сдѣлать заемъ. Эти письма показывалъ Льебо банкиръ Л., который ихъ хранитъ какъ неоспоримое доказательство предвозвѣщеннаго событія. Но стороны не согласились относительно процентовъ, и дѣло осталось на вѣсу. Нѣсколько времени спустя заемщику пришлось обмануться въ ожиданіяхъ. Дама Х..., которая по предсказанію, должна была умереть 1 января, дѣйствительно умерла, и притомъ вдругъ, 31 декабря, что удостовѣряетъ послѣднее письмо отъ 2 января, адресованное банкиру Л. Это письмо Л. хранитъ вмѣстѣ съ другими, полученными имъ раньше о той же особѣ[1]).

Льебо предоставляетъ „работникамъ будущаго" на основаніи дальнѣйшихъ наблюденій рѣшить вопросъ о томъ, были ли засвидѣтельствованныя въ обоихъ разсказахъ странныя совпаденія между

[1]) Thérapeutique suggestive, pp. 282—285.

предсказаніемъ фактовъ и ихъ осуществленіемъ дѣломъ случая, или нѣтъ. Пока же, „стоя на новой почвѣ предвидѣнія будущихъ психоорганическихъ событій посредствомъ сомнамбулъ и пр.“, онъ рѣшается „выставить по этому вопросу нѣсколько рискованныхъ дедукцій“ съ тѣмъ, что бы „побудить ученыхъ, чуждыхъ предразсудковъ, къ изслѣдованіямъ, которыя могутъ оказаться плодотворными“.

Эти „дедукціи“ не только могутъ служить лучшимъ образцомъ того, какъ вдумчивые умы способны глубоко относиться къ тому, мимо чего верхоглядство проходитъ съ презрительной усмѣшкой, но и заслуживаютъ полнаго вниманія по широкому захвату мысли, сказавшей въ этомъ случаѣ все, что при предположеніи возможности прозрѣнія можно сказать объ его причинахъ.

„Міръ въ своемъ видимомъ развитіи (такъ разсуждаетъ Льебо) [1]) представляетъ сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, идущихъ одни за другими въ порядкѣ и неизмѣннымъ образомъ. Все происходитъ такъ, что то, что̀ бываетъ слѣдствіемъ, становится причиной слѣдующаго дѣйствія, и такъ далѣе. Въ этомъ сцѣпленіи ничто не происходитъ изъ ничего; ничто не умираетъ и не возвращается въ ничто: все, силы и матерія, превращается и себя продолжаетъ. Эта неизмѣнная связь между каждымъ послѣдовательнымъ событіемъ, очевидная напримѣръ въ теченіи небесныхъ свѣтилъ, гдѣ она позволяетъ предвѣщать факты въ опредѣленный часъ за нѣсколько вѣковъ впередъ, встрѣчается во всѣхъ физическихъ фактахъ, наблюдаемыхъ и открываемыхъ ежедневно людьми науки, не исключая даже явленій метеорологическихъ, всегда столь измѣнчивыхъ, столь сложныхъ вслѣдствіе случайныхъ и многоразличныхъ причинъ, ихъ вызывающихъ. Точно также наука устанавливаетъ эту связь въ томъ вѣчномъ кругѣ, гдѣ, вслѣдствіе совмѣстнаго преобразованія никогда не отдѣлимыхъ матеріи и силъ, происходитъ развитіе отъ грубаго вещества до растенія, отъ растенія до животнаго, что бы это развитіе возвратилось послѣ этихъ измѣненій къ первоначальному состоянію неодушевленной матеріи, такъ какъ этотъ кругъ повторяется поочередно всегда тѣмъ же способомъ.

---

[1]) pp. 285—289.

Особенно въ развитіи того, что̀ обладаетъ жизнью, спеціальномъ развитіи, которое насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ,—напримѣръ въ послѣдовательномъ и непрерывномъ сходствѣ существъ всякаго рода, смѣняющихъ одно другое изъ поколѣнія въ поколѣніе и похожихъ другъ на друга и на всѣхъ другихъ въ способѣ размноженія, рожденія, развитія, старости и прехожденія; равнымъ образомъ въ непрерывной правильности функцій, исполняемыхъ этими существами во все время ихъ существованія; наконецъ, во всѣхъ крупныхъ признакахъ различныхъ жизненныхъ явленій, между собою солидарныхъ, которыя каждое изъ нихъ представляетъ,—наука удостовѣряетъ безспорные законы причинъ и слѣдствій.

Въ настоящее время, когда вмѣстѣ съ Менделѣевымъ допускаютъ, что незримыя эволюціи химическихъ тѣлъ безусловно подобны видимымъ эволюціямъ небесныхъ тѣлъ и что онѣ повинуются тѣмъ же простымъ законамъ всеобщаго тяготѣнія; что молекулярныя построенія химиковъ аналогичны построеннымъ астрономами солнечнымъ системамъ двойныхъ или одиночныхъ звѣздъ; что всѣ эти явленія, кажущіяся столь противоположными, подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ причинъ и слѣдствій; почему колебаться допустить, что обнаруженія мысли, соединенныя въ живыхъ тѣлахъ съ организмомъ, точно также повинуются непрерывной послѣдовательности причинъ и слѣдствій, хотя правда, далеко неизвѣстно какимъ образомъ, настолько представляются сложными законы, которыхъ они результаты? Какъ можетъ мысль, проникающая и направляющая организмъ, въ которомъ воспроизведены законы строго установленной прогрессіи міровъ во внутреннемъ строѣ его самыхъ малыхъ частицъ; какъ можетъ мысль, тѣсно соединенная съ молекулярной матеріей тканей, гдѣ она всегда присутствуетъ, ускользнуть въ своемъ теченіи и своихъ различныхъ эволюціяхъ отъ закона необходимости, подобнаго тому, который управляетъ одинаково и безконечно малыми и безконечно большими? И если она не ускользаетъ, то почему ея будущія обнаруженія не могли бы быть иногда заранѣе постигнуты въ послѣдующую опредѣленную эпоху, точно такъ же, какъ астрономами предусматривается соединеніе планетъ въ опредѣленный часъ?

Наконецъ, если въ особенности у человѣка, начиная съ языка, подчиненнаго въ своихъ построеніяхъ неизмѣннымъ правиламъ и служащаго въ своемъ безсознательномъ развитіи выраженіемъ глубо-

каго разумѣнія, до органическихъ функцій кровообращенія, пищеваренія, выдѣленій и пр., точно также гармонически и непрерывно выражающихъ тоже самое разумѣніе, мысль во всемъ дѣйствуетъ закономѣрно, то можно ли сомнѣваться въ способности гипнотиковъ или медіумовъ, при ихъ духовной сосредоточенности, открывать предполагаемымъ нами безсознательнымъ наблюденіемъ въ глубинахъ органовъ другихъ лицъ признаки существующаго тамъ психическаго сцѣпленія, позволяющаго имъ предусматривать въ этихъ органахъ будущія измѣненія? Развѣ нельзя допустить, что въ сложномъ механизмѣ человѣческой жизни, зависящемъ отъ различныхъ порядковъ дѣйствій мысли, развѣ нельзя допустить, что такъ какъ правильные ряды психическихъ и органическихъ событій должны соединяться въ тканяхъ, то можно въ нихъ прозрѣть будущій моментъ, когда вслѣдствіе этихъ дѣйствій, быть можетъ, столь же правильныхъ какъ тѣ, которыя управляютъ небесными свѣтилами, одна песчинка, повинуясь нѣсколько иной причинѣ, оторвется въ организмѣ и остановитъ его колеса?...

Если вновь придется констатировать факты, аналогичные только что изложеннымъ, то мы будемъ въ правѣ думать, что нѣкоторые сомнамбулы и медіумы—несомнѣнно благодаря крайне тонкимъ нервнымъ впечатлѣніямъ, которыя они испытываютъ, и затѣмъ благодаря истолкованію, которое ихъ возбужденный умъ даетъ этимъ воспринятымъ ими знакамъ—на самомъ дѣлѣ обладаютъ сокровенной еще способностью предусматривать въ другомъ человѣкѣ наступленіе органическихъ явленій даже очень отдаленныхъ".

Льебо не скрываетъ отъ себя затрудненій, связанныхъ съ этой теоріей.

„Трудно открыть: 1) съ одной стороны, на основаніи какихъ чувственныхъ впечатлѣній и затѣмъ на основаніи какихъ умственныхъ дѣйствій сомнамбуламъ и медіумамъ удается найти руководящую нить, то есть законъ, ведущій ихъ къ предвидѣнію у извѣстнаго субъекта въ будущемъ въ опредѣленный часъ такихъ пертурбацій какъ, напримѣръ, смерть; 2) съ другой стороны, какимъ образомъ, держась за эту нить, они могутъ на этомъ субъектѣ прослѣдить ея направленіе чрезъ различные послѣдовательные ряды явленій отъ причинъ къ дѣйствіямъ, происходящіе въ этомъ организмѣ, какъ скоро онъ всегда подверженъ многообразнымъ и различнымъ вліяніямъ цѣлаго множества непредвидѣнныхъ причинъ и случайностей, которыя стѣсняютъ

его движенія или имъ мѣшаютъ, напримѣръ, измѣненіямъ вслѣдствіе дѣйствія среды или случайныхъ соприкосновеній съ существами и вещами, заставляющихъ его каждое мгновеніе измѣнять мотивы и дѣйствія и тѣмъ производящихъ измѣненія во внутреннихъ функціяхъ его органовъ?"

Сколь ни широки эти разсужденія, они не исчерпываютъ вопроса, такъ какъ если и объясняютъ возможность предсказанія, то лишь относительно измѣненій въ данномъ организмѣ, но никакъ не событій внѣ его. Хотя они далеко не свободны отъ возраженій, ихъ въ основаніи слѣдовало бы признать правильными, если бы былъ безусловно удостовѣренъ хотя одинъ примѣръ того, что предреченное гадалками исполняется не въ силу *вызвавшаго самое предсказаніе процесса и не въ силу внушенія*. Засвидѣтельствованы ли кѣмъ нибудь такіе примѣры или нѣтъ, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что приведенные у Льебо не удовлетворяютъ этому требованію.

Въ первомъ примѣрѣ мы очевидно имѣемъ дѣло съ суевѣрнымъ и легковѣрнымъ субъектомъ, легко доступнымъ всякаго рода внушеніямъ какъ постороннимъ, такъ и собственнымъ (т. е. самовнушеніямъ). Суевѣріе де Ш... видно уже изъ того, что онъ пошелъ къ гадалкѣ. Правда, Льебо говоритъ, что онъ сдѣлалъ это „подстрекаемый необдуманнымъ любопытствомъ", но если эти слова не выражаютъ личнаго взгляда Льебо, то ихъ можно понимать какъ нежеланіе де Ш... признаться въ своей слабости, впрочемъ изъ всего дальнѣйшаго вполнѣ очевидной. Въ предсказаніи гадалки трудно объяснить лишь близкое совпаденіе назначеннаго ею срока смерти отца съ днемъ этой смерти. Предсказаніе однако сбылось не буквально, такъ какъ отецъ умеръ не „день въ день", какъ говорила гадалка, а днемъ позже (не 26 декабря, а 27). Уже поэтому было бы неосмотрительнымъ предполагать какую нибудь реальную связь между предсказаніемъ смерти и самою смертью, хотя и нельзя не признать совпаденія любопытнымъ. Все остальное въ исполненіи предсказанія объясняется очень просто. Де Ш... поступилъ въ солдаты потому, что во Франціи всеобщая воинская повинность, и слѣдовательно онъ не могъ не поступить. Почему онъ рано вышелъ изъ службы, не извѣстно; но достовѣрно то, что прекращеніе службы до срока допускается лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и чаще всего при неспособности продолжать службу по болѣзни. Очень возможно, что по этой причинѣ служилъ не долго

и де Ш... Женитьба и рожденіе двухъ дѣтей—фактъ самый обыкновенный. Раннюю женитьбу можно объяснить и тѣмъ, что де Ш..., мучимый предсказаніемъ гадалки, безсознательно осуществилъ навязанную ему идею. Поступленіе въ солдаты, преждевременное прекращеніе службы, женитьба и рожденіе двухъ дѣтей пріобрѣли въ глазахъ де Ш... особое значеніе только вслѣдствіе увѣренности, что смерть отца предсказана гадалкой, такъ что и сочетаніе этихъ событій могло казаться исполненіемъ ея пророчества; иначе это сочетаніе прошло бы для него незамѣтнымъ, какъ самое обыкновенное. Отъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ съ словами гадалки де Ш... былъ (какъ мы слышимъ отъ Льебо) объятъ ужасомъ, который становился тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе приближались роковые 26 лѣтъ. Этотъ ужасъ расшаталъ и безъ того не крѣпкое здоровье. Де Ш... умеръ отъ воспаленія брюшины, но организмъ его уже былъ подготовленъ къ роковому исходу неотвязной идеей о смерти—тѣмъ опаснымъ самовнушеніемъ, о которомъ говоритъ Льебо.

Иной вопросъ, почему гадалка сдѣлала именно это, а не другое предсказаніе. Обсуждать этотъ вопросъ возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы были извѣстны всѣ подробности бесѣды де Ш... съ гадалкой. Быть можетъ, впрочемъ, онъ ей ничего не говорилъ. Разумѣется, и такое „вдохновенное“ предсказаніе должно имѣть свою причину; но допытываться, почему человѣку пришло въ данное время на мысль то, а не другое, значитъ въ большинствѣ случаевъ теряться въ пустыхъ предположеніяхъ, такъ какъ механизмъ нашей духовной жизни намъ почти совсѣмъ не извѣстенъ.

Какъ бы то ни было, такъ какъ въ этомъ примѣрѣ сколько нибудь сильнымъ доводомъ можетъ служить лишь близкое совпаденіе дня смерти отца съ указаннымъ гадалкой срокомъ; такъ какъ сверхъ того это совпаденіе не полно и кажется необычайнымъ исключительно вслѣдствіе внушеннаго обстановкой дѣла ожиданія чего то таинственнаго; такъ какъ, наконецъ, всѣ остальныя обстоятельства представляются многозначительными только въ свѣтѣ этого неполнаго совпаденія, то на основаніи этого примѣра мы не въ правѣ дѣлать никакихъ заключеній о дарѣ предвидѣнія.

Не такъ легко судить о второмъ примѣрѣ почти за полнымъ отсутствіемъ данныхъ. Льебо говоритъ, что дама, смерть которой предрекла сомнамбула, была вполнѣ здорова и могла бы безъ труда

получить удостовѣреніе отъ врача. Но кто свидѣтельствовалъ ея здоровье? Быть можетъ, она была здорова только на видъ, но страдала какой нибудь тяжкой болѣзнью, напримѣръ, аневризмомъ, и по обычаю людей, не любящихъ признаваться въ болѣзни ни себѣ, ни другимъ, объясняла себѣ симптомы этой болѣзни (какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ) простой „нервностью“. Быть можетъ, она была полнокровна и ей ежечасно грозилъ ударъ. Что бы судить какъ слѣдуетъ о фактѣ смерти въ назначенный срокъ, необходимо знать, было ли извѣстно дамѣ предсказаніе сомнамбулы, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, при суевѣріи и мнительности, она могла умереть наканунѣ срока отъ одного страха, въ особенности если страдала аневризмомъ или была предрасположена къ апоплексіи. Но почему сомнамбула прорицала? Быть можетъ, она по органической симпатіи „чуяла“ болѣзнь точно такъ же, какъ глава семейства своимъ практическимъ тактомъ „чуялъ выгодную наживу“. Нами былъ выше приведенъ разсказъ Охоровича, что одна изъ его сомнамбулъ предчувствовала тяжелую болѣзнь, осложненную застарѣлой болѣзнью сердца [1]). Слѣдуетъ также помнить, что въ сомнамбулизмѣ, въ противовѣсъ усиленной чувствительности нервной системы, ослабляется воля, и если мысль о смерти близкой родственницы тревожила больную въ состояніи бодрствованія лишь втихомолку, вслѣдствіе противодѣйствія ея выраженію со стороны воли, то въ сомнамбулизмѣ, при ослабленіи этого противодѣйствія, она могла находить свое полное обнаруженіе, то есть выражаться громко. Мы уже знаемъ, что всякая мысль сопровождается молчаливымъ говоромъ, который по желанію или же и безъ желанія при особой напряженности идей, становится громкимъ [2]).

Такимъ образомъ ни одинъ изъ приведенныхъ Льебо случаевъ, по тѣмъ даннымъ, которыя намъ о нихъ извѣстны, и по тѣмъ предположеніямъ, которыя за отсутствіемъ болѣе опредѣленныхъ данныхъ мы въ правѣ сдѣлать, не уполномочиваетъ насъ выходить изъ круга физіологическихъ и психологическихъ объясненій. Самъ Льебо, какъ мы уже знаемъ, въ другихъ мѣстахъ при объясненіи такъ называемаго ясновидѣнія стоитъ всецѣло на почвѣ ученія о внушеніяхъ [3]).

Въ заключеніе отдѣла о ясновидѣніи нельзя не напомнить о

---

[1]) Выше, стр. 280.

[2]) Выше, стр. 286.

[3]) Выше, стр. 273. 276.

существованіи особыхъ магнитическихъ и сомнамбулическихъ кабинетовъ. Съ закулисной ихъ дѣятельностью насъ обстоятельно знакомитъ на основаніи наблюденій и документальныхъ справокъ *Gilles de la Tourette*, L'Hypnotisme etc., pp. 383—433.

3. *Знахарство и цѣлительство.* Выше мы говорили о врачующихъ сомнамбулахъ, иногда исцѣляющихъ больныхъ силою внушенія [1]). Сомнамбулы въ этомъ случаѣ примыкаютъ къ широкому разряду лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ знахарей и цѣлителей. Эти врачеватели лѣчатъ частью различными снадобьями, частью заговорами, частью однимъ прикосновеніемъ. Разсказы объ успѣшныхъ исцѣленіяхъ, достигаемыхъ такими средствами, общеизвѣстны. Прежде въ успѣхахъ знахарей и цѣлителей видѣли простую случайность; въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что за исключеніемъ лѣченія снадобьями, которыя могутъ имѣть дѣйствительную силу—не забудемъ, что почти всѣ травы и коренья, употребляемые современной рецептурой, взяты по указанію народной медицины—всѣ остальные случаи должны быть объяснены на почвѣ ученій, примыкающихъ къ теоріи гипнотизма и внушеній. Сила заговоровъ лежитъ очевидно всецѣло во внушеніяхъ. Относительно исцѣленія прикосновеніемъ мнѣнія расходятся. На взглядъ представителей Физіологической и Психологической школъ слѣдуетъ искать объясненія во внушеніяхъ, на взглядъ флюидистовъ—въ животномъ магнитизмѣ. Вопросъ пока еще не можетъ считаться рѣшеннымъ.

Знахарство и цѣлительство такъ же старо, какъ человѣческій родъ, и его можно прослѣдить по всей исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Впрочемъ, оно до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія изслѣдователей, и потому свѣдѣнія о немъ вообще скудны. Въ былое время (какъ и теперь среди простонародья) на знахарей смотрѣли какъ на сообщниковъ дьявола и жгли ихъ на кострахъ, при томъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ. Напримѣръ, въ извѣстномъ *Malleus Maleficarum* Шпренгера, служившемъ общепринятымъ руководствомъ для всѣхъ іезуитовъ и палачей, начиная со второй половины XVI вѣка, указаны слѣдующіе четыре отличительныхъ признака исцѣленій при помощи дьявола: 1) когда цѣлители догадываются о неизвѣстной имъ причинѣ болѣзни, 2) когда

[1]) Выше, стр. 276—284.

они лѣчатъ только отъ одной болѣзни или порчи, а не ото всѣхъ, 3) когда при лѣченіи дѣлаютъ оговорки, что при извѣстныхъ условіяхъ не могутъ вылѣчить, 4) когда обставляютъ лѣченіе суевѣрными церемоніями [1]). Поэтому отъ большинства знахарей не осталось даже имени. За то исторія сохранила довольно обстоятельныя свѣдѣнія о цѣлителяхъ, въ которыхъ народная вѣра усматривала особый даръ божій. Изъ такихъ цѣлителей первое мѣсто несомнѣнно занимаютъ Грэтрэксъ въ XVII в. и Гасснеръ въ XVIII в.[2]).

Первый, ирландскій дворянинъ, посвятившій юность военной службѣ, получилъ (по собственному разсказу) въ 1642 году откровеніе, что обладаетъ даромъ лѣчить золотуху. Хотя его скромность отъ этого страдала, однако, повинуясь откровенію, онъ рѣшилъ притронуться къ нѣсколькимъ золотушнымъ и ихъ исцѣлилъ. Немного спустя въ его провинціи разразилась эпидемическая лихорадка. Грэтрэксу снова было откровеніе, что онъ можетъ лѣчить и эту болѣзнь; онъ и на этотъ разъ попыталъ свои силы, и опять не безъ успѣха. Затѣмъ одно откровеніе быстро слѣдовало за другимъ. Въ апрѣлѣ 1665 г. внутренній голосъ ему возвѣстилъ, что онъ обладаетъ даромъ исцѣлять раны, нарывы, водянку, конвульсіи и пр. Успѣхи Грэтрэкса возбудили противъ него духовенство, которое воспретило ему лѣчить, однако уже поздно, такъ какъ слава о немъ распространилась по всему королевству. Во всѣхъ областяхъ, чрезъ которыя онъ проходилъ, магистраты городовъ и бурговъ выходили къ нему на встрѣчу, прося его прикасаться къ больнымъ въ ихъ домѣ. Прикосновеніе было единственнымъ способомъ его лѣченія.

„Наложеніемъ своей руки (свидѣтельствуетъ одинъ весьма почтенный очевидецъ, ученый епископъ Жоржъ Рэстъ) онъ удалялъ боль, прогоняя ее въ конечности. Дѣйствіе было иногда очень быстро, и я видѣлъ, какъ нѣкоторыя лица были исцѣлены словно волшебствомъ... Эти исцѣленія не давали мнѣ повода думать, чтобы въ нихъ было что нибудь сверхъестественное. Не думалъ этого и онъ, и его способъ исцѣлять доказываетъ, что здѣсь не было ни чуда, ни божественнаго дѣйствія. Повидимому, изъ его тѣла исходило болеутолительное и цѣлебное вліяніе. Многія болѣзни уступали только повто-

[1]) По франкфуртскому изданію 1580 г., pp. 616—617.

[2]) Дальнѣйшее по Figuier, Histoire du Merveilleux, v. 3, 3 éd., 1881, pp. 128—144, гдѣ приведены и источники.

рительнымъ прикосновеніямъ, нѣкоторыя и вовсе не поддавались его стараніямъ. Грэтрэксъ думаетъ, что способность, которою онъ обладаетъ, есть даръ божій. Онъ иногда самъ удивляется своей силѣ и доходитъ даже до того, что сомнѣвается, не иллюзія ли все это Однако, въ убѣжденіи, что Богъ явилъ къ нему особую милость, онъ всецѣло себя посвятилъ облегченію больныхъ."

Тоже самое засвидѣтельствовано и двумя знаменитыми въ то время врачами, Фэрклоу и Эстеліемъ. „Я видѣлъ (говоритъ между прочимъ послѣдній) одного ребенка настолько покрытаго золотушными опухолями, что онъ не могъ сдѣлать никакого движенія: Грэтрэксъ устранилъ большую часть этихъ опухолей простымъ наложеніемъ руки; наиболѣе значительныя онъ открылъ ланцетомъ и исцѣлилъ раны прикосновеніемъ, иногда обмачивая ихъ своей слюной".

Всѣ свидѣтели сходятся въ признаніи кротости, смиренія, человѣколюбія, совершеннаго безкорыстія Грэтрэкса.

Если Грэтрэксъ старался сообщать больнымъ даръ Бога, то Гасснеръ (католическій священникъ въ Клэстерли, 1727—1799) поставилъ себѣ задачей изгонять изъ нихъ бѣса. Первый опытъ онъ произвелъ на себѣ самомъ. Онъ былъ долгое время болѣнъ, и ему не могли помочь никакіе врачи и никакія лѣкарства. Поэтому ему пришло на мысль, что причина его упорной болѣзни должна быть сверхъестественная и что имъ овладѣлъ бѣсъ. На всякій случай онъ приказалъ именемъ Іисуса бѣсу выдти изъ его тѣла, и бѣсъ вышелъ. Послѣ этого Гасснеръ исцѣлился столь совершенно, что, по его увѣренію, не нуждался въ теченіи шестнадцати лѣтъ ни въ какомъ средствѣ, ни духовномъ, ни тѣлесномъ.

Этотъ успѣхъ привелъ его въ раздумье: исцѣленіе всѣхъ вообще болѣзней не есть ли слѣдствіе изгнанія бѣсовъ? Ни ученые богословы, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, ни толстыя книги, въ которыхъ онъ по этому вопросу рылся, не были, повидимому, противъ этого мнѣнія. Поэтому онъ остался при убѣжденіи, что большая часть болѣзней порождаются и поддерживаются злымъ духомъ.

Опыты Гасснера надъ больными его прихода были настолько успѣшны, что слава о немъ быстро промчалась по всей Швабіи, Швейцаріи и Тиролю. Его призывали со всѣхъ сторонъ, и онъ долженъ былъ оставить свой маленькій приходъ въ Клэстерли, гдѣ ежегодно принималъ отъ 400 до 500 больныхъ. Онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, повсюду исцѣляя больныхъ, и наконецъ поселился

въ Регенсбургѣ, подъ покровительствомъ епископа этого города. Здѣсь скопленіе больныхъ было на столько велико, что, говорятъ, одно время около 10,000 больныхъ расположилось въ палаткахъ вокругъ Регенсбурга.

Въ тѣ времена раздѣленіе болѣзней на естественныя и бѣсовскія навожденія было ходячимъ, и Гасснеръ, изгоняя бѣсовъ, остался лишь вѣрнымъ обычаю, широко распространенному въ Средніе вѣка и въ его время еще не совсѣмъ позабытому.

Чтобы рѣшить, къ какому разряду принадлежитъ болѣзнь, Гасснеръ прибѣгалъ къ предварительному заклинанію (*exorcismus probatorius*), которое должно было открыть бѣсовское присутствіе, если оно было. Однако вслѣдствіе лукавства злого духа испытаніе иногда оставалось сомнительнымъ. Тогда со всею силою одушевлявшей его вѣры Гасснеръ приказывалъ бѣсу обнаружить болѣзнь самыми жестокими припадками. Онъ заставлялъ его производить у субъекта *пляшущіе, скачущіе* и *плачущіе* кризисы, длившіеся до тѣхъ поръ, пока заклинатель не выгонялъ бѣса.

Послѣ этихъ предварительныхъ опытовъ Гасснеръ приступалъ къ настоящему заклинанію, то есть къ окончательному изгнанію бѣса, производившаго болѣзнь. Заклинаніе не всегда удавалось съ перваго раза, иногда нужно было нѣсколько часовъ и даже дней.

Тріумфомъ Гасснера считается исцѣленіе 19 лѣтней Эмиліи, дочери придворнаго офицера одного германскаго князя. Эта больная одно время страдала жестокими истерическими конвульсіями, повторявшимися нѣсколько разъ въ день и иногда длившимися по нѣскольку часовъ. Ее вылѣчилъ одинъ страсбургскій врачъ, но Гасснеръ ее увѣрилъ, что бѣсъ въ ней только притворяется, и доказалъ это на предварительномъ испытаніи. Окончательное заклинаніе, по желанію Гасснера, происходило публично, въ присутствіи двадцати избранныхъ лицъ, удостовѣрившихъ своею подписью то, что мы сейчасъ услышимъ. Среди свидѣтелей былъ придворный хирургъ и профессоръ математики Вюрцбургскаго университета.

Гасснеръ началъ съ увѣщанія, чтобы Эмилія положилась на Іисуса Христа, котораго могущество преодолѣетъ силу дьявола и будетъ единственной причиной ея будущаго выздоровленія. Затѣмъ онъ ее посадилъ на стулъ и обратился къ ней съ слѣдующими заклинаніями, изъ которыхъ мы передаемъ только главнѣйшія:

Praecipio tibi, in nomine Jesu, ut minister Christi et Ecclesiae, veniat agitatio brachiorum quam antecedenter habuisti; у Эмиліи затряслись руки.

Cesset paroxysmus; вдругъ она поднялась съ мѣста и казалась веселой и здоровой.

Paroxysmus veniat iterum vehementius, ut ante fuit, et quidem per totum corpus; припадокъ начался снова. Хирургъ освидѣтельствовалъ пульсъ Эмиліи и нашелъ его ускореннымъ и перемежающимся. Ноги поднялись выше стола; руки и пальцы окочанѣли; всѣ ихъ мускулы и сухожилія натянулись, такъ что двое сильныхъ мужчинъ оказались неспособными согнуть рукъ, и увѣряли, что легче ихъ сломать, чѣмъ согнуть. Глаза были открыты, но закачены, и голова казалась такой тяжелой, что ее нельзя было сдвинуть, не сдвинувъ всего тѣла. Заклинатель продолжалъ:

Cesset paroxysmus in momento; Эмилія тотчасъ же снова стала здоровой и веселой.

Paroxysmus sit in ore, in oculis, in fronte; она упала навзничь, конвульсіи исказили губы, движенія ея глазъ внушали страхъ. *Cesset* снова привело ее въ прежнее положеніе.

Paroxysmus afficiat nares; носъ вздернулся, ноздри раздулись, ротъ скривился и остался нѣкоторое время въ этомъ положеніи.

Sit quasi mortua; лицо сдѣлалось мертвенно блѣднымъ, ротъ страшно раскрылся, носъ вытянулся, закаченные глаза смотрѣли, но ничего не видѣли; послышалось хрипѣніе; голова и шея словно пристали къ стулу, на которомъ сидѣла Эмилія, такъ что самые сильные мужчины не могли сдвинуть ихъ; пульсъ былъ такъ слабъ, что хирургъ его едва ощущалъ.

Modo iterum ad se redeat, ad statum suum; тотчасъ же чувства къ ней возвратились и она стала улыбаться.

Pulsus adsit ordinarius, sit modo lenis, sit intermittens; и пульсъ подвергся всѣмъ этимъ измѣненіямъ.

Профессоръ математики пожелалъ, чтобы пульсъ сталъ перемежающимся послѣ второго удара, затѣмъ чтобы послѣ третьяго, наконецъ, чтобы въ немъ были перебои (*sit capricanus*); хирургъ удостовѣрилъ, что все произошло по слову Гасснера. Тотъ же профессоръ попросилъ заклинателя заставить вздуться мускулъ *masseter*

Гасснеръ, не знавшій этого слова, произнесъ *messater*. Когда ему указали на ошибку, онъ повторилъ приказаніе правильно: *Infletur musculus masseter*. Хирургъ замѣтилъ вздутіе на лѣвой сторонѣ челюсти, но профессоръ ничего не замѣтилъ на правой. Виноватымъ однако оказался не бѣсъ Эмиліи, доказавшій въ этомъ случаѣ, что знаніемъ латыни можетъ поспорить съ кѣмъ угодно. Профессору указали, что слово, произнесенное въ единственномъ числѣ, можетъ относиться только къ одному мускулу; поэтому бѣсъ былъ правъ. Какъ скоро Гасснеръ произнесъ: *Inflentur musculi masseteres*, тотчасъ же обнаружились движенія съ обѣихъ сторонъ.

Затѣмъ Гасснеръ вызвалъ апоплексію языка и всей лѣвой стороны, потомъ всего тѣла и т. д. Всѣ эти припадки устранялись по слову *cesset*.

Послѣ этихъ испытаній Гасснеръ приступилъ къ исцѣляющему заклинанію. Онъ далъ Эмиліи нѣсколько наставленій, какъ ей на будущее время исцѣлять себя, такъ какъ онъ обладалъ способностью сообщать этотъ даръ больнымъ. Что бы закончить лѣченіе, онъ спросилъ больную, не можетъ ли она пожаловаться еще на какую нибудь болѣзнь. Эмилія отвѣчала, что ее одно время мучилъ кашель. Заклинатель вызвалъ кашель, затѣмъ снова его устранилъ. Для окончательнаго его изгнанія онъ повторилъ исцѣляющее заклинаніе. Наконецъ, онъ оставилъ больную, заявивъ всѣмъ присутствующимъ, что все, что произошло, исполнилось исключительно по могуществу божію и служитъ для подтвержденія Евангельской истины.

Нельзя не замѣтить, что Гасснеръ обращался къ Эмиліи по латыни, и что та его отлично понимала. Этимъ пониманіемъ (говорили невѣрующіе) бѣсъ хотѣлъ сдѣлать честь образованію, которое она получила въ своей семьѣ. Она знала этотъ языкъ очень недурно.

Подвигамъ Гасснера положилъ предѣлъ императоръ Іосифъ II, „врагъ всякихъ бѣсовскихъ исцѣленій и менѣе суевѣрный чѣмъ любой энциклопедистъ,“ заставивъ его удалиться въ одну обитель близъ Регенсбурга.

„Нѣтъ нужды (говоритъ Фигье) настаивать на томъ, что въ этихъ заклинаніяхъ Гасснера не было ничего, кромѣ магнитическихъ манипуляцій“.

Вѣрнѣе было бы сказать, что эти заклинанія могутъ служить

очень хорошимъ примѣромъ покорности истеричныхъ внушеніямъ, при томъ на яву.

На почвѣ магнитическихъ теорій объяснялъ пріемы Гасснера и высшій тогдашній авторитетъ по этому вопросу, Месмеръ, отозвавшійся о знаменитомъ цѣлителѣ, что тотъ „производилъ дѣйствительные факты, но не зналъ ихъ причины“. Эту причину Месмеръ, ничего въ свою очередь не знавшій о внушеніяхъ, видѣлъ въ животномъ магнитизмѣ.

„Несчастіе Гасснера должно было обрадовать бѣса, но всего больше оно было на пользу сопернику заклинателя; Іосифъ II потушилъ славу Гасснера лишь для того, чтобы тѣмъ ярче заблисталъ свѣточъ, который вскорѣ зажегъ Месмеръ“.

Замѣтимъ въ заключеніе, что всякаго рода знахарей и цѣлителей можно встрѣтить и въ наши дни, и при томъ не только въ странахъ мало просвѣщенныхъ, но и въ самыхъ передовыхъ по борьбѣ съ суевѣріемъ.

Во Франціи еще недавно производилъ удивительныя исцѣленія простой солдатъ изъ зуавовъ Яковъ, о которомъ разсказывали чудеса.

„Непризнанными цѣлителями (говоритъ Кюллеръ) [1]) кишитъ вся Франція. Ихъ считаютъ союзниками дьявола, и довѣріе къ нимъ существуетъ не въ однихъ только невѣжественныхъ или сельскихъ классахъ. Крестьяне питаютъ безусловную вѣру въ могущество этихъ чудотворцевъ низкой пробы, образующихъ своего рода династіи, передающія полномочія отъ отца къ сыну“.

Изъ современной русской жизни также можно было бы привести нѣсколько примѣровъ. Но наиболѣе увѣренные въ своемъ успѣхѣ изъ самородныхъ цѣлителей сами заботятся о своей извѣстности, публикуя о себѣ во всеобщее свѣдѣніе, поэтому намъ не зачѣмъ ихъ называть.

4. *Глоссолалія.* Исторія нервныхъ и другихъ болѣзней совмѣстно съ гипнотической практикой засвидѣтельствовала у нѣкоторыхъ больныхъ свойство, кажущееся искателямъ чудесъ способностью говорить 1) на никому невѣдомыхъ языкахъ и 2) на языкахъ извѣстныхъ, но неизвѣстныхъ больнымъ. Раціоналисты гипнотизма дали этому свойству, примыкая къ извѣстнымъ Евангельскимъ текстамъ (Марка

[1]) Magnétisme, p. 33.

XVI, 17. Дѣян. II, 4—11. X, 46. XIX, 6. I Кор. XII, 10. 30. XIII, 1. XIV, 2—40) малоподходящее названіе „дара языковъ".

„Я замѣтилъ (говоритъ очевидецъ Карре де Монжеронъ), что многіе изъ одержимыхъ корчами въ С. Медарѣ (1731 г.) въ высшей степени своего экстаза говорятъ рѣчи на неизвѣстныхъ или иностранныхъ языкахъ. Я долженъ прибавить, что они понимаютъ ихъ смыслъ только пока ихъ говорятъ и, какъ скоро онѣ произнесены, не сохраняютъ о нихъ никакого воспоминанія, за исключеніемъ развѣ самаго общаго " [1]).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ о нѣкой дѣвицѣ, m-elle Данконье, которая, хотя и не обладала голосомъ, пѣла въ экстазѣ гимны на неизвѣстномъ языкѣ. „Но что всего удивительнѣе (прибавляетъ онъ) это то, что ей часто случается въ извѣстные періоды своихъ экстазовъ понимать смыслъ всего, что ей говорятъ, на какомъ бы то ни было языкѣ, и на все отвѣчать чрезвычайно правильно, и этимъ свойствомъ обладаютъ многія лица" [2]).

Подобные же факты засвидѣтельствованы во время бѣсно ванія Луденскихъ Урсулинокъ (1632—1639 гг.). Онѣ понимали не только по латыни, нѣмецки, гречески, турецки, но и на языкахъ дикихъ народовъ.

„Нимскій епископъ спрашивалъ ихъ по гречески и нѣмецки, и онѣ удовлетворяли тому и другому языку. Онъ приказалъ по гречески сестрѣ Кларѣ поднять свое покрывало и поцѣловать обозначенное имъ мѣсто; она ему повиновалась и сдѣлала много другого, что онъ отъ нея требовалъ. Это заставило прелата объявить публично, что нужно быть безбожникомъ или сумасшедшимъ, что бы не вѣрить въ навожденіе".

„Врачи ихъ разспрашивали по гречески относительно терминовъ своего искусства, очень трудныхъ и извѣстныхъ только ученымъ, и онѣ ихъ объясняли точно".

„Нормандскіе дворяне дали письменное удостовѣреніе, что они спрашивали сестру Клару по турецки, испански, итальянски, и она имъ отвѣчала весьма кстати".

---

[1]) Idée de l'état des convulsionnaires, Paris, 1741, II, p. 48.

[2]) p. 58.

„Лонэ де Барилье, жившій въ Америкѣ, засвидѣтельствовалъ, что проѣздомъ черезъ Луденъ онъ разговаривалъ съ монахинями на языкѣ дикарей этой страны, и что онѣ отвѣчали очень умѣстно“ [1]).

Сомнамбулы точно также способны говорить на никому „невѣдомыхъ языкахъ“ и понимать иностранные. Охоровичъ зналъ одну больную, которая въ припадкѣ сомнамбулическаго бреда, подобно m-elle Данконье Монжерона, пѣла гимны на этихъ языкахъ [2]). Пониманіе сомнамбулами иностранной рѣчи—фактъ обыкновенный. Но для его правильной оцѣнки необходимо обратить вниманіе на то, что ни о сомнамбулахъ, ни объ одержимыхъ, не засвидѣтельствовано ни одного разу, чтобы онѣ могли отвѣчать на неизвѣстныхъ имъ иностранныхъ языкахъ, на которыхъ имъ предлагаютъ вопросы. Отвѣты всегда ими даются на языкѣ имъ извѣстномъ.

„Что до сомнамбулъ (говоритъ Бертранъ), то у магнитизеровъ нѣтъ обычая упражнять ихъ въ отвѣтахъ на иностранныхъ языкахъ, и я могу засвидѣтельствовать только одинъ фактъ этого рода, переданный мнѣ очень почтеннымъ господиномъ, весьма образованнымъ врачемъ... У него была сомнамбула, представлявшая самыя чудесныя явленія, и которая его понимала, когда онъ говорилъ по латыни, гречески, англійски. Однажды, онъ попытался ей *прочитать* нѣсколько строкъ по англійски.—Какъ вы можете желать, чтобы я понимала вашу тарабарщину? сказала она ему.—Но (отвѣчалъ врачъ) вѣдь я только что говорилъ съ вами на этомъ языкѣ, и вы мнѣ отвѣчали.—Значитъ (возразила сомнамбула), я понимала вашу мысль, а не вашъ языкъ“ [3]).

Этотъ случай даетъ ключъ къ пониманію филологическихъ способностей одержимыхъ и сомнамбулъ. Очевидно, они понимаютъ въ иностранной рѣчи не самыя слова (за исключеніемъ лишь латинскихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ изъ церковной службы), но только угадываютъ ихъ смыслъ. Его они улавливаютъ по выраженію лица, по тону, по жестамъ, наконецъ, быть можетъ, вслѣдствіе перенесенія мысли [4]). Свидѣтельства объ Урсулинкахъ, понимавшихъ различные языки, даже дикарей, быть можетъ намъ кажутся поразительными главнымъ образомъ потому,

---

[1]) Bertrand, Du Magnétisme animal etc., p. 325, по рѣдкимъ источникамъ.

[2]) De la Suggestion mentale p. 263.

[3]) Bertrand, Du Magnétisme animal etc., p. 327.

[4]) Выше, стр. 287—298.

что мы не знаемъ, съ *какими* вопросами къ нимъ обращались, и не наблюдали, *какими* жестами сопровождались эти вопросы. Иные вопросы, поясняемые особенно жестами, можно понять безъ знанія языка, и если бы, наблюдая Урсулинокъ, мы вспомнили, что всякая вообще рѣчь сопровождается жестами, что послѣдніе бываютъ тѣмъ выразительнѣе и полнѣе, чѣмъ меньше одинъ изъ разговаривающихъ знакомъ съ языкомъ, что за осторожность предлагавшихъ вопросы ничто не ручается, то быть можетъ большая часть тайны предъ нами открылась бы. Точное истолкованіе Урсулинками „терминовъ медицинской науки", названныхъ по гречески, могло бы служить противопоказаніемъ лишь въ томъ случаѣ, если бы 1) существовало доказательство, что сами медики не наводили на отвѣты своими вопросами, и 2) существовали объективныя свидѣтельства этой „точности". Быть можетъ, очевидцы были въ этомъ случаѣ не вполнѣ точны: другіе свидѣтели отзываются объ отвѣтахъ одержимыхъ болѣе скромно,—что эти отвѣты „удовлетворяли языку", были „весьма кстати" и „весьма умѣстны". Отсюда до точности еще далеко.

Проще объясняется способность говорить на „невѣдомыхъ языкахъ". Языками они называются только потому, что исходятъ изъ человѣческихъ устъ и что судьями обыкновенно бываютъ люди не свѣдующіе ни въ филологіи, ни въ паталогіи, знающіе самое большее два или три языка, никогда не наблюдавшіе нервныхъ болѣзней и ожидающіе чудеснаго. На дѣлѣ эти языки не что иное какъ сочетаніе лишенныхъ самихъ по себѣ значенія звуковъ, получающихъ смыслъ лишь какъ общее выраженіе господствующаго въ данное время настроенія. „Единственнымъ доказательствомъ (говоритъ самъ Карре де Монжеронъ), что одержимые корчами понимаютъ произносимое ими, служитъ то, что часто они выражаютъ самымъ живымъ образомъ всѣ разнообразныя чувства, содержащіяся въ этихъ рѣчахъ, не только своими жестами, но и положеніемъ всего тѣла, видомъ лица, на которомъ эти различныя чувства отпечатлѣваются въ самыхъ поразительныхъ чертахъ" и пр [1]). Эта склонность говорить на „невѣдомыхъ языкахъ" наблюдается иногда и въ нормальной жизни. Ее не трудно замѣтить у дѣтей, разговаривающихъ между собою на „та-

[1]) Idée de l'état des convulsionnaires, II, p. 46.

рабарскомъ языкѣ", она же сказывается и у взрослыхъ въ коверканіи словъ и произношеніи безсмысленныхъ и однако выразительныхъ звуковъ, особенно въ возбужденномъ состояніи, извѣстномъ подъ именемъ веселья, вызывается ли оно естественными причинами, напр. радостью, или искусственными, напр. виномъ и другими наркотическими средствами. Гимны на „невѣдомыхъ языкахъ" находятъ аналогію въ тѣхъ своеобразныхъ звукахъ, которыми иные занимаютъ свой досугъ вмѣсто пѣсенъ, и образцомъ которыхъ могутъ служить припѣвы, особенно французскіе (напр. у Беранже [1]). Паталогически говоръ и пѣніе на „невѣдомыхъ языкахъ", встрѣчающіеся въ періодахъ „страстныхъ позъ и бреда" истеріи, могутъ быть сопоставлены съ „нелогическими или клоуническими движеніями", характеризующими періодъ „корчъ или сильныхъ движеній" той же болѣзни [2]). И если неразумно доискиваться смысла въ этихъ молчаливыхъ „нелогическихъ" движеніяхъ всего тѣла, то столь же неразумно допытываться до него и въ тѣхъ, которыя при помощи глотки и языка обнаруживаютъ себя громко. Въ нормальной жизни всѣ вообще органы приспособлены къ разумной цѣли; въ припадкахъ истеріи органы рѣчи могутъ извращать свою дѣятельность такъ же, какъ и всѣ остальные.

Выше мы сказали, что больные, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, способны только *понимать*, но не *отвѣчать* на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Бываютъ однако случаи, когда они *говорятъ*, хотя и не *разговариваютъ*, на этихъ языкахъ. Мы ограничимся однимъ примѣромъ, не принадлежащимъ къ гипнотической практикѣ, но проливающимъ яркій свѣтъ на это явленіе, встрѣчающееся и въ сомнамбулизмѣ.

„Въ одномъ изъ городовъ католической Германіи (свидѣтельствуетъ Кольриджъ) молодая женщина, не умѣвшая ни читать, ни писать, была схвачена лихорадкой и заставила духовенство толковать объ одержаніи ея бѣсомъ, такъ какъ стала говорить по латыни,

---

[1]) Какой напр. смыслъ имѣетъ припѣвъ въ „La Musique":

Bon!
La farira dondaine,
Gai!
La farira dondé. (Oeuvres de Beranger, Paris, 1876, I, p. 70).

[2]) Объ этихъ періодахъ P. Richer, Étude sur l'Hystérie etc., pp. 69—136. Изложеніе пояснено прекрасными рисунками.

гречески и еврейски. Со словъ ея бреда были исписаны цѣлые листы, и оказалось, что онъ состоитъ изъ фразъ, понятныхъ въ отдѣльности, но имѣвшихъ лишь слабую связь между собою. Изъ еврейскихъ выраженій только немногія могли быть прослѣжены въ Библіи, а большинство принадлежало, повидимому, талмудическому діалекту. Ни о какомъ обманѣ не могло быть рѣчи; женщина была безъ всякой хитрости; не могло быть сомнѣнія и въ лихорадкѣ. Долгое время не могли найти никакого объясненія кромѣ бѣсовскаго навожденія. Наконецъ тайна была раскрыта однимъ врачемъ, рѣшившимся прослѣдить прежнюю исторію этой женщины. Послѣ многихъ затрудненій онъ открылъ, что когда ей было девять лѣтъ, ее пріютилъ у себя старый протестантскій пасторъ, большой знатокъ еврейскаго языка, и что въ его домѣ она жила до его смерти. Изъ дальнѣйшихъ розысканій выяснилось, что у старика былъ давнишній обычай прохаживаться по галлереѣ, въ которую выходила кухня, и громко читать книги. Книги были разысканы, и среди нихъ оказалось нѣсколько греческихъ и латинскихъ Отцовъ, а также собраніе талмудическихъ сочиненій. Въ этихъ книгахъ столь многія мѣста были тожественны съ фразами, записанными у постели больной, что относительно источника этихъ послѣднихъ не могло существовать никакого разумнаго сомнѣнія“ [1]).

Совершенно подобные же, хотя и менѣе выраженные, случаи засвидѣтельствованы и въ гипнотической практикѣ различными авторами. Эти свидѣтельства приведены у *Льебо*, Le Sommeil etc. pp. 84—85. Изъ „одержимыхъ“ слѣдуетъ упомянуть объ Оксонскихъ монахиняхъ (1652), поражавшихъ во время своего экстаза необыкновеннымъ знаніемъ латинскаго языка, впрочемъ, имъ нѣсколько извѣстнаго изъ церковной практики. По удостовѣренію Шалонскаго епископа, „всѣ эти дѣвицы какъ свѣтскія, такъ и духовныя, числомъ восемнадцать, обладали даромъ языковъ и отвѣчали заклинателямъ по латыни, произнося порой цѣлыя рѣчи на этомъ языкѣ“. [2])

Объясненіе этихъ явленій даетъ Карпентеръ.

„Существуетъ весьма вѣское физіологическое основаніе думать, что „накопленіе идей“ въ памяти есть психологическое выраженіе

---

[1]) Biographia litteraria, ed. 1847, v. I, p. 117.

[2]) Histoire des diables p. 57, у Dupouy, Le Moyen Âge médical, p. 215.

физическихъ измѣненій въ мозгу, которыми идейныя состоянія записываются и закрѣпощаются такимъ образомъ, что всякій оставляемый ими „слѣдъ“, сколь бы ни долго оставался внѣ „сферы сознанія“ и ни *казался* поэтому несуществующимъ, можетъ быть вновь оживленъ въ полной жизненности при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ,— совершенно такъ же, какъ незримое впечатлѣніе, оставленное на негативѣ фотографа, развивается въ рисунокъ вслѣдствіе примѣненія надлежащихъ химическихъ реактивовъ“.

Ближайшая физіологическая причина такого оживленія слѣдовъ памяти лежитъ, по Карпентеру, въ измѣняющемся составѣ крови, извращающемъ нормальную дѣятельность мозга. Карпентеръ поясняетъ это рядомъ примѣровъ, въ которые намъ входить не зачѣмъ [1]).

5. *Способность обмирать и оживать.* Въ длинномъ рядѣ удивительныхъ свидѣтельствъ, такъ или иначе связанныхъ съ исторіей или теоріей гипнотизма, едва-ли не болѣе всѣхъ остальныхъ поражаютъ разсказы о способности людей по доброй волѣ на долгое время обмирать и затѣмъ вновь возвращаться къ жизни. Подобные разсказы обыкновенно считаются вымыслами, а лица, объявляющія о такой своей способности, — обманщиками. Между тѣмъ, благодаря Брэду, уже болѣе пятидесяти лѣтъ стали всеобщимъ достояніемъ безспорные документы, ставящіе такую способность внѣ всякаго сомнѣнія.

Глубокій сонъ и смерть неоднократно сопоставлялись между собою. Они по пословицѣ „родные братья“. Занимаясь изученіемъ гипнотизма, Брэдъ, по своей многосторонности, не оставилъ безъ вниманія и ихъ соотношенія. Точкой сравненія между сномъ и смертью послужила для него зимняя спячка у животныхъ и глубокая летаргія у людей, а внѣшнимъ поводомъ—разсказы объ индійскихъ факирахъ, пробуждавшихся къ жизни послѣ долговременнаго добровольнаго погребенія.

Гипнотизуя больныхъ, Брэдъ замѣчалъ, что нѣкоторые изъ нихъ впадаютъ въ полное оцѣпенѣніе. Онъ зналъ также, что нѣкоторыя лица могутъ по произволу замедлять дыханіе и пульсъ. Равнымъ об-

---

[1]) Principles of Mental Physiology, 6-th. ed., Lond., 1881, pp. 436—439. Болѣе обстоятельное освѣщеніе вопроса объ оживленіи слѣдовъ памяти у Ribot, Les Maladies de la Mémorie, 8 éd., Paris, 1893, pp 139—154.

разомъ ему были извѣстны случаи долговременнаго поста и долговременнаго невольнаго сна, въ одномъ изъ видовъ котораго—глубокой летаргіи—температура понижается до температуры трупа. Всѣ эти явленія—замедленіе дыханія и пульса, отсутствіе внѣшняго питанія, пониженіе температуры—служатъ признаками зимней спячки животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ во время спячки не обнаруживаютъ никакихъ проявленій жизни. Не обнаруживаютъ ихъ въ глубокой летаргіи и люди. Мы поэтому можемъ приравнять глубокую летаргію зимней спячкѣ и объяснять первую изъ тѣхъ же явленій, какъ и послѣднюю. Но если люди способны впадать въ невольную продолжительную летаргію и искусственно вызывать въ себѣ ея симптомы, то почему не предположить, что они могутъ искусственно обмирать, т. е. прекращать обнаруженія жизни, при томъ на такіе же долгіе сроки, какъ въ зимней спячкѣ животныя[1]).

Одинъ подобный случай былъ вполнѣ достовѣрно засвидѣтельствованъ именитымъ въ свое время дублинскимъ врачемъ Чейномъ о полковникѣ Тоунзендѣ.

„Онъ могъ (свидѣтельствуетъ этотъ врачъ) по произволу умирать, то есть переставать дышать, и возвращаться къ жизни простымъ напряженіемъ воли или иными какими способами. Онъ такъ настоятельно просилъ насъ хотя разъ присутствовать при опытѣ, что мы наконецъ вынуждены были уступить. Сначала мы всѣ трое освидѣтельствовали пульсъ; онъ былъ вполнѣ замѣтенъ, хотя слабъ и нитевиденъ; сердце билось нормально. Онъ легъ на спину и оставался нѣкоторое время въ этомъ положеніи безъ движенія. Я держалъ его за правую руку, д-ръ Бейнардъ положилъ свою руку ему на сердце, а Скрейнъ держалъ передъ его губами зеркало. Я замѣтилъ, что напряженіе пульса понемногу ослабѣвало, пока наконецъ я и при самомъ заботливомъ испытаніи и самомъ осмотрительномъ нащупываніи не могъ ощутить никакого. Бейнардъ не былъ въ состояніи удостовѣрить никакого біенія сердца, и Скрейнъ не видѣлъ никакихъ слѣдовъ дыханія на широкомъ зеркалѣ, которое держалъ передъ ртомъ. Затѣмъ мы всѣ поочередно изслѣдовали руку, сердце и дыханіе, но ни одинъ изъ насъ даже при самомъ внимательномъ изслѣдованіи не

[1]) Observation on Trance or Human Hybernation, pp. 41—93 Preyer. У Брэда все это изложено не совсѣмъ ясно и опредѣленно, но ходъ его мысли несомнѣнно сводится къ приведенному мною разсужденію.

могъ найти самаго легкаго признака жизни. Мы долго обсуждали по мѣрѣ нашихъ силъ это поразительное явленіе. Когда же мы увѣрились, что онъ продолжаетъ оставаться все въ томъ же положеніи, мы заключили, что онъ въ своемъ опытѣ зашелъ слишкомъ далеко, и наконецъ пришли къ убѣжденію, что онъ на самомъ дѣлѣ умеръ и собирались отъ него уйти. Такъ прошло полчаса. Къ 9 часамъ утра (это было осенью) когда мы хотѣли уходить, мы замѣтили нѣкоторыя движенія въ тѣлѣ и при надлежащемъ разсмотрѣніи удостовѣрились, что пульсъ и біеніе сердца начинаютъ возвращаться. Онъ началъ дышать и тихо говорить. Мы всѣ были въ высшей степени изумлены этой неожиданной перемѣной и ушли отъ него послѣ непродолжительной бесѣды между собою и съ нимъ, хотя и вполнѣ убѣжденные во всѣхъ подробностяхъ этого явленія, но чрезвычайно удивленные и пораженные, такъ какъ не были въ состояніи дать никакого разумнаго объясненія“ [1]).

Это свидѣтельство не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ разсказахъ о факирахъ есть доля истины. Вопросъ только, какъ велика эта доля. Въ „Дабистанѣ“, одной ученой книгѣ о религіозныхъ сектахъ въ Индіи, переведенной съ персидскаго, Брэдъ прочиталъ, что одинъ индусъ обладалъ способностью задерживать дыханіе въ теченіи трехъ часовъ, другой—въ продолженіи двѣнадцати часовъ, третій—въ продолженіи двухъ дней, а „Баликъ Ната, которому было свыше ста лѣтъ, могъ прекращать дыханіе на цѣлую недѣлю“. „Такимъ образомъ (говоритъ Брэдъ) мы видимъ у индусовъ совершенно тѣ же явленія, какъ въ случаѣ съ Тоунзендомъ“ [2]). Но эти разсказы въ

---

[1]) pp. 44—45

[2]) p. 45. Случай этотъ приведенъ Чейномъ въ его книгѣ The English malady, Lond., 1733. Такъ какъ эта книга библіографическая рѣдкость, и случай съ Тоунзендомъ намъ извѣстенъ не изъ первыхъ рукъ, то при недостаткѣ данныхъ для его обсужденія возникъ споръ о томъ, какимъ способомъ Тоунзендъ погружалъ себя въ состояніе обмиранія. Одни, Брэдъ, Вендлингъ и др., говорятъ, что онъ задерживалъ дыханіе, но Бони, опровергая Вендлинга, утверждаетъ, что для такого толкованія нѣтъ основанія, „такъ какъ Чейнъ просто разсказываетъ фактъ, не дѣлая никакихъ предположеній объ его причинахъ“. (Le Somnambulisme provoqué, p. 57).Для рѣшенія этого вопроса мы должны прибѣгнуть къ относящимся сюда цитатамъ. Эти цитаты приведены у Брэда въ только что выписанномъ отрывкѣ и (во французскомъ переводѣ) у Вебера въ Archives générales de médecine, 1851, на котораго ссылается Бони. Подлинное сочиненіе Брэда такъ же трудно достать, какъ и книгу Чейна. Мы поэтому вынуждены ограничиться сличеніемъ французскаго перевода Вебера съ нѣмецкимъ

„Дабистанѣ“, сколь ни удивительны сами по себѣ, могутъ служить только подготовленіемъ къ болѣе страннымъ свидѣтельствамъ о факирахъ. Въ „Описаніи путешествія въ Раджарру въ 1835 г.“ лейтенантъ Буало разсказываетъ о своемъ присутствіи при оживленіи факира, пролежавшаго въ могилѣ мѣсяцъ, а капитанъ Осборнъ въ „Путешествіи по Индіи“ говоритъ о факирѣ, погребенномъ на шесть недѣль и затѣмъ очнувшемся на глазахъ множества свидѣтелей и между прочимъ дипломатическаго представителя К. М. Уэда, на авторитетъ котораго Осборнъ ссылается.

Разсказы Буало и Осборна на столько заинтересовали Брэда, что онъ рѣшилъ собрать другія подобныя же свѣдѣнія. Съ этою цѣлью онъ опубликовалъ въ медицинскихъ англійскихъ журналахъ рядъ вопросовъ, обращенныхъ преимущественно къ индійскимъ врачамъ, съ просьбой сообщить ему все, что имъ извѣстно о подобныхъ случаяхъ. Эти вопросы онъ распространилъ также и въ отдѣльныхъ оттискахъ [1]). Благодаря одному изъ друзей Брэда, такой вопросный листъ былъ врученъ Уэду, на котораго ссылается Осборнъ. Уэдъ былъ на столько любезенъ, что письменно сообщилъ Брэду все, чего былъ очевидцемъ. Кромѣ этого сообщенія Брэдъ получилъ другое, точно также отъ очевидца, служившаго въ Индійской компаніи маіора, просившаго однако не оглашать его имени, „такъ какъ директоры этой компаніи узнали бы съ неудовольствіемъ, что подвѣдомственный имъ офицеръ принимаетъ такое выдающееся участіе въ дѣлѣ, которое такъ далеко отъ его обязанностей“ [2]).

переводомъ цитаты Брэда въ сборникѣ Прейера. Выяснить вопросъ можетъ только одна фраза: Er konnte nach Belieben sterben, d. h. aufhören zu athmen und durch blosse Willensanstrengung oder sonst in's Leben zurückkommen у Прейера и lorsqu'il faisait un certain effort, il se sentait mourir et rendre l'esprit à volonté, et que par un effort ou de toute autre manière, il revenait à la vie . . у Вебера. Не трудно видѣть, что мы должны отдать предпочтеніе, какъ болѣе вѣроятному, нѣмецкому переводу aufhören zu athmen, такъ какъ во французскомъ mourire et rendre l'esprit à la volonté возбуждаютъ противъ себя подозрѣніе совершенно непонятнымъ и неумѣстнымъ плеоназмомъ, слишкомъ сильно оттѣняющимъ понятіе смерти. Если такъ, то мы должны стать на сторону Брэда, Вендлинга и др. Впрочемъ, къ Брэду мы должны примкнуть уже и потому, что онъ имѣлъ въ рукахъ книгу Чейна и слѣдовательно больше основаній правильно судить о Тоунзендѣ, чѣмъ Бони.

[1]) Эти вопросы Брэдъ приводитъ въ приложеніи, pp. 91—93.

[2]) pp. 41—42.

Эти два сообщенія Брэдъ пополняетъ выпиской изъ книги Буало и короткой замѣткой Травельяна, передающаго со словъ очевидцевъ о другомъ погребеніи того же факира, о которомъ говоритъ Буало.

Всѣ эти свидѣтельства помимо ихъ общаго интереса чрезвычайно важны въ научномъ отношеніи, одинаково для историка культуры, психолога, физіолога и врача. Не смотря на ихъ выдающееся значеніе, они остаются мало кому извѣстными. Мы приведемъ сообщеніе Уэда въ переводѣ, остальныя свидѣтельства въ сокращеніи, сохраняя всѣ важныя подробности.

Уэдъ предваряетъ свое сообщеніе замѣчаніемъ, что за неимѣніемъ книги Осборна, онъ не можетъ принять во вниманіе ту часть его разсказа, въ которой онъ ссылается на его авторитетъ, и что поэтому изложитъ вкратцѣ лишь то, что видѣлъ самъ, что бы дать другимъ возможность судить объ убѣдительности его доказательствъ и составить себѣ мнѣніе о томъ, былъ ли онъ и другіе свидѣтели введены въ заблужденіе.

„Я былъ (такъ разсказываетъ Уэдъ) [1]) при дворѣ Рунжита Синга, когда упомянутый капитаномъ Осборномъ факиръ былъ погребенъ живымъ на шесть недѣль. Хотя я прибылъ лишь спустя нѣсколько часовъ послѣ погребенія, но самъ Рунжитъ Сингъ и заслуживающіе довѣрія придворные засвидѣтельствовали мнѣ, что факиръ былъ погребенъ на ихъ глазахъ, и такъ какъ я присутствовалъ лично, когда онъ былъ вырытъ и вполнѣ возвращенъ къ жизни, причемъ я стоялъ такъ близко, что было исключено всякое плутовство, то я твердо увѣренъ, что не было никакого обмана въ тѣхъ фактахъ, которые я собираюсь разсказать... Когда приблизился назначенный срокъ, я по приглашенію Рунжита Синга сопровождалъ его къ мѣсту, гдѣ былъ погребенъ факиръ. Это была четырехугольная постройка, такъ называемая *Barra durra*, въ серединѣ одного изъ садовъ, окружающихъ дворецъ въ Лагорѣ, снабженная верандой и съ пустымъ замкнутымъ отовсюду пространствомъ внутри. Когда мы прибыли, Рунжитъ Сингъ, котораго при этомъ случаѣ сопровождалъ весь дворъ, сошелъ со слона и просилъ меня изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ постройку, что бы онъ могъ быть вполнѣ убѣжденъ, что она замкнута такъ же

[1]) pp. 46—52.

какъ тогда, когда онъ ее оставилъ. Мы увидали, что на всѣхъ четырехъ сторонахъ было по двери, изъ которыхъ три были совершенно замуравлены; на четвертой сторонѣ находилась крѣпкая дверь, которая вмѣстѣ съ замкомъ, запертымъ въ присутствіи Рунжита Синга и запечатаннаго его именной печатью, была при погребеніи факира замазана глиной. Внѣшность постройки не представляла никакого ни отверстія, чрезъ которое могъ бы проникать воздухъ, ни сообщенія, откуда бы факиръ могъ получать пищу. Могу присовокупить, что замуровка дверей не носила никакихъ слѣдовъ того, что бы ихъ недавно отворяли или что бы она была возобновлена.

Рунжитъ Сингъ призналъ печать за ту, которую приложилъ самъ, и такъ какъ онъ относительно успѣха былъ не меньшимъ скептикомъ, чѣмъ любой европеецъ, то для возможнаго предохраненія себя отъ обмана, расположилъ вокругъ постройки два отряда своего личнаго конвоя. Четыре караула, смѣнявшіеся каждые два часа, должны были день и ночь охранять постройку отъ вторженія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ одному изъ высшихъ чиновъ своего двора посѣщать время отъ времени мѣсто погребенія и дѣлать объ этомъ доклады прямо ему; печать, которою была запечатана скважина замка, хранилась у него или у его министра. Послѣдній сверхъ того каждое утро и каждый вечеръ получалъ докладъ отъ дежурнаго офицера.

Послѣ надлежащаго освидѣтельствованія мы вошли въ веранду противъ двери. Другія лица изъ свиты Рунжитъ Синга отбили глину, одинъ его чиновникъ сломалъ печать и отперъ замокъ. Когда дверь была открыта, мы увидали темное пространство. Рунжитъ Сингъ и я отправились туда вмѣстѣ со слугою факира, и когда былъ принесенъ огонь, мы опустились какъ бы въ нишу около трехъ футовъ ниже пола. Въ ней стоялъ вертикально деревянный ящикъ съ крышкой, около 4 англійскихъ футовъ длины и 3 ширины, заключавшій факира. Крышка была точно такъ же заперта навѣснымъ замкомъ и запечатана тою же печатью, какъ и входная дверь. Открывъ ее, мы увидали человѣческую фигуру въ бѣломъ полотняномъ мѣшкѣ, завязанномъ надъ головою. Затѣмъ были сдѣланы залпы изъ пушекъ, и толпа устремилась къ двери, что бы присутствовать при рѣдкомъ зрѣлищѣ. Когда любопытство толпы было удовлетворено, къ ящику подошелъ слуга факира, вынулъ его оттуда, закрылъ крышку и прислонилъ факира

спиной къ крышкѣ въ томъ же скорченномъ положеніи, въ какомъ онъ лежалъ въ ящикѣ (на подобіе индійскихъ идоловъ).

Рунжитъ Сингъ и я спустились въ нишу, которая была на столько мала, что мы могли сѣсть противъ тѣла лишь на корточкахъ и дотронулись до него рукой и колѣномъ.

Затѣмъ слуга полилъ факира горячей водой; но такъ какъ я надѣялся изловить тѣ или другія ухищренія, то предложилъ Рунжитъ Сингу открыть мѣшокъ и внимательно осмотрѣть тѣло, прежде чѣмъ дозволить приступить къ какимъ либо попыткамъ оживленія. Это я и сдѣлалъ и долженъ здѣсь замѣтить, что мѣшокъ, когда онъ предсталъ предъ нашимъ взоромъ, оказался заплѣсневѣлымъ, какъ бываетъ при долгомъ лежаніи въ землѣ. Руки и ноги факира были морщинистыя и окочанѣлыя, голова лежала на плечѣ, какъ у мертвеца. Я просилъ сопровождавшаго меня врача войти въ нишу и освидѣтельствовать тѣло. При осмотрѣ онъ не могъ ощутить пульса ни въ области сердца, ни въ вискахъ, ни въ рукѣ. Но части головы, соотвѣтствующія мозгу, были теплѣе, чѣмъ остальныя части тѣла. (Не была ли, спрашиваетъ Брэдъ, эта теплота „надъ мозгомъ“ слѣдствіемъ облитія теплой водой, согрѣвшей больше всего ту часть, съ которой она прежде всего пришла въ соприкосновеніе?)

Затѣмъ слуга началъ снова обливать факира горячей водой и понемногу вывелъ руки и ноги изъ окочанѣлаго положенія, въ которомъ онѣ находились; въ то же время Рунжитъ Сингъ взялъ правую, а я лѣвую ногу, что бы растираніемъ сдѣлать ихъ снова годными къ употребленію. Между тѣмъ слуга положилъ на темя горячаго пшеничнаго тѣста толщиною въ палецъ и повторялъ этотъ пріемъ два или три раза; затѣмъ онъ удалилъ изъ ушей и ноздрей вату и воскъ, которыми они были заткнуты и залѣплены, и съ большимъ усиліемъ открылъ ротъ; раздвинувъ лѣвой рукой челюсти, онъ правой вытянулъ языкъ, который неоднократно возвращался въ свое согнутое положеніе и закрывалъ отверстіе рта.

Вслѣдъ за этимъ онъ (въ теченіе нѣсколькихъ секундъ) натиралъ вѣки *ghee*, то есть растопленнымъ масломъ, пока стало возможнымъ ихъ открыть. Глаза высматривали неподвижно и тускло. Послѣ того какъ тѣсто было положено на темя въ третій разъ, тѣло пришло въ конвульсивныя движенія, ноздри раздулись и члены стали принимать надлежащую полноту; но пульсъ продолжалъ оставаться

едва замѣтнымъ. Слуга положилъ на языкъ немного растопленнаго масла и заставилъ проглотить. Нѣсколько минутъ спустя выступили глазныя яблоки и получили естественный цвѣтъ. Факиръ, увидавъ, что возлѣ него сидитъ Рунжитъ Сингъ, сказалъ едва внятно тихимъ гробовымъ голосомъ: „Вѣришь теперь мнѣ“? Рунжитъ Сингъ отвѣчалъ утвердительно и облачилъ факира въ жемчужное ожерелье, роскошные золотые браслеты и почетное платье изъ шелка, муслина и шалевой ткани,—дары, какіе обыкновенно дарятъ индійскіе князья выдающимся лицамъ.

Съ того мгновенія, какъ былъ открытъ ящикъ и до того, пока факиръ получилъ возможность говорить, едва протекло полчаса, а по прошествіи другого полчаса факиръ сталъ уже разговаривать со мною и окружающими, хотя и слабымъ голосомъ, какъ больной. Тогда мы его оставили, убѣдившись, что не было никакого обмана и недосмотра въ происшествіи, котораго мы были свидѣтелями“.

Въ добросовѣстности этого свидѣтельства не возможно сомнѣваться. Но быть можетъ, „слишкомъ недовѣрчивые гиперкритики“ (какъ выражается Брэдъ) подумаютъ, что свидѣтель былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что могъ существовать подземный ходъ, чрезъ который съ факиромъ сообщались его сторонники. Брэдъ устраняетъ это возраженіе четырьмя доводами: 1) Рунжитъ Сингъ желалъ доказать не возможность, а наоборотъ невозможность исполненія факиромъ обѣщанія. Было бы поэтому страннымъ, если бы принявъ всѣ остальныя мѣры противъ обмана, онъ не позаботился предотвратить возможность подземнаго сообщенія, такъ какъ безъ такой предосторожности всѣ остальныя мѣры не имѣли бы смысла. 2) Такая небрежность въ томъ, относительно чего трудно обмануть даже простака, навлекла бы на Рунжита Синга и его дворъ подозрѣніе, что они были за одно съ факиромъ при выполненіи грубаго общественнаго обмана, но едва-ли вѣроятно, что бы князь и придворные рѣшились подвергать себя этой возможности. 3) Невѣріе Рунжита Синга засвидѣтельствовано и словами факира: „Вѣришь ли ты мнѣ теперь“?, произнесенными тотчасъ послѣ оживленія. Эти слова несомнѣнно доказываютъ, что факиръ пожелалъ быть погребеннымъ главнымъ образомъ для того, что бы убѣдить князя. Наконецъ, 4) мѣшокъ, въ которомъ былъ положенъ факиръ, оказался заплѣсневѣлымъ, что возможно лишь при продолжительномъ лежаніи въ сыромъ мѣстѣ.

Эти доводы Брэдъ дополняетъ извѣстіемъ (безъ обозначенія источника, но повидимому, изъ книги Осборна), что „при вторичномъ погребеніи того же факира, кромѣ другихъ мѣръ предосторожности, могилу, въ которую былъ опущенъ запертой и запечатанный гробъ, засыпали и притоптали землей, такъ что послѣдняя со всѣхъ сторонъ окружала и покрывала гробъ; затѣмъ была... приставлена стража. Мало этого, Рунжитъ Сингъ до истеченія срока два раза приказывалъ вырывать тѣло, и оно оба раза оказывалось въ томъ же положеніи, въ какомъ было при погребеніи, и представлялось совершенно безжизненнымъ. По окончаніи этого продолжительнаго погребенія, факиръ очнулся вслѣдствіе обыкновенныхъ въ этомъ случаѣ мѣръ“ [1]).

Еще убѣдительнѣе (если только возможно) случай, сообщенный Брэду офицеромъ. Факиръ былъ погребенъ въ области военнаго кордона, на открытомъ полѣ, гдѣ не могло быть никакихъ подземныхъ ходовъ, на глазахъ у тысячной толпы. Этихъ предосторожностей пожелалъ самъ факиръ, что бы уничтожить всякое подозрѣніе въ обманѣ. Дѣло не обошлось для него безъ хлопотъ. Онъ долженъ былъ испрашивать позволенія у командующаго офицера чрезъ чиновника-брамина. Когда послѣдній передалъ желаніе „праведника“ быть погребеннымъ на девять дней, то офицеръ отпустилъ ходатая съ отвѣтомъ, что не вѣритъ, „что бы нашелся такой дуракъ, который бы дозволилъ себя закопать на девять дней, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ непремѣнно умретъ“. На вторичныя настоянія брамина, увѣрявшаго, что „праведника погребали уже многократно, что святость ему будетъ и на этотъ разъ служить оплотомъ, какъ и прежде, и что эта святость стяжала ему у бога особую милость, дозволяющую ему оставаться подъ землею сколько угодно цѣлымъ и невредимымъ“, офицеръ наконецъ выразилъ согласіе, но объявилъ, что приметъ мѣры противъ плутовства и выставитъ на могилѣ часовыхъ изъ магометанъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться, такъ какъ магометане питаютъ къ индусамъ религіозную ненависть и слѣдовательно не попустятъ обмана для прославленія „невѣрныхъ“. Погребеніе состоялось въ присутствіи посланнаго офицеромъ капрала, и тотчасъ былъ приставленъ

[1]) pp. 50—51.

караулъ, который долженъ былъ смѣняться каждые два часа. Часовымъ было отдано приказаніе не подпускать къ могилѣ „ни одного индуса ни подъ какимъ предлогомъ". Сверхъ того, офицеръ распорядился, что бы при каждой смѣнѣ часовыхъ къ нему или къ его адъютанту приходили съ докладомъ, все ли въ порядкѣ. Послѣ погребенія капралъ доложилъ, что всѣ приказанія исполнены. О самомъ погребеніи мы узнаемъ, что „праведникъ", „послѣ различныхъ приготовленій и богато одаренный толпою, легъ и пришелъ въ своеобразное состояніе, а затѣмъ его тѣло положили въ покровъ изъ верблюжьей шерсти, такъ называемый кумли, и опустили въ могилу, вырытую обыкновеннымъ способомъ и обыкновеннаго размѣра, отъ трехъ до четырехъ футовъ глубины, засыпали землею, но въ гробъ не клали". Два дня и до вечера третьяго черезъ каждые два часа приходили къ офицеру и его адьютанту съ докладомъ о смѣнѣ часовыхъ и о томъ, что все остается безъ перемѣны. Но на третій день вечеромъ офицера вдругъ обуялъ страхъ, что если факиръ не выдержитъ испытанія—что по его мнѣнію необходимо должно случиться,—то отвѣтственность за его смерть падетъ на него, офицера, дозволившаго погребеніе на военной области, и что его не только отставятъ отъ должности, но за попустительство къ самоубійству привлекутъ къ суду. Поэтому онъ позвалъ брамина и приказалъ вырыть факира тотчасъ же. Напрасно браминъ упрашивалъ не безпокоиться за „праведника" и дать ему пролежать въ землѣ девять дней, напрасно увѣрялъ, что онъ „и послѣ годового и даже столѣтняго пребыванія въ могилѣ оживетъ цѣлымъ и невредимымъ", офицеръ не отмѣнилъ приказанія и, сдѣлавъ распоряженіе, что-бы въ случаѣ смерти факира браминъ удалилъ тѣло изъ военной области, поскакалъ на мѣсто погребенія. Вокругъ могилы стояла громадная толпа, ожидавшая воскресенія на девятый день. Когда тѣло было выкопано и освобождено отъ покрова, оно къ ужасу офицера оказалось холоднымъ и окочанѣлымъ словно мумія, въ чемъ онъ убѣдился своими руками и глазами. Для офицера оставалась только одна надежда, что мумія очнется отъ тѣхъ средствъ, которыя двое изъ послѣдователей факира примѣняли къ нему согласно съ его предписаніями. Они натирали ему какой то мазью голову, глаза и вѣки, ладони и подошвы, и особенно ревностно втирали ее въ область сердца. Болѣе четверти часа на тѣлѣ не было замѣтно никакихъ успѣховъ отъ этихъ втираній, но затѣмъ оказалось

возможнымъ поднять вѣки; взоръ былъ неподвиженъ, какъ у мертвеца. Понемногу начали обнаруживаться легкія движенія глазъ, потомъ всей головы, наконецъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ надъ грудью, поднялась и она, такъ что „праведникъ“ могъ сказать нѣсколько словъ къ великой радости офицера и неописанному восторгу своихъ поклонниковъ, которые одарили его богатыми подарками. Спустя часъ, факиръ былъ въ полномъ обладаніи всѣми своими тѣлесными и духовными способностями[1]).

Офицеръ ручается за полную достовѣрность своего разсказа. Вслѣдствіе пережитого имъ страха, всѣ обстоятельства этой исторіи неизгладимо врѣзались ему въ память. Изложеніе Брэда онъ прочелъ въ кругу своихъ друзей и нашелъ его вполнѣ точнымъ[2]).

Факиръ, о которомъ говоритъ Буало, былъ погребенъ на мѣсяцъ, точно также въ области военнаго кордона, при томъ возлѣ самаго лагеря. Мѣсто погребенія—каменный склепъ 12 футовъ въ длину и 8 въ ширину. Въ полу склепа была вырыта могила 3 футовъ въ длину, $2^1/_2$ въ ширину и столько же въ глубину. Туда факиръ былъ положенъ зашитымъ въ полотняный мѣшокъ. Оба колѣна были у него пригнуты къ подбородку, ноги къ животу, а руки къ груди. Могила была выложена камнями и устлана хлопчатобумажными и другими матеріями, свернутыми въ нѣсколько разъ, для предохраненія погребеннаго отъ бѣлыхъ муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ. Что бы онъ не могъ самовольно выдти изъ могилы, на нее наложили двѣ тяжелыя каменныя плиты 5 или 6 футовъ длины, нѣсколькихъ дюймовъ толщины и достаточной ширины. Дверь склепа была замуравлена, и для предупрежденія обмана снаружи были приставлены часовые, охранявшіе могилу безотлучно цѣлый мѣсяцъ. Погребеніе происходило подъ надзоромъ министра владѣтельнаго князя. Подъ его же наблюденіемъ по истеченіи срока была сбита съ двери замуровка и тѣло вынуто изъ могилы и савана. При этомъ присутствовали также лейтенанты Буало и Травельянъ. Погребенный оказался совершенно безъ чувствъ, съ закрытыми глазами, судорожно сжатыми безсильными руками и сильно втянутымъ животомъ. Зубы были на-

---

[1]) pp. 55 - 60.

[2]) p. 42.

столько крѣпко стиснуты, что раскрыть ротъ можно было только при помощи желѣзнаго инструмента. Когда ему влили туда нѣсколько капель воды, онъ сталъ приходить въ себя и вскорѣ вновь получилъ обладаніе своими чувствами и своими членами. Онъ разговаривалъ тихимъ, мягкимъ голосомъ, словно еще чувствовалъ себя слабымъ, но былъ такъ мало удрученъ своимъ погребеніемъ, что приглашалъ присутствующихъ, если имъ угодно, погрести его на цѣлый годъ.

Этотъ факиръ былъ около 30 лѣтъ, не жилъ на мѣстѣ, а объѣзжалъ города, дозволяя себя погребать на мѣсяцы и годы, смотря потому, кто сколько заплатитъ. По разсказамъ, онъ (подобно добывателямъ жемчужныхъ раковинъ) пріобрѣлъ эту способность продолжительнымъ упражненіемъ задерживать дыханіе, сначала пока насчитаетъ до 50, затѣмъ постепенно до 100, до 200 и т. д. Кромѣ того передавали, что онъ обладалъ способностью держать ротъ закрытымъ и въ то же время затыкать внутреннее отверстіе носа языкомъ— уловка, которую иногда употребляютъ для самоубійства чернокожіе рабы, когда ихъ наказываютъ.

Во время приготовленія къ долговременному погребенію онъ въ теченіе значительнаго времени воздерживался отъ всякой твердой пищи и питался только молокомъ, которое, по мнѣнію туземцевъ, почти все выходитъ мочею. Это дѣлалъ онъ съ тою цѣлью, чтобы его въ тѣсной могилѣ не обременяло содержаніе желудка и кишекъ [1]).

Сообщеніе Травельяна (дипломатическаго агента) не добавляетъ никакихъ важныхъ подробностей. Факиръ былъ погребенъ на десять дней, и къ могилѣ были приставлены часовые. Когда онъ очнулся, то былъ совершенно здравъ и невредимъ и послѣ пищи и питья чувствовалъ себя какъ и прежде. Свѣдѣнія объ этомъ случаѣ Травельянъ получилъ отъ одного заслуживающаго довѣрія и почтеннаго индуса. Ихъ подтвердили командиръ посольскаго конвоя и посольскій врачъ, слышавшіе въ свою очередь отъ многочисленныхъ солдатъ, присутствовавшихъ при разрытіи могилы. Къ этому Травельянъ прибавляетъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, нѣкоторые факиры и другіе люди пріобрѣтаютъ способность задерживать дыханіе, загибать языкъ назадъ и вкладывать въ ротъ палецъ, дающую имъ возможность дол-

[1]) pp. 53—55.

гое время оставаться безъ пищи и дышать при маломъ притокѣ воздуха [1]).

Реальность фактовъ, засвидѣтельствованныхъ во всѣхъ этихъ сообщеніяхъ (за исключеніемъ лишь послѣдняго), на столько очевидна что доказывать ее было бы возможно только опровергая доводы сомнѣвающихся. Но намъ кажется лишнимъ измышлять подобные доводы и опроверженія. Отвлеченныхъ доказательствъ въ данномъ случаѣ привести нельзя, а противъ показанія чувствъ всегда можно спорить. Невозможно даже, напримѣръ, доказать, что человѣкъ бодрствуетъ, а не спитъ. Если для убѣжденія прибѣгнуть къ насилію, то развѣ нельзя сказать, что и насиліе есть сонъ? Но искать повсюду отвлеченныхъ доводовъ значитъ идти въ разрѣзъ съ условіями нашей познавательной дѣятельности. Разумъ безъ руководства чувствъ способенъ заблуждаться точно такъ же, какъ и чувства безъ руководства разума. Высшая мѣра истины не доводы разума и чувствъ, а то, на что эти доводы опираются, самоочевидность сознанія, котораго разумъ и чувства суть лишь обнаруженія. Самоочевидность чувствъ и разума въ основаніи тожественны и потому вполнѣ равноправны.

Этому требованію самоочевидности въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ изложенные выше факты. Въ томъ, что факиры дѣйствительно были погребены и затѣмъ возвратились къ жизни, всякій могъ убѣдиться зрѣніемъ и осязаніемъ, двумя чувствами, передъ авторитетомъ которыхъ обыкновенно смолкаютъ всякія сомнѣнія. Но и разумъ едва ли можетъ указать что нибудь, чѣмъ бы опровергалась эта самоочевидность.

При обсужденіи фактовъ слѣдуетъ различать между самыми фактами и ихъ оцѣнкою. Факты могутъ быть реальными, но казаться невѣроятными по противорѣчію съ повседневнымъ опытомъ и незнанію ихъ причинъ, какъ и наоборотъ они могутъ быть вовсе непонятными, но казаться заурядными по привычкѣ къ нимъ. Что, напримѣръ, съ перваго взгляда можетъ быть проще, чѣмъ передать свое слово по телеграфу изъ одного города въ другой, или даже изъ одной части свѣта въ другую? Но быстрота этого сообщенія не находитъ никакого

[1]) pp. 52—53.

соотвѣтствія въ непосредственномъ опытѣ, и причины, обусловливающія передачу, остаются подъ вопросомъ. Рѣдко кто задумывается надъ тѣмъ, что телеграфное сообщеніе обусловлено столько же проводомъ, сколько землею. Случайно открылъ это свойство земли дѣлать излишнимъ второй проводъ Штейнгель, и его открытіе тотчасъ же было признано какъ достовѣрный фактъ только потому, что заявляло о себѣ зримыми и осязаемыми результатами. Но какъ понимать этотъ фактъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Станемъ ли мы думать, какъ было принято прежде, что земля передаетъ токъ отъ одной станціи къ другой, или же станемъ утверждать, какъ это дѣлаютъ (послѣ опыта Уайтстона) теперь что земля есть тѣло, „сопротивленіе котораго равно нулю," мы одинаково получимъ только кажущійся отвѣтъ. Почему токъ, пущенный въ землю на одной станціи, принимается на другой, а не расходится по землѣ? Что въ этомъ случаѣ бываетъ изоляторомъ? И если земля на самомъ дѣлѣ имѣетъ значеніе только общаго пріемника, то требуется прежде всего выяснить, что собственно слѣдуетъ подразумѣвать подъ землей, такъ какъ извѣстно, что ея главныя составныя части — камни, песокъ, глина, вода и пр. служатъ дурными проводниками. Должны мы думать объ электрическихъ земныхъ токахъ? Въ такомъ случаѣ, почему землю нельзя замѣнить воздухомъ? Потому ли, что земные токи разсматриваются какъ наведенные воздушными? [1]) На эти вопросы до сихъ поръ нѣтъ вразумительнаго отвѣта, да о немъ, повидимому, мало заботятся даже лица близко стоящія къ дѣлу [2]), такъ какъ возможность передавать такъ по одному проводу, сколь ни непонятна, есть несомнѣнный фактъ.

---

[1]) Жуберъ, Основы ученія объ электричествѣ, перев. подъ редак. Столѣтова, М. 1889, стр. 538—539.

[2]) Во всѣхъ вообще руководствахъ по телеграфіи напр. Zetzsche, Handbuch d. elektrischen Thelegraphie, Berlin 1880, I, pp. 144—147; Binder, Die elektrischen Telegraphen etc., Weimar, 1880, pp. 21—23, 57. Rother, Der Telegraphenbau etc., 4-te Aufl., Berlin, 1876, pp. 211—214 и пр. на различные лады повторяется одно и тоже: что при соединеніи съ землею сопротивленіе линіи становится меньшимъ, чѣмъ при пользованіи двойнымъ проводомъ; что земля вообще дурной проводникъ, но что одни слои проводятъ лучше, чѣмъ другіе; что чѣмъ менѣе проводимость слоя, тѣмъ большую площадь долженъ имѣть проводникъ; что наибольшею проводимостью обладаютъ слои на глубинѣ грунтовой воды, хотя и влажные слои часто оказываютъ значительное сопротивленіе и пр. Такимъ образомъ земля въ одно и то же время и „вообще плохой проводникъ" и такой, „котораго сопротивленіе равно нулю". Единственнымъ кажущимся выходомъ изъ затрудненія служитъ громадность земли. Впрочемъ, выяснять этотъ вопросъ здѣсь не мѣсто.

Для факира изъ дебрей Индіи наша способность общаться по телеграфу должна казаться болѣе чудесной чѣмъ намъ его способность обмирать и оживать. И безотносительно послѣдняя болѣе понятна, чѣмъ первая. Оба факта одинаково достовѣрны, хотя и не одинаково заурядны, но тогда какъ для перваго не существуетъ сколько нибудь яснаго истолкованія, послѣднему дано объясненіе, быть можетъ не совсѣмъ полное, но опирающееся на простые факты и аналогіи. „При заботливомъ взвѣшиваніи всѣхъ отдѣльныхъ явленій (говоритъ Брэдъ), сообщенныхъ по этому поводу, и на основаніи моихъ собственныхъ опытовъ относительно гипнотизма, въ которомъ люди способны приводить себя въ болѣе или менѣе глубокое состояніе оцѣпенѣнія или каталепсіи, при чемъ они, подобно животнымъ въ зимней спячкѣ, понижаютъ всю жизненную дѣятельность до возможной степени, совмѣстимой однако съ продолженіемъ существованія и возвращеніемъ прежней подвижности, я пришелъ къ заключенію, что люди, совершающіе на первый взглядъ такіе невозможные подвиги, погружаютъ себя въ это преходящее состояніе спячки или летаргіи пріостановкой дыханія и сосредоточиваніемъ духовной дѣятельности, какъ это доказано вполнѣ достовѣрнымъ случаемъ съ полковникомъ Тоунзендомъ [1]) и многими моими собственными наблюденіями надъ больными, обладавшими этой способностью въ меньшей степени“ [2]).

Въ своихъ первыхъ основаніяхъ всѣ вообще явленія для насъ одинаково непонятны. Безъ труда можно доказать, что на вопросъ, почему одни люди обладаютъ указанными Брэдомъ способностями, а другіе нѣтъ, столь же мало можно отвѣтить, какъ и на вопросъ, почему одни вещества проводятъ электричество, тогда какъ другія не проводятъ. Но намъ не дано знать явленій изъ ихъ первыхъ причинъ; мы вынуждены довольствоваться знаніемъ ближайшихъ. Такія причины въ данномъ случаѣ указаны Брэдомъ несомнѣнно вѣрно.

Но если въ гипнотизмѣ дѣйствительно ключъ къ только что разсмотрѣннымъ удивительнымъ явленіямъ, то не слѣдуетъ ли, подсказываетъ опрометчивый умъ, искать въ немъ истолкованія всѣхъ вообще чудесныхъ явленій, и прежде всего тайнъ смерти и воскресенія? Напомнимъ здѣсь, что обмирать и оживать не все равно что уми-

---

[1]) Выше стр. 321—322.

[2]) pp. 43—44.

рать и воскресать. Пробужденіе отъ долгаго обморока фактъ естественный, воскресеніе отъ смерти—сверхъестественный. Ученіе о гипнотизмѣ не беретъ на себя и не считаетъ себя способнымъ выяснить эту тайну. Въ вопросахъ жизни и смерти оно ставитъ себѣ въ заслугу только крайнюю осторожность. Наученное длиннымъ рядомъ продолжительныхъ летаргій, оно скорѣй готово прозрѣвать жизнь тамъ, гдѣ обыкновенно чуютъ смерть, и не сразу даже признаетъ мертвецомъ и того, кто такимъ заявляетъ себя не только зрѣнію и осязанію, но даже и обонянію, такъ какъ оно знаетъ, что ото всѣхъ вообще летаргиковъ идетъ трупный запахъ [1]) и что однажды этотъ признакъ смерти заставилъ окружить приготовленіями къ могилѣ еще совсѣмъ юную жизнь, которая однако среди погребальныхъ свѣчей и душистыхъ цвѣтовъ очнулась со словами: „Я слишкомъ молода, чтобы умирать“ [2]). При истолкованіи значенія самаго разительнаго доказательства мощи гипнотизма ученіе о немъ очень скромно: оно пользуется своимъ авторитетомъ лишь для назиданія опрометчивости и суевѣрію, что не слѣдуетъ безъ разбора довѣряться обманчивымъ признакамъ смерти и приходить въ ужасъ предъ встающими изъ гроба, такъ какъ „мертвецы не встаютъ изъ могилъ“.

XXXIII. Теоріи гипнотическихъ явленій. Нами изложены всѣ основные факты гипнотизма. Остается дать имъ истолкованіе. До настоящаго времени не выработано никакой установленной теоріи. Хотя всѣ объясненія болѣе или менѣе между собою сходны, тѣмъ не менѣе ни одно изъ нихъ не можетъ имѣть притязанія на всеобщее признаніе. Поэтому для наиболѣе полнаго ознакомленія съ современнымъ положеніемъ вопроса намъ кажется цѣлесообразнымъ привести всѣ сколько нибудь выдающіяся объясненія и затѣмъ сдѣлать имъ критическій сводъ.

Раннія ученія Психологической и Физіологической школъ выработались внѣ зависимости одна отъ другой. Но позднѣйшія объясненія второй носятъ на себѣ явные слѣды воздѣйствія первой. Мы поэтому будемъ излагать теоріи не по школамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ.

---

[1]) Bernütz, Leçons sur l'hystérie, Revue thérapeutique, 1878, p. 407.

[2]) Pfendler y Gilles de la Tourette, L'Hypnotisme, pp. 224—225.

1. *Теорія Брэда.* Первая попытка къ объясненію гипнотическихъ явленій идетъ отъ „отца гипнотизма"—Брэда.

Для яснаго пониманія его теоріи необходимо знать, что онъ усыплялъ субъектовъ фиксаціей зрѣнія—приглашая ихъ пристально смотрѣть на блестящій предметъ, помѣщенный не много выше ихъ глазъ, до тѣхъ поръ пока вѣки не сомкнутся отъ усталости [1]).

Согласно съ этимъ Брэдъ опредѣляетъ гипнотизмъ какъ „нервный сонъ или то своеобразное состояніе нервной системы, которое можетъ быть вызвано продолжительнымъ сосредоточиваніемъ и напряженіемъ чувственнаго и умственнаго взора, въ особенности на предметъ не раздражающаго свойства" [2]).

Въ состояніи гипнотизма на субъекта можно дѣйствовать трояко: посредствомъ мускульнаго чувства, посредствомъ давленія на кожу (френогипнотизмъ [3]), посредствомъ слова. Всѣ такія воздѣйствія, въ особенности послѣдняго рода, Брэдъ называетъ *внушеніемъ*.

Внушенія посредствомъ мускульнаго чувства и давленія на кожу Брэдъ объяснялъ изъ взаимодѣйствія между духовными и тѣлесными состояніями. Всякое духовное состояніе вслѣдствіе единства нервной системы сопровождается опредѣленнымъ внѣшнимъ обнаруженіемъ. Поэтому, дѣйствуя на область тѣла, на которой отражается извѣстное духовное состояніе, можно вызвать и это послѣднее.

Въ частности явленія френогипнотизма объясняются тѣмъ, что „различныя развѣтвленія чувствующихъ нервовъ возбуждаютъ непосредственно соотвѣтствующія части мозга, а эти послѣднія вызываютъ физическія обнаруженія" [4]).

Впрочемъ, Брэдъ не забываетъ дѣйствія закона ассоціаціи, по которому „повтореніе даннаго ощущенія служитъ къ возобновленію испытанныхъ раньше чувствъ, съ нимъ связанныхъ". Поэтому связь между раздраженіемъ кожи и сопровождающимъ его духовнымъ состояніемъ можетъ и не быть непосредственной [5]).

Дѣйствіе внушеній посредствомъ слова Брэдъ объясняетъ *моноидеизмомъ*.

---

[1]) Neurypnology, pp. 228—229.

[2]) pp. 19. 245. 246.

[3]) Выше, стр. 125.

[4]) pp. 86—37. 250—251 и пр

[5]) p. 6.

„Если вниманіе человѣка или вообще живого существа сильно или исключительно занято мыслью объ идеѣ, связанной съ извѣстнымъ движеніемъ, то вслѣдствіе этого направляется въ мускулы потокъ нервнаго раздраженія и побуждаетъ существо къ выполненію этого движенія не только безъ сознательнаго участія воли, но даже во многихъ случаяхъ совершенно противъ намѣренія; и потому движеніе кажется, смотря по свойству идеи, либо вызваннымъ неудержимо, либо задержаннымъ словно какой чарой. Сила воли существа ослаблена, и оно дѣлается столь совершенно моноидеизованнымъ, то есть въ столь высокой степени подчиненнымъ владычеству одной идеи, что не можетъ противопоставить ей никакого надлежащаго препятствія или сопротивленія“ [1]).

Но чѣмъ обусловливается состояніе моноидеизма? При какихъ условіяхъ идея можетъ получить такую неотразимую силу?

На эти важные вопросы мы бы ожидали обстоятельнаго отвѣта, тѣмъ болѣе, что Брэдъ тщательно опредѣляетъ термины только что приведеннаго ученія:

„*Моноидеологія* есть ученіе о вліяніи господствующихъ идей на духовную и физическую дѣятельность; *моноидеизмъ* есть состояніе, въ которомъ душа подчинена одной господствующей идеѣ; *моноидеизовать* значитъ производить процессы, порождающіе состояніе моноидеизма; *моноидеизованный* обозначаетъ состояніе лица въ стадіи *моноидеизма*; *моноидеодинамическія* измѣненія суть физическія и духовныя измѣненія, какъ возбужденіе, такъ и угнетеніе, появляющіяся вслѣдствіе *моноидеизма*“ [2]).

На дѣлѣ Брэдъ ограничивается замѣчаніемъ, что изслѣдуемыя явленія производятся продолжительнымъ и пристальнымъ взглядомъ, вслѣдствіе того что онъ парализуетъ нервные центры глазъ и прилежащихъ къ нимъ частей и нарушаетъ равновѣсіе нервной системы [3]).

„Тотъ удивительный фактъ, что когда всѣ чувства находятся въ усыпленіи, а члены въ оцѣпененіи, достаточно легкаго давленія на глазныя яблоки, чтобы разбудить паціента и возвратить ему чувства и способность двигать головой и шеей,... между тѣмъ какъ механи-

---

[1]) The Physiology of Fascination, Manch. 1855, p. 260 Preyer.

[2]) Neurypnology, p. 246.

[3]) p. 23.

ческое дѣйствіе на другіе органы чувствъ остается безъ послѣдствія, служитъ разительнымъ доказательствомъ, что въ гипнотизмѣ существуетъ особая связь между состояніемъ глазъ и состояніемъ головного и спинного мозга“ [1]).

Одной изъ главныхъ причинъ перемѣны въ состояніи мозга при гипнотизмѣ Брэдъ считалъ измѣняющійся составъ крови вслѣдствіе нарушенія равновѣсія въ біеніи сердца и дыханіи [2]).

„Впрочемъ (оговаривается Брэдъ [3]) относительно ближайшей причины гипнотическихъ явленій наилучшій планъ при настоящемъ состояніи знанія по моему мнѣнію тотъ, что бы собирать дальнѣйшіе факты и оцѣнивать ихъ для исцѣленія больныхъ, теоретическія же разсужденія отложить до будущаго времени, когда у насъ будетъ большій запасъ фактовъ, изъ которыхъ можно дѣлать выводы“.

„Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что наступленіе искусственнаго сна есть исключительно слѣдствіе опредѣленныхъ *субъективныхъ* состояній, при чемъ однако во время него спящія лица доступны воздѣйствію со стороны другихъ, когда послѣдніе къ нимъ обращаются съ словами или при помощи возбужденія отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Въ сущности дѣло сводится къ состоянію духовнаго *отвлеченія* и *сосредоточенности* вниманія, при чемъ духовныя способности до такой степени исключительно заняты опредѣленными идеями и порядкомъ мыслей, что такія лица либо вовсе не воспринимаютъ остальныя впечатлѣнія, либо по крайней мѣрѣ не ясно сознаютъ ихъ дѣйствія... Чѣмъ чаще вызывается такое состояніе, тѣмъ легче оно появляется вновь вслѣдствіе привычки и по законамъ ассоціаціи, такъ что очень воспріимчивыя лица могутъ наконецъ впадать въ это состояніе при одномъ воображеніи, что гдѣ либо предпринимается что либо для его вызова, хотя этого и нѣтъ на дѣлѣ“ [4]).

„Съ подобными субъектами можно въ надлежащую фазу гипнотизма играть какъ на музыкальномъ инструментѣ и заставлять ихъ принимать грезы ихъ воображенія за дѣйствительную реальность. Ихъ разсудокъ и воля настолько затемнены, они настолько подчинены сво-

---

[1]) p. 70.

[2]) pp. 137—138.

[3]) p. 136.

[4]) Electro-biological Phenomena, Lond. 1851, p. 100 Preyer.

ему мгновенному очарователю, и ихъ воображеніе возбуждено до такой степени, что они видятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ какъ будто бы всѣ впечатлѣнія, происходящія въ ихъ головѣ, были реальными; они полны этими идеями, они подчинены имъ и дѣйствуютъ сообразно съ ними, сколь-бы нелѣпы онѣ ни были“[1]).

Какъ состояніе сосредоточенности „гипнотическій сонъ прямо противоположенъ обыкновенному сну, такъ какъ послѣдній вызывается и сопровождается противоположнымъ духовнымъ направленіемъ, а именно происходитъ вслѣдствіе неспособности къ духовной сосредоточенности или вслѣдствіе полной потери возможности сосредоточивать вниманіе при одновременной утерѣ способности къ обнаруженіямъ воли“.

(*Продолженіе будетъ*):

---

[1]) Neurypnology, p. 231.

Observations faites à l'Observatoire Météorologique de l'Université de Kiew

publiées par le professeur **P. BROUNOF.**

Avril 1893.

НАБЛЮДЕНІЯ

Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ,

издаваемыя профессоромъ П. И. БРОУНОВЫМЪ.

Апрѣль 1893.

Широта сѣв.
Latitude nord. 50°27′.

Долгота вост. отъ Гринвича
Longitude à l'Est de Grenwich 30°30′.

Высота барометра надъ ур. моря
Hauteur du baromètre au niveau de la mer 183^{m}.1.

Высота термометровъ надъ ур. моря
Hauteur des thermomètres au niveau de la mer. 178^{m}. 9.

Высота термометровъ надъ поверхностью земли
Elévation des thermomètres au dessus du sol 3^{m}. 5.

Высота дождемѣра надъ пов. земли
Elévation du pluviomètre au dessus du sol 2^{m}. 0.

Высота флюгера надъ пов. земли
Elévation de l'anémomètre au dessus du sol 18^{m}. 7.

Высота воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли
Elévation de la surface de l'eau dans l'évapor. au dessus du sol 3^{m}.5.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(В. І. Завадзкаго). Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1893.

Сокращенныя обозначенія явленій:

● = Дождь.
✳ = Снѣгъ.
△ = Крупа.
○ = Ледяной дождь.
▲ = Градъ.
≡ = Туманъ.
⌓ = Роса.
⊔ = Иней.
⊔ = Изморозь.
∽ = Гололедица
← = Ледяныя иглы.
⇸ = Метель.
↙ = Сильный вѣтеръ.
⋉ = Гроза.
< = Молнія безъ грома или зарница.
⌣ = Сѣверное сіяніе.
⌒ = Радуга.
⊕ = Кругъ около солнца.
⦶ = Вѣнецъ ок. солнца.
|-| = Столбы ок. солнца..
⊖ = Кругъ ок. луны.
ω = Вѣнецъ ок. луны.
∞ = Сухой туманъ.

Примѣчанія: 1 апрѣля въ 7^hа на почвенныхъ термометрахъ изморозь, 2-го въ 9^hр, 4-го въ 7^hа, 10-го въ 9^hр, 11-го въ 7^hа, 20-го въ 1^hр, 26-го въ 9^hр и 30-го въ 9^hр—роса, 3-го въ 7^hа 8-го въ 7^hа и 30-го въ 7^hа—иней, 14-го въ 9^hр и 21-го въ 7^hа—тонкая ледяная кора.

11 апрѣля въ 1^hр около солнца наблюдался кругъ.

Числа даны по новому стилю.
Toutes les dates sont données d'après le nouveau style.

12 апрѣля 1893 г. минимумъ-термометръ № 1468 на поверхности почвы былъ разбитъ и замѣненъ такимъ же термометромъ № 1479, находившимся въ психрометрической клѣткѣ, куда, взамѣнъ этого, помѣщенъ минимумъ-термометръ Г. Ф. О. № 748.

Наблюденія въ апрѣлѣ дѣлались К. В. Мироничемъ, обработка ихъ произведена К. В. Цариковымъ, обработка записей термографа Ришара—А. Н. Яницкимъ.

Общій обзоръ погоды въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1893 г. (Aperçu général de l'état de l'atmosphère à Kiew durant le mois d'avril 1893).

Апрѣль 1893 г. въ Кіевѣ былъ необыкновенно холоденъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, представляющей для всѣхъ дней мѣсяца отклоненія температуры воздуха отъ многолѣтней средней:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
−6.0	−1.1	+4.0	+3.6	−0.6	−4.2	−4.9	−4.7	−2.5	+2.0
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
+3.8	−0 8	−1.4	−7.0	−3.6	−1.4	−1.9	−8.0	−7.2	−5.2
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
−9.2	−10.2	−10.6	−10.4	−11.0	−8.8	−4.5	−6.3	−6.8	−4.2

Среднее отклоненіе за мѣсяцъ—4.4.

Теплые дни были только 3-го, 4-го, 10-го и 11-го числа; во всѣ остальные дни температура воздуха была ниже многолѣтней средней, въ особенности 22—25 апрѣля, когда отклоненія достигли 10° съ небольшимъ!

Причина такого необыкновеннаго холода заключается въ томъ, что почти весь апрѣль въ западной Европѣ было высокое, а на югѣ и востокѣ Росссіи—слабое атмосферное давленіе, отчего въ Кіевѣ и юго-западной Россіи вообще вѣтры отъ NNE — NNW значительно преобладали надъ всѣми прочими. Цѣлый мѣсяцъ дождь чередовался съ мокрымъ снѣгомъ, или падалъ одновременно съ нимъ.

23 апрѣля надъ сѣверозападною частью Чернаго моря появился барометрическій минимумъ, сопровождавшійся небольшимъ, но сильнымъ вихремъ. Онъ направился на сѣверо-сѣверо-востокъ и охватилъ лѣвою частью своей области, съ С и СЗ вѣтрами, всю Кіевскую губернію: снѣгъ повалилъ большими хлопьями, явились огромные снѣжные сугробы; температура 22—25 апрѣля, обыкновенно въ это время достигающая 11°, стояла почти на 0°! Только 26-го вѣтры ослабѣли, небо прояснилось и, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, стало нѣсколько теплѣе, хотя температура до самаго конца мѣсяца продолжала оставаться значительно ниже многолѣтней средней.

Температура почвы весь мѣсяцъ была выше нуля, за исключеніемъ самаго верхняго слоя, который то оттаивалъ, то замерзалъ; минимумъ—термометръ на поверхности земли почти каждый день стоялъ ниже нуля! Число переходовъ черезъ нуль въ апрѣлѣ было 26 внизъ и 26 вверхъ! Столь частыя колебанія температуры почвы внизъ и вверхъ отъ нуля должны были весьма неблагопріятно отразиться на озимыхъ посѣвахъ, особенно на такихъ нѣжныхъ, какъ пшеница.

Количество осадковъ въ апрѣлѣ было 39.6 mm.

Количество испаренія въ апрѣлѣ было 40.4 mm.

Снѣжный покровъ. (Couche de neige).

Въ слѣдующей таблицѣ, по обыкновенію, даны: общее состояніе снѣжнаго покрова за апрѣль въ окрестностяхъ и толщина снѣга по рейкѣ въ саду Обсерваторіи. Снѣгъ, выпадавшій во вторую половину мѣсяца, быстро таялъ, и рейкой измѣрить его было нельзя.

Число мѣсяца Date	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Общ. сост. сн. покр. Etat général de la couche de neige	1	1	1	1	1	1	1	3	4	1	1	1	1	слѣды	
Толщина снѣга Profondeur de la couche de neige	0	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—

Число мѣсяца Date	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Общ. сост. сн. покр. Etat général de la couche de neige		с	н	ѣ	г	а	8	7	7	9	6	0	6	сл.	сн.
Толщина снѣга Profondeur de la couche de neige	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Подъ слѣдами снѣга здѣсь подразумѣваются слабые остатки снѣга въ ложбинахъ горъ за долиною рѣки Лыбеди, видныхъ изъ Обсерваторіи.

0 означаетъ, что толщина снѣга у рейки была меньше 1 сантиметра, а черта—что снѣга у рейки совсѣмъ не было.

Апрѣль **Kiевъ** **1893**
Avril **Kiew**

Число. Date.	Барометръ. Baromètre. 700 +				Температура воздуха. Température de l'air.						Абсол. влажность. Humid. absol.			
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.	7	1	9	Средн. Moyen.
1	52.5	54.3	55.9	54.2	—5.0	0.0	—2.8	—2.6	2.1	—7.1	1.9	1.7	2.3	2.0
2	56.5	56.2	54.0	55.6	—1.8	4.9	2.9	2.0	7.7	—4.3	2.8	3.4	4.3	3.5
3	51.3	49.2	46.3	48.9	1.6	12.3	8.3	7.4	14.4	—0.1	3.6	4.1	5.3	4.3
4	43.2	40.8	42.9	42.3	5.8	12.5	3.8	7.4	13.4	3.8	5.2	3.9	4.8	4.6
5	44.6	44.9	40.8	43.4	0.4	5.8	3.9	3.4	7.4	—1.5	3.6	2.9	3.4	3.3
6	45.0	45.8	47.6	46.1	1.0	1.5	—1.2	0.4	4.0	—1.3	3.4	3.1	3.9	3.5
7	50.0	50.6	51.8	50.8	—1.0	2.4	—0.4	0.3	3.3	—1.3	3.7	3.1	3.1	3.3
8	50.5	50.6	51.7	50.9	—1.4	2.1	0 2	0.3	2.3	—2.4	3.4	3.6	4.5	3.8
9	53.0	53.7	53.2	53.3	0.0	5.1	2.4	2.5	6 5	—0.3	4.5	4.6	4.1	4.4
10	52.0	51.3	48.8	50.7	2.8	12.2	8.5	7.8	15.4	1.0	4.0	4.5	4.4	4.3
11	47.7	45.8	44.1	45.9	4.8	15.0	10.4	10.1	16.2	3.0	4.7	4.5	5.3	4.8
12	41.9	44.4	45.4	43.9	8.5	6.7	4.6	6.6	10.6	3.9	5.1	4.6	3.2	4.3
13	41.7	38.7	36.1	38.8	2.7	9.0	5.4	5.7	10.8	0.4	5.0	5.3	6.0	5.4
14	36.0	40.9	45.9	40.9	1.2	1.3	—2.2	0.1	5.5	—2.8	3.7	3.0	2.2	3.0
15	47.9	48.6	48.9	48.5	—0.9	6.9	3.5	3.2	7.8	—3.3	3.5	2.6	3.8	3.3
16	47.9	46.1	42.8	45.6	2.5	9.9	7.4	6.6	10.8	0.6	4.5	3.5	4.5	4.2
17	40.4	39.7	40.2	40.1	6.2	9.8	2.6	6.2	10.0	2.2	5.5	3.6	4.9	4.7
18	43.4	46.2	48.0	45.9	—0.3	3.3	—1.7	0.4	4.5	—2.2	4.1	2.7	3.1	3.3
19	49.1	48.4	47.5	48.3	—1.9	2.6	1.0	0.6	4.6	—4.4	3.0	1.7	4.6	3.1
20	46.0	43.3	40.5	43.3	0.8	6.9	1.9	3.2	7.9	—1.3	3.1	2.7	4.9	3.6
21	43.6	45.3	45.5	44.8	—1.8	1.2	—1.0	—0.5	3.4	—3.9	2.9	2.1	2.1	2.4
22	40.9	37.5	38.2	38.9	—0.8	1.0	0.8	0.3	2.2	—2.3	3.9	4.7	4.0	4.2
23	40.4	41.1	41.3	40.9	—2.2	1.3	2.2	0.4	2.9	—2.9	2.1	2.7	3.1	2.6
24	40.2	39.0	36.9	38.7	0.2	0.8	0.0	0.3	4.5	—2.2	2.9	3.5	3.8	3.4
25	31.3	34.0	39.5	34.9	0.5	—0.4	0.2	0.1	1.4	—1.0	4.7	4.2	4.3	4.4
26	41.5	41.8	41.4	41.6	0.6	5.9	3.0	3.2	7.9	—1.1	3.9	3.7	4.7	4.1
27	36.9	37.5	41.8	38.7	5.4	9.8	3.0	6.1	11.2	1.4	5.9	5.8	4.5	5.4
28	44.2	44.2	39.4	42.6	2.4	7.4	4.1	4.6	8.3	0.4	3.3	3.3	5.8	4.1
29	39.6	43.3	46.8	43.2	1.9	6.4	4.0	4.1	8.1	0.9	5.1	4.3	4.5	4.6
30	49.0	49.1	47.7	48.6	4.0	10.4	7.1	7.2	12.1	—0.7	3.9	3.7	5.7	4.4
31														
Средн. Moyen.	44.9	45.1	45.0	45.0	1.2	5.8	2.7	3.2	7.6	—1.0	3.9	3.6	4.2	3.9

Апрѣль **Kiевъ** **1893**
Avril **Kiew**

Число. Date.	Относит. влажн. Humid. relat.				Напр. и сила в. Dir. et vitesse du vent.			Напр. об. Dir. des nuages.	Облачность. Nébulosité.		
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	1	7	1	9
1	62	37	62	54	0	SSW_2	0	SE	3 CS; CCu	0 Cu;CuS	1 CuS;CS
2	70	52	76	66	WSW_2	SSW_3	WSW_2	?	1 CS; CCu	1 CS; Cu	0 S
3	72	38	65	58	W_3	W_7	WSW_7	?	0 S	0 CuS; CS	0 S
4	76	37	80	64	WNW_5	WNW_5	0	WNW	9 CS; C	10 CuS;S	0 S
5	76	43	56	58	WNW_2	0	0	NW	0 CS; CCu	5 Cu; CuS	9 CuS; Cu
6	68	61	91	73	NNW_2	NNW_5	NNE_3	NW	10 CuS	10 Cu;CuS	10 S; CuS
7	87	57	69	71	NNE_7	NNE_5	NNE_5	NE	1 Cu;CuS	10 Cu;CuS	0 S
8	82	68	95	82	NNE_6	NNE_9	NE_4	NNE	4 CS;CuS	10 S	10 N
9	98	71	75	81	NE_3	NNE_2	0	NE	10 S; N	10 S;CuS	1 S; CuS
10	70	42	54	55	NNW_3	NNE_3	0	N	9 CS; S	2 CS; Cu	0 S
11	73	35	57	55	WNW_1	W_7	WSW_4	?	1 CCu; CS	7 CCu;CS	3 CS
12	61	63	50	58	WSW_4	NW_5	ENE_1	NW	10 S; CS	6 Cu	1 CuS; S
13	89	62	89	80	S_2	SSW_2	N_1	SW	9 Cu;CuS	10Cu;CuS	9 S
14	74	59	57	63	NNE_{14}	NNW_6	0	NNW	10 S;CuS	10 CuS	0 S
15	80	36	65	60	W_4	WSW_7	W_3	W	9 CuS	8 Cu;CuS	0 S
16	80	38	59	59	WSW_2	WSW_8	SSW_5	W	10 CuS	9 Cu; CCu	10 S
17	78	39	89	69	WNW_1	WSW_8	NW_2	WSW	10 S; CuS	8 Cu; CS	10 N
18	91	47	78	72	NNW_3	NNW_5	NNW_2	NNW	10 S	8 CuS; S	0 CuS
19	75	31	92	66	NNW_3	N_3	NNW_1	N	0 Cu;CuS	6 Cu;CuS	10 CuS; S
20	62	36	91	63	NW_3	WSW_6	NE_8	?	6 Cu;CCu	10 S;CuS	10 N
21	71	42	51	55	NNW_5	NNW_4	S_1	NNW;W	2 Cu	9 Cu;CuS	0
22	89	94	81	88	SSW_5	SW_3	NNE_6	?	10 N	10 N	10 S
23	53	53	58	55	NNE_{14}	NNE_6	NNE_{10}	NNE	8 Cu	10 S; CuS	10 CuS
24	62	71	82	72	NNE_6	NNE_3	S_1	NNE	10 N	10 S; CuS	10 S
25	98	93	91	94	WNW_1	NW_{10}	NNW_7	?	10 N	10 N	10 CuS
26	82	53	83	73	NW_3	WNW_1	0	?	10 S;CuS	8 CuS	5 S
27	87	64	79	77	W_3	WNW_4	N_2	WNW	10 CuS;S	9 CuS; S	10 CuS
28	62	43	95	67	NNE_1	SE_5	ENE_3	S	1 Cu; CS	8 CuS; C	10 N
29	96	59	73	76	NNW_4	NE_3	0	NE	10 S; N	8 Cu; CuS	0 Cu
30	64	39	76	60	NNW_1	SSE_3	SSE_1	?	0 S	0 Cu	0 S
31											
Средн. Moyen.	76	52	74	67	3.8	4.7	2.6		6.4	7.4	5.0

Апрѣль **Кіевъ** **1893**
Avril **Kiew**

Число. Date.	Осадки Précip. en mm. 7	Кол. испар. Evap. 7	Актинометръ. Actinomètre. Черн. Noir. (1 ч.)	Разн. Diff. (1 ч.)	Солнце. Soleil. (1 ч.)	Температура на поверхн. почвы. Temp. à la surface de la terre. 7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.
1	—	0.7	29.5	13.5	2	—2.8	6.1	—0.5	0.9	7.1	—6.2
2	—	0.5	32.7	12.9	2	—1.1	9 7	—0.3	2.8	10.9	—6.2
3	—	2.0	39.4	13.0	2	—0.4	14.9	3.6	6.0	16.7	—1.8
4	0.7	1.5	22.5	5.2	0	1.8	11.1	2.4	5.1	13.9	—0.5
5	0.1	1.5	33.3	14.2	2	—0.2	14.2	2.8	5.6	15.1	—2.0
6	0.0	1.4	13.0	5.9	0	0.6	5.5	—0.1	2.0	8.2	—1.5
7	—	2.1	12.1	4.6	0	—0.2	5.7	—0.7	1.6	9.7	—1.7
8	5.3	0.5	4.7	1.5	0	—0.9	0.6	0 2	0.0	2.1	—2.6
9	—	0.7	15.6	5.8	0	0.1	2.5	0.0	0.9	7.2	—0.5
10	—	1.4	40.9	13.0	2	0.1	18.5	4.5	7.7	18.9	—1.3
11	—	2.5	40.3	12.2	1	2.4	20.5	7.2	10.0	*20.5*	—0.6
12	0.0	1.5	26.2	10.1	2	6.3	14.8	2.8	8.0	17.0	1.3
13	1.0	1.1	23.5	7.6	0	3.4	13.3	5.3	7.3	16.1	—1.0
14	0.0	1.8	15.5	7.4	0	1.9	7.3	—0.7	2.8	9.2	—3.1
15	—	1.2	21.2	6.6	1	0 1	1.6	2.2	1.3	16.4	—3.4
16	0.0	2.1	34.5	10.5	1	3.1	19.0	5.7	9.3	*19.0*	—0.4
17	1.8	1.1	33.3	10.8	1	5.7	21.2	3.2	10.0	21.8	2.4
18	0.0	1.5	15.4	5.2	0	1.8	10.7	—0.6	4.0	13.9	—1.4
19	—	1.9	17.3	6.7	0	0.2	11.7	1.6	4.5	16.6	—3.4
20	0.4	1.2	28.4	11.1	0	2.1	19.1	3.0	8.1	19.8	—1.1
21	0.2	1.6	17.5	7.9	0	0.2	10.7	—1.4	3.2	15.5	—2.8
22	8.3	0.9	8.2	3.9	0	0.0	0.1	0.0	0.0	1.1	—2.5
23	0.0	3.2	18.3	8.6	0	—2.4	2.7	0.5	0.3	5.3	—3.4
24	8.3	0.4	16.2	7.5	0	0.0	0.6	0.0	0.2	4.3	—1.4
25	6.7	0.2	9.0	4.7	0	0.2	0.6	—1.2	—0.1	0.9	—1.0
26	1.2	0.9	18.6	7.1	0	0.4	10.5	2.6	4.5	15.0	—1.9
27	—	1.3	23.7	7.5	0	4.8	14.0	3.8	7.5	17.7	0.0
28	5.6	0.9	34.5	13.2	1	4.6	18.6	5.1	9.4	19.3	—0.5
29	—	1.3	25.0	8.6	0	3.8	12.4	13.4	9.9	16.0	1.0
30	—	1.5	39.1	13.7	2	0.6	23.1	6.4	10.0	26.1	—2.5
31											
Средн. Moyen.	**1 3**	**1.3**	23.6	8.7	0.6	1.2	10.7	2.4	**4.8**	13.4	—1.7

Апрѣль / Avril — Кіевъ / Kiew — 1893

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Température de la terre à la profondeur de: 0.00m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.10m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.20m. 7	1	9	Средн. Moyen.
1	—2.2	6.6	—0.4	1.3	—1.6	0.7	—0.3	—0.4	—0.2	0.2	0.0	0.0
2	—1.1	9.8	0.0	2.9	—1.0	1.9	0.0	0.3	0.0	0.3	0.0	0.1
3	—0.2	16.0	3.4	6.4	0.0	1.2	0.4	0.5	0.0	0.4	0.4	0.3
4	2.2	11.4	2.0	5.2	0.4	2.5	1.1	1.3	0.1	1.4	2.4	1.3
5	—0.2	14.1	2.9	5.6	0.0	2.2	1.8	1.3	0.8	0.8	3.2	1.6
6	0.6	5.3	—0.1	1.9	0.4	2.2	0.8	1.1	1.6	1.8	2.0	1.8
7	—0.2	5.4	—0.5	1.6	0.3	2.9	0.9	1.4	1.0	1.8	2.0	1.6
8	—0.8	0.5	0.0	—0.1	0.2	0.4	0.4	0.3	0.9	0.8	0.6	0 8
9	0.0	0.2	0.0	0.1	0.4	1.1	1.3	0.9	0.6	0.7	1.6	1.0
10	0.0	18.9	4.4	7.8	0.4	6.0	4.9	3.8	0.8	2.8	4.8	2.8
11	2.3	19.2	7.0	9.5	2.4	8.4	7.0	5.9	2.8	5.0	6.4	4.7
12	5.9	13.7	2.9	7.5	5.3	7.0	4.4	5.6	5.0	5.3	6.0	5.4
13	3.2	13 1	5.2	7.2	3.0	6.8	5.8	5.2	3.6	4.6	5.7	4.6
14	1.8	6.6	—0.3	2.7	3.6	4.5	1.8	3.3	4.4	4.2	3.8	4.1
15	0.0	1.5	2.3	1.3	0.7	5.9	3.8	3.5	2.2	3.5	4.6	3.4
16	3.0	22.3	5.4	10.2	2.7	7.5	5.9	5.4	3.3	4.7	5.8	4.6
17	5.8	20.4	4.1	10.1	4.8	8.5	5.6	6.3	4.8	6.2	6.2	5.7
18	1.7	10.4	0.0	4.0	2.6	5.6	3.2	3.8	4.0	4.7	4.8	4.5
19	0.1	11.2	1.9	4.4	1.1	5.0	3.2	3.1	2.7	3.9	4.5	3.7
20	1.9	17.5	3.6	7.7	2.0	7.7	4.8	4.8	3.0	5 2	5.6	4.6
21	0.1	10.0	—0.5	3.2	1.7	4.8	2.2	2.9	3.4	3.9	4.4	3.9
22	0.0	0.1	0.0	0.0	1.0	1.5	1.2	1.2	2.5	2.2	2.0	2.2
23	—1.4	1.8	0.5	0.3	0.4	2.2	1.9	1.5	1.8	1.9	2.5	2.1
24	0.0	0.2	0.1	0.1	0.8	1.4	1.0	1.1	1.8	1.6	1.7	1.7
25	0.1	0.2	—1.0	—0.2	1.0	1.0	0.8	0.9	1.4	1.4	1.3	1.4
26	0.0	9.8	2.5	4.1	0.8	2.8	3.0	2.2	1.2	1.7	3.4	2.1
27	4.8	13.7	4.4	7.6	2.7	7.6	5.4	5.2	2.6	4.7	5.6	4.3
28	4.7	17.6	5.0	9.1	3.4	8 4	6.0	5.9	3.9	5.5	6.4	5.3
29	3.8	12.2	2.7	6.2	4.0	7.2	5.0	5.4	4.9	5.2	6.0	5.4
30	0.1	22.4	6.3	9.6	2.7	11.1	7.9	7.2	3.6	6.7	8.2	6.2
31												
Средн. Moyen.	1.2	10.4	2.1	4.6	1.5	4.5	3.0	3.0	2.3	3.1	3.7	3.0

Апрѣль / Avril — Кіевъ / Kiew — 1893

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Températ. de la terre à la profondeur de: 0.40m. 7	0.40m. 1	0.40m. 9	0.40m. Средн. Moyen.	0.80m. 1	1.60m. 1	3.20m. 1	Примѣчанія. Remarques.
1					0.2	4.4	4.3	V n, 1.
2					0.3	—	—	V, ⊔° n, 1; ⊓ p, 3.
3					0.3	4.4	4.2	⊔ n, 1.
4					0.3	—	—	⊓ n, 1, ● p.
5					0.2	4.3	4.2	⊔° n, 1.
6					0.3	—	—	△ n, p; ✳ a; ✳° p.
7					0.3	4.5	4.3	—
8					0.4	—	—	⊔ n, 1; ✳ ✣ p, 3.
9					0.4	4.5	4.3	✳, ✣ n.
10					0.5	—	—	⊓ p, 3.
11					0.7	4.7	4.2	⊓ n, 1, p, 3; ⊕ 1.
12					1.5	—	—	⊗° a; ⊓ p, 3.
13					2.3	5.0	4.2	⊓ n, 1, p, 3.
14					2.7	—	—	⸙ n, 1; ● n; ✳° a.
15					2.8	5.4	4.2	—
16					2.9	—	—	—
17					3.3	5.7	4.2	●° n, a, p; ●, △ 3.
18					3.7	—	—	● n; ✳ p.
19					3.7	5.9	4.2	—
20					3.6	—	—	● 3.
21					3.8	6.1	4.3	● n; ✳ n, a; ⊔ p, 3.
22					3.7	—	—	✳ n, 1, p, ✳² a; ✳° 2.
23					3.3	6.2	4.3	✳ p; ⸙ n, 1, a, p.
24					3.1	—	—	⸙ n; ✳° 1; ✳² a.
25					2.9	6.2	4.4	✳ n, p; ✳° 1; ✳² a, 2; ✣ a, 2, p.
26					2.6	—	—	✳° n; ⊓ p, 3.
27					2.7	6.1	4.4	⊗ n.
28					3.3	—	—	⊓ n; ● p, 3.
29					3.9	6.1	4.5	● n; ⊓ p, 3.
30					4.1	—	—	⊔ n, 1; ⊓ n, 1, p, 3.
31								
Средн. Moyen.					2.1	5.3	4.3	

Апрѣль Avril — Кіевъ Kiew — 1893

Вѣтры. Vents.	Число. Nomb.	Сумма скор. Somme des vit.	Средн. скор. Vitesse moyen.
O	10	—	—
N	3	6	2.0
NNE	16	102	6.4
NE	4	18	4.5
ENE	2	4	2.0
E	—	—	—
ESE	—	—	—
SE	1	5	5.0
SSE	2	4	2.0
S	3	4	1.3
SSW	5	17	3.4
SW	1	3	3.0
WSW	10	50	5.0
W	6	27	4.5
WNW	8	20	2.5
NW	5	23	4.6
NNW	14	51	3.6

Температура. Température.	Maximum.	16.2
	День. Date.	11
	Minimum.	—7.1
	День. Date.	1
Барометръ. Baromètre.	Maximum.	56.5
	День. Date.	2
	Minimum.	31.3
	День. Date.	25
Отн. влаж. Humid. relat.	Minimum.	31
	День. Date.	19
Осадки. Précipitation.	Maximum въ сутки. „ en 24 heures.	8.3
	День. Date.	22,24
Число дней съ: Nombre de jours avec:	Осадками. Précipitation.	12
	✳	11
	●	10
	△	2
	⊹	3
	⊔	6
	⌓	10
	⌰	3
	Ясн. неб. Ciel clair.	4
	Пасм. небо. Ciel couvert.	10
	Темпер. воздуха Temp. de l'air Max. $\leqq 0^{\circ}$	2
	Темпер. возд. Temp. de l'air Min. $\leqq 0^{\circ}$	20
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Max. $\leqq 0^{\circ}$	—
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Min. $\leqq 0^{\circ}$	27

ОПЕЧАТКИ.

Въ „Наблюденіяхъ за декабрь 1892 г.“ на стр. 5 напечатано:

Количество осадковъ въ декабрѣ было 58.9 мм.

Нужно читать: 49.9 мм.

На стр. 12 въ графѣ „среднее“ напечатано для осадковъ 1.9

Нужно читать: 1.6

Въ „Выводахъ за 1892 г.“ количество осадковъ за декабрь

Напечатано: 58.9

Нужно читать: 49.9

Сумма осадковъ за годъ напечатано: 672.1

Нужно читать: 663.1

Термог

Число. Date.	1h	2h	3h
1	—6.1	—6.2	—6.3
2	—3.6	—3.7	—3.8
3	1.1	1.0	1.0
4	6.8	5.8	5.1
5	1.3	0.6	—0.5
6	2.3	1.8	1.2
7	—0.2	—0.3	—0.5
8	—1.4	—1.7	—1.8
9	—0.2	—0.2	—0.2
10	1.5	1.8	1.6
11	4.9	4.6	3.7
12	8.9	8.1	7.9
13	2.5	2.4	1.6
14	4.8	4.5	4.0
15	—2.1	—1.8	—1.8
16	1.9	2.0	1.9
17	6.9	7.4	7.3
18	—0.6	—0.8	—1.0
19	—2.8	—3.1	—3.8
20	—0.2	—0.4	—0.6
21	—0.7	—1.1	—1.8
22	—1.4	—1.3	—0.6
23	—0.6	—0.9	—1.1
24	1.2	1.1	0.8
25	0.5	0.5	0.3
26	—0.4	—0.6	—0.6
27	2.2	2.3	2.6
28	2.2	2.0	1.8
29	2.7	2.7	2.5
30	1.8	1.3	0.6
31			
Средн. Moyen.	1.1	0.9	0.7

рафъ Ришара — Апрѣль Кіевъ 1893

4h	5h	6h	7h	8h	9h	10h	11h	Полд. Midi.	1h	2h	3h	4h	5h	6h
−6.3	−6.6	−6.3	−4.9	−3.0	−2.3	−1.6	−0.6	0.0	0.4	1.6	1.8	1.1	0.3	−0
−3.6	−3.4	−3.2	−1.9	−0.7	1.0	1.9	2.8	3.9	5.0	6.2	7.3	7.1	6.7	5.
0.7	0.2	0.1	1.3	2.4	4.1	6.2	8.3	9.9	12.0	13.0	13.7	13.8	13.2	11.
5.0	5.0	5.4	5.5	7.0	8.9	10.8	11.2	12.1	12.2	11.7	9.4	7.7	7.5	7.
−0.9	−1.0	−1.1	0.4	1.9	2.9	4.2	4.9	5.2	5.9	6.6	6.9	6.0	6.0	5.
1.0	1.0	1.0	1.1	1.4	0.6	−0.1	1.4	2.0	1.7	0.9	1.8	1.1	1.1	0.
−0.4	−0.4	−0.8	−1.0	0.0	1.1	1.8	2.2	2.7	2.5	2.5	2.5	2.6	2 5	1.
−1.9	− 2.1	−2.1	−1.4	−0.6	0.5	1.4	1.5	1.8	2.1	2.2	0.9	0.6	0.3	0.
−0.2	−0.2	− 0.2	0.2	0.3	0.8	1.8	3.0	4.0	4.7	5.2	5.9	6.0	6.0	5.
1.6	2.3	2.5	2.7	3.9	6.3	8.8	10.9	11.2	12.2	12.8	13.4	14.5	13.5	12.
3.6	3.4	3.5	4.6	6.6	9.0	11.4	13.2	14.0	14.9	14.9	15.5	15.1	14.2	12.
7.4	7.8	7.8	8.3	7.2	6.5	6.0	6.1	5.3	6.9	7.7	8.5	8.2	8.1	7.
1.5	1.5	1.7	2.9	4.2	4.9	6.2	6.9	8.2	9.1	10.2	9.8	9.9	9.6	8.
3.1	2.4	1.4	1.3	1.2	1.3	1.7	1.2	1.4	1.5	1.9	1.9	1.6	1.6	1.
−2.1	−2.2	−1.7	−0.7	0.4	2.2	4.0	5.8	5.9	6.9	7.0	7.5	7.3	7.0	6.
1.9	2.1	2.2	2.6	4.4	4.7	6.6	7.8	8.3	9.6	9.4	10.7	10.1	9.7	9
6.6	6.2	5.9	6 0	5.9	5.2	7.1	8.2	9.2	9.7	8.3	6.5	5.2	4.0	3.
−1.0	−1.0	−1.0	−0.5	0.3	0.7	2.5	3.1	4.1	3.3	3.2	3.0	3.3	3.2	1.
−3.5	−3.6	−3.4	−1.8	−0.3	0.5	1.3	1.9	2.0	2.4	3.5	3.0	3.4	2.9	2.
−0.6	−0 6	−0.3	0.7	2.2	3.8	5.4	6.5	6.1	6.0	6.7	6.6	6.8	6.0	5.
−2.6	−3.1	−3.1	−1.8	−1.3	−0.4	−0.7	0 8	0.6	1.3	2.1	1.8	1.9	1.9	1.
−0.5	−0.5	− 0.2	−0.8	−0.8	−0.6	0.2	0.2	0.2	0.7	0.7	0.9	1.2	1.3	1.
-1.4	−1.7	−2.0	−2.1	−1.8	−1.6	−0.7	0.3	1.4	1.4	2.3	2.4	1.0	2.4	2.
0.8	0.6	0.6	0.3	−1.4	−1.3	0.1	0.6	0.6	1.2	3.6	4.3	3.3	2.0	1.
0.2	0.2	0.4	0.6	0.8	1.0	0.2	− 0.2	−0.4	− 0 4	−0.3	−0.2	−0.1	0.0	0.
−0.6	−0.5	−0.3	0.6	2 0	3.6	3.5	5.4	5.5	6.2	6.2	6.4	6.1	5.5	5.
2.7	3.0	3.8	5.2	6.6	8.4	10.2	9,5	8,8	9.5	9.5	7.9	6.2	5.8	4.
1.6	1.6	1.2	2.3	4.0	3.9	4.4	6.0	6.3	7.3	7.8	7.1	5.5	5.4	4.
1.4	1.4	1.5	1.7	1.8	2.5	3.4	3.6	4.2	6.2	6.4	6.5	6.4	6.3	6.
0.4	0.2	1.4	3.8	6.1	7.8	9.2	9.3	9.5	10.5	11.1	11.4	11.7	11.3	10.
0.5	0.4	0.5	1.2	2.0	2.9	3.9	4.7	5.1	5.8	6.2	6.2	5.8	5.5	4.

7h	8h	9h	10h	
—1.5	—2.0	—2.8	—2.9	-
3.8	3.1	2.7	2.4	
10.1	9.4	8.1	7.4	
5.9	5.4	4.0	3.2	
5.2	4.6	3.9	3.7	
—0.3	—0.7	—1.0	—0.4	-
0.8	0.0	—0.4	—0.7	-
0.1	0.1	0.1	0.1	
5.1	4.3	2.6	2.2	
11.0	10.0	8.4	7.4	
11.5	11.1	10.2	9.8	
6.1	5.4	4.8	3.9	
7.5	6.6	5.6	5.5	
0.3	—0.8	—2.0	—2.1	
5.5	4.3	3.7	2.5	
8.1	7.1	7.2	7.2	
3.1	3.0	2.3	1.8	
—1.3	—1.4	—1.7	—1.9	
1.7	1.3	1.0	0.5	
4.9	4.6	1.9	—0.7	
1.0	—0.2	—1.1	—1.4	
0.6	0.6	0.6	0.5	
2.5	2.4	2.2	1.8	
1.2	0.6	0.3	0.3	
0.2	0.1	0.0	—0.1	
4.0	3.4	2.8	2.7	
3.7	3.2	3.0	2.8	
4.8	4.7	4.0	4.0	
5.6	4.7	3.8	3.9	
9.5	8.1	7.1	6.6	
4.0	3.4	2.7	2.3	

Ап
Avr

Число. Date.	
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	
9	
10	
11	
12	
13	
14	
15	
16	
17	
18	
19	
20	
21	
22	
23	
24	
25	
26	
27	
28	
29	
30	
31	
Средн. Moyen.	4

ПРИЛОЖЕНІЕ. APPENDICE.

Температура Днѣпра. Température de l'eau du Dniéper.

ѣль **Кіевъ** **1893**
il **Kiew**

Темпер. воды у поверхн. Temp. de l'eau à la surface.				Темпер. у дна. Température au fond.				Темпер. воздуха. Température de l'air.			
7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.
0.7	0.5	1.0	0.7	0.7	0.6	1.1	0.8	—4.6	2.1	—3.1	—1.9
0.7	1.4	1.8	1.3	0.8	1 5	1.8	1.4	—1.1	8 9	2.9	3.6
1.6	2.1	2.8	2.2	1.5	2.3	2.8	2.2	1.4	13.9	8.9	8.1
2.8	3.3	3.4	3.2	2.8	3.3	3.5	3.2	6.9	13.9	3.9	8.2
2.8	3.6	3.7	3.4	2.8	3.6	3.7	3.4	0.9	8.1	3.9	4.3
3.4	3.0	3.2	3.2	3.4	3.1	3.2	3.2	1.9	—	—0.1	—
2.8	3.5	3.5	3.3	2.9	3.6	3.5	3.3	—0.1	3.9	—0.1	1.2
2.8	2 8	2.9	2.8	2.8	2.8	2.9	2.8	—1.1	3.4	0.4	0.9
2.9	3 3	3.7	3.3	2.9	3.3	3.7	3.3	0.7	8.9	1.4	3.7
3.7	4.5	4.9	4.4	3.7	4.5	4.9	4.4	3.9	13.9	7.4	8.4
4.9	5.8	6.0	5.6	5.0	5.9	6.0	5.6	6.4	16.9	10.4	11.2
6.1	6.4	6.6	6.4	6.1	6.4	6.6	6.4	9.9	8.4	2.2	6.8
6.3	6.5	6.7	6.5	6.3	6.5	6.7	6.5	4.9	14.4	6.4	8.6
6.5	6.3	5.9	6.2	6.5	6.3	6.0	6.3	2.1	2.4	—1.4	1.0
5.9	5.9	5.9	5.9	5.9	5.9	5.9	5.9	0.9	9.9	3.4	4.7
5.8	—	5.9		5.8	—	5.9		4.9	—	6.9	
5.9	6.7	6.7	6.4	5.9	6.8	6.7	6.5	7.9	12.9	2.4	7.7
6.3	6.4	5.9	6.2	6.3	6.4	5.9	6.2	1.4	4.4	—1.6	1.4
5.8	5.9	5.9	5.9	5.8	5.9	5.9	5.9	—1.1	3 9	1.9	1.6
5.6	5.9	5.8	5.8	5.6	5.9	5.8	5.8	1.9	9.4	0.4	3.9
5.2	5.3	5 2	5.2	5.2	5.3	5.2	5.2	—1.1	1.9	—2.8	—0.7
4.8	4.5	4.2	4.5	4.9	4.5	4.3	4.6	—0.6	2.4	1.6	1.1
3.9	—	3.6		3.9	—	3.6		—2.1	—	1.9	
2.9	2.8	2.9	2.9	2.9	2.8	2.9	2.9	—0 6	0.9	—0.1	0.1
2.9	2.9	2.9	2.9	2.9	2 9	2.9	2.9	1.4	—0.1	—0.1	0.4
2.7	2.9	3.6	3.1	2.7	3.0	3.7	3.1	0.9	7.9	2.5	3.8
3.8	3.9	4.4	4.0	3.8	3.9	4.4	4.0	5.4	9.9	3.9	6.4
4.5	—	5.4		4.5	—	5.5		2.9	7.9	4.9	5.2
5.4	5.8	5.9	5.7	5.4	5.8	6.0	5.7	3.4	7.4	2.9	4.6
6.8	6.7	6.9	6.5	5.8	6.7	6.9	6.5	4.4	12.9	6 4	7.9
4.2	4.4	4.6	4.4	4.2	4.4	4.6	4.4	2.1	7.8	2.6	4.2

1 2 3 4
Барометръ.
760mm.
750mm.
740mm.
Температура.
10°
9°
8°
7°
6°
5°
4°
3°
2°
1°
0°
−1°
−2°
−3°
Абс. влажность.
5mm.
4mm.
3mm.
2mm.
1mm.
Осадки.
10mm.
5mm.
0mm.
1 2 3 4

Observations faites à l'Observatoire Météorologique de l'Université de Kiew,

publiées par le professeur **P. BROUNOF.**

Mai 1893.

НАБЛЮДЕНІЯ

Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ,

издаваемыя профессоромъ **П. И. БРОУНОВЫМЪ.**

Май 1893.

Широта сѣв. Latitude nord.	50°27′.
Долгота вост. отъ Гринвича Longitude à l'Est de Grenwich	30°30′.
Высота барометра надъ ур. моря Hauteur du baromètre au niveau de la mer	183^{m}.1.
Высота термометровъ надъ ур. моря Hauteur des thermomètres au niveau de la mer.	178^{m}. 9.
Высота термометровъ надъ поверхностью земли Elévation des thermomètres au dessus du sol	3^{m}. 5.
Высота дождемѣра надъ пов. земли Elévation du pluviomètre au dessus du sol	2^{m}. 0.
Высота флюгера надъ пов. земли Elévation de l'anémomètre au dessus du sol	18^{m}. 7.
Высота воды въ эвапорометрѣ надъ поверхностью земли Elévation de la surface de l'eau dans l'évapor. au dessus du sol	3^{m}. 5.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(В. І. Завадзкаго). Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.
1893.

Сокращенныя обозначенія явленій:

● = Дождь.
✳ = Снѣгъ.
△ = Крупа.
○ = Ледяной дождь.
▲ = Градъ.
≡ = Туманъ.
Ω = Роса.
⊔ = Иней.

⊔ = Изморозь.
ᔕ = Гололедица
← = Ледяныя иглы.
⇢ = Метель.
= Сильный вѣтеръ.
= Гроза.
< = Молнія безъ грома или зарница.

= Сѣверное сіяніе.
∩ = Радуга.
⊕ = Кругъ около солнца.
◐ = Вѣнецъ ок. солнца.
|-| = Столбы ок. солнца.
= Кругъ ок. луны.
Ψ = Вѣнецъ ок. луны.
∾ = Сухой туманъ.

Примѣчанія: 1-го мая въ 7^{h}a и 4-го въ 1^{h}p. на почвенныхъ термометрахъ была роса.

Числа даны по новому стилю.
Toutes les dates sont données d'après le nouveau style.

Въ маѣ 1893 г. никакихъ перемѣнъ въ приборахъ и наблюденіяхъ не произошло. Послѣднія дѣлались К. В. Цариковымъ, А. Н. Яницкимъ, Г. Г. Дибольдомъ, К. В. Мироничемъ и А. П. Василевскимъ; обработка ихъ произведена К. В. Цариковымъ, обработка записей термографа Ришара—А. Н. Яницкимъ.

Общій обзоръ погоды въ Кіевѣ въ маѣ 1893 г. (Aperçu général de l'état de l'atmosphère à Kiew durant le mois de mai 1893).

Май 1893 г. въ Кіевѣ отличался холодомъ, подобно апрѣлю, хотя и не такимъ, какъ этотъ послѣдній. Отклоненія отъ многолѣтнихъ среднихъ температуръ были слѣдующія:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
—0.4	—3.2	—5.7	—3.0	—0.1	—3.8	—0.5	—1.8	—2.3	—1.8
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
—3.2	—3 7	—1.4	+0.5	—1.4	+0.4	—2.5	+0.1	—0.8	—0.6
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
—6.2	—6.1	—3.7	—0.3	+1.5	+1.6	+2.1	+1.4	—0.9	—2.1

31
—1.3

Среднее отклоненіе за мѣсяцъ—1.7.

Причина низкой температуры мая заключается въ господствѣ восточныхъ вѣтровъ, происхожденіе которыхъ было большею частью сѣверовосточное или сѣверное, такъ какъ они дули подъ вліяніемъ высокаго атмосфернаго давленія на сѣверѣ и слабаго—на юго-востокѣ Европы. 24 мая барометрическій максимумъ, находившійся до того времени въ сѣверной и средней Россіи, подвинулся на югъ, вѣтеръ въ Кіевѣ повернулъ на югъ, небо прояснилось, стало теплѣе.

Въ самомъ концѣ мѣсяца наступило новое, хотя и незначительное охлажденіе.

Почва въ маѣ уже не была замерзшею, за исключеніемъ ночи съ 3 на 4-е число, когда минимумъ—термометръ на поверхности земли показалъ—1°.0.

Дожди выпадали довольно часто; 11 мая вечеромъ шелъ даже снѣгъ, впрочемъ очень слабый.

Общее количество осадковъ въ маѣ было 50.3 mm.

Общее количество испаренія въ маѣ было 74.3 mm.

Грозы (Orages).

Въ маѣ надъ Кіевомъ прошли двѣ грозы: 5-го (первая въ этомъ году) и 17-го числа. Свѣдѣнія о нихъ мы даемъ въ слѣдующей таблицѣ.

		Гроза 5 мая	Гроза 17 мая
Время	перв. грома	4^h42^m р.	10^h40^m а.
	ближ. разст. грозы	?	10^h59^m а.
	посл. грома	5^h16^m р.	11^h35^m а.
Страна свѣта, въ котор. была гроза во время	перв. грома	?	SE
	ближ. разст.	?	SE
	посл. грома	?	NE и NW
Промежут. времени между молніей и громомъ во время ближайшаго разстоянія въ секундахъ.		?	15
Начало дождя		4_h30^m р.	$11^h\ 2^m$ а.
Конецъ дождя		5_h30^m р.	11^h30^m а.
Количество дождя . . .		не изм.	2.2 mm.
Начало града		—	—
Конецъ града		—	—
Сила	молніи . .	1	0
	грома . .	0	0
	дождя . .	0	1
	града . .	—	—
Направл. и скорость (въ метр.) вѣтра	передъ гроз.	SW_3	SE_3
	во время грозы	SW_3	SSE_6
	послѣ грозы	SE_4	S_4
Направл. движенія облаковъ	передъ гроз.	SW	SE
	во время грозы	SW	S
	послѣ грозы	?	S

Примѣчаніе: Вторая гроза появилась на юговостокѣ, а затѣмъ раздѣлилась на двѣ, изъ которыхъ одна прошла на сѣверъ и исчезла на сѣверо-востокѣ, а другая направилась на сѣверо-западъ.

Обѣ грозы были слабы и мало замѣчательны.

10 и 11 мая вечеромъ на западѣ наблюдались слабыя зарницы.

Май **Киевъ** **1893**
Mai **Kiew**

Число. Date.	Барометръ. Baromètre. 700 +				Температура воздуха. Température de l'air.						Абсол. влажность. Humid. absol.			
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.	7	1	9	Средн. Moyen.
1	45.3	43.5	44.1	44.3	6.7	15.4	10.0	10.7	17.8	3.3	4.8	5.4	6.8	5.7
2	45.7	46.4	47.7	46.6	7.1	12.1	6.6	8.6	14.8	3.5	5.0	3.8	5.4	4.7
3	47.4	48.5	50.0	48.6	6.5	7.3	5.4	6.4	11.7	3.4	5.4	6.0	5.3	5.6
4	50.5	50.2	48.5	49.7	7.6	11.9	9.5	9.7	13.9	2.4	4.7	4.8	5.8	5.1
5	46.4	47.0	46.1	46.5	10.2	12.6	14.5	12.4	17.1	8.3	7.2	7.8	6.5	7.2
6	46.0	47.9	51.5	48.5	10.3	9.1	9.6	9.7	14.5	5.8	5.5	7.3	8.3	7.0
7	52.9	53.3	53.1	53.1	9.1	15.3	13.0	12.5	16.0	7.0	5.8	5.5	6.3	5.9
8	52.9	52.4	50.9	52.1	8.4	14.9	11.7	11.7	15.1	7.4	4.0	4.1	5.2	4.4
9	49.6	49.3	48.8	49.2	8.4	15.2	12.4	12.0	16 6	6.5	4.8	4.0	6.6	5.1
10	49.5	50.3	50.8	50.2	10.3	15.7	9.0	11.7	16.0	8.7	5.5	5.1	7.6	6.1
11	48.7	47.5	46.8	47.7	9.8	10.3	9.2	9.8	10.7	7.9	8.0	6.9	7.5	7.5
12	44.5	44.4	44.0	44.3	8.1	10.6	9.7	9.5	11.6	7.4	7.2	7.4	7.9	7.5
13	43.1	43.6	43.7	43.5	10.1	14.1	12.1	12.1	15.5	7.8	8.0	7.8	8.6	8.1
14	43.7	44.5	45.3	44.5	11.4	18.9	13.5	14.6	21.5	6.4	8.0	5.2	8.1	7.1
15	45.9	45.5	42.9	44.8	11.1	14.9	13.5	13.2	16.7	9.6	6.6	3.2	6.2	5.3
16	40.9	39.8	41.0	40.6	12.6	19.5	14.6	15.6	21.5	7.7	6.2	4.3	5.8	5.4
17	44.7	46.2	46.5	45.8	11.6	14.1	11.9	12.5	16.3	5.0	4.7	4.7	4.6	4.7
18	45.4	42.9	42.7	43.7	11.9	19.8	15.2	15.6	21.5	8.2	5.3	6.9	10.1	7.4
19	44.6	45.9	45.6	45.4	12.1	16.0	14.1	14.1	18.0	10.9	8.4	7.8	6.0	7.4
20	44.8	45.0	44.3	44.7	10.1	10.2	10.0	10.1	14.2	9.4	5.2	8.1	8.7	7.3
21	44.2	45.4	47.2	45.6	9.7	10.5	8.7	9.6	10.6	8.2	9.0	9.1	8.3	8.8
22	49.8	52.1	54.8	52.2	7.0	10.9	10.3	9.4	11.1	6.2	6.8	7.5	7.1	7.1
23	56.5	57.5	56.8	56.9	8.3	15.1	12.5	12.0	16.7	6.0	5.2	5.0	6.5	5.6
24	57.0	56.4	54.1	55.8	12.2	17.9	14.5	14.9	20.3	8.4	7.4	5.4	7.2	6.7
25	53.9	52.5	49.8	52.1	13.9	20.8	17.1	17.3	22.7	10.3	6.3	5.2	6.1	5.9
26	49.2	47.7	46.3	47.7	15.1	21.1	17.4	17.9	23.7	12.9	8.3	7.6	7.7	7.9
27	46.0	44.9	43.2	44.7	14.2	23.0	19.2	18.8	23.7	12.2	7.5	6.0	7.0	6.8
28	41.6	41.3	40.1	41.0	17.5	21.3	18.3	19.0	22.0	15.4	7.2	9.2	9.6	8.7
29	39.0	38.4	38.7	38.7	16.3	20.1	15.3	17.2	22.2	10.7	10.8	12.1	10.6	11.2
30	40.6	42.4	43.1	42.0	14.5	19.6	15.5	16.5	21.0	12.1	11.2	10.0	7.3	9.5
31	43.4	43.7	43.7	43.6	15.4	19.9	15.8	17.0	21.8	10.3	8.8	6.7	10.7	8.7
Средн. Moyen.	46.9	47.0	46.8	**46.9**	10.9	15.4	12.6	**13.0**	17.3	8.0	6.7	6.4	7.3	**6.8**

Май **Киевъ** **1893**
Mai **Kiew**

Число. Date.	Относит. влажн. Humid. relat.				Напр. и сила в. Dir. et vitesse du vent.			Напр. об. Dir. des nuages.	Облачность. Nébulosité.		
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	1	7	1	9
1	66	41	74	60	SSE_3	S_3	NNW_3	—	0 S	0	8 CuS
2	66	36	74	59	WNW_3	NW_3	WNW_1	WNW	0 S;C;CS	6 Cu	3 S
3	75	79	78	77	0	NNW_4	0	NNW	10 S; N	9 S; CuS	1 Cu; S
4	60	46	65	57	ESE_1	SSE_6	SE_4	WSW	7 Cu; CS	8 CuS;CS	8 Cu: S
5	76	72	53	67	SE_5	SE_5	ESE_3	?	7 Cu; CS	9 N; CuS	9 CuS; N
6	59	86	94	80	ESE_{12}	ESE_9	ESE_3	SE	10 S; N	10 CuS;S	10 S; N
7	67	42	56	55	ESE_3	ESE_5	E_5	ESE	10Cu;CuS	7 C; CCu	10 CuS
8	50	32	51	44	E_6	E_8	ENE_5	?	3 CS	6 C; CS	3 S; CuS
9	59	32	62	51	ENE_3	ENE_5	NNE_3	?	8 C; CS	7 Cu; C	1 C; CS
10	59	39	89	62	ENE_4	ENE_5	SE_1	?	8 C; CS	10 S;CuS	10 S;CuS
11	88	73	87	83	NNE_1	ENE_6	ENE_3	ENE	10 S; N	10 S;CuS	10 N
12	89	77	88	85	ENE_2	NE_2	N_1	NE	10 N	10 CuS	7 C; CuS
13	87	65	83	78	NNE_3	NNE_4	N_1	NNE	10Cu;CuS	9 S; CS	10 N;CuS
14	79	33	71	61	N_1	NE_2	NNW_3	?	0 Cu; S	3 Cu	3 CuS
15	67	25	54	49	N_3	NNE_2	NNE_1	?	0 CuS; S	1 C; CS	6° S; CS
16	57	26	47	43	SW_1	ENE_1	NNW_3	?	0 S	5 Cu;CuS	1 S
17	46	39	44	43	NW_1	NE_1	E_1	?	0	1 C; CS	1 S
18	52	40	78	57	SSE_5	W_7	0	?	7 C; CCu	10 N	9 S; CuS
19	80	57	50	62	ENE_3	ENE_3	ENE_3	W	10 S; CuS	7 S; Cu	1 S
20	56	87	95	79	ESE_3	E_3	E_2	?	10 N; S	10 N	10 S
21	100	96	99	98	E_3	E_5	E_5	E	10 S	10 N	10 N
22	91	77	75	81	ENE_7	ESE_5	ESE_3	ENE	10 CuS	10 CuS	9 S; CuS
23	63	40	60	54	ESE_9	ESE_7	ESE_3	?	2 S; CS	1 C; CS	2 CCu; CS
24	70	35	58	54	SE_4	SE_5	SSE_2	?	6 Cu;CCu	1 CuS	3 CS; S
25	54	29	42	42	SSE_5	SSE_6	SSE_3	?	7 C; CS	9 CS; S	10 S
26	65	41	52	53	SSE_3	SSE_5	SE_5	SSE	7 CCu	4 CCu; CS	7 CCu; CS
27	62	29	43	45	ESE_1	ESE_7	ESE_3	ESE	10 CS; S	4 CCu; CS	10 S;CuS
28	49	50	61	53	ESE_5	SE_5	SE_1	?	7 Cu; S	10 S;CuS	10 S
29	78	69	82	76	0	SE_1	SSE_1	SSE	6 C; S	9 CS; S	6 CCu; CS
30	92	59	56	69	WNW_3	WNW_1	N_1	WNW	10 S;CuS	7 S; CuS	1 CS; CuS
31	67	39	80	62	NNW_1	NNE_1	WSW_1	?	4 C; CCu	9 S; CuS	8 S; CuS
Средн. Moyen.	69	51	68	63	3.4	4.3	2.4		6.4	6.8	6.4

Май **Kiевъ** **1893**
Mai **Kiew**

Число. Date.	Осадки Précip. en mm. 7	Кол. испар. Evap. 7	Актинометръ. Actinomètre. Черн. Noir.	Разн. Diff.	Солнце. Soleil. 1 ч.	Температура на поверхн. почвы. Temp. à la surface de la terre. 7	1	9	Средн. Moyen.	Max.	Min.
1	0.0	2.1	42.1	13.1	2	6.8	26.1	9.9	14.3	29.6	1.0
2	0.2	1.6	21.3	4.9	1	8.2	16.2	7.0	10.5	28.9	1.3
3	0.8	0.9	18.0	5.3	0	6.7	13.7	5.1	8.5	22.8	0.8
4	0.0	1.7	29.2	8.6	1	7.9	20.3	8.8	12.3	29.8	—1.0
5	2.1	2.8	17.3	2.8	0	10.5	14.2	11.4	12.0	25.1	6.9
6	7.3	0.6	24.5	8.2	1	8.5	12.4	9.5	10.1	13.6	6.2
7	—	4.1	41.4	13.2	1	8.8	21.5	11.3	13.9	21.5	5.8
8	—	4.4	41.7	13.3	1	9.8	25.6	9.9	15.1	25.7	5.7
9	—	6.0	39.3	12.8	1	9.5	22.7	10.5	14.2	31.3	5.4
10	0.6	3.0	34.2	9.9	1	9.8	22.8	10.0	14.2	31.7	7.0
11	4.0	0.6	16.4	3.3	0	10.2	12.0	9.1	10.4	13.0	7.4
12	0.9	0.8	16.7	2.7	0	8.3	12.5	8.3	9.7	16.2	7.5
13	1.4	1.3	39.2	11.6	1	11.1	23.8	11.7	15.5	27.1	6.6
14	0.6	3.3	47.1	13.5	2	13 0	30.2	12.9	18.7	34.9	5.9
15	—	3.5	44.8	14.1	2	14.6	29.1	11.4	18.4	33.9	8.1
16	—	3.8	48.0	14.3	2	15.7	32.9	13.2	20.6	38.9	4.8
17	—	3.1	42.8	13.6	2	15.8	30.7	11.0	19.2	34.6	3.1
18	0.3	2.3	22.9	2.1	0	15.7	19.5	11.5	15.6	31.6	5.8
19	0.0	2.9	32.5	8.7	1	13.2	22.7	11.5	15.8	28.4	9.7
20	7.3	0.5	11.3	1.1	0	11.9	11.5	10.6	11.3	15.4	9.0
21	22.6	0.1	13.3	1.8	0	10.3	11.6	9.6	10.5	12.1	9.4
22	—	1.1	13.7	1.7	0	7.9	10.7	10.3	9.6	11.7	7.1
23	—	2.4	43.4	14.3	2	10.5	23.9	10.4	14.9	28.4	4.6
24	—	3.0	46.0	14.0	2	14.3	30.2	12.4	19.0	33.4	6.1
25	—	3.4	40.9	10.6	1	15.6	28.1	15.2	19.6	35.6	7.3
26	—	3.0	48.8	14.9	2	18.3	33.5	15.1	22.3	34.6	10.5
27	—	4.8	46.8	12.1	2	15.3	32.2	16.5	21.3	39.1	9.8
28	0.0	2.1	39.6	9.8	0	19.8	28.0	16.4	21.4	31.2	12.4
29	2.2	1.6	42.0	10.9	1	20.7	27.9	15.6	21.4	39.4	11.1
30	—	1.4	40.7	10.8	0	15.8	26.8	13.4	18.7	37.4	10.9
31	—	2.1	31.4	5.9	0	18.7	26.1	15.4	20.1	40.3	8.5
Средн. Moyen.	1.6	2.4	33.5	9.2	0.9	12.4	22.6	11.4	15.5	28.3	6.6

Май / Mai **Кіевъ / Kiew** **1893**

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Température de la terre à la profondeur de: 0.00m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.10m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.20m. 7	1	9	Средн. Moyen.
1	6.5	26.4	9.8	14.2	5.2	13.3	10.5	9.7	5.7	8.6	10.2	8.2
2	8.0	16.3	6.9	10.4	6.6	11.4	8.6	8.9	7.4	8.8	9.4	8.5
3	6.6	13.1	5.0	8.2	6.4	10.1	7.4	8.0	7.2	8.0	8.5	7.9
4	7.9	20.9	8.8	12.5	5.5	12.2	9.7	9.1	6.1	8.4	9.6	8 0
5	10.3	14.9	11.2	12.1	8.4	12.1	11.3	10.6	8.3	9.6	10.6	9.5
6	8.0	12.3	9.3	9.9	8.8	9.6	9.3	9.2	9.1	8.4	9.0	8.8
7	8.4	20.5	11.0	13.3	7.8	12.6	11.0	10.5	8.1	9.3	10.4	9.3
8	9.3	26.2	10.2	15.2	7.8	13.6	10.5	10.6	8.6	10.1	10.9	9.9
9	9.4	23 6	10.8	14.6	7.9	13.2	11.1	10.7	8.9	10.3	11.5	10.2
10	9.5	22.8	10.0	14.1	8.7	13.9	10.8	11.1	9.6	11.1	11.4	10.7
11	10.1	11.6	8.8	10.2	9.5	10.2	9.5	9.7	9.9	9.9	9.8	9.9
12	8.2	12.0	9.1	9.8	8.6	9.9	9.9	9.5	9.1	9.1	9.9	9.4
13	10.8	24.4	11.6	15.6	9.1	14.2	12.4	11.9	9.0	10.5	11.7	10.4
14	11.2	31.8	12.8	18.6	10.2	18.2	14.7	14.4	10.0	12.5	14.0	12.2
15	12.0	31.5	11.7	18.4	11.8	17.7	13.5	14.3	11.6	13.2	12.8	12.5
16	13.6	36.8	13.3	21.2	12.3	19.8	15.0	15.7	11.6	13.8	14.9	13.4
17	14.0	35.0	11.0	20.0	11.7	18.0	13.3	14.3	12.0	13.7	14.5	13.4
18	14.4	20.0	13.4	15.9	11.4	16.2	14.1	13.9	12.0	13.5	13.9	13.1
19	13.0	24.3	11.8	16.4	12.3	16.1	13.2	13.9	12.6	13.2	13.8	13.2
20	12.3	11.4	10.3	11.3	10.9	11.3	10.8	11.0	12.0	11.8	10.5	11.4
21	10.6	11.4	9.4	10.5	10.4	10.8	10.3	10.5	11.0	11.0	10.9	11.0
22	7.6	10.3	9.0	9.0	9.2	9.9	9.9	9.7	10.2	10.0	10.2	10.1
23	7.9	24.2	10.4	14.2	8.5	15.0	12.3	11.9	9.2	10.8	12.1	10.7
24	11.6	29.9	12.7	18.1	10.5	17.1	13.7	13.8	10.5	12.2	13.4	12.0
25	13.2	26.9	15,3	18.5	11.6	16 4	14.7	14.2	11.6	13.0	14.1	12.9
26	16.1	31.7	15.5	21.1	12.9	17.9	15.4	15.4	12.9	14.2	15.1	14.1
27	15.0	34.3	16.6	22.0	13.1	19.0	15.8	16.0	13.5	14.5	15.4	14.5
28	17.7	28.1	16.5	20.8	14.1	17.3	15.9	15.8	14.1	14.7	15.3	14.7
29	17.6	27.8	15.4	20.3	14.4	18.0	16.3	16.2	14.3	15.4	16.0	15.2
30	15.5	26.7	13.6	18.6	14.4	16.9	15.3	15.5	14.6	15.0	15.5	15.0
31	15.3	27.6	15.6	19.5	13.4	19.1	15.9	16.1	13.8	15.2	15.7	14.9
Средн. Moyen.	11.3	23.1	11.5	**15.3**	10.1	14.5	12.3	**12.3**	10.5	11.6	12.3	**11.5**

Май / Mai — Кіевъ / Kiew — 1893

Число. Date.	Температура почвы на глубинѣ: Température de la terre à la profondeur de: 0.40m. 7	1	9	Средн. Moyen.	0.80m. 1	1.60m. 1	3.20m. 1	Примѣчанія. Remarques.
1					4.6		4.5	⌓ n, 1; ●⁰ p.
2					5.3		—	⌓ n, 1; ●⁰ p.
3					5.8		4.5	● n, a; ⌓ p, 3.
4					5.9		—	⌓ n, 1; ●⁰ p.
5					6.2		4.6	● n, a, 2, p; ⇱ p.
6					6.7		—	⌿ n, a; ● n, a, p; ●⁰ 1.
7					6.9		4.6	⊕ a, 2.
8					7.1		—	⊕ 2.
9					7.4		4.6	—
10					7.7		—	●⁰ < (W) p.
11					8.0		4.8	● n, a, p; ●⁰ 1, 3; < (W) p, ✕⁰ p.
12					8.0		—	●⁰ n, 1, a; ● p.
13					8.0		4.9	⌓ n, 1; ●⁰ a; ● p, 3; ⌒ p.
14					8.3		—	⌓ n, 1; ● p.
15					8.9		5.0	⌓ n, 1, p; ⌓² 3.
16					9.5		—	⌓² n, 1; ⌓ p, 3.
17					9.9		5.1	⌓² n, 1; ⊕ a, 2, ⌓ p, 3.
18					10.3		—	● 2, p.
19					10.4		5.2	⌓ n, 1.
20					10.5		—	Ш n; ●⁰ n, 1; ● a, 2, p.
21					10.3		5.3	●⁰ n; ● a, 2, p, 3; ≡⁰ n, 1; ≡ p, 3.
22					10.0		—	● n.
23					9.6		5.5	—
24					9.7		—	⌓ n, 1; ⌓⁰, Ш 3.
25					10.1		5.6	⊢⊣ 1; ⊕ a, 2; ⌓⁰ n, 1.
26					10.7		—	—
27					11.0		5.7	—
28					11.5		—	●⁰ p.
29					11.7		5.9	⌒ n; ●⁰ n, p; ⇱ ●, a.
30					12.1		—	⌓⁰ p; ⌓ 3.
31					12.2		6.0	⌓² n, 1; ⌓ p, 3.
Средн. Moyen.					8.3		5.1	

Май / Mai **Кіевъ / Kiew** **1893**

Вѣтры. Vents.	Число. Nomb.	Сумма скор. Somme des vit.	Средн. скор. Vitesse moyen.
0	4	—	—
N	5	7	1.4
NNE	7	15	2.1
NE	3	6	2.0
ENE	13	50	3.8
E	9	38	4.2
ESE	17	82	4.8
SE	10	36	3.6
SSE	10	40	4.0
S	1	3	3.0
SSW	—	—	—
SW	1	1	1.0
WSW	1	1	1.0
W	1	7	7.0
WNW	4	8	2.0
NW	2	4	2.0
NNW	5	14	2.8

Температура. Température.	Maximum.	23.7
	День. Date.	26,27
	Minimum.	2.4
	День. Date.	4
Барометръ. Baromètre.	Maximum.	57.5
	День. Date.	23
	Minimum.	38.4
	День. Date.	29
Отн. влаж. Humid. relat.	Minimum.	25
	День. Date.	15
Осадки. Précipitation.	Maximum въ сутки.	22.6
	„ en 24 heures.	
	День. Date.	21
Число дней съ: Nombre de jours avec:	Осадками. Précipitation.	13
	●	17
	✳	1
	↖	2
	≡	1
	Ω	14
	↙	1
	Ясн. неб. Ciel clair.	2
	Пасм. небо. Ciel couvert.	13
	Темпер. воздуха Temp. de l'air Max. $\angle 0^\circ$	—
	Темпер. возд. Temp. de l'air Min. $\angle 0^\circ$	—
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Max. $\angle 0^\circ$	—
	Темп. пов. почвы Temp. de la surf. de la terre Min. $\angle 0^\circ$	1

Терм

Число. Date.	1h	2h	3h
1	4.9	4.8	4
2	6.9	6.4	5
3	5.2	4.5	5
4	3.8	3.8	3
5	9.2	9.0	8
6	11.2	11.1	11
7	8.4	8.1	8
8	10.7	9.8	9
9	9.8	9.2	8
10	12.3	11.9	11
11	10.2	10.0	9
12	8.6	8.4	8
13	8.5	8.8	8
14	9.8	8.7	8
15	12.4	12.2	11
16	11.0	10.9	10
17	10.4	9.4	8
18	10.2	9.7	9
19	13.3	13.2	12
20	11.3	11.0	10
21	9.4	9.1	9
22	8.2	7.9	7
23	8.1	7.7	7
24	9.9	9.4	9
25	12.6	11.9	11
26	15.4	15.0	14
27	15.0	14.1	13
28	17.9	17.7	17
29	15.8	15.2	15
30	13.8	12.9	12
31	12.9	12.1	12
Средн. Moyen.	10.6	10.1	9

ографъ Ришара **Май Кіевъ 1893**

	4h	5h	6h	7h	8h	9h	10h	11h	Полд. Midi.	1h	2h	3h	4h	5h	6h
.8	4.5	3.9	4.5	6.5	8.7	10.7	12.6	13.6	14.4	15.4	16.2	17.0	17.1	15.8	13.9
.8	5.0	4.6	5.2	7.0	9.5	11.1	11.8	12.3	12.3	12.3	13.1	13.4	12.8	12.6	11.7
.0	5.1	5.2	5.5	6.3	6.1	6.3	9.0	10.2	10.0	7.3	6.6	6.4	7.4	7.4	7.1
.3	3.4	3.4	4.8	7.3	7.4	9.5	10 8	11.8	12.2	12.1	13.0	12.1	11.8	10.9	10.7
.9	8.9	9.2	9.2	9.9	11.5	13.4	14.3	14.5	15.3	12.9	15.2	16.6	16.6	14.2	14.7
.2	10.5	9.6	10.6	10.3	7.9	6.9	6.4	6.4	6.8	8.9	9.4	9.9	11.1	11.2	11.1
.1	7.7	7.5	7.9	8.9	9.8	11.3	12.5	13.1	14.0	15.1	15.1	15.5	15.2	15.2	15.2
.0	8.6	8.4	8.0	8.4	9.6	11.2	12.4	13.1	13.8	14.8	15.0	14.6	14.5	14.5	13.9
.4	8.0	7.7	7.6	8.5	10.0	12.0	12.6	14.7	15.4	15.4	16.4	15.7	15.8	15.5	15.1
.4	10.6	10.4	10.2	10.5	11.1	12.8	14.8	15.3	15.3	15.8	15.7	14.9	12.8	12.4	11.6
.3	9.0	9.1	9.3	9.6	9.6	10.3	10.2	9.5	9.8	10.5	9.9	9.9	9.8	9.2	8.9
.1	7.9	7.9	8.0	7.9	7.9	7.9	8.5	9.0	9.4	10.3	10.4	11.1	11.0	10.9	10.9
.8	8.9	8.9	9.0	9.8	10.6	11.6	12.1	12.0	12.8	14.2	12.6	12.3	11.7	13.7	13.7
.6	7.5	7.2	8.3	11.3	12.6	14.7	15.9	17.6	18.3	19.1	19.6	20.0	21.1	21.2	17.6
.7	11.4	10.5	10.4	11.2	11.9	13.3	13.9	14.0	14.6	15.0	16.4	16.7	16.2	16.4	16.1
.4	9.9	8.9	10.4	12.6	14.6	16.4	17.8	18.7	18.4	19.5	19.7	20.5	20.3	20 4	19.5
.4	7.0	6.4	8.4	11.5	13.4	13.2	12.7	13.4	13.4	14.3	14.5	15.7	16.1	15.8	15.4
.3	9.3	9.4	10.7	12.0	14.6	16.4	19.1	20.3	20.8	19.9	19.3	17.5	17.3	17.7	18.4
.3	12.2	12.1	11.5	11.9	12.3	12.5	12.9	14.3	15.1	16.0	16.5	17.6	17.8	17.3	16.8
.8	10,6	10.4	10.3	10.3	10.5	10.5	10.6	10.7	11.1	10.3	10.1	10.2	10.3	10.2	10.2
.1	9.1	9.1	9.2	9.5	9.7	9.9	10.3	10.3	10.3	10.3	10.3	10.1	9.9	9.8	9.7
.8	7.7	7.7	7.0	7.0	7.2	7.8	8.8	10.1	10 3	10.7	10.9	10.7	10.6	10.2	10.4
.0	6.6	6.6	7.3	8.3	9.6	11.2	12.2	13.0	13.9	14.9	15.9	16.4	16.8	16.5	15.8
.3	8.9	8.9	10.5	12.4	13.6	14.4	16.2	17.3	17.7	18.1	19.2	19.9	20.2	20.1	19.8
.3	11.1	10.9	11.6	13.9	15.6	16.3	18.3	19.5	19.6	21.0	22.4	22.1	20.9	21.4	20.3
.7	14.1	13.7	13.9	15.1	16.8	17.6	18.4	19.1	19.4	21.1	22.1	23.7	22.8	22.3	20.9
.6	13.0	13.0	13.7	14.2	16.4	16.9	18.9	20.4	22.3	23.0	23.3	23.6	24.0	23.4	22.6
.1	16.6	16.1	16.3	17.3	18.3	18.4	18.9	20.2	20.9	21.5	21.4	20.5	19.9	19.8	19.8
.2	15.0	14.8	15.9	16.5	19.4	20.6	21.2	21.1	17.1	19.9	21.1	21.4	20.7	20.3	20.1
.8	12.8	13.0	13.9	14.4	15.2	14.9	15.3	16.0	16.5	19.5	18.4	19.8	20.3	20 4	19.0
.0	11.7	11.2	11.5	15.2	17.3	19.4	19.8	21.2	20.9	19.9	19 7	21.4	20 5	19.9	19.3
.8	9.4	9.2	9.7	10.8	11.9	12.9	13.8	14.6	14.9	15.5	15.8	16.0	15.9	15.7	15.2

7h	8h	9h	10h
12.0	11.1	10.2	9.
9.9	7.8	6.9	6.
6.6	6.2	5.3	5.
10.4	10.0	9.4	9.
14.8	14.7	14.3	13.
10.0	9.6	9.3	9.
14.6	13.6	13.0	12.
13.4	12.7	11.9	11.
14.5	13.7	12.6	12.
11.4	10.2	9.6	9.
8.7	8.9	9.1	9.
9.7	9.5	9.4	8.
13.3	12.6	11.9	11.
15.7	13.9	13.7	13.
15.4	14.3	13.6	12.
18.2	16.7	14.9	14.
15.0	13.4	12.2	11.
17.4	16.1	15.4	15.
16.3	15.2	14.2	12.
10.1	9.8	9.8	10.
9.5	9.1	8.7	8.
10.6	10.2	10.2	9.
14.2	13.1	12.4	11.
17.3	16.5	14.7	14.
19.1	18.2	17.1	16.
19.8	18.4	17.4	16.
21.6	20.4	19.5	19.
19.0	18.7	18.2	17.
17.8	16.9	15.5	15.
18.1	17.1	15.3	14.
18.3	17.6	15.7	15.
14.3	13.4	12.6	12.

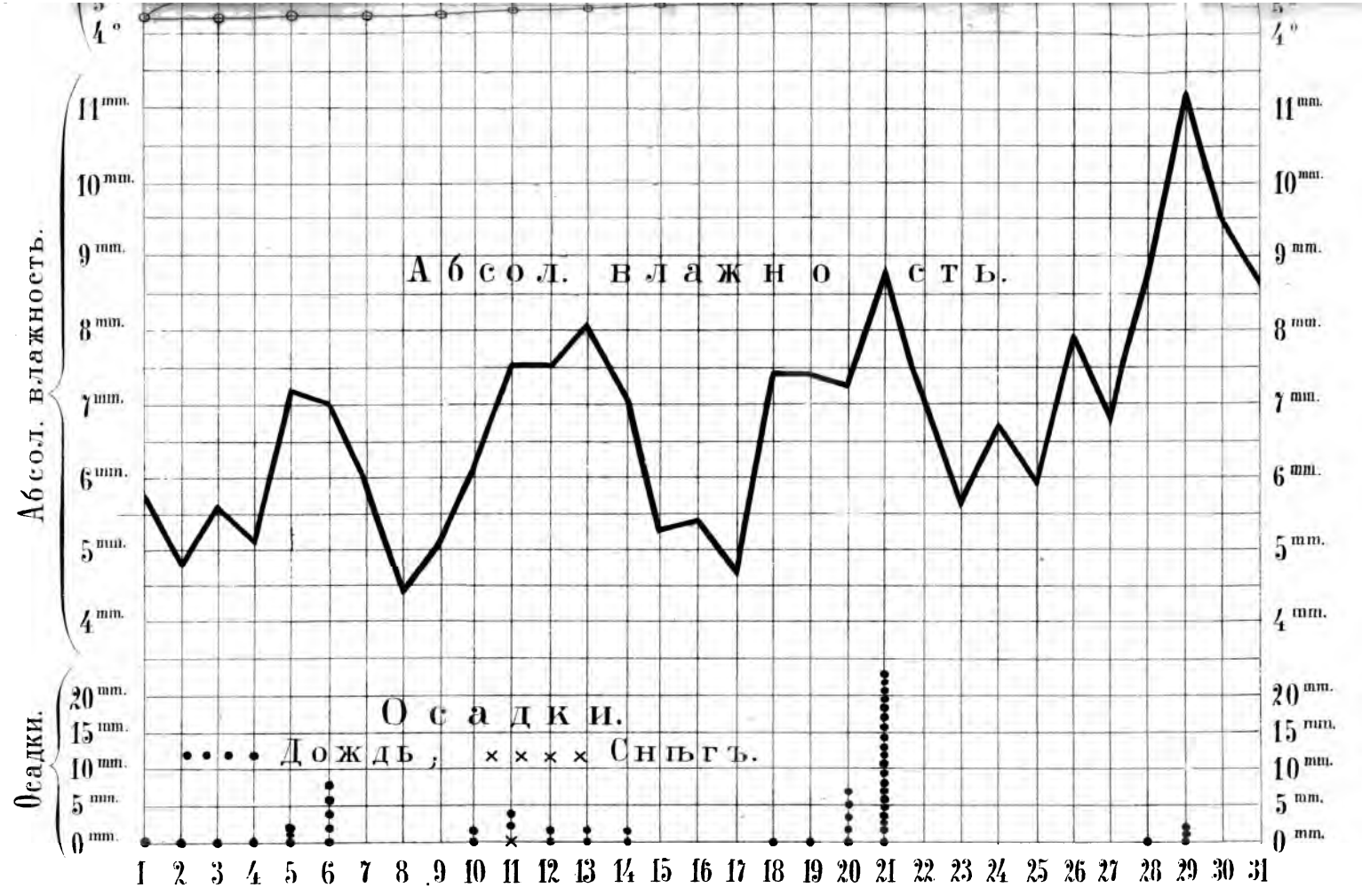
ПРИЛОЖЕНІЕ. APPENDICE.

Температура Днѣпра. Température de l'eau du Dniéper.

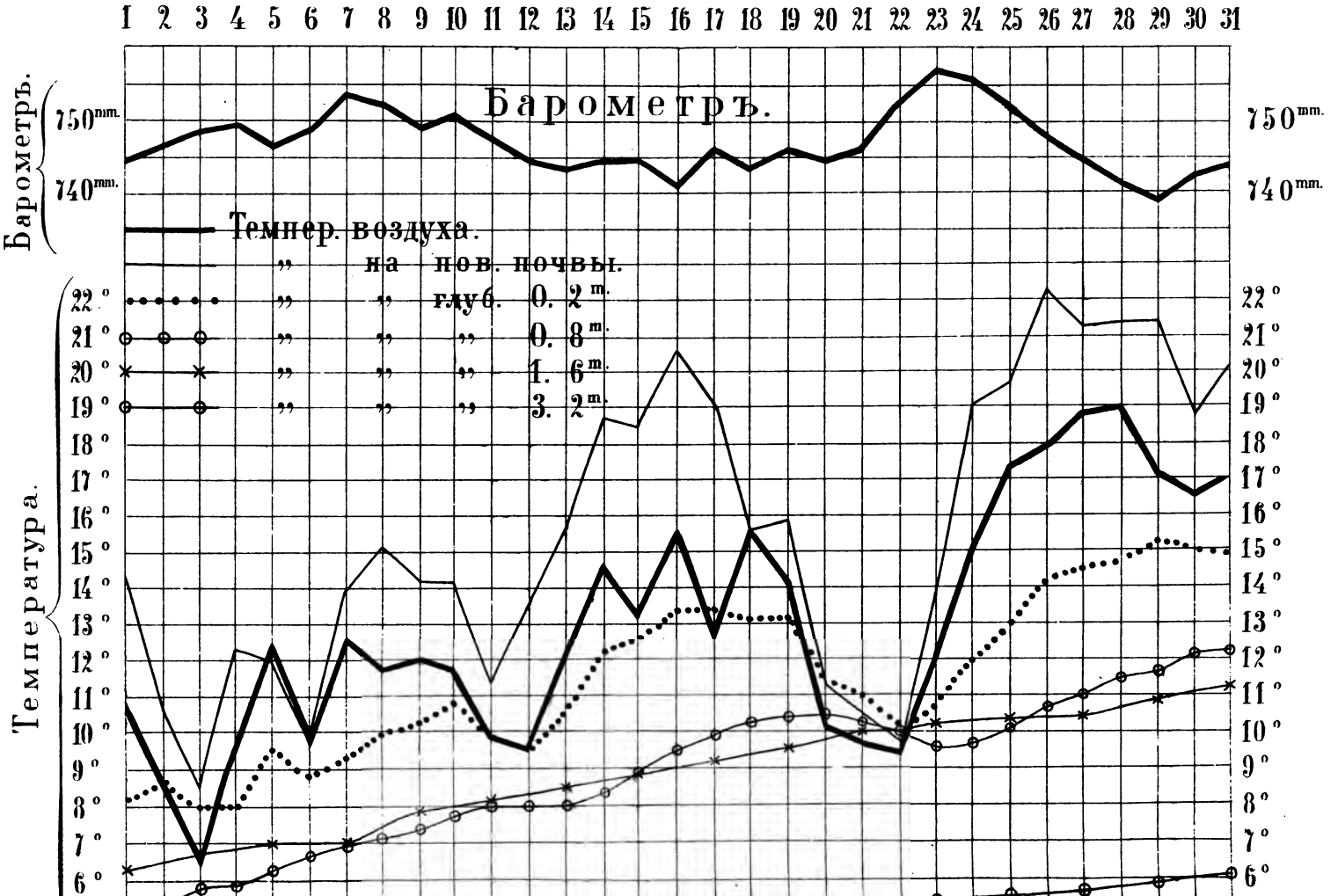
Май / **Mai** — **Кіевъ** / **Kiew** — **1893**

Число. Date.	Темпер. воды у поверхн. Temp. de l'eau à la surface.				Темпер. у дна. Température au fond.				Темпер. воздуха. Température de l'air.			
	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.	7	1	9	Средн. Moyen.
1	6.9	7.8	8.3	7.7	6.9	7.7	8.3	7.6	6.9	17.9	9.9	11.6
2	8.5	8.8	9.0	8.8	8.5	8.8	9.0	8.8	7 9	13.9	7.9	9.9
3	9.1	9.0	9.4	9.2	9.1	9 1	9.4	9.2	7.4	8 4	4.4	6.7
4	9.0	9.4	9.7	9.4	9.0	9.4	9.8	9.4	6.9	17.1	9.9	11.3
5	9.9	10.4	10.9	10.4	9	10.4	10.9	10.4	11.9	15.4	13.9	13.7
6	10.9	10.8	10.8	10.8	10.9	10.8	10.8	10.8	10 4	11.4	9.9	10 6
7	10.5	10.7	10.9	10.7	10.5	10.7	11.0	10.7	10.2	16 9	13.2	13.4
8	10.9	10.9	11.1	11.0	10.8	10.9	11.1	10.9	8.9	15.7	12.4	12.3
9	10.9	11.2	11.6	11.2	10.9	11.1	11.6	11.2	9.9	16.1	12.4	12.8
10	11.4	11.7	11.8	11.6	11.4	11.7	11.8	11 6	10.9	16.9	10.4	12.7
11	11.8	11.8	11.8	11.8	11.8	11.8	11.8	11.8	10.4	11.9	9.9	10.7
12	11.8	11.7	11.8	11.8	11.8	11.7	11.8	11.8	8 9	11.9	9.9	10.2
13	11.8	12.0	12.6	12.1	11.8	12.0	12 5	12.1	11.4	16.9	11.4	13.2
14	12.8	13.3	13.9	13.3	12.8	13.2	13.9	13.3	10.1	20,9	14.4	15.1
15	13.9	14.5	15.0	14.5	13.9	14.5	14.9	14.4	11.9	16.4	12.4	13.6
16	14.9	15.6	16.0	15.5	14.9	15.6	16.0	15.5	13.2	22.9	15.4	17.2
17	15.6	16.0	16.4	16.0	15.6	15.9	16.3	15.9	10.4	15.9	11.6	12.6
18	15.8	15.8	15.7	15.8	15.8	15.8	15.7	15.8	12.4	20.9	15.4	16.2
19	15.4	15.6	15.9	15.6	15.4	15.6	15.9	15.6	13.6	19.1	13.9	15.5
20	15.4	15.2	14.9	15.2	15.4	15.2	14.8	15.1	12.4	11.4	10.4	11.4
21	14.3	14.1	13.8	14.1	14.2	14.1	13.8	14.0	10.9	10.9	9.7	10.5
22	13.2	12.8	12.6	12.9	13.1	12.8	12.6	12.8	7.9	12.4	10.2	10.2
23	12.2	12.5	12.9	12.5	12.2	12 5	12.9	12.5	8.9	16.9	9.9	11.9
24	13.1	13.7	14.2	13.7	13.0	13.7	14.2	13.6	12.1	20.9	14.9	16.0
25	14.3	14.6	14.9	14.6	14.3	14.6	14.9	14.6	14.6	23.9	17.4	18.6
26	14.9	15.5	15 8	15.4	14.9	15.5	15.8	15.4	17.4	24.9	16.9	19.7
27	15.9	16.2	16.5	16.2	15.9	16 2	16.5	16.2	16.9	25.9	18.9	20.6
28	16.4	16.6	16.8	16.6	16.4	16.6	16.8	16.6	18.5	26.9	18.4	21.3
29	16.9	17.2	17.5	17.2	16.9	17.2	17.5	17.2	18.6	24.9	16.9	20.1
30	17.4	17.5	17.8	17.6	17.4	17.5	17.8	17.6	17.4	23.4	15.9	18.9
31	17.6	18.3	18.6	18.2	17.6	18.3	18.6	18 2	15.9	26.1	17.9	20.0
Средн. Moyen.	13.0	13.3	13.5	**13 3**	13.0	13.3	13.5	**13.2**	11.8	17.9	12.8	**14.1**

Въ маѣ наблюденія надъ температурою Днѣпра прекратились.


4°
Абсол. влажность.
11 mm.
10 mm.
9 mm.
8 mm.
7 mm.
6 mm.
5 mm.
4 mm.
Абсол. влажность.
Осадки.
20 mm.
15 mm.
10 mm.
5 mm.
0 mm.
Осадки.
• • • • Дождь; × × × × Снѣгъ.
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

Май 1893 г.


1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
Барометръ.
750mm.
740mm.
Барометръ.
Темпер. воздуха.
„ на пов. почвы.
„ „ глуб. 0. 2m.
„ „ „ 0. 8m.
„ „ „ 1. 6m.
„ „ „ 3. 2m.
Температура.
22° 21° 20° 19° 18° 17° 16° 15° 14° 13° 12° 11° 10° 9° 8° 7° 6°
750mm.
740mm.
22° 21° 20° 19° 18° 17° 16° 15° 14° 13° 12° 11° 10° 9° 8° 7° 6°

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

VI-й годъ изданія.—Открыта подписка на 1893-й годъ на большую политическую, общественную, экономическую и научную еженедѣльную газету

„ПРАВДА“

и на литературныя ежемѣсячныя „КНИГИ ПРАВДЫ“

ПРАВДА, вступая въ третій годъ изданія подъ редакціей П. Н. Подлигайлова,—будетъ по прежнему органомъ національныхъ интересовъ Россіи и Славянъ и культурно-соціальнаго преуспѣянія русскаго народа. Цѣль изданія—осуществлять общечеловѣческія идеи правды, добра, знанія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ.

ПРАВДА по обилію разнообразнаго—серьезнаго и легкаго—матеріала для чтенія и дорогимъ приложеніямъ незамѣнима; въ ней нѣтъ обычнаго „газетно-журальнаго балласта,“ она въ каждомъ нумерѣ даетъ полную картину всего совершившагося за недѣлю въ области политики, жизни, науки и литературы и, замѣняя газеты и журналы, необходима, какъ настольный органъ, для интеллигенціи всякаго рода и званія.

ПРАВДА состоитъ изъ ГАЗЕТЫ и КНИГЪ.

ГАЗЕТА—52 большихъ нумера въ годъ и болѣе 700 оригинальныхъ статей: политическихъ, экономическихъ, научныхъ и друг.

Каждый нумеръ газеты заключаетъ: I. Руководящія передовыя статьи, не менѣе 5—9, по всѣмъ очереднымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ. II. Дневникъ редактора по всѣмъ политико-общественнымъ вопросамъ. III. Иностранная лѣтопись.—Письма корреспондентовъ.—Политическое обозрѣніе.—Об-

щественная жизнь.—Придворныя новости.—Судебные процессы.—Некрологъ.—Разныя извѣстія. IV. Отечественная лѣтопись.—Письма корреспондентовъ.—Законы и распоряженія.—Экономическія вѣсти.—Самоуправленіе.—Дѣла церкви.—Сельское хозяйство.—Торговля и промышленность.—Школа и педагогика.—Общественное здравіе и медицина.—Благотворительность. — Ученыя общества.—Законъ, Судъ и Жизнь.—Военно-морское дѣло. — Жизнь провинціи.—Придворныя извѣстія. — Петербургская жизнь. Слухи и факты.—Театральный міръ.—Некрологъ.—Разныя извѣстія.—Спортъ.—V. Отголоски печати.—VI. Критика и библіографія. — VII. Искусство.—VIII. Фельетонъ.—IX. Интервью съ выдающимися дѣятелями.—X. Научныя статьи—не менѣе 3—5—по всѣмъ областямъ знанія: богословію, философіи, политической экономіи, естествознанію и проч.—XI. Поэзія и проза—міръ грезъ, чувствъ и страстей—новеллы, этюды, поэмы и проч.—XII. Калейдоскопъ.—XIII. Смѣсь.—XIV. Полезное и необходимое.—XV. Туалетъ и гигіена.—XVI. Хозяйство.—XVII. Почтовый ящикъ.—XVIII. Биржа и финансово-торговое обозрѣніе.—XIX. Репертуаръ и XX. Объявленія.

„КНИГИ ПРАВДЫ“ въ годъ ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ. Каждая книга въ изящной обложкѣ и содержитъ романъ, разсказы, поэму, литературный этюдъ и проч.

Въ 1893 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ напечатаны новыя произведенія: Эм. Золя—„Чудеса святаго Аурда,“ А. Додэ; румынской королевы Елизаветы; Л. Теріе; Беллами; Бр. Гарда; Э. Гофмана; Б. Прусса; Захеръ-Мазоха; В. Геймбургъ; Біорнстерне-Біорнсонъ; М. Нордау; Ж. Мари и мн. др.

Кромѣ того, редакція поставила себѣ задачею, не останавливаясь предъ крупными расходами, ежегодно давать русскихъ и иностранныхъ классиковъ и капитальнѣйшія произведенія современныхъ ученыхъ, и въ 1893 году годовые подписчики получатъ:

Сочиненія императрицы Екатерины II; сочиненія Г. Р. Державина и сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. Сочиненія Вальтеръ-Скотта и сочиненія Виктора Гюго, по 2 тома, всего 4 тома, а въ слѣд. году остальные томы, и сочиненіе К. Вольфа—„Происхожденіе міра и Жители планетъ.“

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, достойномъ „конца вѣка"—fin de siècle—знаменитый ученый и членъ парижской академіи наукъ K. Volf подробно анализируетъ теоріи Лапласа, Декарта, Орайе и др. о происхожденіи міра, теорію Ж. Дарвина о жителяхъ планетъ и наконецъ излагаетъ собственныя научныя изслѣдованія и выводы.

Сочиненія названныхъ классиковъ составятъ дорогой и полезный подарокъ, значительно превышающій подписную цѣну, вообще крайне низкую при солидной постановкѣ изданія.

Такимъ образомъ подписчики получатъ: большую газету и цѣнную библіотеку.

Подписная цѣна съ дост. и перес. въ С.-пб. и по Имперіи: на годъ шесть руб., на полгода 4 руб.; за границу на годъ 10 рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и въ мартѣ остальные 3 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „Правда"—С.-Петербургъ, Казанская, у Казанскаго Собора, (парадный подъѣздъ, бель-этажъ).

2—3 Изд.-Редакторъ П. Н. Подлигайловъ.

Съ 1-го Ноября 1893 г. съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ будутъ выходить

три еженедѣльныя газеты:

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

съ приложеніями
„Коммерческой Газеты" и „Журнала для Акціонеровъ"
подъ редакціею К. В. Трубникова.

I. „Экономическія Вѣдомости."

Серьезная экономическая литература замирала, когда откупа, концессіи и кабинетныя мнѣнія были все, а общественныя мнѣнія—нуль; ибо какая совмѣстимость монополій съ наукою, что общаго между односторонностью взглядовъ и различіями во мнѣніяхъ, какое согласіе между силою центробѣжною и центростремительнымъ без-

силіемъ. Но наступаетъ иная пора, являются иные взгляды, иныя намѣренія, вызывающія нынѣ изданіе „Экономическихъ Вѣдомостей.“

Зачѣмъ?

Затѣмъ, чтобы, при переходѣ нынѣ отъ обѣщаній экономическихъ общественныхъ благъ къ самому дѣйствію, пользоваться всѣмъ тѣмъ, что есть лучшаго въ наукѣ и практикѣ для подъема производительныхъ силъ Россіи и на этотъ конецъ будить энергію землевладѣльцевъ и представителей промышленности и торговли къ развитію производительной предпріимчивости; затѣмъ, чтобы сильное и могучее правительство, по самой природѣ вещей, могло по вопросамъ о преобразованіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, финансахъ, промышленности и торговлѣ слышать отзывы и мнѣнія тѣхъ, кто прежде и болѣе всѣхъ долженъ почувствовать ихъ дѣйствіе, не давая въ этомъ отношеніи преобладанія элементамъ чиновничьему и ученому, нерѣдко чуждымъ близкаго и практическаго знакомства съ дѣломъ; затѣмъ, наконецъ, чтобъ „Экономическія Вѣдомости“ могли привлечь общественныя силы къ содѣйствію твердымъ государственнымъ мѣрамъ, устанавливающимъ порядокъ и прогрессъ, какъ цѣль; ибо на этихъ незыблемыхъ основахъ только и можетъ утвердиться гражданская свобода, слѣдовательно экономическое и финансовое благоустройство и преуспѣяніе.

Мы не принадлежимъ ни къ какой партіи экономистовъ, ни къ какой экономической школѣ, ни даже къ господствовавшей до сихъ поръ, смѣшивавшей богатство съ человѣкомъ, а тѣмъ еще менѣе, конечно, къ той партіи, которая нынѣ старается задать тонъ, избравъ девизомъ гордую фразу Прудона—разрушу и создамъ!

„Экономическія Вѣдомости“ будутъ искать только правду въ наукѣ, въ какой бы экономической школѣ она не выражалась. Истинное знаніе должно цѣниться только пропорціонально той пользѣ, которую оно приноситъ на дѣлѣ.

Въ настоящее время, когда интересы вступили въ борьбу, когда голосъ фактовъ сталъ проявляться энергичнѣе, чѣмъ голосъ принциповъ, явились писатели по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ, о которыхъ можно было бы сказать: „что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ.“ Дошло дѣло до того, что нѣкоторые изъ нихъ домогаются, чтобы пристегнуть къ роли руководителей экономической жизни роль придирчиваго вмѣшательства, которое вмѣсто того, чтобы созидать, думаетъ только какъ бы разстроить, вмѣсто того, чтобы воздвигать, стремится расшатать, вмѣсто того, чтобы сооружать, дѣлаетъ только брешь. По истинѣ это не средство итти впередъ, но скорѣе средство обратиться вспять!

„Экономическія Вѣдомости“ будутъ настаивать на совершенно противуположномъ: вмѣсто того, чтобы разрушать и стѣснять, нужно созидать и развивать; вмѣсто того, чтобы ослаблять и препятствовать,

нужно укрѣплять и поощрять; вмѣсто того, чтобы регламентировать мелочно и придирчиво, нужно организовать широко и солидно; другими словами—сочетать общую экономическую дѣятельность съ частною согласить порядокъ съ прогрессомъ.

Примѣненіе къ финансовой и экономической практикѣ руководящихъ началъ „не отъ лукаваго," а принятыхъ въ основу науки положительными и послѣдовательными экономистами, — началъ, не только логическихъ, но и нравственныхъ, дастъ въ результатѣ экономическое благосостояніе, обезпечивъ дѣйствительное счастіе русскаго народа; но оно должно быть устойчиво и продолжительно. Народы не верблюды, которыхъ можно то навьючивать, то развьючивать!

Русская публика болѣе или менѣе склонна при обсужденіи явленій, происходящихъ въ области финансовой и экономической, вращаться между необдуманнымъ пессимизмомъ и такимъ же оптимизмомъ. Задача „Экономическихъ Вѣдомостей"—въ томъ, чтобы послужить уравнивающимъ и примиряющимъ элементомъ между пессимистами, видящими только худое, игнорируя хорошее, и оптимистами, замѣчающими только хорошее, не обращая вниманія на худое. Отыскать этотъ уравнивающій и примиряющій элементъ въ хозяйственномъ строѣ жизни составляетъ неотложное требованіе времени Основывая настоящій совершенно частный, самостоятельный и независимый отъ постороннихъ вліяній органъ экономической печати, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ это требованіе времени.

II. „Коммерческая Газета."

Въ торговлѣ есть нѣчто такое, о чемъ люди заботятся гораздо болѣе, нежели одно желаніе обогатиться, это—самый успѣхъ торговыхъ начинаній и предпріятій, находящихся въ зависимости отъ окружающихъ условій. Поэтому задача „Коммерческой Газеты" оказать всестороннее содѣйствіе успѣху торговой производительной предпріимчивости. На этотъ конецъ, независимо отъ сообщенія вѣрныхъ фактическихъ данныхъ, она будетъ поставлена въ возможность удовлетворить давно существующей потребности имѣть вѣрную картину современныхъ явленій и событій въ области финансовъ, банковаго кредита, промышленности и торговли, вѣрное изображеніе производимыхъ ими на биржахъ и рынкахъ впечатлѣній и вѣрное отраженіе господствующихъ въ нихъ понятій, мнѣній и стремленій.

Преобладаніе фискальнаго, полицейскаго, сословнаго, даже техническаго матеріала надъ матеріаломъ юридическимъ въ нашемъ неполномъ, устарѣломъ и запущенномъ торговомъ законодательствѣ, взываетъ къ его пересмотру въ частяхъ и въ цѣломъ. „Коммерческая Газета" не преминетъ знакомить своихъ читателей какъ съ русскою, такъ и съ богатою иностранною литературою торговаго права.

Званіе купца столь же честно и почетно, какъ всякая должность общественная; поэтому „Коммерческая Газета“ дастъ рѣшительный отпоръ тѣмъ одностороннимъ мнѣніямъ, которыя вслѣдствіе случайныхъ, хотя и прискорбныхъ явленій въ торговой практикѣ, преувеличивая положеніе, допускаютъ мысли, что русское купечество мало будто бы внимаетъ живому чувству чести. Добрая слава русскаго купечества прочно установлена не со вчерашняго дня, а пережила цѣлыя столѣтія. „Коммерческая Газета“ представитъ явные факты и ясныя данныя во свидѣтельство этой истины, которую односторонность и доктринерство ошибочно и тщетно стараются поколебать, взывая къ чрезмѣрному правительственному вмѣшательству, къ стѣсненіямъ и всяческимъ регламентаціямъ. Невозможно было бы долго итти по подобному пути.

III. „Журналъ для Акціонеровъ.“

„Журналъ для Акціонеровъ“ имѣетъ цѣлью указывать средства, которыя необходимо избрать, согласно долголѣтнему опыту другихъ государствъ, для предотвращенія, въ интересахъ акціонеровъ и публики, неурядицъ въ акціонерномъ хозяйствѣ. Наши акціонеры большею частію были до сихъ поръ безучастны; ихъ интересовалъ не успѣхъ предпріятія, а только дивидендъ, такъ какъ они не имѣли никакой дѣловой подготовки. Корень зла былъ не въ желаніи акціонеровъ добиться устраненія ненормальностей въ управленіи нѣкоторыхъ компаній или обществъ, а въ ихъ безсиліи. Каковы люди—таковъ и порядокъ вещей.

„Журналъ для Акціонеровъ“ употребитъ всѣ усилія въ видахъ развитія на широкихъ основаніяхъ банковаго кредита, путей сообщенія, торговаго мореходства и вообще производительной предпріимчивости, указывать на средства поставить у насъ акціонерное дѣло на высшую степень силы и значенія, которыя бы ручались за его серьезность, за совмѣстность съ законами нравственности, съ доброй вѣрой въ торговлѣ, съ общественнымъ порядкомъ, съ правомѣрными интересами казны, правами третьихъ лицъ и съ дѣйствительными выгодами и обезпеченіями помѣщенія свободныхъ капиталовъ въ акціи и облигаціи дѣйствующихъ и новыхъ акціонерныхъ компаній.

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что пора подумать о лучшемъ порядкѣ вещей въ экономической жизни Россіи, существовавшаго до настоящаго времени; а на этотъ конецъ прежде всего: ложь прочь, руки прочь... Но не отрицательная сторона опредѣляетъ предметъ, а положительная; поэтому открытое обсужденіе вопросовъ, касающихся матеріальныхъ интересовъ, дастъ въ результатѣ: возбужденіе національныхъ производительныхъ силъ, расширеніе общественнаго кругозора, устойчивость и важность общественнаго мнѣнія, просвѣщеннаго и укрѣпляемаго свободою преній.

Россія дана вамъ въ удѣлъ; ее и украшайте!

Сохранившіяся прежнія наши связи съ представителями высшихъ административныхъ и ученыхъ сферъ, міра коммерческаго, равно сельскаго хозяйства, фабрично-заводской промышленности, земскаго и городскаго хозяйства—даютъ намъ возможность привлечь къ участію въ нашихъ изданіяхъ лицъ, ближайшимъ образомъ знакомыхъ не съ одними только государственными, но главнымъ образомъ съ мѣстными экономическими нуждами и потребностями Россіи и съ дѣйствительными способами ихъ удовлетворенія.

Программа, утвержденная г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ:

„Экономическія Вѣдомости.“

1) Узаконенія и правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи научнаго и практическаго содержанія по вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства, объ основахъ усовершенствованія финансовъ, сельскаго хозяйства, фабрично-заводской промышленности, торговаго мореходства и торговли, равно о промышленномъ образованіи, какъ средствѣ къ поднятію отечественныхъ производительныхъ силъ. 3) Политическое обозрѣніе и разныя важныя по отношенію къ задачамъ настоящаго изданія извѣстія политическаго содержанія. 4) Разныя слухи и вѣсти, равно статистическія свѣдѣнія по методу сравнительнаго анализа. 5) Спеціальныя статьи и извѣстія о разныхъ отрасляхъ промышленной, сельско-хозяйственной и горной производительной предпріимчивости. 6) Статьи и извѣстія о путяхъ сообщенія, торговаго мореходства. 7) Городское и земское хозяйство. 8) Хроника, корреспонденціи и разныя извѣстія изъ промышленныхъ, земледѣльческихъ и торговыхъ центровъ Россіи и другихъ государствъ. 9) Статьи научнаго и практическаго содержанія о кредитѣ, объ операціяхъ банковъ и объ оборотныхъ ихъ средствахъ. 10) Русская и иностранная экономическая и техническая литература. Критика и библіографіи. 11) Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ промышленнымъ, сельско-хозяйственнымъ, банковымъ, желѣзнодорожнымъ безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 12) Разсказы и воспоминанія о промысловомъ и земледѣльческомъ бытѣ, историческія статьи и повѣсти, по содержанію своему соотвѣтствующія задачамъ настоящаго изданія. 13) Казенныя и частныя объявленія.

Срокъ выхода еженедѣльный.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) „Коммерческая Газета.“

1) Узаконенія и правительственныя распоряженія по отношенію къ торговлѣ. 2) Руководящія статьи объ основахъ національной внутренней и внѣшней торговой политикѣ, объ основныхъ понятіяхъ тор-

говой практики. 3) Слухи и разныя извѣстія, равно статистическія свѣдѣнія о торговлѣ русской и иностранной. 4) Спеціальныя статьи о разныхъ отрасляхъ торговой производительной предпріимчивости. 5) Корреспонденціи изъ торговыхъ мѣстностей Россіи и другихъ государствъ. 6) Свѣдѣнія о движеніи торговли на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ и биржахъ, о торговлѣ на ярмаркахъ и о результатахъ урожаевъ въ Россіи и за границею. 7) Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ торговымъ безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 8) Казенныя и частныя объявленія.

2) „Журналъ для Акціонеровъ.“

1) Узаконенія и правительственныя распоряженія объ акціонерныхъ компаніяхъ, торговыхъ товариществахъ и товариществахъ взаимнаго кредита. 2) Руководящія статьи объ основныхъ понятіяхъ акціонернаго права и торговыхъ товариществъ, равно о дѣятельности существующихъ въ Россіи и за границею акціонерныхъ компаній и разныхъ товариществъ. 3) Разборъ отчетовъ правленій акціонерныхъ компаній и товариществъ. 4) Разныя статьи, корреспонденціи и извѣстія о существующихъ и вновь учреждаемыхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и товариществъ. 5) О результатахъ общихъ собраній акціонеровъ и пайщиковъ 6) Календарь процентныхъ бумагъ: условія новыхъ займовъ, новыя выпуски процентныхъ бумагъ, время выдачи процентовъ и дивидендовъ, тиражи процентныхъ бумагъ, выдачи купоновъ и талоновъ, конверсіи и т. п. 7) Биржевой указатель: биржевыя курсы и цѣны русскихъ и иностранныхъ процентныхъ бумагъ. 8) Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ акціонерныхъ компаній и разныхъ товариществъ безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 9) Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна на годовое изданіе

„Экономическихъ Вѣдомостей“ съ приложеніями „Коммерческой газеты“ и Журнала для Акціонеровъ“ съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 9 рублей; на полгода 5 рублей; за границу 12 рублей.

Подписная цѣна на Ноябрь и Декабрь 1893 г. съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 2 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи „Экономическихъ Вѣдомостей“ Владимірская улица, домъ № 3, квартира № 7.

1—2 Издатель и редакторъ К. В. Трубниковъ.

Императорскій Варшавскій Университетъ.

Т Е М А,

предлагаемая Юридическимъ факультетомъ
на соисканіе преміи Адама Хойнацкаго
въ 1893—1895 годахъ.
За популярное народнообразовательное сочиненіе
„О бережливости, сберегательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассахъ
и товариществахъ."

Извлеченіе изъ правилъ:

Премія присуждается въ 900 руб. Сочиненіе должно быть представлено не позже 30 апрѣля 1895 года. Оно должно быть написано на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ; должно быть или напечатано или переписано чисто и разборчиво. Выборъ между русскимъ и польскимъ языкомъ, при печатаніи увѣнчаннаго сочиненія, предоставляется усмотрѣнію автора. 2—2

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—(1—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей.** Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.